

МИЭТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования *Научный журнал*

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс в АО Агентство «Роспечать»:
80114

№ 2(22)
Апрель — июнь 2019 г.

ISSN 2409-1073

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research *Scientific Journal*

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription index of AO Rospechat agency:
80114

No. 2(22)
2019 April — June

ISSN 2409-1073

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

© «Экономические и социально-гуманитарные исследования», 2019
© МИЭТ, 2019

© "Economic and Social Research", 2019
© MIET, 2019

Редакционный совет

Председатель редсовета

Чаплыгин Ю. А., академик РАН,
доктор технических наук, профессор

Сопредседатель редсовета

Чумаков А. Н., доктор философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
ИФ РАН

Андриенко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац.
университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. э. н., проф.

Гаврилов С. А., д. т. н., проф.

Гирусов Э. В., д. филос. н., проф.

Данильченко А. В., д. э. н., проф. Белорусского нац.
технич. университета (Республика Беларусь)

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. пс. н., проф.

Инфанте Д., PhD, проф. Университета Калабрии
(Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф. (Азербайджан)

Князев В. Н., д. филос. н., проф.

Ковальчук К. Ф., д. э. н., проф. Нац. металлургической
академии Украины (г. Днепр, Украина)

Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф. Рижского
университета (Латвия)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф.

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф.

Моисеева Н. К., д. э. н., проф.

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф.

Ницевич В. Ф., д. полит. н., проф.

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), профессор Вильнюс-
ского технического университета им. Гедиминаса
(Литва)

Пирогов А. И., д. филос. н., проф.

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф. Евроакадемии
(Эстония)

Растимешина Т. В., д. полит. н., доцент

Редакционная коллегия

Главный редактор

Растимешина Т. В., доктор политических наук,
доцент

Заместитель главного редактора

Пирогов А. И., доктор философских наук,
профессор

Андриенко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац.
университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. э. н., проф.

Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф.

Гриценко Н. Ф., д. ист. н., проф.

Гуськова Н. Д., д. э. н., проф.

Даниелян Н. В., д. филос. н., доцент

Данильченко А. В., д. э. н., проф. Белорусского нац.
технич. университета (Республика Беларусь)

Евдокимова М. Г., д. п. н., доцент

Емец В. С., д. полит. н., проф.

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. пс. н., проф.

Ильин В. В., д. филос. н., проф.

Инфанте Д., PhD, проф. Университета Калабрии
(Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф. (Азербайджан)

Кальней В. А., д. п. н., проф.

Ковальчук К. Ф., д. э. н., проф. Нац. металлургической
академии Украины (г. Днепр, Украина)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф.

Лоза Г. Г., д. полит. н., проф.

Лукичева Л. И., д. э. н., проф.

Мамедов Н. М., д. филос. н., проф.

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф.

Моисеева Н. К., д. э. н., проф.

Мушта А. А., к. филос. н., доцент (Республика Беларусь)

Ницевич В. Ф., д. полит. н., проф.

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), профессор Вильнюс-
ского технического университета им. Гедиминаса
(Литва)

Панов А. И., д. полит. н., проф.

Прокофьев А. А., д. п. н., к. ф.-м. н., доцент

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф. Евроакадемии
(Эстония)

Салимова Т. А., д. э. н., проф.

Смирнова Ж. Вен., к. п. н., доцент

Смирнова Ж. Вяч., Dr. Sci. (Econ.), проф.
Университета Калабрии (Италия)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронного техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Заведующий редакцией — **А. И. Пирогов**

Научный редактор — **Т. В. Растимешина**

Компьютерная верстка — **Л. В. Битбунов**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ. Тел.: 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписано в печать 20.06.2019. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 26,5 усл. печ. л., 19,0 уч.-изд. л. Заказ № 33.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Ведущий редактор — **Ю. В. Лункина**

Редактор — **Е. В. Малинкина**

Дизайнер обложки — **С. Ю. Рыжков**

Сайт: <http://esgi-miet.ru>

Editorial Council

Chairman

Chaplygin Yu. A., *Dr. Sci. (Tech.), Prof., Acad. RAS*

Co-Chairman

Chumakov A. N., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
RAS Institute of Philosophy*

Andriyenko O. V. (*Donetsk People's Republic*), *Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Donetsk National University*

Aniskin Yu. P., *Dr. Sci. (Econ.), Prof.*

Gavrilov S. A., *Dr. Sci. (Tech.), Prof.*

Girusov E. V., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.*

Danilchenko A. V. (*Republic of Belarus*), *Dr. Sci. (Econ.),
Prof. of Belarusian National Technical University*

Zazykin V. G., *Dr. Sci. (Psych.), Prof.,
Corr. Mem. RAE*

Infante D. (*Italy*), *PhD (Polit. Econ.),
Prof. of University of Calabria*

Ismailov V. I. (*Azerbaijan*), *Dr. Sci. (Philos.),
Dir. of Baku College of Management and Technology*

Knyazev V. N., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.*

Kovalchuk K. F. (*Ukraine*), *Dr. Sci. (Econ.), Prof.
of National Metallurgical Academy of Ukraine*

Lace N. (*Latvia*), *Dr. OEc.,
Prof. of Riga Technical University*

Lobastov G. V., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.*

Mikhalkin N. V., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.*

Moiseeva N. K., *Dr. Sci. (Econ.), Prof.*

Mrochko L. V., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.*

Nitsevich V. F., *Dr. Sci. (Polit.), Prof.*

Pabedinskaite A. O. (*Lithuania*), *Dr. OEc.,
Prof. of Vilnius Gediminas Technical University*

Pirogov A. I., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.*

Põlajeva T. (*Estonia*), *Dr. OEc., Prof. of Euroacademy*

Rastimeshina T. V., *Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.*

Editorial Board

Editor-in-Chief

Rastimeshina T. V., *Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.*

Deputy Editor-in-Chief

Pirogov A. I., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.*

Andriyenko O. V. (*Donetsk People's Republic*), *Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Donetsk National University*

Aniskin Yu. P., *Dr. Sci. (Econ.), Prof.*

Alekseeva I. Yu., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.*

Gritsenko N. F., *Dr. Sci. (Hist.), Prof.*

Guskova N. D., *Dr. Sci. (Econ.), Prof.*

Danielyan N. V., *Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.*

Danilchenko A. V. (*Republic of Belarus*), *Dr. Sci. (Econ.),
Prof. of Belarusian National Technical University*

Emets V. S., *Dr. Sci. (Polit.), Prof.*

Evdokimova M. G., *Dr. Sci. (Ped.), Assoc. Prof.*

Zazykin V. G., *Dr. Sci. (Psych.), Prof., Corr. Mem. RAE*

Ilyin V. V., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.*

Infante D. (*Italy*), *PhD (Polit. Econ.),
Prof. of University of Calabria*

Ismailov V. I. (*Azerbaijan*), *Dr. Sci. (Philos.),
Dir. of Baku College of Management and Technology*

Kalney V. A., *Dr. Sci. (Ped.), Prof.*

Kovalchuk K. F. (*Ukraine*), *Dr. Sci. (Econ.), Prof.
of National Metallurgical Academy of Ukraine*

Lobastov G. V., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.*

Loza G. G., *Dr. Sci. (Polit.), Prof.*

Lukicheva L. I., *Dr. Sci. (Econ.), Prof.*

Mamedov N. M., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.*

Mikhalkin N. V., *Dr. Sci. (Philos.), Prof.*

Moiseeva N. K., *Dr. Sci. (Econ.), Prof.*

Mushta A. A. (*Republic of Belarus*),
Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.

Nitsevich V. F., *Dr. Sci. (Polit.), Prof.*

Pabedinskaite A. O. (*Lithuania*), *Dr. OEc.,
Prof. of Vilnius Gediminas Technical University*

Panov A. I., *Dr. Sci. (Polit.), Prof.*

Põlajeva T. (*Estonia*), *Dr. OEc., Prof. of Euroacademy*

Prokofiev A. A., *Dr. Sci. (Ped.),
Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof.*

Salimova T. A., *Dr. Sci. (Econ.), Prof.*

Smirnova Zh. V., *Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof.*

Smirnova J. V. (*Italy*), *Dr. Sci. (Econ.),
Prof. of University of Calabria*

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Digital page makeup — **L. V. Bitunov**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET. **Tel.:** +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Web: <http://esgi-miet.ru>

Signed to print 20.06.2019. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 26,5. Published sheets: 19,0. Order No. 33.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Senior editor — **Yu. V. Lunkina**

Editor — **E. V. Malinkina**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

<i>Бударов А. Ю.</i> Теоретические положения формирования потенциала развития научно-производственных комплексов на основе системно-синергетического подхода	6
<i>Игрунова О. М., Казинская Е. А.</i> Сегментирование потребительского рынка продуктов питания города Зеленограда для предприятий розничной сети формата «магазин у дома»	13
<i>Мормуль Н. Ф., Еникеева С. А.</i> Дебиторская задолженность как конкурентное преимущество	25
<i>Пирогов А. И., Свечников Н. С., Устинович И. В.</i> Динамика развития железнодорожной и автомобильной транспортных сетей России	30

Философия: мир в человеке и человек в мире

<i>Борисова Л. В.</i> Категория иконичности в современной лингвофилософии	41
<i>Лобастов Г. В.</i> Слово и его нравственный смысл	46
<i>Панкина С. Н.</i> Аксиологические аспекты негосударственного высшего образования в условиях глобализации, интернационализации и информатизации образовательного пространства	58
<i>Шангина О. В., Романов Ф. К., Думанова Н. А.</i> Сравнительный анализ основных сфер общественной жизни в советской и современной России: социально-философские аспекты	71

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

<i>Брусникин Г. Н., Соколова Н. Ю., Игнатова И. Г.</i> Подготовка презентаций для демонстрации результатов студенческих работ по разработке информационных систем (практические рекомендации)	79
<i>Головлева Е. Л., Мрочко Л. В., Яковчук Т. Г.</i> Психологические факторы взаимодействия личности с контентом массовой информации	90
<i>Горбачева И. М., Горбачева Е. А.</i> Проектная методика как средство повышения учебной автономности у студентов нелингвистических направлений подготовки при изучении иностранных языков	96
<i>Макарычев В. А.</i> К вопросу об оценивании студентами образовательной деятельности по дисциплине «Физическая культура и спорт»	103
<i>Романенко Ю. М.</i> Навыки самостоятельной работы обучающихся как точка пересечения традиций и инноваций в современном высшем образовании	111
<i>Туарменский В. В., Кострова Ю. Б., Шибаршина О. Ю.</i> Университеты и технопарковые структуры: межстрановый анализ опыта взаимодействия	117

Личность. Общество. Государство

<i>Добрынина М. В., Лифинцев В. Д.</i> Сотрудничество государства и гражданских институтов в сфере развития системы инженерного образования: конец XIX — начало XX в.	125
<i>Крупышев Р. С.</i> Социальные проблемы общества: модель интересов	132
<i>Мрочко Л. В., Жук А. А., Шимолук Е. С.</i> Критерии оценки эффективности деятельности средств массовой информации и коммуникации как социального института	141
<i>Мушта А. А., Растимешина Т. В.</i> Информационно-аналитическая компетентность в контуре государственного управления: проблемные аспекты и пути совершенствования	147
<i>Пудина С. И.</i> Дворянская служба во второй половине XVII в.: основные принципы государственной политики	155
<i>Северюкова Е. А., Бахтин А. А.</i> Радикальные технологии в устройстве повседневной жизни: идеология управления	161
Знак и значение в системе перевода как коммуникативной практики: материалы круглого стола	166
Инновационные педагогические технологии обучения иностранному языку в техническом вузе: материалы круглого стола	195

Информация

Эдуард Владимирович Гирусов (1932—2019)	218
VI Декартовские чтения — Международная научно-практическая конференция «Декарт и современные формы трансляции научного знания» (информационное письмо)	219
Книжные новинки	222
Памятные и знаменательные даты в апреле — июне 2019 г.	224
К сведению авторов	225
Этические нормы публикационного процесса	227

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Budarov A. Yu.</i> Theoretical Framework of Research and Manufacturing Complexes Potential Development Formation Based on Systemic and Synergetic Approach	6
<i>Igrunova O. M., Kazinskaya E. A.</i> Food Market Segmentation in Zelenograd City for Mass Retail Enterprises of Neighborhood Store Format	13
<i>Mormul' N. F., Enikeeva S. A.</i> Bills Receivable as Competitive Advantage	25
<i>Pirogov A. I., Svechnikov N. S., Ustinovich I. V.</i> Dynamics of Railway and Road Transport System Development in Russia	30

Philosophy: Universe in Man and Man in Universe

<i>Borisova L. V.</i> Iconicity Category in the Modern Linguaphilosophy	41
<i>Lobastov G. V.</i> The Word and its Ethical Sense	46
<i>Pankina S. N.</i> Axiological Aspects of Non-State Higher Education in the Context of Globalization, Internationalization and Informatization of the Educational Space	58
<i>Shangina O. V., Romanov F. K., Dumanova N. A.</i> Comparative Analysis of Main Spheres of Public Life in Modern and Soviet Russia: Socio-Philosophical Aspects	71

Pedagogical Reference System: Education, Upbringing, Personal Growth

<i>Brusnikin G. N., Sokolova N. Yu., Ignatova I. G.</i> Preparation of Presentations to Demonstrate the Results of Student Work on the Information Systems Development (Recommended Practices)	79
<i>Golovleva E. L., Mrochko L. V., Yakovchuk T. G.</i> Psychological Factors of Personality Interaction with Mass Media Content	90
<i>Gorbacheva I. M., Gorbacheva E. A.</i> The Project Method as the Way of Increasing Academic Autonomy in Students of Non-Linguistic Areas of Training while Studying Foreign Languages	96
<i>Makarychev V. A.</i> Towards "Physical Training and Sports" Educational Activities Evaluation by Students	103
<i>Romanenko Yu. M.</i> Students' Independent Learning Skills as Traditions and Innovations Intersection in Modern Higher Education	111
<i>Tuarmensky V. V., Kostrova Yu. B., Shibarshina O. Yu.</i> Universities and Technopark Structures: Cross-Country Analysis of Interaction Experience	117

Personality. Society. State

<i>Dobrynina M. V., Lifintsev V. D.</i> State and Civil Institutions Cooperation in Engineering Education Development: Late 19 th & Early 20 th Century	125
<i>Krupyshev R. S.</i> Societal Problems of the Society: Model of Interests	132
<i>Mrochko L. V., Zhuk A. A., Shimoluk E. S.</i> Criteria for Evaluating the Effectiveness of the Media and Communication as a Social Institution	141
<i>Mushta A. A., Rastimeshina T. V.</i> Information and Analytical Competence in the Public Administration Contour: Problematic Aspects and Ways of Improvement	147
<i>Pudina S. I.</i> Nobility's Duty in the Latter Half of 17 th Century: Main Principles of State Policy	155
<i>Sevryukova E. A., Bakhtin A. A.</i> Radical Technologies and Everyday Life Arrangement: Ideology of Governance	161

Sign and Meaning in the System of Translation as Communication Practice: Proceedings of the Round Table	166
--	------------

Innovative Pedagogic Technologies in Teaching Foreign Languages at Technical University: Proceedings of the Round Table	195
--	------------

Information

In Memoriam: Eduard Vladimirovich Girusov (1932—2019)	218
6 th Readings from Descartes — International Research and Practice Conference "Descartes and Contemporary Forms of Scientific Knowledge Transmission" (Invitation Letter)	219
New Books	222
Memorable and Remarkable Dates, April to June 2019	224
For the Authors	225
Ethical Norms of Publishing	228

**ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH:
THEORY AND PRACTICE**

УДК [338.24:332.133.6]:100

DOI: 10.24151/2409-1073-2019-2-6-12

Теоретические положения формирования потенциала развития научно-производственных комплексов на основе системно-синергетического подхода

А. Ю. Бударов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

fmn@miee.ru

Рассматривается проблема формирования системы стимулов повышения деловой активности и развития таких сложных открытых социально-экономических систем, как градообразующие научно-производственные комплексы предприятий. Разработанные на основе системно-синергетического подхода теоретические положения учитывают особенности и мотивы взаимодействия бизнес-единиц научно-производственных комплексов и представляют собой научно-методическую основу построения организационно-экономических механизмов и стратегий их развития.

Ключевые слова: системно-синергетический подход; развитие научно-производственных комплексов; стимулирование деловой активности.

**Theoretical Framework of Research and Manufacturing Complexes
Potential Development Formation Based on Systemic and Synergetic Approach**

A. Yu. Budarov

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

fmn@miee.ru

The author considers the problem of formation of reinforcement system increasing business activity and of development of such complicated open socioeconomic systems as town-forming research and production complexes of enterprises. He states that theoretical framework stemmed from systemic and synergetic approach take account of features and motives of research and manufacturing complexes' business entities interaction and present research and methodological basis for composition of business mechanisms and of their development strategies.

Keywords: systemic and synergetic approach; research and manufacturing complexes development; business activity reinforcement.

Первоочередной задачей развития экономики РФ является создание точек роста в целевых сегментах инновационного бизнеса в рамках существующих градообразующих научно-производственных комплексов (НПК) и высокотехнологичных отраслевых кластеров. Эта задача широко отражена в комплексных программах государственного стимулирования.

Критерием выбора целевых сегментов в фокусе программ государственного стимулирования развития НПК является информация о конъюнктуре конкретных рыночных сегментов, а также информация об уже созданном потенциале НПК — о научно-технической, инновационной и производственной составляющих потенциала.

Для формирования траектории интенсивного развития предприятий НПК необходимо достичь порогового уровня стимулирования деловой активности. Критическая величина потенциала развития возникает в результате формирования оптимальной системы инструментов государственного стимулирования бизнес-процессов в целевом сегменте НПК. Достижение такого уровня потенциала развития НПК приводит систему в зону гистерезиса, в которой небольшие изменения потенциала развития способны привести к качественному скачку развития НПК. В зоне гистерезиса стимулируется деловая активность предприятий НПК и увеличивается возможность привлечения новых партнеров.

С позиции структурной динамики (см. работы: [1; 2; 3; 4]) разработанный нами концептуальный подход к увеличению деловой активности предполагает возникновение процессов самоорганизации и морфогенеза, а именно формирование различных вариантов интегрированных предпринимательских структур в рамках НПК. Другими словами, чтобы реализовать стратегические проекты, разрозненные фирмы будут осуществлять поиск, подбор и объединение с партнерами (субподрядчиками) в рамках НПК, а также привлекать сторонний бизнес. Здесь в числе основных задач встает необходимость

формирования единого информационного пространства для повышения эффективности поиска и подбора субподрядчиков.

Рассмотрим механизм влияния потенциала развития НПК на бизнес. Для определения его сущности целесообразно смоделировать распределение рентабельности бизнес-единиц рыночного сегмента в виде трехмерного абстрактного пространства, в котором по оси X расположены все бизнес-единицы сегмента, по оси Y — последовательность бизнес-процессов основной цепочки добавленной стоимости, а по оси Z — величина рентабельности. Прототипом и аналогом в биологии можно считать совокупность моделей морфогенеза, представляющих биохимическое взаимодействие двух типов химических веществ: активатора и ингибитора.

В фокус предложенного нами моделирования введено абстрактное пространство отраслевого рыночного сегмента, в котором все бизнес-единицы задействованы в выполнении тех или иных бизнес-процессов в цепочке добавленной стоимости. При этом каждое звено имеет свою рентабельность. Если предположить, что уровень рентабельности относительно непрерывно и гладко меняется в данном пространстве, то в структуре рентабельности НПК возникают зоны минимумов и максимумов.

При формировании потенциала развития НПК изменяется структура абстрактного пространства: выявляются звенья цепи с рентабельностью ниже средней и разрабатывается программа повышения рентабельности для бизнес-процессов с помощью инструментов государственного стимулирования и средств формирования потенциала развития. Общий размер инвестиций государства в развитие НПК определяется количеством финансовых ресурсов, требуемых для восстановления всех низкорентабельных бизнес-процессов.

Ликвидация минимумов рентабельности бизнеса НПК (в некоторых случаях и увеличение максимумов) стимулирует повышение деловой активности в рамках НПК и выводит часть рыночных сегментов из равновесного состояния. Этот процесс является причиной

возникновения издержек упущенной выгоды на предприятиях, ранее находившихся в состоянии оптимума и имевших определенный объем валовой продукции. У таких предприятий появляются стимулы расширения производства, стремление минимизировать издержки посредством ликвидации отклонений от новой рыночной конъюнктуры. Стратегия их развития в этом случае будет соответствовать принципу гармонизации, а именно приведению цикличности элементов НПК в соответствие с конъюнктурой отраслевого рынка. Таким образом запускаются механизмы притока капитала в ранее нерентабельные звенья отраслевого рыночного сегмента и механизмы увеличения их деловой активности.

Существует возможность расширять деятельность предприятия не только посредством увеличения объема продаж производимых изделий, но и путем выхода на смежные бизнес-процессы в цепочке создания стоимости.

Сумма всех упущенных выгод бизнес-единиц НПК после изменения структуры рентабельности представляет собой дополнительный валовой доход, который НПК в состоянии получить после структурных изменений. Это определяет целесообразность, результативность государственных инвестиций в развитие НПК.

Эволюционное возникновение неоднородности распределения рентабельности звеньев в цепочке создания стоимости рыночного сегмента обуславливает возникновение движения бизнес-единиц в направлении повышенной рентабельности. Движущей силой является действие объективных экономических законов, названное Адамом Смитом эффектом «невидимой руки рынка». Эта динамика представляет собой объективную основу процессов самоорганизации. Ее результатом, согласно Смигу, является установление естественного порядка, т. е. эволюционное возникновение структуры рыночного сегмента.

Любая бизнес-единица имеет вектор движения в сторону повышенной рентабельности абстрактного пространства.

В данном случае показатель рентабельности характеризует уровень потенциала в системе. Чем выше разность потенциалов в двух точках пространства, тем сильнее стимул движения от одной точки к другой, тем выше скорость изменений деловой активности.

Как правило, в автономно развивающихся (без вмешательства регулирующих государственных структур) рыночных сегментах смена конъюнктуры и, следовательно, динамика изменения зон повышенной и пониженной рентабельности происходит относительно медленно и равномерно.

Следствием возмущений экзогенного характера, а именно управляющего воздействия государственных структур, являются локальные изменения свойств в системе НПК, отражающиеся главным образом на соотношении максимумов и минимумов рентабельности. В результате нарушается равновесное состояние рыночного сегмента и нарастают процессы самодвижения и самоорганизации. Условие таких качественных изменений — превышение некоторого критического значения рентабельности.

Если экзогенное возмущение осуществляется регулярным образом, то оно налагает на систему НПК внешнее ограничение. В неравновесном состоянии, при существенном ограничении степеней свободы система может адаптироваться к новым условиям функционирования несколькими способами. Речь идет о нескольких возможных стационарных неравновесных состояниях. Иными словами, возникает альтернативность дальнейшего развития системы НПК. В конечном итоге выбор альтернативы воплощается в действительность посредством бифуркации.

Уход от равновесного состояния к стационарному неравновесному предполагает установление определенных пропорций экономического роста. Они широко представлены в литературе по микроэкономическому анализу как «золотое правило экономики предприятия». Такой подход применим к мезоэкономической системе НПК.

Фактором, сдерживающим векторное движение и самоорганизацию, является величина транзакционных издержек — затрат, необходимых для повышения степени координации совместных проектов и действий субъектов рыночного сегмента в условиях недостаточной информированности. Такой ингибитор обуславливает существование асимптотической устойчивости рыночного сегмента к экзогенным воздействиям.

Инвестиции государства в развитие НПК, формирующие потенциал развития ниже критического уровня, нецелесообразны, поскольку это не позволит преодолеть запас устойчивости системы, не выведет ее из равновесного состояния, и в конечном итоге бюджетная эффективность проекта не будет обеспечена. Прирост рентабельности $\Delta\rho$, позволяющий покрыть все виды затрат (в том числе транзакционные издержки) и получить прибыль, соответствующую среднерыночному уровню, обуславливает достаточную мотивацию хозяйствующих субъектов к участию в процессах самоорганизации и появлению совместных бизнес-проектов:

$$\rho_k \geq \rho_m + \Delta\rho_3,$$

где ρ_k — критический уровень рентабельности стимулируемого бизнес-процесса; ρ_m — среднерыночная рентабельность бизнес-процесса; $\Delta\rho_3$ — превышение рентабельности бизнес-процесса над среднерыночной рентабельностью, достаточное для покрытия транзакционных и иных издержек, связанных с его внедрением в деятельность предприятия. Если в качестве рентабельности использовать рентабельность инвестированного капитала:

$$RoI = E / I,$$

где E — прибыль; I — инвестированный капитал, тогда

$$\Delta\rho_3 = \Delta E / I,$$

где ΔE — дополнительная прибыль, полностью покрывающая транзакционные издержки.

Вместе с тем чрезмерно большая величина $\Delta\rho$ и, как следствие, наличие значительных сверхприбылей в определенном рыночном сегменте могут привести к возникновению хаотичности в динамике и морфогенезе структур рыночного сегмента. В гидродинамике подобное явление называется турбулентностью. В организационно-экономической динамике рыночного сегмента турбулентность будет проявляться в незапланированных и неконтролируемых структурных и функциональных решениях отдельных бизнес-единиц, принимаемых с целью максимально увеличить свою дополнительную прибыль.

Появлению совместных бизнес-проектов предшествует формирование корреляций параметров функционирования нескольких бизнес-единиц и «когерентность» их действий. Находясь в зоне повышенной рентабельности, бизнес-единица, наиболее успешно реализующая бизнес-процессы и имеющая наибольший размер прибыли, становится инициатором и системообразующим элементом для других бизнес-единиц. Как правило, такая предпринимательская структура обладает дополнительным потенциалом, достаточным для инициирования нового проекта и стимулирования к повышению рентабельности деятельности.

Предприятия, реагирующие на деловые предложения бизнес-лидера, начинают согласовывать свою стратегию и текущую деятельность с его стратегией. Это и обуславливает возникновение корреляций параметров функционирования на локальном уровне нескольких бизнес-единиц, действующих в конкретном рыночном сегменте.

Таким образом, часть ресурсов, поступающих в систему из внешней среды в виде инвестиций государства, трансформируется в упорядоченность функционирования и развития системы НПК. Такой механизм аналогичен механизму диссипативных структур, исследуемых синергетикой естественно-научных систем. Инвестиции государства выполняют функцию своеобразного «гетерогенного катализа», т. е. ускоряют процессы системы извне. По мере усиления

нелинейности параметров развития НПК потребность в таком гетерогенном катализе снижается. Если достигнута определенная устойчивость развития, то система НПК приобретает способность автономно поддерживать достигнутые темпы динамики экономического роста и развития — «автокатализ». Автокатализ предполагает самопроизвольное усиление процессов развития в результате накопления за время действия гетерогенного катализа научно-технической, экономической и кадровой составляющих потенциала развития совокупности бизнес-единиц НПК.

Свойство автокатализа возникает по мере увеличения количества особых структур и институтов, характерных для конкретного рыночного сегмента. Но основным фактором, обуславливающим нарастание этого свойства в системе НПК, являются ключевые компетенции бизнес-единиц. Благодаря наличию этих компетенций предприятие обладает конкурентоспособностью в конкретном рыночном сегменте и может добиться более успешных условий контрактов в сравнении со среднерыночными. Система, имеющая такой потенциал, способна переходить в новые качественные состояния посредством усиления влияния бизнес-лидеров на бизнес-единицы НПК. Если рассматривать теорию открытых систем, то это организационное влияние на окружающую среду либо слабые возмущения, направленные извне.

Любая открытая система в процессе взаимодействия (или взаимообмена) с внешней средой непрерывно получает определенные количества вещества, энергии, импульсы и др. Их величина, как правило, незначительна относительно масштабов самой системы. Вместе с тем такие воздействия вызывают колебания (флуктуации) состояния системы в пределах равновесия. Для открытых социально-экономических систем случайное экзогенное воздействие особенно значимо, так как в каждый момент времени они подвержены влиянию значительного количества факторов внешней среды прямого и косвенного характера.

По причине наличия случайных флуктуаций мгновенное состояние системы не совпадает с параметрами идеального равновесного состояния, даже когда система характеризуется как равновесная. Случайные флуктуации обусловлены сложностью самой системы (в ее состав входит множество взаимодействующих элементов), сложностью и многоаспектностью воздействия внешней среды.

Динамика изменений параметров отраслевого сегмента при стремлении к рыночному равновесному состоянию наглядно представлена в литературе по микроэкономическому анализу в виде паутинообразной модели ценообразования. Согласно этой модели, реальные параметры рынка в определенный момент времени (мгновенное состояние) не совпадают с параметрами идеального рыночного равновесия. Имеет место их асимптотическое приближение к идеальному состоянию, но в краткосрочном периоде оно не устанавливается. Происходят флуктуации параметров как в большую, так и в меньшую сторону, хотя они незначительны относительно их размера.

Согласно примеру установления рыночного равновесия, иллюстрированному с помощью паутинообразной модели ценообразования [5], первоначальным импульсом нарушения равновесного состояния служит увеличение спроса. Импульс носит случайный характер, процесс флуктуаций превалирует около нового идеального равновесного состояния, к которому система стремится в долгосрочной перспективе.

Ряд бизнес-лидеров отраслевого сегмента обладают большими конкурентными преимуществами, чем остальные, а потому могут быть своеобразными «генераторами» флуктуаций. Основные параметры их деятельности (цены контрактов, размеры поставок, уровень затрат, уровень прибыли) в динамике с большей частотой становятся более выгодными, чем среднерыночные равновесные параметры. Остальные предприятия, которых большинство, имеют близкие к равновесному уровню величины параметров функционирования. Частота

флуктуаций их параметров в зону, соответствующую большей прибыли, как правило, значительно ниже, чем у бизнес-лидеров.

Возможно наличие малого количества предприятий, имеющих незначительные отклонения параметров от равновесного состояния, в меньшую сторону. В этом случае у бизнес-лидеров больше возможностей получить дополнительную прибыль, чем у других предприятий рыночного сегмента. Остальные фирмы при условии симметричности рыночной информации будут стремиться вступать в партнерские отношения с бизнес-лидерами в целях получения дополнительной прибыли. Таким образом повышается вероятность формирования синергетического взаимодействия, когда интегральная прибыль от совместной деятельности совокупности бизнес-единиц превышает сумму прибыли, полученной этими бизнес-единицами в условиях самостоятельной деятельности.

В рамках стохастического подхода данная ситуация наглядно характеризуется параметром моды, т. е. наибольшей частоты появления определенного уровня случайной величины, ее наиболее вероятного значения. В качестве случайной величины выступает уровень дополнительной прибыли, получаемой бизнес-лидерами рыночного сегмента.

С позиции субъекта управления развитием рыночного сегмента — государственного органа, инвестирующего в развитие НПК, — уровень прибыли имеет спонтанный характер и зависит от конкурентных преимуществ. Тем не менее сумма дополнительной прибыли бизнес-единиц НПК является адекватным индикатором состояния рыночного сегмента в определенный период. Чем выше дополнительная прибыль НПК, тем более мотивирована деловая активность бизнес-единиц рыночного сегмента и выше потенциал развития НПК.

Если предприятие работает успешно и размер его прибыли больше размера средней прибыли в рыночном сегменте, это стимулирует его к расширению деятельности. В свою очередь, расширение деятельности,

увеличение производственных мощностей и рост масштабов бизнеса возможны за счет инвестиций либо партнерских отношений с другими бизнес-единицами.

Дополнительным стимулом увеличения деловой активности являются административные ограничения, налагаемые субъектом управления развитием НПК на деятельность предприятий в случае их инвестиционной поддержки. Иными словами, если предприятие пользуется какой-либо налоговой льготой, оно обязано инвестировать в свою основную деятельность, увеличивать производство, улучшать технологии, внедрять новые виды продукции и др.

Таким образом, разработанные на основе системно-синергетического подхода теоретические положения управления развитием НПК учитывают особенности и возможные мотивы взаимодействия бизнес-единиц. Их применение позволит сформировать достаточный потенциал развития научно-производственных комплексов в рамках реализации государственных территориально-отраслевых программ.

Литература

1. **Занг В.-Б.** Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории: пер. с англ. М.: Мир, 1999. 335 с.: ил.
2. **Трубецков Д. И.** Введение в синергетику. Хаос и структуры / Предисл. Г. Г. Малинецкого. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 235 с. (Синергетика: от прошлого к будущему).
3. **Трубецков Д. И., Мчедлова Е. С., Красиков Л. В.** Введение в теорию самоорганизации открытых систем. [2-е изд., перераб. и доп.]. М.: Физматлит, 2005. 211 с.: ил. (Современная теория колебаний и волн).
4. **Чернавский Д. С.** Синергетика и информация: динамическая теория информации / Предисл. и послесл. Г. Г. Малинецкого. 3-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2009. 300 с.: ил. (Синергетика: от прошлого к будущему).
5. **Гребенников П. И., Леусский А. И., Тарасевич Л. С.** Микроэкономика / Под общ. ред. Л. С. Тарасевича. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1996. 349 с.: ил.

Поступила 22.04.2019

Бударов Андрей Юрьевич — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), fnn@miet.ru

References

1. Zang V.-B. (Zhang Wei-Bin) Sinergeticheskaya ekonomika. Vremya i peremeny v nelineinoi ekonomicheskoi teorii (Synergetic Economics: Time and Change in Nonlinear Economics), per. s angl., M., Mir, 1999, 335 p., il.
2. Trubetskov D. I. Vvedenie v sinergetiku. Khaos i struktury (Introduction to Synergetics: Chaos and Structures), Predisl. G. G. Malinetskogo, 2-e izd., ispr. i dop., M., Editorial URSS, 2004, 235 p., Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu.
3. Trubetskov D. I., Mchedlova E. S., Krasikov L. V. Vvedenie v teoriyu samoorganizatsii otkrytykh sistem (Introduction to Open Systems Self-Organization Theory), 2-e izd., pererab. i dop., M., Fizmatlit, 2005, 211 p., il., Sovremennaya teoriya kolebaniy i voln.
4. Chernavskii D. S. Sinergetika i informatsiya: dinamicheskaya teoriya informatsii (Synergetics and Information: Dynamic Theory of Information), Predisl. i poslesl. G. G. Malinetskogo, 3-e izd., dop., M., Editorial URSS, 2009, 300 p., il., Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu.
5. Grebennikov P. I., Leusskii A. I., Tarasevich L. S. Mikroekonomika (Microeconomics), Pod obshch. red. L. S. Tarasevicha, SPb., Izd-vo SPbUEF, 1996, 349 p., il.

Submitted 22.04.2019

Budarov Andrei Yu., Ph. D. in Economics, Associate Professor, professor of Economics, Management and Finances Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), fmn@miee.ru

Сегментирование потребительского рынка продуктов питания города Зеленограда для предприятий розничной сети формата «магазин у дома»

О. М. Игрунова, Е. А. Казинская

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

Eliz.Kazinskaya@yandex.ru

Приводятся результаты сегментирования потребительского рынка г. Зеленограда для торговых предприятий розничной сети формата «магазин у дома» с использованием метода кластерного анализа. В ходе исследования, проведенного с использованием программы STATISTICA, были выделены сегменты рынка со сходными потребительскими предпочтениями для магазинов «Пятерочка», «Магнит» и «Дикси», представлена характеристика выделенных сегментов, установлено отношение респондентов в сегментах к качеству обслуживания в магазинах розничной сети и к предоставляемым в них программам лояльности. Даны рекомендации по работе с каждым сегментом в целях повышения удовлетворенности покупателей и улучшения качества обслуживания.

Ключевые слова: розничная торговля; маркетинговые исследования; рынок потребительских услуг; сфера услуг; сегментирование; кластерный анализ; формат «магазин у дома»; рынок товаров первой необходимости, массового спроса и потребления; программа лояльности; частота покупок.

Food Market Segmentation in Zelenograd City for Mass Retail Enterprises of Neighborhood Store Format

O. M. Igrunova, E. A. Kazinskaya

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

Eliz.Kazinskaya@yandex.ru

The authors did present the results of the Zelenograd city consumer market segmentation for retail stores of neighborhood store format using the cluster analysis method. The authors determined in course of their study, which involved the use of STATISTICA software, market segments with similar consumer preferences for *Pyaterochka*, *Magnit* and *Dixy* stores, presented the characteristics of selected segments, and showed the respondents' attitude to the quality of service in retail stores and the loyalty programs provided. The authors have given recommendations on working with each segment in order to increase customer satisfaction and to improve service quality.

Keywords: retail trade; marketing research; consumer services market; service industry; segmentation; cluster analysis; neighborhood store format; FMCG market; loyalty program; purchase frequency.

Сегодня на потребительском рынке Зеленоградского административного округа города Москвы (далее Зеленоград) работает множество магазинов различного формата: от небольших торговых объектов шаговой доступности («магазин у дома»)

до гипермаркетов. Большая часть из них имеет формат «магазин у дома»: обычно именно такие магазины расположены в спальных районах города, и покупателям удобнее и быстрее посещать их.

В связи с тем, что в Зеленограде, как отмечалось нами ранее [1], обостряется конкуренция между магазинами розничной торговли различных форматов, торговым предприятиям затруднительно поддерживать устойчивую конкурентоспособность на рынке и одновременно активно привлекать и удерживать лояльных потребителей. Благодаря сегментированию потребительского рынка, изучению потребностей и предпочтений покупателей, любой магазин сможет найти уникальный подход к каждому потребительскому сегменту, что позволит сделать предложение более привлекательным для определенных групп потребителей, повысит частоту потребления в этих сегментах и облегчит преобразование потенциальных потребителей в реальных.

Нами предпринято пилотное исследование в целях сегментирования потребительского рынка продуктов питания Зеленограда для предприятий розничной сети формата «магазин у дома». Объект исследования — рынок розничной торговли формата «магазин у дома» в Зеленограде, предмет — потребительские предпочтения жителей Зеленограда относительно качества обслуживания и программ лояльности, предоставляемых в магазинах трех розничных сетей формата «магазин у дома»: «Магнит», «Пятерочка» и «Дикси».

В ходе пилотного исследования в Зеленограде было опрошено 160 человек методом случайного детерминированного отбора.

Сегментирование респондентов с применением метода кластерного анализа [2, с. 149—216] осуществлялось в системе STATISTICA.

В качестве основных признаков (переменных) анализа использованы следующие:

1) частота покупок в зеленоградских магазинах розничной сети формата «магазин у дома»;

2) частота пользования программами лояльности в магазинах розничной сети Зеленограда формата «магазин у дома»;

3) наличие трудностей из-за несоответствия реальных цен товаров указанным на их ценниках;

4) социально-демографические характеристики респондентов: пол и возраст.

В ходе интервьюирования респондентам предлагались вопросы с готовыми вариантами ответов, которые были закодированы для удобства их последующей обработки. Посредством кодирования данные ответы были переведены в цифровые символы и распределены по категориям.

На первом этапе кластерного анализа использован иерархический агломеративный метод, который состоит в последовательном объединении систем самых близких элементов, а затем и целых групп все более и более отдаленных друг от друга элементов. Кластеризация проводилась методом группировки Уорда, который построен таким образом, чтобы оптимизировать минимальную дисперсию внутри кластеров. По этому методу объединяются те группы объектов, для которых среднееквадратическое отклонение получает минимальное приращение.

В результате кластерного анализа были получены дендрограммы (рис. 1, 3, 5). По оси абсцисс отложены объекты (респонденты) с порядковыми номерами анкет, по оси ординат — коэффициент слияния (евклидово расстояние).

Древовидная структура дендрограммы указывает на то, что в данных находится много различных групп, и исследователь должен решить, где нужно «обрезать» дерево, чтобы получить оптимальное число групп.

Для этого необходимо рассмотреть коэффициенты слияния и найти весомые значения. Большой разрыв в коэффициенте слияния свидетельствует о том, что объединяются весьма отдаленные группы. Таким образом, число групп, предшествующих этому объединению, является наиболее вероятным решением. Дальнейшее дробление

дает худший результат, поскольку ведет к выделению более мелких групп, что уже не соответствует целям сегментирования.

Затем проводилась группировка всего множества интерактивным методом k -средних, который заключается в перемещении объектов в кластер с ближайшим центром тяжести.

Этот метод состоит из следующих шагов:

1) изначальное разбиение совокупности множества на некоторое заданное число групп, при котором необходимо вычислить центры тяжести этих групп;

2) помещение всех точек данных в группу с ближайшим центром тяжести;

3) вычисление новых центров тяжести; при этом группы не заменяются новыми до тех пор, пока все данные не будут просмотрены полностью.

Шаги 2 и 3 повторялись, пока группы не перестали варьироваться. Окончательное решение получено после трех итераций (подборов). Линейный график значений переменных для каждого кластера представлен на рисунках 2, 4 и 6.

Сегментирование респондентов для магазина «Магнит»

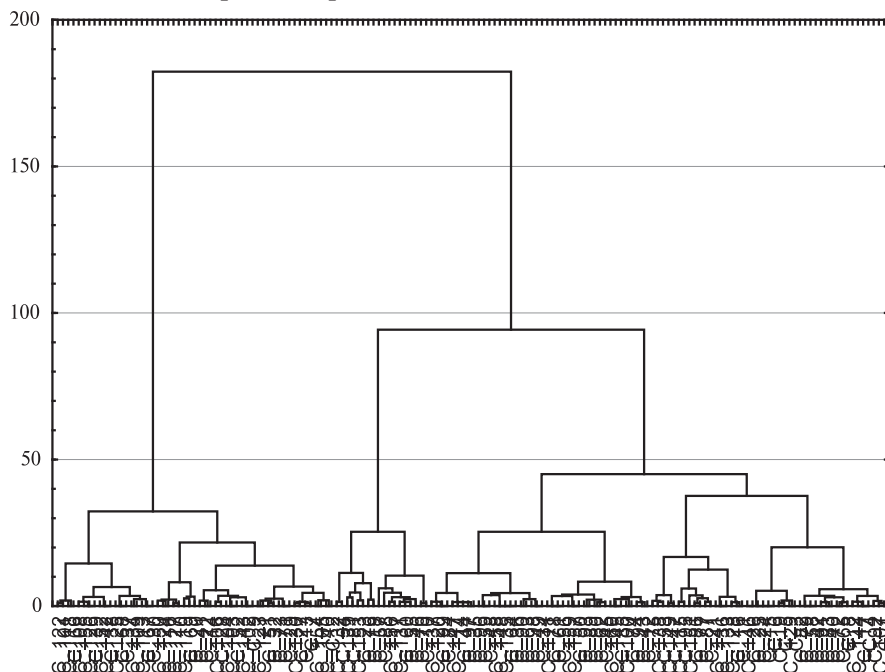

Рис. 1. Дендрограмма результатов кластеризации для магазина «Магнит»

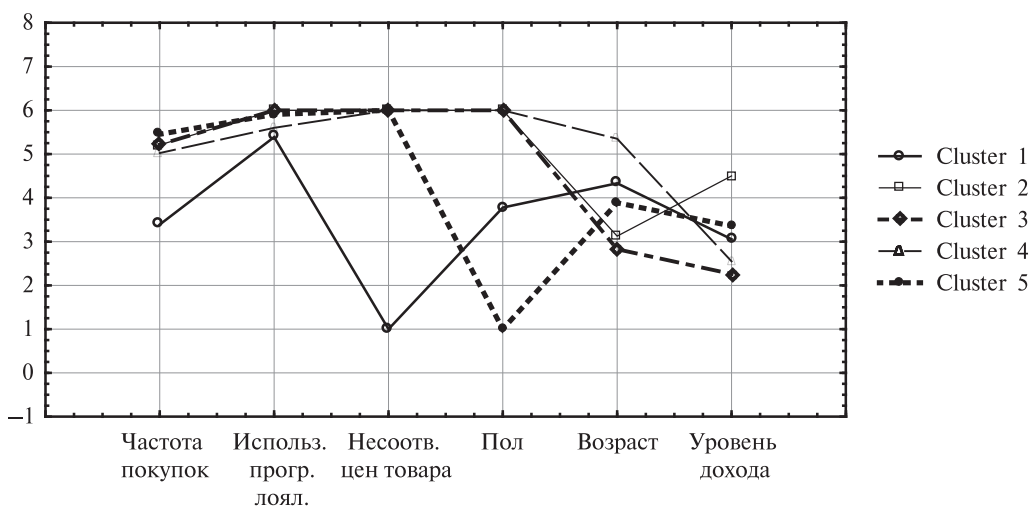

Рис. 2. Линейный график средних значений переменных для каждого кластера — магазин «Магнит»

В данном случае уже на первом уровне (см. рис. 1) можно увидеть вариант решения из пяти групп (с коэффициентом слияния 35). Данный уровень определяет, что во множестве действительно есть некая структура и дифференциация по признакам.

На графике (рис. 2) изображены профили требований пяти типичных групп респондентов относительно магазина «Магнит». Расстояние между кластерами для каждой группы представлено в таблице 1.

Таблица 1

Евклидово расстояние между кластерами — магазин «Магнит»

	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Кластер 1	0,000000	6,194765	6,093078	5,658149	6,255688
Кластер 2	2,488929	0,000000	0,850523	1,491123	4,492008
Кластер 3	2,468416	0,922238	0,000000	1,108458	4,565700
Кластер 4	2,378686	1,221115	1,052833	0,000000	4,678517
Кластер 5	2,501137	2,119436	2,136750	2,162988	0,000000

Примечание: над диагональю в таблице указаны квадраты расстояний между кластерами.

Как видно из таблицы, наибольшее расстояние — между 1-м и 5-м кластерами (6,255688), а наименьшее — между 2-м и 3-м (0,850523), т. е. респонденты, входящие в кластеры 2 и 3, предъявляют наиболее сходные требования и у них наблюдаются одинаковые предпочтения.

Средние значения переменных для каждой группы представлены в таблице 2.

Таблица 2

Средние значения переменных для каждого кластера — магазин «Магнит»

	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Частота покупок	3,388889	5,208333	5,217391	5,025000	5,452830
Использ. прогр. лоял.	5,388889	6,000000	6,000000	5,600000	5,905660
Несоотв. цен товара	1,000000	6,000000	6,000000	6,000000	6,000000
Пол	3,777778	6,000000	6,000000	6,000000	1,000000
Возраст	4,333333	3,125000	2,826087	5,350000	3,886792
Уровень дохода	3,055556	4,500000	2,260870	2,550000	3,358490

В итоге было выделено пять сегментов со сходными потребительскими предпочтениями.

Кластер 1 (12 %): частые посетители со средней частотой пользования программами лояльности. В данный сегмент вошли женщины всех возрастов, с уровнем дохода на 1 члена семьи от 20 до 50 тыс. руб. Частота их покупок составляет от нескольких раз в неделю до одного раза в месяц. 90 % представительниц данного кластера пользуются программами лояльности с той же частотой, с которой ходят в магазин, 10 %

не пользуются ими. Каждый респондент этой группы сталкивается с проблемой несоответствия реальных цен товаров указанным на ценниках.

Кластер 2 (15 %): посетители со средней частотой покупок, не пользующиеся программами лояльности. В этот сегмент также вошли женщины всех возрастов, но с преобладанием представительниц возрастной категории от 18 до 24 лет (54 %), с заработной платой от 30 до 70 тыс. руб. Из них 21 % совершают покупки в магазине «Магнит» с частотой 2—3 раза в месяц,

17 % — с частотой 1 раз в 2—3 месяца, а остальные респонденты не совершают покупки в этом магазине. Никто из представителей данного сегмента не пользуется скидками и акциями в магазине «Магнит» и никто не сталкивался с проблемой несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости.

Кластер 3 (15 %): редкие посетители, не пользующиеся программами лояльности. В сегмент вошли женщины от 18 до 44 лет, с уровнем дохода на 1 члена семьи от 10 до 30 тыс. руб.; 30 % данной группы посещают этот магазин с частотой в основном 1 раз в 2—3 месяца. Программами лояльности никто из них не пользуется; ситуация несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, и реальной стоимости им не встречалась.

Кластер 4 (25 %): покупатели со средней частотой посещения магазина и довольно низкой частотой пользования программами лояльности. В этот сегмент вошли женщины старше 45 лет, с уровнем дохода от 10 до 30 тыс. руб. Из них 40 % совершают покупки в магазине «Магнит» не чаще нескольких раз в неделю и не реже одного раза в 2—3 месяца. Программами лояльности при посещении магазина пользуются всего 2,5 %, и они не сталкиваются с проблемой несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости.

Кластер 5 (33 %): редкие посетители, почти не пользующиеся программами лояльности. В сегмент вошли мужчины всех возрастов (свыше 18 лет), с уровнем дохода на 1 чел. в семье от 10 до 50 тыс. руб. В данной категории 79 % не посещают магазин «Магнит», остальные — посещают не чаще 2—3 раз в месяц, и они практически не пользуются программами лояльности в этом магазине. Не встречаются они и с проблемой несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости.

Таким образом, в отношении магазина «Магнит» исследование показало:

1) посещаемость его ниже, чем магазинов «Пятерочка», но выше, чем

магазинов «Дикси», что связано с широким присутствием в Зеленограде магазинов «Пятерочка» и меньшим присутствием магазинов двух других конкурирующих ретейлеров;

2) частыми покупателями и активными пользователями скидок и акций являются почти исключительно представители 1-го кластера, в который вошли 12 % от общего числа респондентов-покупателей;

3) невысокий процент пользования скидками и акциями может быть объяснен тем, что магазин «Магнит» и без них предлагает продукты по сравнительно низким, приемлемым ценам, в связи с чем покупатели не обращают внимания на проводимые промоакции и покупают нужные им товары по обычным ценам; другая возможная причина — в том, что магазин «Магнит» решил внедрить программу лояльности одним из последних среди ретейлеров (первым среди конкурентов внедрил программу лояльности магазин «Пятерочка»);

4) проблема несоответствия реальных цен товаров их ценникам в данном магазине присутствует, но в малом объеме.

Исходя из этого, можно сделать предположение, что при выборе розничного магазина формата «магазин у дома» на покупателей может влиять много факторов, среди которых ценовой не всегда играет решающую роль. При сравнительно одинаковых ценах, качестве и широте ассортимента главное конкурентное преимущество магазина «Магнит» — хорошо отлаженная схема выхода на рынок. Благодаря сосредоточению на развитии только одного формата магазинов (в противоположность конкурентам, X5 Retail Group и ГК «Дикси», которые развивают сети разных форматов), у данного ретейлера есть шансы открыть новые точки продаж в Зеленограде и усовершенствовать их работу, включая клиентский сервис [3, с. 28], что позволит магазину «Магнит» завоевать большее количество лояльных потребителей.

Сегментирование респондентов для магазина «Пятерочка»

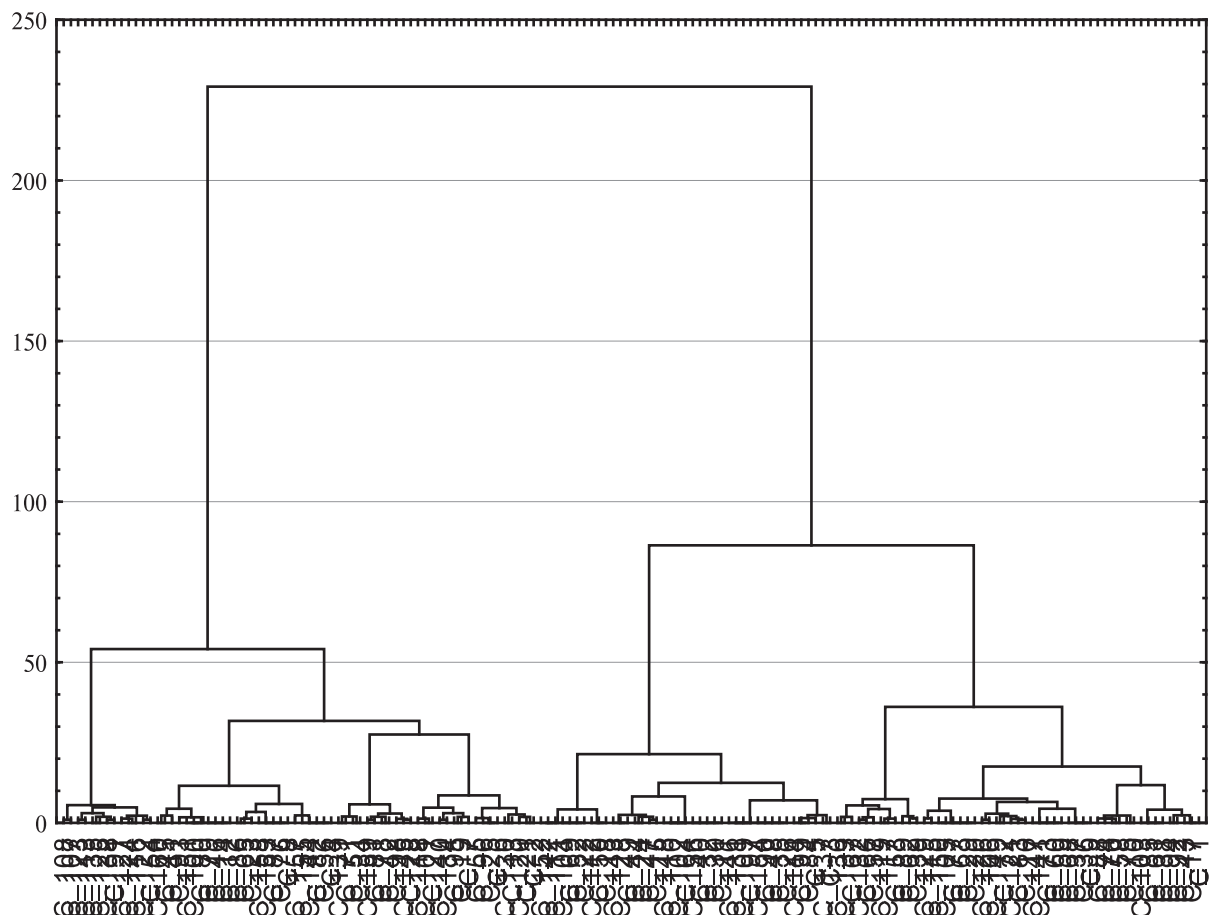

Рис. 3. Дендрограмма результатов кластеризации для магазина «Пятерочка»

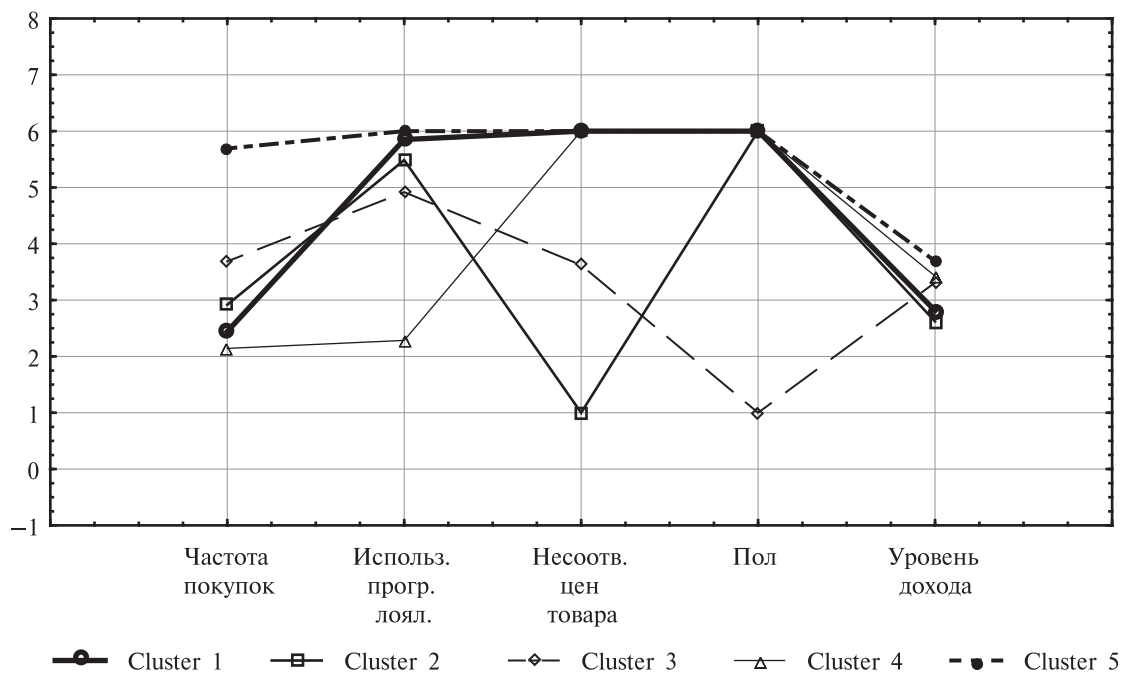

Рис. 4. Линейный график средних значений переменных для каждого кластера — магазин «Пятерочка»

Как видно из рисунка 3, при коэффициенте слияния 30 образуется пять кластеров.

На рисунке 4 изображены профили требований пяти типичных групп респондентов относительно магазина «Пятерочка». Наилучшее разбиение на кластеры

обеспечивают следующие переменные: пол респондентов, частота покупок, показатель пользования программами лояльности и показатель несоответствия ценников реальной стоимости товаров в торговом зале. Расстояние между кластерами для каждой группы представлено в таблице 3.

Таблица 3

Евклидово расстояние между кластерами — магазин «Пятерочка»

	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Кластер 1	0,000000	5,079188	6,663358	2,636998	2,268111
Кластер 2	2,253706	0,000000	6,654241	7,299676	6,820351
Кластер 3	2,581348	2,579581	0,000000	7,996452	7,196239
Кластер 4	1,623884	2,701791	2,827800	0,000000	5,292815
Кластер 5	1,506025	2,611580	2,682581	2,300612	0,000000

Примечание: над диагональю в таблице указаны квадраты расстояний между кластерами.

Как можно видеть, наименьшее расстояние находится между 1-м и 5-м кластерами (2,268111), а наибольшее — между 3-м и 4-м (7,996452), что свидетельствует о разности требований респондентов кластеров 3 и 4.

Таблица 4

Средние значения переменных для каждого кластера — магазин «Пятерочка»

	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Частота покупок	2,444444	2,918919	3,688524	2,142857	5,692307
Использ. прогр. лоял.	5,851852	5,486486	4,918033	2,285714	6,000000
Несоотв. цен товара	6,000000	1,000000	3,622951	6,000000	6,000000
Пол	6,000000	6,000000	1,000000	6,000000	6,000000
Уровень дохода	2,814815	2,621622	3,311476	3,428571	3,692308

В итоге было выделено пять сегментов со сходными потребительскими предпочтениями.

Кластер 1 (16,9 %): частые посетители и редкие пользователи программ лояльности. В данный кластер вошли женщины с уровнем дохода на 1 члена семьи от 10 до 20 тыс. руб., реже — до 50 тыс. руб. Частота их посещений данного магазина — не реже 2—3 раз в месяц, преимущественно несколько раз в неделю. Программами лояльности пользуется малая доля покупателей с периодичностью 1 раз в 2—3 месяца. Посетители

не сталкиваются с проблемой несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости.

Кластер 2 (23,1 %): частые посетители и сравнительно редкие пользователи программ лояльности. В данный кластер вошли женщины с уровнем дохода на 1 члена семьи от 10 до 30 тыс. руб. Они посещают магазин «Пятерочка» в основном несколько раз в неделю и 2—3 раза в месяц, при этом почти не пользуются программами лояльности: только 8 % пользуются ими несколько раз в неделю и 8 % — 1 раз в 2—3 месяца.

Но данная группа людей чаще всего сталкивается с проблемой несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости.

Кластер 3 (38,1 %): частые посетители и относительно редкие пользователи программ лояльности. В данный кластер вошли мужчины с уровнем дохода на 1 члена семьи главным образом от 10 до 50 тыс. руб. Большая часть этих людей посещает данный магазин несколько раз в неделю или 2—3 раза в месяц, остальные (примерно 25 %) не совершают покупок в «Пятерочке». Частота пользования программами лояльности сети магазина «Пятерочка» в данном кластере сильно варьируется: от 1 раза в день до 1 раза в 2—3 месяца, при этом большая часть людей (60 %) не пользуется ими. Половина из тех, кто посещает магазин, сталкивается с проблемой несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости.

Кластер 4 (4,4 %): частые посетители и частые пользователи программ лояльности. В данный кластер вошли женщины с уровнем дохода на 1 члена семьи в основном 10—20 тыс. руб., реже 30—50 тыс. руб. Частота посещения магазина «Пятерочка» представителями данной группы лиц — не реже 2—3 раз в месяц, частота пользования программами лояльности — несколько раз в неделю или 2—3 раза в месяц. При посещении этого магазина респонденты из кластера 4 не сталкиваются с проблемой несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости.

Кластер 5 (16,2 %): редкие посетители, не пользующиеся программами лояльности. В данный кластер вошли женщины с уровнем дохода на 1 члена семьи от 20 до 50 тыс. руб. Данная категория женщин практически не совершает покупки в магазине «Пятерочка», всего 26 % посещают его 1 раз в 2—3 месяца. Вследствие этого они совсем не пользуются программами лояльности и не сталкиваются с проблемой несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы в отношении магазина «Пятерочка»:

1) это самый посещаемый магазин Зеленограда, в сравнении с конкурентами («Магнит» и «Дикси»), что объясняется его широкой представленностью в городе («Пятерочка» расположена практически в каждом микрорайоне и с каждым годом количество магазинов растет); кроме того, преимуществ данных магазинов являются большие, по сравнению с конкурентами, площади;

2) частота покупок товаров по скидкам и акциям варьируется в каждом кластере от 1 раза в день до 1 раза в 2—3 месяца, но в среднем процент пользующихся программами лояльности не высок;

3) в данном магазине существенно чаще, чем у его основных конкурентов, возникает проблема несоответствия информации с ценников реальной стоимости товаров.

Исходя из этого, можно предложить руководству магазина «Пятерочка» в первую очередь наладить контроль сотрудников за своевременным обновлением ценников на товары. Далее, несмотря на регулярное стимулирование лояльности клиентов, можно заметить, что со временем покупатели привыкают к постоянно проводимым магазинами акциям и скидкам, вследствие чего отдача от них постепенно снижается. Следовательно, наряду с частым обновлением скидок и акций, магазину «Пятерочка» рекомендуется улучшить сервис и качество обслуживания, а также модернизировать оборудование.

Сегментирование респондентов для магазина «Дикси»

Как показывает дендрограмма (рис. 5), при коэффициенте слияния 30 образуется пять кластеров.

На рисунке 6 изображены профили требований пяти типичных групп респондентов относительно магазина «Дикси». Наилучшее разбиение на кластеры обеспечивают следующие переменные: пол и возраст респондентов, частота покупок и показатель несоответствия ценников реальной стоимости товаров в торговом зале. Расстояние между кластерами для каждой группы представлено в таблице 5.

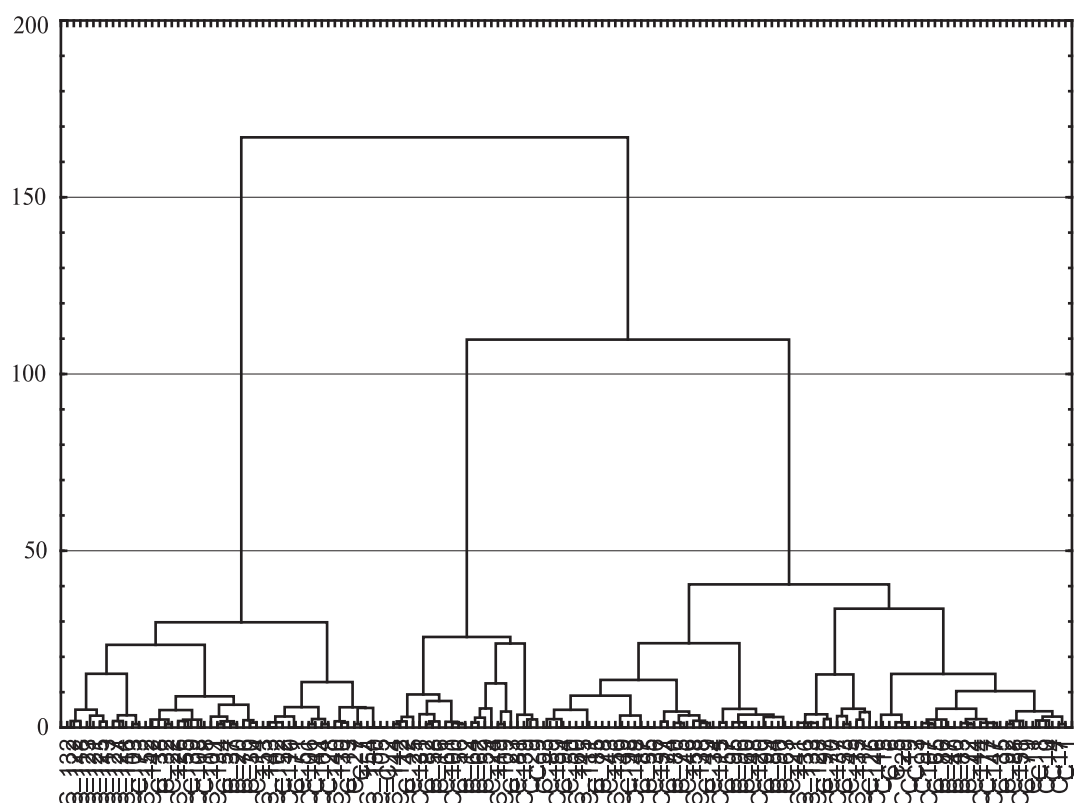

Рис. 5. Дендрограмма результатов кластеризации для магазина «Дикси»

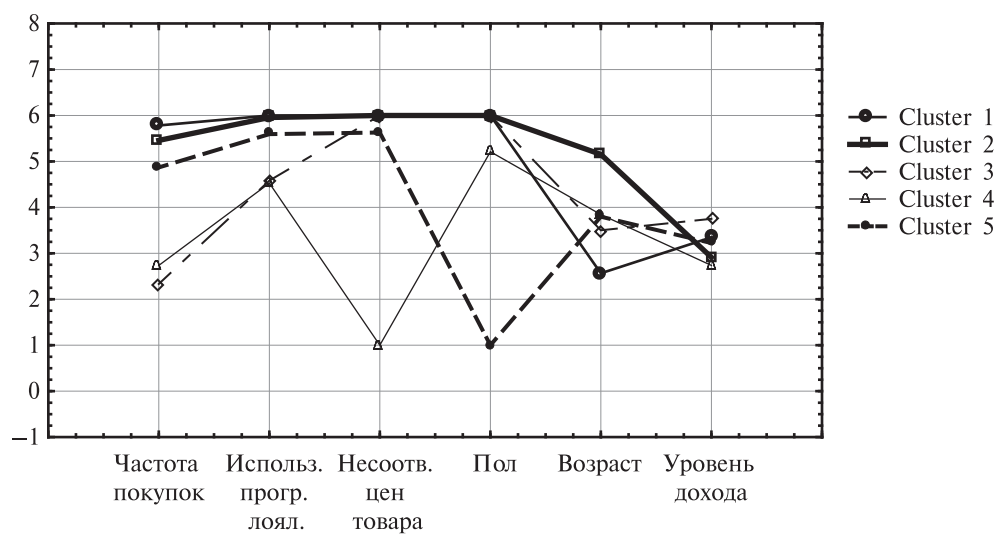

Рис. 6. Линейный график средних значений переменных для каждого кластера — магазин «Дикси»

Таблица 5

Евклидово расстояние между кластерами — магазин «Дикси»

	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Кластер 1	0,000000	1,164934	2,490001	6,512576	4,611111
Кластер 2	1,079321	0,000000	2,511688	6,135457	4,591197

	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Кластер 3	1,577974	1,584831	0,000000	4,488811	5,493113
Кластер 4	2,551975	2,476985	2,118681	0,000000	7,514764
Кластер 5	2,147350	2,142708	2,343739	2,741307	0,000000

Примечание: над диагональю в таблице указаны квадраты расстояний между кластерами.

Как можно видеть из таблицы, наибольшее расстояние — между 4-м и 5-м кластерами (7,514764), а наименьшее — между 1-м и 2-м (1,164934), т. е. респонденты, входящие в кластеры 1 и 2, предъявляют наиболее сходные требования и у них наблюдаются одинаковые предпочтения.

Средние значения переменных для каждой группы представлены в таблице 6.

Таблица 6

Средние значения переменных для каждого кластера — магазин «Дикси»

	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Частота покупок	5,782609	5,456522	2,333333	2,736842	4,870370
Использ. прогр. лоял.	6,000000	5,956522	4,583333	4,526316	5,592593
Несоотв. цен товара	6,000000	6,000000	6,000000	1,000000	5,629630
Пол	6,000000	6,000000	6,000000	5,210526	1,000000
Возраст	2,565217	5,152174	3,500000	3,842105	3,796296
Уровень дохода	3,347826	2,913043	3,750000	2,736842	3,222222

В итоге было выделено пять сегментов со сходными потребительскими предпочтениями.

Кластер 1 (14,3 %): не посещающие магазин и не пользующиеся программами лояльности. В данный кластер вошли молодые женщины в возрасте от 18 до 34 лет, с уровнем дохода на 1 члена семьи от 10 до 70 тыс. руб.: преимущественно от 10 до 20 тыс. руб. или (реже) от 30 до 50 тыс. руб. Данная категория людей в основном не посещает магазин «Дикси», всего 0,6 % посещают его с частотой 1 раз в 2—3 месяца. Программами лояльности эти женщины не пользуются и не сталкиваются с проблемой несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости.

Кластер 2 (28,7 %): крайне редкие посетители, не пользующиеся программами лояльности. В этот кластер вошли женщины в возрасте свыше 35 лет с уровнем дохода на 1 члена семьи от 10 до 30 тыс. руб. Данная группа людей чаще всего не посещает магазин «Дикси», однако некоторая

доля представительниц данного кластера посещает магазин 1 раз в месяц или 1 раз в 2—3 месяца. Программами лояльности они не пользуются и ситуация несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости им не встречалась.

Кластер 3 (7,5 %): частые посетители и относительно частые пользователи программ лояльности. В самый малочисленный кластер вошли женщины всех возрастов (от 18 лет и старше) с уровнем дохода на 1 члена семьи главным образом от 10 до 30 тыс. руб. Они посещают магазин «Дикси» в основном несколько раз в неделю или 2—3 раза в месяц. Только небольшая часть данного кластера пользуется программами лояльности. Ни у кого из этой группы людей не возникает сомнений в соответствии цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости.

Кластер 4 (11,8 %): частые покупатели и редкие пользователи программ лояльности. В кластер вошли 84 % женщин и 16 % мужчин всех возрастов (от 18 лет и старше).

Уровень дохода на 1 члена семьи у них составляет в основном от 10 до 50 тыс. руб. Большая часть данной группы людей совершает покупки в магазине «Дикси» несколько раз в неделю, чуть меньшее количество — 1 раз в 2—3 месяца, самая малая часть — 2—3 раза в месяц. Большая доля представителей кластера не пользуется в «Дикси» программами лояльности, меньшая — пользуется несколько раз в неделю или 2—3 раза в месяц. Каждый человек из этого кластера столкнулся в данном магазине с проблемой несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости.

Кластер 5 (33,7 %): редкие посетители и редкие пользователи программ лояльности. Данный кластер составили мужчины всех возрастов (от 18 лет и старше) с уровнем дохода на 1 члена семьи от 10 до 50 тыс. руб. Основная доля представителей данной группы не совершает покупок в «Дикси», остальные — совершают покупки с частотой 1 раз в месяц или 1 раз в 2—3 месяца. Большая часть представителей данного кластера не пользуется в «Дикси» программами лояльности, меньшая — пользуется ими 1 раз в месяц или 1 раз в 2—3 месяца. Всего 7,5 % столкнулись в данном магазине с проблемой несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости.

Приведенные выше результаты позволяют заметить, что посещаемость магазинов «Дикси» ниже, чем торговых предприятий ретейлеров-конкурентов. Связано это со следующими факторами:

1) в Зеленограде расположено всего три магазина «Дикси» и два находятся недалеко от него, в поселке Андреевка, что существенно меньше, чем у конкурентов;

2) покупатели, часто совершающие покупки в данном магазине, чаще всего сталкиваются с проблемой несоответствия цен товаров, указанных на ценниках, их реальной стоимости.

Несмотря на это, большая часть посетителей магазина «Дикси» пользуются его программами лояльности. При этом сеть,

совместно с банком «Ренессанс Кредит», прогрессивно продолжает вводить новые программы лояльности, тем самым повышая свои шансы в конкурентной борьбе за потребителя¹.

В качестве рекомендаций сети магазинов «Дикси» можно предложить следующее:

1) увеличить долю собственных торговых площадей в Зеленограде;

2) регулярно контролировать цены в магазинах своей сети;

3) проводить регулярный мониторинг ценовой политики конкурентов, поскольку для формата «магазин у дома» характерна конкуренция за низкие цены, за предоставление лучшей программы лояльности и за развитие собственной торговой марки с низкой ценой и без потери качества;

4) оптимизировать и расширить ассортиментную матрицу товаров, повысить качество предлагаемых продуктов, а также улучшить сервисное обслуживание и тщательнее поддерживать чистоту в торговом зале.

Итак, практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы руководством магазинов «Пятерочка», «Магнит» и «Дикси» для разработки дальнейшего стратегического плана развития сетей и повышения удовлетворенности покупателей. В частности, проведенное сегментирование потребительского рынка Зеленограда может быть принято в качестве отправной точки для дальнейшего анализа конкурентной стратегии ретейлеров.

Литература

1. Казинская Е. А., Игрунова О. М., Сазонов М. О. Исследование факторов, влияющих на выбор розничного магазина формата «у дома» в г. Зеленоград // Микроэлектроника и информатика — 2018: Мат-лы науч.-тех. конф. (Москва, 18—19 апр. 2018): сб. статей. М.: МИЭТ, 2018. С. 90—95.
2. Фролов Ю. В., Игрунова О. М. Анализ результатов маркетинговых исследований в системе STATISTICA (на примерах). М.: Русайнс, 2017. 248 с.
3. Игрунова О. М., Казинская Е. А., Сазонов М. О. Анализ факторов, влияющих на выбор магазина шаговой доступности жителями

¹ Трутнев О., Горячева В. «Дикси» накормит в рассрочку: в сети стартует новая программа лояльности // Коммерсантъ. 2018. № 135: 1 августа. С. 7.

Зеленограда // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 3 (19). С. 19—31. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-3-19-31>

4. **Игрунова О. М.** Методика и практика проведения маркетинговых исследований различных рынков товаров и услуг. 2-е изд., стер. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 102 с.

5. **Игрунова О. М.** Современные подходы к анализу и развитию сферы услуг в регионах: монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Изд-во МГАДА, 2011. 183 с.

Поступила 18.03.2019

Игрунова Оксана Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и управления проектами Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), igrunova@list.ru

Казинская Елизавета Андреевна — студентка 1 курса магистратуры факультета маркетинга и управления проектами, направления Менеджмент Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), Eliz.Kazinskaya@yandex.ru

References

1. Kazinskaya E. A., Igrunova O. M., Sazonov M. O. Issledovanie faktorov, vliyayushchikh na vybor roznichnogo magazina formata "u doma" v g. Zelenograd (Study of Factors Influencing the Choice of Retailer of Neighborhood Store Format in Zelenograd City), *Mikroelektronika i informatika* — 2018, *Mat-ly nauch.-tekhn. konf. (Moskva, 18—19 apr. 2018)*, sb. statei, M., MIET, 2018, pp. 90—95.

2. Frolov Yu. V., Igrunova O. M. Analiz rezul'tatov marketingovykh issledovaniy v sisteme STATISTICA (na primerakh) (Analysis of Marketing Research Results in STATISTICA System (via Examples)), M., Rusains, 2017, 248 p.

3. Igrunova O. M., Kazinskaya E. A., Sazonov M. O. Analiz faktorov, vliyayushchikh na vybor magazina shagovoi dostupnosti zhitelyami Zelenograda (Analysis of Factors Influencing the Zelenograd Customers' Choices of Convenience Store), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2018, No. 3 (19), pp. 19—31, <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-3-19-31>

4. Igrunova O. M. Metodika i praktika provedeniya marketingovykh issledovaniy razlichnykh rynkov tovarov i uslug (Methods and Practice of Various Goods and Services' Market Research), 2-e izd., ster., M., Berlin, Direkt-media, 2016, 102 p.

5. Igrunova O. M. Sovremennye podkhody k analizu i razvitiyu sfery uslug v regionakh (Modern Approaches to Service Industry Analysis and Development in the Territories), monografiya, Izd. 2-e, pererab. i dop., M., Izd-vo MGADA, 2011, 183 p.

Submitted 18.03.2019

Igrunova Oksana M., Cand. Sci. (Economics), associate professor of Marketing and Project Management Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), igrunova@list.ru

Kazinskaya Elizaveta A., first-year Master student in Management at Marketing and Project Management Faculty, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), Eliz.Kazinskaya@yandex.ru

Дебиторская задолженность как конкурентное преимущество

Н. Ф. Мормуль, С. А. Еникеева

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

fmn@miee.ru

Представлена динамика основных показателей деятельности предприятия, которое специализируется на сборке компьютеров, электронных и оптических изделий. Выявлены причины нарушения ритмичности процессов производства и поступления выручки от реализации продукции. Для устранения этих причин предложен метод финансирования деятельности предприятия, который позволит восстановить ритмичность за счет увеличения срока погашения дебиторской задолженности для мелких заказчиков, что увеличит портфель заказов и обеспечит равномерность загрузки производственных мощностей и поступления выручки. Утверждается, что такой метод финансирования повысит имидж и конкурентоспособность предприятия.

Ключевые слова: дебиторская задолженность; конкурентное преимущество; портфель заказов; выручка; производственные мощности; метод финансирования; конкурентоспособность; компьютерный рынок.

Bills Receivable as Competitive Advantage

N. F. Mormul', S. A. Enikeeva

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

fmn@miee.ru

The authors did present trends in balance sheet ratio for the enterprise that specializes in building computers, electronic components and optical goods. They did bring to light the causes of derangement in processes of production and of sales proceeds receipt. To eliminate these causes the authors have proposed a method of financing for enterprise activity that would enable it to restore smooth production flow through increasing the timescale of collection of receivables for minor customers, which would allow the backlog gain and the uniformity of capacity utilization and proceeds receipt. The authors have affirmed that this method of financing should improve enterprise image and competitiveness.

Keywords: bills receivable; competitive advantage; backlog; proceeds; capacity; method of financing; competitiveness; computer market.

Название статьи на первый взгляд звучит парадоксально, как противоречащее здравому смыслу утверждение, поскольку при анализе денежных потоков показатель «дебиторская задолженность» всегда рассматривается как негативный:

наличие этой части актива уменьшает выручку, создает дефицит денежных средств, замедляет оборот текущих активов. Поэтому неслучайно постоянными направлениями стратегии улучшения финансового состояния предприятия

является снижение размера дебиторской задолженности и сокращение сроков ее оборачиваемости.

Однако в деятельности предприятий могут возникать ситуации, когда увеличение размера дебиторской задолженности и продление сроков ее погашения может помочь компании не только стабилизировать финансовое положение, но

и в определенной степени обеспечить конкурентное преимущество.

Как будет показано ниже, проблемная ситуация в деятельности предприятия среднего бизнеса по сборке компьютеров и периферийного оборудования прослеживается в динамике показателей¹. На рисунках 1, 2, 3 представлены графики на основе усредненных за пять лет значений.

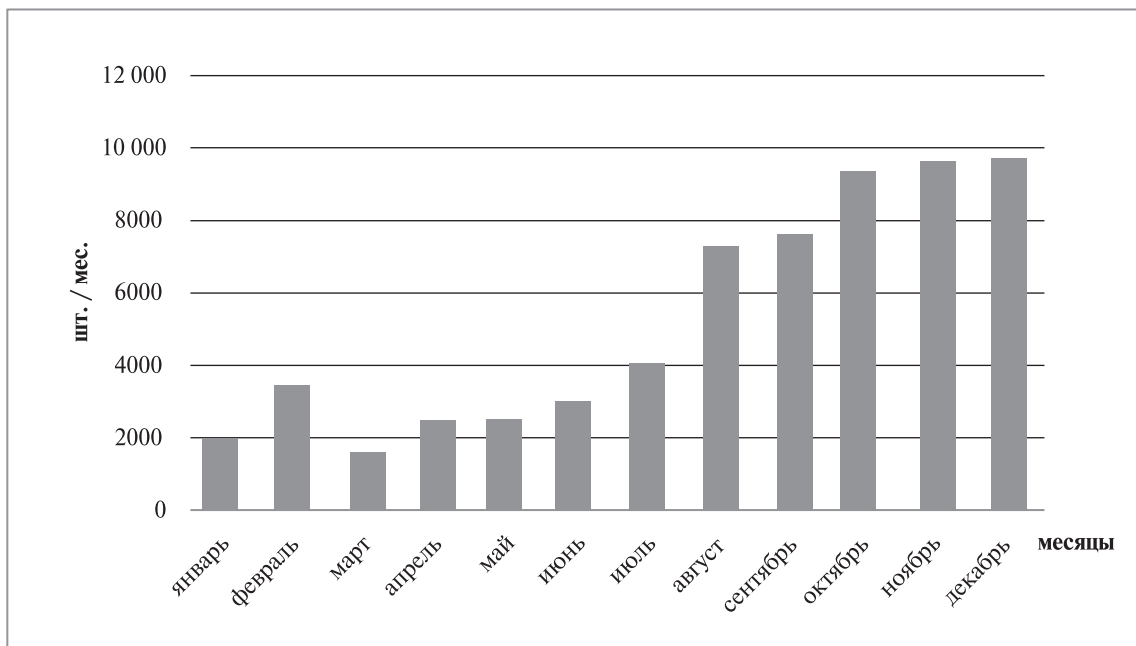

Рис. 1. Динамика объемов работ

Динамика показателей свидетельствует о крайне малом количестве заказов в первом полугодии, что приводит к неравномерности загрузки производственных мощностей и уменьшению выручки от реализации. В этой ситуации возникает необходимость сокращения численности работников. Во втором полугодии наблюдается значительное увеличение показателей.

Обычно такая ситуация свойственна предприятиям, деятельность которых подвержена сезонным колебаниям (например, туризм, переработка сельскохозяйственного сырья). В нашем случае нарушение ритмичности обуславливается объективными причинами.

Поскольку подобных небольших предприятий по сборке компьютеров и периферийного оборудования в Центральном

регионе довольно много, т. е. рынок такого рода работ весьма конкурентен, обеспечить количество заказов, достаточное для максимальной загрузки производственных мощностей, довольно сложно. Однако в конкурентных условиях найти заказчика, способного авансировать весь объем работ, в том числе предоставить необходимые для сборки комплектующие, — это большая удача. Поэтому контракты с этим крупным заказчиком заключаются из года в год. Такая стратегия работы с крупным заказчиком, с одной стороны, является преимуществом, с другой стороны, создает определенные организационные и финансовые сложности в деятельности предприятия, которые и обуславливают эту «сезонность» в динамике показателей. Дело в том, что сформировать заказ на сборку изделий

¹ СКТ-Производство: официальный сайт. URL: <http://sktpro.ru/> (дата обращения 26.02.2019).

и разместить его на предприятии крупный заказчик может только к концу второго квартала. Поэтому показатели авансирования работ (рис. 3) и загрузки производственных мощностей (рис. 1) достигают необходимой величины именно в этот период. А первое полугодие предприятие вынуждено работать на мелких заказах. Такая стратегия не позволяет обеспечить всех сборщиков работой и приводит к недогрузке дорогостоящего оборудования

в этот период, что повторяется каждый год. Предприятие вынуждено в конце года увольнять существенную часть штата работников, а затем вновь набирать, в соответствии с объемом заказа. Ежегодное обновление штата создает новые сложности. Новому составу требуется обучение, но при недостаточном опыте работы возникает необходимость в ужесточении контроля за соблюдением технологической дисциплины, чтобы не допустить брака.

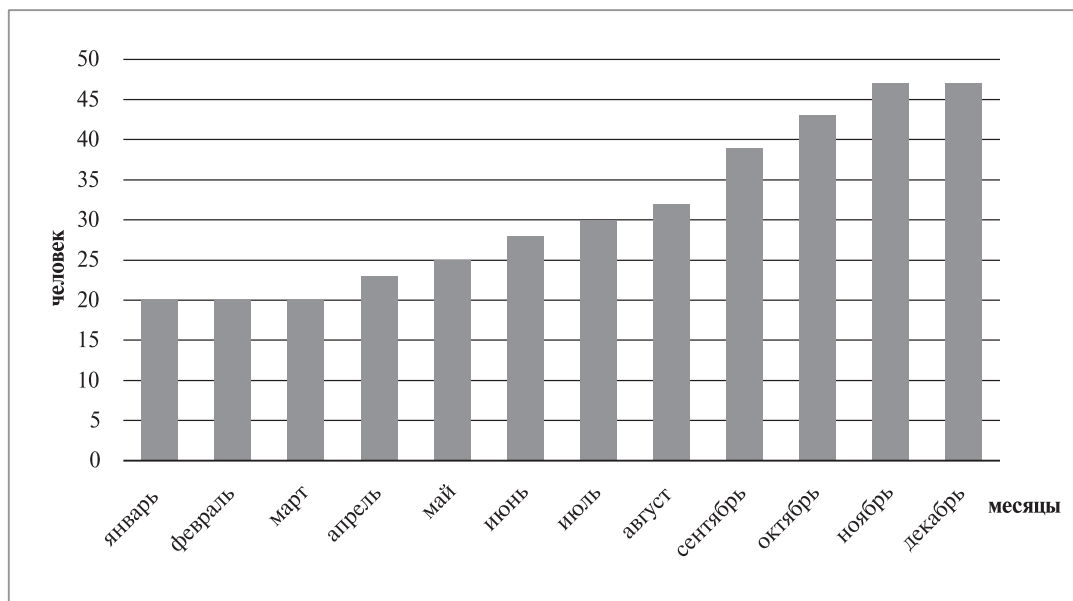

Рис. 2. Динамика численности основных работников

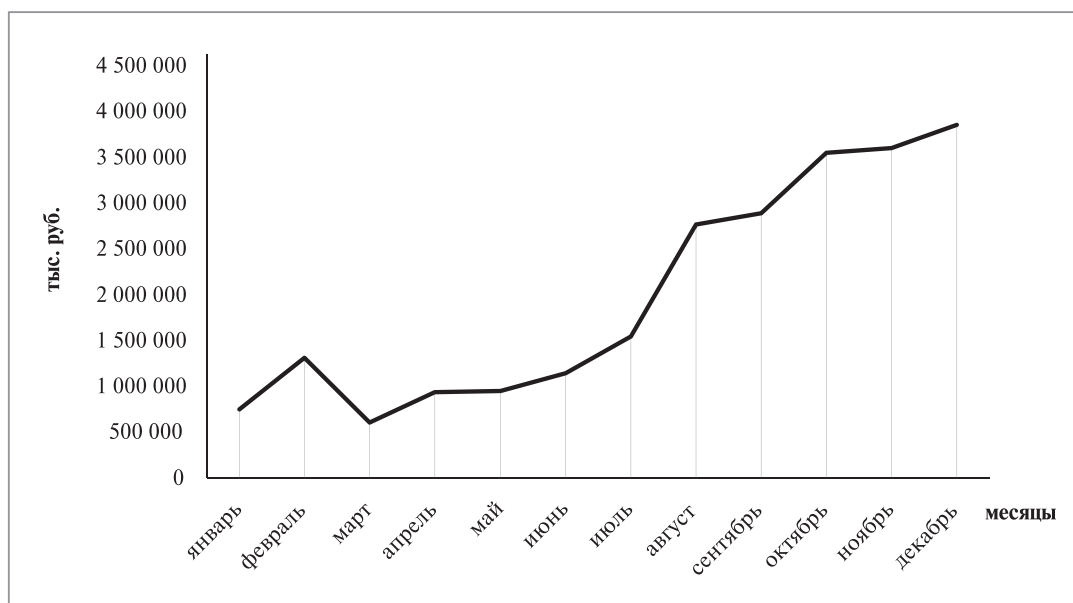

Рис. 3. Динамика поступлений выручки

Как уже отмечалось выше, работы авансируются заказчиком в размере, необходимом для покрытия расходов предприятия на оплату труда, коммунальные платежи, арендную плату и др. (в смету закладывается и нормативная прибыль в размере 4—6 %). Комплектующие для сборки также поставляются заказчиком. Денежные средства от заказчика поступают одновременно с размещением заказа в начале второго полугодия. Набрать необходимый объем заказов в первом полугодии предприятие не может по следующим причинам:

- поступающие денежные средства от основного заказчика во втором полугодии используются на финансирование затрат по его заказу, а прибыль столь мала, что покрывает только незначительный размер затрат в первом квартале следующего года;
- найти дополнительных заказчиков не просто, так как региональный компьютерный рынок является конкурентным;
- мелкие заказчики, как правило, требуют отсрочки платежа, что формирует дебиторскую задолженность, следовательно, денежные средства будут поступать

на предприятие лишь после завершения работ по этим заказам, т. е. в период, когда начинается финансирование затрат крупным заказчиком.

Такая проблемная ситуация требует решения, которое обеспечит предприятию равномерность поступления денежных средств и, как следствие, возможность загрузки производственных мощностей в первом полугодии. Это позволит отказаться от ежегодного увольнения, а затем найма основных работников, что повысит качество работ и сократит затраты на обучение.

Разные способы привлечения необходимой суммы денежных средств в первом полугодии, которые сейчас будут даны, имеют свои плюсы и минусы. Выбор источника финансирования должен базироваться не только на количественной оценке необходимых для сопоставления показателей, но и на учете конкретных, специфических условий работы предприятия.

В таблице приведены возможные источники финансирования и преимущества и недостатки каждого из них.

Характеристика методов финансирования предприятия компьютерного рынка

Источник финансирования	Преимущества	Недостатки
1. Кредит на пополнение оборотных средств	Возможность не снижать достигнутый объем производства	Высокая процентная ставка (из-за отсутствия залогового имущества)
2. Краткосрочный депозит (за счет прибыли, полученной в конце первого полугодия)	Поступление процентов по депозиту; отсутствие рисков	Невозможность обеспечить максимальную загрузку производственных мощностей
3. Отсрочка поступлений от дебиторов (увеличение срока погашения дебиторской задолженности)	Возможность не снижать достигнутый объем производства; появление дополнительного конкурентного преимущества	Риск невозврата дебиторской задолженности

В результате анализа деятельности предприятия легко может быть выявлено, что использование такого источника финансирования, как банковский кредит, невыполнимо из-за отсутствия активов, которые необходимо предоставить банку в качестве залога.

Неэффективным для финансовой деятельности предприятия является и накопление на депозитном счете денежных средств, поступающих от дебиторов в конце первого полугодия. Дело в том, что незначительный портфель заказов, формируемый на предприятии в начале года, генерирует слишком

малый размер денежных средств, которого не хватит для финансирования затрат на объем заказов, необходимый для максимальной загрузки производственных мощностей предприятия.

Каким бы это ни казалось странным, но финансирование затрат в достаточном размере в нужный период за счет увеличения сроков погашения дебиторской задолженности является для предприятия не только вполне приемлемой возможностью, но и, более того, важным преимуществом. Мелким заказчикам предоставляется возможность отложить оплату работ практически на год: если заказ размещается в январе текущего года, то платеж за него производится либо в конце текущего, либо в начале следующего года. Безусловно, такое увеличение сроков погашения дебиторской задолженности с финансовой точки зрения невыгодно, так как фактически отводит предприятию роль кредитора своих заказчиков, который не зарабатывает на кредитных операциях. Однако этот способ привлечения денежных средств имеет ряд преимуществ в такой проблемной ситуации.

— Увеличение сроков оплаты заказа является выгодным условием для большинства мелких заказчиков из-за дефицита у них денежных средств в начале года. Таким способом можно привлечь больше мелких заказчиков, а следовательно, предприятие обретет своеобразные конкурентные преимущества.

— Увеличение количества заказчиков позволит загрузить производственные мощности предприятия и увеличить размер поступления денежных средств от дебиторов в нужный период.

— Увеличение портфеля заказов даст возможность отказаться от порочной практики ежегодного увольнения — найма работников, что улучшит имидж предприятия, а следовательно, будет способствовать росту его конкурентоспособности.

Безусловно, переход к предложенному методу финансирования деятельности по сборке компьютеров, электронных и оптических изделий потребует от собственников бизнеса дополнительных денежных средств на покрытие затрат в размере,

достаточном для выполнения работ по заказам, набираемым в начале года. Осуществление этого способа обеспечения ритмичности процессов производства и поступления выручки от реализации продукции требует предварительного расчета.

Литература

1. Мормуль Н. Ф., Еникеева С. А. Системный подход к управлению дебиторской задолженностью // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6). С. 85—89.
2. Мормуль Н. Ф., Еникеева С. А. Планирование дебиторской задолженности на основе моделирования денежного потока // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 2 (10). С. 70—75.

Поступила 12.02.2019

Мормуль Нина Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), fmn@miee.ru

Еникеева Стелла Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), fmn@miee.ru

References

1. Mormul' N. F., Enikeeva S. A. Sistemnyi podkhod k upravleniyu debitorskoi zadolzhennost'yu (Systemic Approach to Receivables Management), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2015, No. 2 (6), pp. 85—89.
2. Mormul' N. F., Enikeeva S. A. Planirovanie debitorskoi zadolzhennosti na osnove modelirovaniya denezhnogo potoka (Receivables Planning Based on Cash Flow Simulation), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2016, No. 2 (10), pp. 70—75.

Submitted 12.02.2019

Mormul' Nina F., Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, associate professor at Economics, Management and Finance Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin Sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), fmn@miee.ru

Enikeeva Stella A., Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, associate professor at Economics, Management and Finance Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin Sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), fmn@miee.ru

Динамика развития железнодорожной и автомобильной транспортных сетей России

А. И. Пирогов¹, Н. С. Свечников¹, И. В. Устинович²

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

² *Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь*

nick-s@inbox.ru

Прослеживается динамика развития автомобильной и железнодорожной транспортных сетей России. Методологический анализ развития каждой сети дополняется сведениями об истории становления транспортных систем. Статистика торговых и пассажирских грузоперевозок в России анализируется в сравнении со статистикой Республики Беларусь. Выявляются основные проблемы состояния железнодорожного и автомобильного транспорта в России и приводятся пути их решения, перечисляются основные проекты и нововведения, осуществляемые государством сегодня. В качестве выводов даются предложения по модернизации функционирования автомобильной и железнодорожной систем.

Ключевые слова: транспортная система; железнодорожный транспорт; автомобильный транспорт; статистика торговых перевозок; пассажироперевозки; грузоперевозки.

Dynamics of Railway and Road Transport System Development in Russia

A. I. Pirogov¹, N. S. Svechnikov¹, I. V. Ustinovich²

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

² *Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus*

nick-s@inbox.ru

The authors trace the dynamics of road and railway transport development in Russia. They complement the methodological analysis of each network with data on transport systems' evolvement history. The authors did analyze cargo transportation and passenger transportation statistics in Russia in comparison with statistics of Republic of Belarus. The authors have revealed main problems of railway and road transport's situation and have given the ways of their solution, enumerating principal projects and innovations realized by State today. They give for conclusion their proposals of modernization of road and railway systems functioning.

Keywords: transport system; railway transport; road transport; commercial traffic statistics; cargo transportation; passenger transportation.

Развитая транспортная система — важное условие функционирования экономики. Чтобы проследить динамику развития железнодорожной и автомобильной систем России, проведем детальный анализ сильных и слабых сторон транспортной инфраструктуры.

Автомобильная транспортная сеть. Строительство специализированной дорожной сети в России стало актуальным в связи с интенсивным развитием промышленности, до Первой мировой войны общая протяженность автодорог не превышала 21 тыс. км. В результате реализации второго пятилетнего плана развития народного хозяйства (1933—1937) было построено более 230 тыс. км профилированных грунтовых дорог: дороги союзного значения соединяли столицы союзных республик, крупные промышленные и культурные центры с крупными центрами соседних государств. В годы четвертой пятилетки (1946—1950) основные средства поступили на восстановление разрушенной инфраструктуры. В 1950 г. Главное дорожное управление (Главдорупр) одновременно вело строительство 32 дорог республиканского значения. Отметим, что такие факторы, как слабое кадровое и материальное обеспечение, рассредоточенность ресурсов, отрицательно влияли на результаты строительства.

Наибольшей интенсивности дорожное строительство в СССР достигло в 1960—1970-е гг. В 1962 г. было завершено строительство МКАД протяженностью 109 км. В период с 1959 по 1965 г. в РСФСР было построено 81,2 тыс. км дорог с твердым и усовершенствованным покрытием, введены в эксплуатацию дороги Кашира — Воронеж, Воронеж — Саратов, Воронеж — Шахты,

Саратов — Балашов, Владимир — Иваново, Свердловск — Челябинск и др.

В 1990 г. сеть дорог общего пользования в РСФСР составляла 455,4 тыс. км, в том числе 41 тыс. км дорог общегосударственного значения и 57,6 тыс. км — республиканского значения. Наиболее обеспеченными инфраструктурой автомобильного транспорта были западные районы РСФСР, СССР, БССР.

Инфраструктура автомобильного транспорта в Российской Федерации включает автодороги общего пользования федерального, регионального и местного значения, ее деятельность контролируется органами государственной власти, субъектов Федерации и местного самоуправления в соответствии с федеральными законами: ФЗ от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 27.12.2018 № 508-ФЗ), ФЗ от 29.12.2017 № 443-ФЗ «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 15.04.2019 № 53-ФЗ). Данные о протяженности дорог общего пользования федерального, регионального или межмуниципального и местного значения за 2017 г. представим в таблице 1.

Таблица 1

Протяженность и плотность автодорог РФ

Федеральный округ	Общая протяженность, км	Твердое покрытие, км	Плотность дорог с твердым покрытием, км на 1000 км ²
Центральный	346 988	232 988	358
Северо-Западный	143 111	103 903	62
Южный	137 230	104 034	232
Северо-Кавказский	87 399	68 280	401
Приволжский	345 537	237 798	229
Уральский	98 100	73 792	41
Сибирский	261 164	184 472	36
Дальневосточный	88 219	58 639	9,5
РФ (общее значение)	1 507 750	1 063 907	62

Очевидно, что наибольшая обеспеченность дорогами у Центрального и Приволжского федеральных округов (см. табл. 1). Это доказывает их экономическую развитость. По статистике дорог с твердым покрытием также лидируют Центральный и Приволжский федеральные округа. Среднее

расстояние, которое преодолевают автомобильные транспортные средства в Европе [1], находится в диапазоне от 83 км за поездку (Германия) до 148 км (Польша).

Динамика увеличения протяженности дорог в РФ за 2010—2017 гг. представлена на рисунке 1.

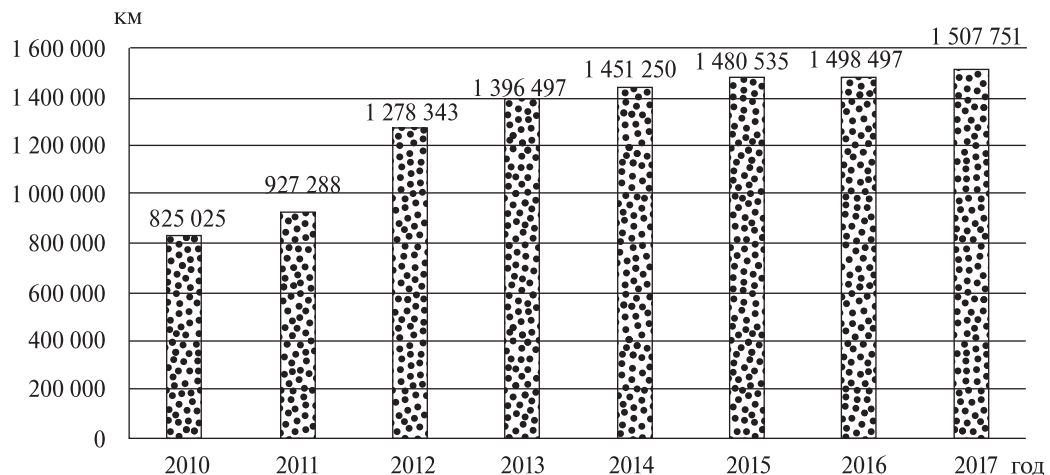

Рис. 1. Общая протяженность дорог в РФ

Источник: Протяженность автомобильных дорог общего пользования по субъектам Российской Федерации за 2017 год // Федеральная служба государственной статистики: [Электронный ресурс] / Росстат. Обновлено: 15.08.2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/trans-sv/t2-2.xls

Можно сделать вывод, что в стране ведется активное дорожное строительство, в период с 2011 по 2012 г. интенсивность строительства наибольшая.

В динамике торговых перевозок за 2010—2017 гг., представленной на рисунке 2, отсутствует стабильность: после значительного увеличения в 2011—2012 гг. наблюдается резкий спад до 2015 г. Затем количество

грузоперевозок вновь увеличивается.

Сравним эту динамику с данными статистического сборника Республики Беларусь. В период с 2011 по 2013 г. в Белоруссии наблюдается рост грузоперевозок, затем он, как и в России, снижается, но не так значительно, а начиная с 2017 г. опять возрастает. Причем в 2018 г. он составляет 33 % экспорта транспортных услуг [1].

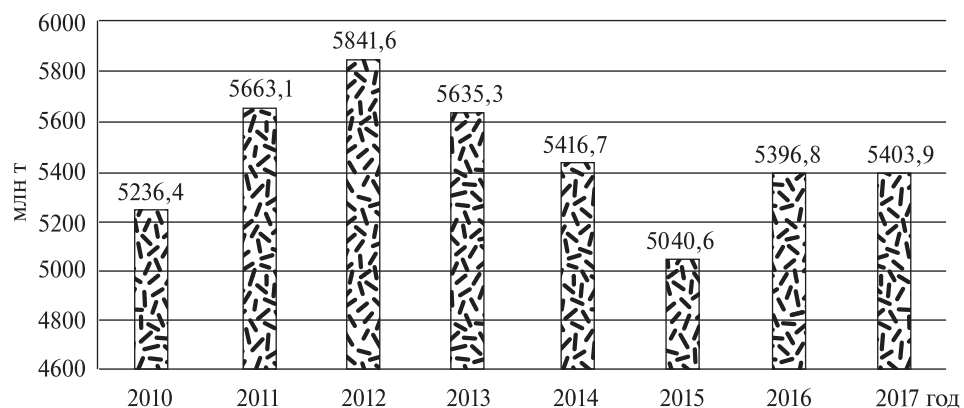

Рис. 2. Динамика торговых перевозок на автомобильном транспорте общего пользования

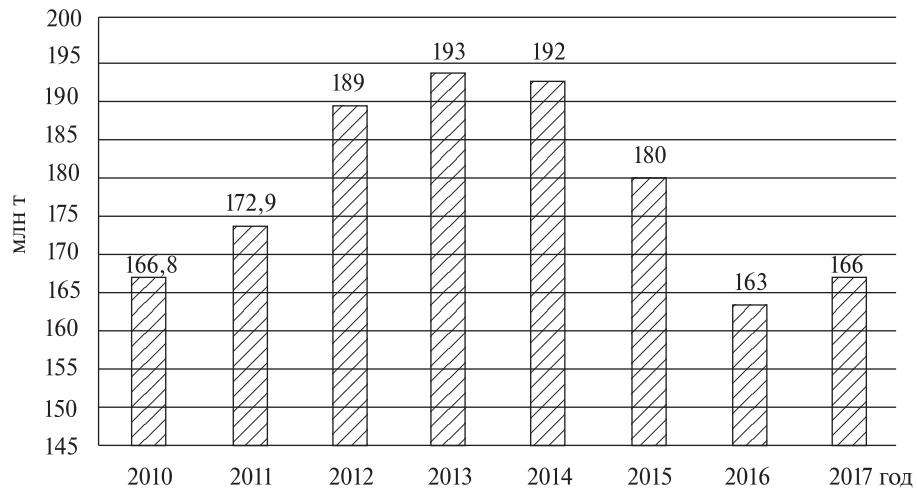

Рис. 3. Динамика торговых перевозок на автомобильном транспорте общего пользования (Республика Беларусь)

В период с 2010 по 2013 г. в Белоруссии объем перевозок возрастает, затем, как и в России, снижается, но не так значительно, а начиная с 2017 г. опять возрастает. Динамика перевозок грузов на автомобильном транспорте в Белоруссии, как и в России, нестабильна.

Поскольку показатели 2016 г. ниже показателей 2013 г., очевидно, что необходима модернизация этого вида транспортной сети. В связи с этим рассмотрим основные проблемы функционирования автомобильной транспортной инфраструктуры и управления автомобильным транспортом в России с целью определить направления дальнейшего развития [2].

1. Сильная изношенность дорожного полотна, низкое качество ремонтных услуг. Вследствие этого уменьшается срок службы автомобилей — в силу износа шин, двигателя; возрастают расходы на топливо, смазочные материалы, что приводит к удорожанию услуг автотранспорта общего пользования и к увеличению затрат на обслуживание личных автомобилей. Снижается безопасность дорожного движения.

2. Слабая материально-техническая база. Практически половину автопарка составляют транспортные средства сроком службы более 10 лет: 46,9 % легковых автомобилей; 49,8 % автобусов; 61,3 % грузовых автомобилей.

3. Малая обеспеченность дорогами ряда регионов страны, в особенности регионов Уральского и Сибирского федеральных округов. Эта проблема связана с климатическими условиями: в осенний и весенний периоды эксплуатация автомобильных дорог до многих населенных пунктов невозможна. Только при минусовой температуре устраиваются зимники.

4. Скопление большого количества выхлопных газов. Негативное влияние на экологическое состояние местности вредно для здоровья людей и природы.

Основным проектом Федерального дорожного агентства Росавтодор является Национальная программа модернизации и развития автомобильных дорог РФ (выполнение планируется к 2025 г.) [3]. Главная цель программы — обеспечение качества технического состояния транспортной инфраструктуры РФ в соответствии с потребностями населения. Обозначим кратко основные проекты программы.

1. Строительство и реконструкция, ремонт и содержание дорог федерального, регионального и муниципального значения.

2. Строительство и реконструкция внеклассных мостов.

3. Повышение безопасности дорожного движения за счет инновационного обеспечения и технического регулирования дорожного хозяйства.

4. Совершенствование систем управления и финансирования, нормативно-правового и информационного обеспечения.

5. Снижение отрицательного воздействия на окружающую среду.

Реализовать программу планируется в три этапа. Первый этап (2005—2010 гг.) предполагает прежде всего законодательную реформу. Помимо этого среди задач первоочередной важности выделены: снижение загруженности городских дорог и развитие дорог, обеспечивающих геополитические интересы и безопасность государства, улучшение качества дорожного полотна и его износостойкости.

На втором этапе (2011—2015 гг.) наиболее важно привлечение частных инвестиций и создание платной дорожной сети. Планируется строительство сети многополосных скоростных дорог, а к 2015 г. — регулярный ремонт территориальных и муниципальных дорог.

Третий этап (2016—2025 гг.) завершает рационализацию перевозок, строительство структуры хордовых и соединительных дорог радиальной сети, формирование связи региональных дорог с местными автомобильными дорогами общего пользования.

Подведем итог. Детальный анализ динамики развития автомобильной сети и управления автотранспортом, а также дальнейшего проектирования системы грузоперевозок в России позволяет сделать предложения по модернизации этой системы. Улучшить контроль за состоянием автомобильных дорог можно посредством регулярного мониторинга, желательно раз в полгода. Необходим контроль

качества ремонта и других услуг, в том числе на транспортных узлах, государственный контроль качества услуг автомастерских и заправочных станций, а также ужесточение контроля за качеством поставляемых из-за границы подержанных автомобилей. Строительство новых автомобильных дорог в малообеспеченных регионах и вблизи крупных городов в целях разгрузки внутригородской дорожной сети представляется первоочередной задачей, наравне с модернизацией отечественной автомобильной промышленности: технической доработкой конструкции автомобилей.

Железнодорожная транспортная сеть.

Протяженность первой конно-чугунной дороги, построенной в 1806—1809 гг., составила примерно два километра [4], а знаменитой железной дороги в Царское Село (1837 г.) — 27 км. В 1842—1851 гг. построена линия Петербург — Москва протяженностью 651 км. К 1913 г. общая длина ж/д путей составила 71 тыс. км. Основная транспортная сеть (83 %) находилась в европейской части страны. В послевоенные годы на главных магистралях страны укладывался бесстыковый путь, обладающий такими преимуществами, как: снижение расходов электроэнергии и топлива на тягу, сокращение расходов металла, повышение надежности автоблокировки, снижение уровня шума.

Современная сеть железных дорог Российской Федерации [5] представляет собой систему региональных дорог. Проследим соотношение протяженности путей и количества субъектов, обслуживаемых каждой железнодорожной линией (табл. 2).

Таблица 2

Железнодорожные линии Российской Федерации

Железная дорога	Количество субъектов обслуживания	Протяженность, км
Восточно-Сибирская	4 субъекта: 2 области и 2 республики	3848
Горьковская	13 субъектов: 6 областей, 6 республик и 1 край	7987
Дальневосточная	8 субъектов: 2 края, Еврейская автономная область, Республика Саха (Якутия), 3 области и регион Чукотки	5986
Забайкальская	2 субъекта: Забайкальский край и Амурская область, имеет общую границу с КНР	3370

Железная дорога	Количество субъектов обслуживания	Протяженность, км
Западно-Сибирская	5 субъектов: 4 области и 1 край, часть дороги проходит по территории Казахстана	5602
Калининградская	1 субъект: Калининградская область	668
Красноярская	4 субъекта: 2 области, 1 республика и 1 край	3160
Куйбышевская	10 субъектов: 7 областей и 3 республики	4728
Московская	14 субъектов: 12 областей, 1 республика и 1 город федерального значения, Москва	8800
Октябрьская	11 субъектов: 8 областей, 2 города федерального значения, Москва и Санкт-Петербург, и 1 республика	10143
Приволжская	3 субъекта: 3 области	4277
Свердловская	5 субъектов: 1 край, 2 области и 2 автономных округа	7154
Северная	9 субъектов: 7 областей, 1 республика и 1 автономный округ	5956
Северо-Кавказская	11 субъектов: 8 республик, 2 края и 1 область	6358
Юго-Восточная	11 субъектов: 11 областей	4189

Объем грузоперевозок за период 2010—2018 гг. изменялся незначительно (в пределах 1200—1300 млн тонн), следовательно, можно говорить о стабильности работы этой транспортной системы (рис. 4). Отклонение в объемах грузоперевозок в этот период составило только 7 %.

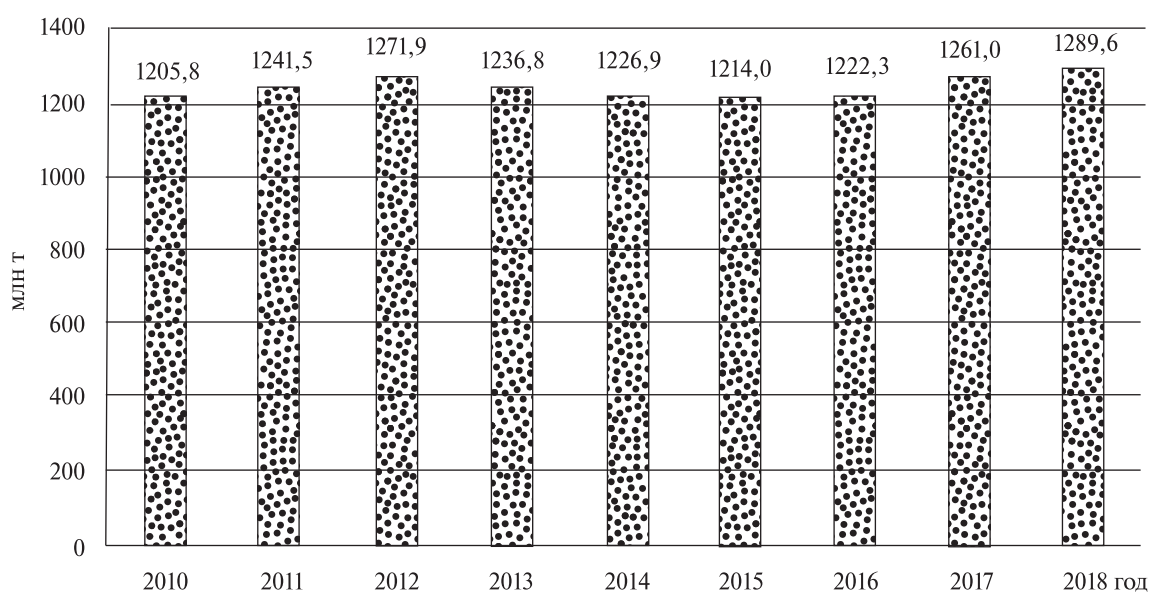

Рис. 4. Динамика грузоперевозок на железнодорожном транспорте

Источник: [1]

Сравним отклонение в объемах грузоперевозок за тот же период в Республике Беларусь. Максимальное значение 153 млн тонн зафиксировано в 2012 г., минимальное значение 126 млн тонн — в 2016 г. Отклонение

в три раза выше, 21 %, следовательно, здесь можно говорить о снижении объема грузоперевозок [1]. Вместе с тем в 2017 г. железнодорожный транспорт Республики Беларусь составил 22 % [1] всего экспорта

транспортных услуг, что обеспечило экономику 572,9 млн долл. США (сальдо внешне-торгового баланса).

Рассмотрим ежегодную динамику перевозок различных видов грузов в том же периоде (табл. 3).

Таблица 3

Классификация грузоперевозок сырья промышленного назначения на железнодорожном транспорте в 2010—2018 гг.

Груз	Объем перевозок в год (млн тонн)								
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Нефть и нефтепродукты	252,7	250,0	258,2	250,3	236,4	251,0	236,4	235,5	236,4
Каменный уголь	286,3	296,2	307,6	310,8	374,9	323,0	374,9	358,5	374,9
Черные металлы	72,7	73,5	73,4	70,1	78,1	71,4	78,1	73,0	78,1
Лом черных металлов	20,9	20,2	18,0	16,7	16,0	15,0	16,0	15,7	16,0
Руда железная и марганцевая	101,9	110,9	110,0	110,7	116,7	109,0	116,7	110,5	116,7
Руда цветная и серное сырье	25,3	23,8	22,2	20,6	19,7	20,4	19,7	20,2	19,7
Химические и минеральные удобрения	45,4	46,5	45,1	47,0	59,2	51,4	59,2	57,1	59,2
Химикаты и сода	29,0	28,8	28,0	26,2	26,4	25,0	26,4	26,1	26,4
Строительные грузы	142,5	157,8	180,4	170,2	123,8	131,0	123,8	132,9	123,8
Цемент	33,3	34,5	35,0	34,4	25,1	28,6	25,1	26,8	25,1
Кокс	12,5	12,9	12,7	11,5	11,3	11,1	11,3	11,2	11,3
Лесные грузы	41,4	40,6	36,2	35,7	45,7	39,5	45,7	43,3	45,7
Промышленное сырье и формовочные материалы	36,0	33,8	35,6	34,1	35,4	34,9	35,4	36,5	35,4
Зерно и продукты перемола	—	20,0	20,4	13,8	18,2	18,7	19,0	22,1	27,1

Если проанализировать данные таблицы 3, можно прийти к выводу, что грузоперевозки большей частью ориентированы на транспортировку продукции добывающей промышленности. Долю перевозок различных видов грузов — промышленного сырья, строительных материалов и продуктов для сельскохозяйственного производства — по отношению к объему всех торговых перевозок можно проследить по таблице 4.

Таблица 4

Перевозки различных видов грузов железнодорожным транспортом

Наименование груза	Доля в объеме всех торговых перевозок, %
Нефть и нефтепродукты	21,11
Каменный уголь	28,77
Черные металлы	6,39
Лом черных металлов	1,48
Руда железная и марганцевая	9,60

Наименование груза	Доля в объеме всех торговых перевозок, %
Руда цветная и серное сырье	1,83
Химические и минеральные удобрения	4,50
Химикаты и сода	2,32
Строительные грузы	12,30
Цемент	2,56
Кокс	1,01
Лесные грузы	3,58
Промышленное сырье и формовочные материалы	3,03
Зерно и продукты перемола	1,52

Перейдем к рассмотрению динамики пассажироперевозок в том же периоде.

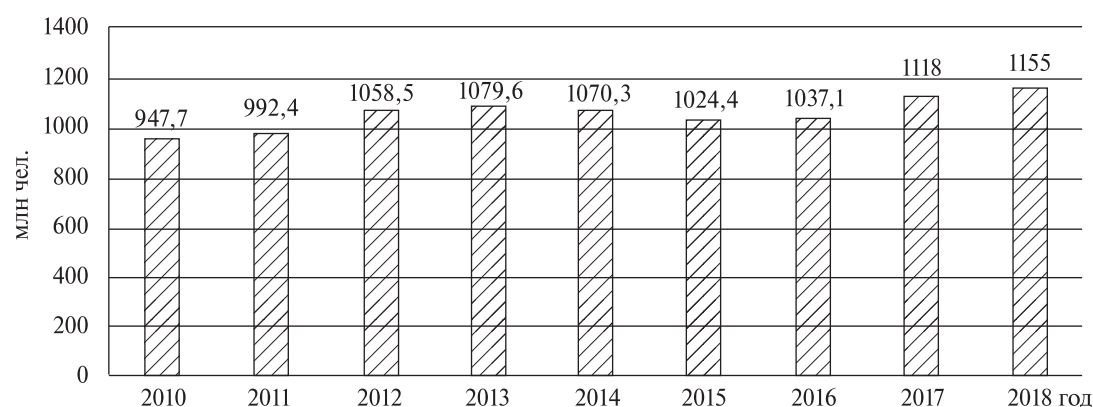

Рис. 5. Динамика пассажироперевозок на железнодорожном транспорте

Источник: [1]

На диаграмме (рис. 5) диапазон изменений составляет 208 млн чел. — от 947 млн чел. в 2010 г. до 1155 млн чел. в 2018 г. Несмотря на снижение грузового потока в 2015—2016 гг., прослеживается общая тенденция к ежегодному равномерному увеличению пассажироперевозок. Наибольшую часть данных диаграммы составляют перевозки пригородной железнодорожной сети, на втором месте — перевозки на маршрутах дальнего следования.

Железнодорожная строительная компания «Трудовой десант» обозначает ряд проблем железнодорожного транспорта в России [6]:

1) «высокая степень износа основных фондов требует больших затрат на текущее содержание и ремонт пути, создает опасность потери технологической устойчивости железнодорожного транспорта и определяет значительную потребность в инвестициях;

2) уровень эффективности железнодорожного транспорта, качество и ассортимент услуг не в полной мере отвечают современным экономическим требованиям;

3) недостаточно эффективна система государственного регулирования деятельности железнодорожного транспорта в части регулирования тарифов (несовершенная нормативная база, отсутствуют экономические механизмы мотивации труда, экономии ТЭР, нет четкой связи между вознаграждением работников и результатами их труда);

4) сохраняется относительно низкий уровень оплаты труда отдельных категорий работников;

5) отсутствует механизм предоставления равноправного доступа к инфраструктуре независимым компаниям-перевозчикам и обеспечения благоприятной среды для их деятельности».

Решение этих проблем сегодня осуществляется руководством ОАО «РЖД». В первую очередь это обновление парка пассажирских поездов [7].

— В 2014 г. введены в эксплуатацию сдвоенные составы, что позволило увеличить пропускную способность железных дорог.

— С 2015 г. использование скоростного поезда «Стриж» на линии Москва — Нижний Новгород и на маршруте Москва — Берлин значительно сократило время перевозки пассажиров.

— Двухэтажные пассажирские вагоны разработаны в целях увеличения пропускной способности железных дорог при уменьшении количества поездов. Вагон создан для перевозки пассажиров с максимальным комфортом.

— В электропоезде пригородного сообщения ЭС2Г «Ласточка» внутреннее расположение приборов и предметов разработано с учетом изменения, что позволяет приспосабливать состав к различным условиям эксплуатации. Два вида такого приспособления: 1) для перевозки на маршрутах с высоким пассажирооборотом на расстояние до 60 км (электропоезд постоянного тока ЭС2Г «Стандарт»); 2) для перевозки пассажиров на участках протяженностью в 200 км (электропоезд ЭС2Г «Премиум»).

Благодаря применению технических инноваций в обновлении грузового вагонного состава построен ряд эффективных грузовых электровозов и тепловозов. Например, грузовой электровоз постоянного тока 2ЭС10 «Гранит» создан ООО «Уральские Локомотивы» совместно с концерном *Siemens AG*. Около 60 % инженерных нововведений реализовано в его конструкции. Главное его преимущество — энергосбережение: удельный расход электроэнергии снижен до 30 %, а удельная рекуперация — выше в 2,2 раза.

Приведем примеры проектов модернизации ж/д путей [7].

1. Безбалластный путь. Для более равномерного распределения нагрузки вместо балласта используется цельная бетонная плита, на которую укладываются рельсы

с применением упругих элементов. Основным преимуществом такого пути является значительное сокращение объема работ по его содержанию вследствие повышения износостойкости.

2. Рельсовое скрепление типа W30. Данный узел рельсового скрепления обладает повышенной виброустойчивостью и высоким сопротивлением к продольному сдвигу, что обеспечивает надежность и позволяет осуществлять более интенсивное, высокоскоростное движение тяжеловесных составов.

Считаем наиболее значимым проектом ОАО «РЖД» комплекс интеллектуальных технологий «Умный вокзал». Проект включает следующие инновационные автоматизированные системы [7]:

1) автоматическая система контроля за процессом эксплуатации вокзала и прилегающей инфраструктуры в целях снижения энергозатрат, повышения качества услуг и создания комфорта;

2) система контроля транспортной безопасности;

3) экологические технологии «зеленое здание» (системы обеззараживания воздуха, экологического контроля и озеленения).

Завершим методологический анализ развития железнодорожной системы России выводом о необходимости обновления парка поездов и путей сообщения именно за счет отечественных технологий, поскольку сегодня можно говорить о стабильности развития транспортной промышленности в целом и производства подвижных составов в частности, в том числе за счет независимости вагоностроительного производства от зарубежных поставщиков. В связи с этим немаловажное значение имеет совершенствование систем контроля состояния ж/д путей и железнодорожных машин и контроля качества транспортных услуг. Последняя задача контроля может быть решена за счет установления зависимости премий работников от доли положительных отзывов о компании.

Сравнительный анализ торговых перевозок в России и Белоруссии позволяет сделать вывод, что автомобильные перевозки

в этих странах одинаково нестабильны и имеют тождественную динамику спада и подъема. Вместе с тем динамика перевозок на ж/д транспорте в России более стабильна, чем в Белоруссии.

Известно, что состояние транспортной системы — крайне важный показатель функционирования государства в целом, поскольку транспорт выполняет целеполагающие функции в системе государства — экономическую, социальную, культурную, политическую и оборонную. Добавим, что этому во многом способствует распределение автомобильных и железнодорожных транспортных сетей по регионам, а также связь отношений России и Белоруссии, которая имеет широкую систему транспортных магистралей.

Литература

1. Транспорт и связь в Республике Беларусь, 2018: статистический сборник. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. 114 с.
2. Хегай Ю. А. Проблемы автомобильного транспорта в России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 122—125.
3. Национальная программа модернизации и развития автомобильных дорог Российской Федерации до 2025 года // Министерство транспорта Ростовской области: [Электронный ресурс]. URL: <http://mindortrans.donland.ru/Default.aspx?pageid=51782> (дата обращения: 06.06.2019).
4. Кветковский В. Е. История развития железнодорожного транспорта в России // Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ им. В. Г. Шухова (Белгород, 1—20 мая 2017 г.). Белгород, 2017. С. 2117—2119.
5. Схемы железных дорог России // Интердост: [Электронный ресурс] / ООО «Интердост». Соп. 2019. URL: <http://www.idost.ru/railroad/help/19/> (дата обращения: 06.06.2019).
6. Проблемы железнодорожного транспорта в России // Архитектура и строительство: [Электронный ресурс] / RIN. Соп. 2002—2019. URL: <https://build.rin.ru/remont-puti/problemy-zheleznodorozhnogo-transporta-v-rossii.html> (дата обращения: 06.06.2019).
7. Инновации // Российские железные дороги: [Электронный ресурс] / ОАО «РЖД». Соп. 2003—2019. URL: http://www.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=666&layer_id=3290&refererLayerId=162&id=3585 (дата обращения: 06.06.2019).

Пирогов Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), aipirogov2013@gmail.com

Свечников Николай Сергеевич — студент группы ЭУ-21 Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), nick-s@inbox.ru

Устинович Ирина Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-администрирования Белорусского национального технического университета (Республика Беларусь, 220013, г. Минск, пр-т Независимости, 65), i.ustinovich@yandex.ru

References

1. Transport i svyaz' v Respublike Belarus', 2018: statisticheskii sbornik (Transport and Communications in the Republic of Belarus, 2018: Statistical Yearbook), Minsk, Natsional'nyi statisticheskii komitet Respubliki Belarus', 2018, 114 p.
2. Khagai Yu. A. (Khegay Yu. A.) Problemy avtomobil'nogo transporta v Rossii (The Problems of the Motor Transport in Russia), *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014, No. 8, pp. 122—125.
3. "Natsional'naya programma modernizatsii i razvitiya avtomobil'nykh dorog Rossiiskoi Federatsii do 2025 goda" (National Program of Russian Federation Roadway Network Modernization and Development till the Year 2025). *Ministerstvo transporta Rostovskoi oblasti*. N. p., n. d. Web. 6 June 2019. <<http://mindortrans.donland.ru/Default.aspx?pageid=51782>>.
4. Kvetkovskii V. E. Istoriya razvitiya zheleznodorozhnogo transporta v Rossii (History of Railway Transport Development in Russia), *Mezhdunarodnaya nauchno-tekhnicheskaya konferentsiya molodykh uchenykh BGТУ im. V. G. Shukhova (Belgorod, 1—20 maya 2017 g.)*, Belgorod, 2017, pp. 2117—2119.
5. "Skhemy zheleznikh dorog Rossii" (Russian Railroad Communication Scheme). *Interdost*. ООО "Interdost", cop. 2019. Web. 6 June 2019. <<http://www.idost.ru/railroad/help/19/>>.
6. "Problemy zheleznodorozhnogo transporta v Rossii" (Railway Transport Problems in Russia). *Arkhitektura i stroitel'stvo*. RIN, cop. 2002—2019. Web. 6 June 2019. <<https://build.rin.ru/remont-puti/problemy-zheleznodorozhnogo-transporta-v-rossii.html>>.
7. "Innovatsii" (Innovations). *Rossiiskie zheleznye dorogi*. ОАО "RZhD", cop. 2003—2019. Web. 6 June 2019. <http://www.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=666&layer_id=3290&refererLayerId=162&id=3585>.

Pirogov Aleksandr I., Doctor of Philosophy, Professor, professor of Philosophy, Sociology and Political Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), *aipirogov2013@gmail.com*

Svechnikov Nikolay S., student of EU-21 group, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), *nick-s@inbox.ru*

Ustinovich Irina V., Candidate of Economic Sciences, associate professor of Business Administration Department, Belarusian National Technical University (Republic of Belarus, 220013, Minsk, Nezavisimosti ave., 65), *i.ustinovich@yandex.ru*

Категория иконичности в современной лингвофилософии

Л. В. Борисова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

nohas@yandex.ru

Дан краткий анализ категории иконичности в жестовых и звучащих языках, сравниваются иконичность и транспарантность на примере американского, немецкого, итальянского и русского жестового языка. Рассматривается дихотомия между коннотативными и денотативными иконическими изображениями с кодом и без кода, а также роль метафоры и метонимии в жестовых языках с точки зрения когнитивной лингвистики. Анализируется проблема восприятия и интерпретации иконических, транспарантных и неиконических жестов в жестовых языках.

Ключевые слова: лингвофилософия; иконичность; транспарантность; жестовые языки; РЖЯ; денотат; коннотат; иконическое кодирование; восприятие иконичности; метафора; метонимия; интерпретация.

Iconicity Category in the Modern Linguaphilosophy

L. V. Borisova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

nohas@yandex.ru

The paper deals with the role of iconicity in the modern linguaphilosophy. It presents a brief analysis of iconicity category in sign and verbal languages and compares iconicity and transparency in American, German, Italian and Russian sign languages. The author discusses the dichotomy between connotational and denotational iconic images with a code and no code. The author has explored the problem of perception and interpretation of iconic, transparent and non-iconic gestures in sign languages and problem of studying metaphor and metonymy in sign language from the cognitive point of view.

Keywords: linguaphilosophy; iconicity; transparency; sign languages; Russian sign language; denotation; connotation; iconic coding; perception of iconicity; metaphor; metonymy; interpretation.

В европейской философской традиции (для звучащих языков) различают два лингвофилософских варианта теории иконичности (*iconicity*) — «радикальный» и «умеренный». В процессе коммуникации «радикальный» вариант предполагает

оперирование преимущественно иконическими кодами (здесь код — закон соответствия между планом выражения и планом содержания знака).

«Умеренный» вариант, оперирующий более абстрактными кодами, был проанализирован Р. Якобсоном, чья исследовательская позиция, по мнению К. Я. Сигала, оказалась чрезвычайно близка философской позиции Сократа в диалоге Платона «Кратил» [1]. В рамках «умеренного» варианта иконичность расценивается не как основной модус существования знака, а как один из его модусов (знак-икона, знак-индекс, знак-символ).

Следует отметить, что проблема иконического и неиконического в языке была известна еще античной риторике. Иконическое кодирование обозначалось латинским термином *ordo naturalis* (естественный порядок), а неиконическое — термином *ordo artificialis* (искусственный порядок) [2].

Рассматривая категорию иконичности, занимающую важное место в структуре жестовых языков (ЖЯ), В. Киммельман считает, что для полного понимания иконичных жестов одного только понятия «иконичность» недостаточно, так как оно имеет отношение к форме самого жеста, но не к тому, насколько хорошо понятен жест интерпретатору, в особенности если последний не знаком с содержанием данного жеста [3]. В дополнение к термину «иконичность» (*iconicity*) исследователями жестовых языков был введен термин «транспарантность» (*transparency*), или прозрачность. В целях разграничения этих понятий исследовательница итальянского жестового языка (*Italian Sign Language*) Б. Гроссо (*Grosso*), с опорой на работы У. Беллуджи и Э. Клима, провела эксперимент, в ходе которого 90 жестов были показаны слышащим итальянцам, никогда не учившим *ISL (LSI)*. Показанные жесты были иконичными, их форма (мануальная конфигурация) коррелировала с их значением. В результате только десять процентов жестов оказались «прозрачными», т. е. такими, которые слышащие итальянцы смогли понять. При этом около половины жестов не понял никто из испытуемых [4].

В другом эксперименте группа американских и канадских исследователей ЖЯ обратилась к носителям американского жестового языка (*ASL*) и немецкого жестового языка (*DGS*) с целью проанализировать иконичность жестов *ASL* и *DGS*. Носители ЖЯ оценивали жесты родного языка как более иконические, чем жесты на иностранном жестовом языке. По мнению исследователей, восприятие иконичности тесно связано с конкретным языковым опытом и принципиально отличается от транспарантности, поскольку проистекает из индивидуального восприятия человеком мира и своего языка, а также опосредовано субъективным толкованием форм и значений носителями ЖЯ [5].

В русском жестовом языке (РЖЯ) примером транспарантного жеста может служить жест ТЕЛЕФОН. Правая кисть в «У-конфигурации» подносится мизинцем ко рту, большим пальцем к уху (рис. 1).

Рис. 1. Жест ТЕЛЕФОН

Жест МОЙ (местоимение) служит примером иконического, неоднозначно понимаемого жеста: твердо прижать ладонь правой руки к середине груди (см. рис. 2).

К условно иконическим можно отнести, например, составной многомерный жест КОТАНГЕНС (*ctg*), состоящий из трех компонентов и обозначающий пересечение осей координат, а также дактильно

обозначающий функцию. Первый компонент — недоминантная рука в «Г-конфигурации» поставлена на уровне груди и обращена ладонью к себе, большой палец направлен вверх, указательный — вправо. Второй компонент — правая рука над указательным пальцем левой дактилирует «КТ». Третий компонент — в конце построения дактилемы «КТ» кончики пальцев правой руки ставятся на горизонтально расположенный указательный палец левой. Особенностью данного жеста является использование условно-иконического первого компонента в сочетании с элементами дактильного алфавита.

Рис. 2. Жест МОЙ

Помимо транспарантных и собственно иконических существуют неиконические, или произвольные жесты. Например, ЖЕНЩИНА: правая кисть в «В-конфигурации» указательного пальца дважды прикасается к щеке возле уголка губ.

Уникальность жестов в ЖЯ заключается в том, что они не говорятся, а изображаются, показываются, и это предсказуемо подводит нас к проблеме денотативного (воплощение иконического знака) и коннотативного уровня изображения, подробно освещаемой Р. Бартом. По его мнению, если

в иконическом знаке отсутствует код (денотативный уровень изображения), то такое изображение может понять практически каждый человек, так как максимально сохранено отношение подобия [6].

В приведенном выше примере транспарантные жесты также могут быть поняты практически любым человеком. А в словаре сибирского диалекта РЖЯ, разработанном группой сибирских ученых, сказано буквально следующее: «...Жест, который характеризуется иконичностью, т. е. путем изображения каких-то визуальных параметров предмета обозначается денотат» [7 с. 9].

Следует, однако, отметить, что изображение, будучи классическим иконическим знаком, обладает лишь простейшими денотативными и коннотативными значениями изображенных объектов. При этом коннотативный уровень изображения расценивается как более сложный, и он также присущ иконическому знаку, но уже обусловленному определенным культурным кодом (системой знаков вербального и невербального характера, которые расшифровываются интерпретатором). Поэтому семиозис как процесс интерпретации знака играет важную роль в теории иконичности.

Кроме того, данное в начале XX в. определение жестов как «картинок, нарисованных в воздухе», т. е. изображений в новом веке утратило актуальность [8]. В жестовом дискурсе показывающая рука выступает одновременно как образ и она же — как языковой знак [9].

Сегодня тема иконичности и прозрачности в жестовых языках имеет непосредственное отношение к проблеме восприятия и интерпретации, так как иконические знаки воспроизводят не саму реальность, а наше представление о ней.

По мнению американского философа и логика Ч. С. Пирса, иконический знак основан на фактическом подобии означаемого и означающего. Иконические знаки при этом представляют собой элементы различной степени иконической репрезентации: от образа к диаграмме и метафоре. Метафору, в свою очередь, Пирс понимает

как знак, основанный на соотнесенности его означающего с каким-либо элементом в другом знаке [10]. Этот знак постигается, переживается, интерпретируется. Метафора, таким образом, представляет собой один из модусов иконичности.

Иконические жесты в жестовых языках большей частью метонимичны. Метонимия является отражением нашей мыслительной деятельности. С позиций когнитивной лингвистики, это устойчивая ассоциация представлений в человеческом сознании.

Однако Р. Барт, например, считает возможным подвергнуть деконструкции якобсоновскую оппозицию между метафорой и метонимией. По его мнению, метонимия — это фигура, основанная на принципе смежности, которая в конечном итоге функционирует как субститут означающего, иначе говоря, как метафора [6].

Метафора также предельно широко трактуется представителями когнитивного направления, поэтому под когнитивное определение метафоры сегодня подпадают сравнительные обороты, разнообразные перифразы, метонимия и иные образные средства.

Таким образом, исторически в звучащих языках прослеживается тенденция к «умеренному» лингвофилософскому варианту теории иконичности, оперирующему более абстрактными кодами в процессе коммуникации.

Жестовые языки, в силу своей специфики, ближе к «радикальному» варианту с его иконическими кодами коммуникации, слабыми и неустойчивыми по своей сути, ограниченными рамками восприятия отдельного человека.

Кроме того, сложность восприятия иконических жестов непосредственно связана с их метонимическим (метафорическим) началом, что ставит под вопрос возможность однозначного прочтения жеста как языкового знака.

Метонимическая основа иконического жеста, на наш взгляд, не позволяет рассматривать его исключительно

на денотативном уровне. В сознании носителей жестового языка иконический жест всегда имеет определенный культурный код, что свидетельствует о его коннотативной природе.

Следовательно, восприятие жеста как транспарантного, иконического или не-иконического (безэквивалентная лексика) зависит не столько от самого жеста, сколько от его восприятия интерпретатором. При этом условия восприятия жестового языкового знака формируются в рамках кода узнавания, т. е. образа объекта, сформированного в сознании носителя жестового или звучащего языка на основе фреймов, сценариев, пресуппозиций, а также картины мира воспринимающего в целом.

Литература

1. **Сигал К. Я.** Иконичность в языке и некоторые ее синтаксические проявления // *Язык, текст, дискурс*. 2013. № 11. С. 56—71.
2. **Цветкова Н. В.** Принцип иконичности и его реализация в поликодовом рекламном дискурсе: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Барнаул, 2012. 21 с.
3. **Киммельман В.** Жестовые языки // *Можно все: [Электронный ресурс]*. URL: <http://mognovse.ru/mvf-jestovie-yaziki.html> (дата обращения: 29.05.2019).
4. **Pizzuto E., Volterra V.** Iconicity and transparency in sign languages: a cross-linguistic cross-cultural view // *The Signs of Language Revisited: an Anthology to Honor Ursula Bellugi and Edward Klima* / Eds.: K. Emmorey, H. L. Lane. Mahwah, NJ; London: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. P. 229—251.
5. Iconicity is in the eye of the beholder. How language experience affects perceived iconicity / C. Occhino, B. Anible, E. Wilkinson, J. P. Morford // *Gesture*. 2017. Vol. 16 (1). P. 100—126. <https://doi.org/10.1075/gest.16.1.04occ>
6. **Барт Р.** Риторика образа // *Избранные работы: Семиотика. Поэтика* / Р. Барт; пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 297—319.
7. Разработка словаря сибирского диалекта русского жестового языка / А. А. Бертик, М. Г. Гриф, С. В. Елфимова, О. О. Королькова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. 62 с.
8. **Исламова М.** Понятно без слов // *N + 1: [Электронный ресурс]* / ООО «Айлем»; изд.: А. Коняев. 13.04.2016. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/04/13/jesture> (дата обращения: 29.05.2019).
9. **Борисова Л. В.** Лингвофилософские аспекты русского жестового дискурса // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2016. № 4 (12). С. 63—68.

10. Пирс Ч. С. Начала прагматизма / Пер. с англ., предисл. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского ф-та СПбГУ: Алетея, 2000. 352 с. (Метафизические исследования: Прил. к альм.).

11. Русско-жестовый толковый словарь: Электронная справочно-аналитическая система // Всероссийский СурдоЦентр: [Электронный ресурс] / Союз переводчиков русского жестового языка; А. Е. Харламенков. Соп. 1997—2019. URL: <https://surdocentr.ru/russko-zhestovyy-tolkovyy-slovar> (дата обращения: 29.05.2019).

Поступила 22.04.2019

Борисова Лариса Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), nohas@yandex.ru

References

1. Sigal K. Ya. Ikonichnost' v yazyke i nekotorye ee sintaksicheskie proyavleniya (Iconicity in Language and Some of its Syntactic Manifestations), *Yazyk, tekst, diskurs*, 2013, No. 11, pp. 56—71.

2. Tsvetkova N. V. Printsip ikonichnosti i ego realizatsiya v polikodovom reklamnom diskurse: na materiale angliiskogo yazyka, avtoref. dis. ... kand. filol. nauk (Iconicity Principle and its Implementation in Polycode Advertisements: as Exemplified in English Language, Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation), 10.02.04, Barnaul, 2012, 21 p.

3. Kimmel'man V. "Zhestovye yazyki" (Sign Languages). *Mozhno vse*. N. p., n. d. Web. 29 May 2019. <<http://mognovse.ru/mvf-jestovie-yaziki.html>>.

4. Pizzuto E., Volterra V. "Iconicity and transparency in sign languages: a cross-linguistic cross-cultural view". *The Signs of Language Revisited: an Anthology to Honor Ursula Bellugi and Edward Klima*, Eds.: K. Emmorey, H. L. Lane, Mahwah, NJ, London, Lawrence Erlbaum Associates, 2000, pp. 229—251.

5. Occhino C., Anible B., Wilkinson E., and J. P. Morford. "Iconicity is in the eye of the beholder. How language experience affects perceived iconicity". *Gesture*, 2017, vol. 16 (1): January, pp. 100—126, <https://doi.org/10.1075/gest.16.1.04occ>

6. Bart R. (Barthes R.) Ritorika obraza (Rhetoric of Image), *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*, R. Barthes, per. s fr., sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova, M., Progress, 1989, pp. 297—319.

7. Bertik A. A., Grif M. G., Elfimova S. V., and O. O. Korol'kova. Razrabotka slovary sibirskogo dialekta russkogo zhestovogo yazyka (Russian Sign Language's Siberian Dialect Dictionary Development), Novosibirsk, Izd-vo NGTU, 2013, 62 p.

8. Islamova M. "Ponyatno bez slov" (Clear without Words). *N + I*. ООО "Ailem", izd. A. Konyaev, 13.04.2016. Web. 29 May 2019. <<https://nplus1.ru/material/2016/04/13/jesture>>.

9. Borisova L. V. Lingvofilosofskie aspekty russkogo zhestovogo diskursa (Russian Sign Language Discourse Dimensions Related to Philosophy of Language), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2016, No. 4 (12), pp. 63—68.

10. Pirs Ch. S. (Peirce Ch. S.) Nachala pragmatizma (The Pragmatism), Per. s angl., predisl. V. V. Kiryushchenko, M. V. Kolopotina, SPb., Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filosofskogo f-ta SPbGU, Aleteya, 2000, 352 p., *Metafizicheskie issledovaniya: Pril. k al'm.*

11. "Russko-zhestovyi tolkovyi slovar': Elektronnaya spravochno-analiticheskaya sistema" (Russian-Gesture Explanatory Dictionary: Electronic Referral Analytical System). *Vserossiiskii SurdoTsentr*. Soyuz perevodchikov russkogo zhestovogo yazyka, A. E. Kharlamenkov, sop. 1997—2019. Web. 29 May 2019. <<https://surdocentr.ru/russko-zhestovyy-tolkovyy-slovar>>.

Submitted 22.04.2019

Borisova Larisa V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, associate professor at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), nohas@yandex.ru

Слово и его нравственный смысл

Г. В. Лобастов

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) — МАИ, Москва, Россия

lobastov.g.v@yandex.ru

Анализируется контекст нравственного бытия и форм удержания его объективного смысла. Методологические принципы, на которые опирается автор, требуют анализа смыслообразования вообще, прежде чем можно понять (объяснить) смысловую сторону любого культурно-исторического явления. Порождение сознательно-смысловой стороны бытия — дело предметно-преобразовательной практической деятельности, и обособление смысла и его обособленное движение в системе общественных отношений концентрируется в феномене нравственности, удерживаемой индивидом в его непосредственных связях с другими и с содержанием общественно-исторического бытия, представленного в образе целого. Слову тут принадлежит особая роль.

Ключевые слова: нравственность; смысл; порождающее начало; смыслопорождение; диалектические абстракции; слово; нравственное определение; диалектика целого.

The Word and its Ethical Sense

G. V. Lobastov

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

lobastov.g.v@yandex.ru

The author analyzes a context of moral existence and of forms of its objective sense retention. Methodological principles upon which the author relies require the analysis of sensemaking in general, before it becomes possible to understand (to explain) sense bearing aspect of any cultural and historical phenomenon. The generation of conscious and sense bearing aspect of existence is the deed of substantive and transformative practical work, and the insulation of sense and its single movement in the system of social relations are concentrated in the phenomenon of ethical life held by an individual in his direct correlation with others and with contents of socio-historical being represented in the image of whole. The word has special role here.

Keywords: ethical life; sense; generating principle; sensemaking; dialectic abstractions; word; moral determination; dialectics of whole.

Сознание, привыкшее к языковым стереотипам, не заметит ничего необычного в утверждении, что слово имеет нравственный смысл. И даже не только нравственный. У слова можно искать различные смыслы.

Различные смыслы можно искать и не только в слове — в любой вещи. Даже такие, каких нет. Это, кстати, весьма «занятное» дело — искать то, чего нет. И делать то, что не надо. Природа этих «симуляций» понятна: что

делать и как делать, чтобы ничего не делать и т. д., в условиях капитализма не важно — делались бы деньги. В науке к факту поиска того, наличие чего проблематично, относятся спокойно: не обнаружилось, что предполагалось, значит, там ничего и не было. А знать отсутствие какого-либо явления или свойства — значит сужать проблемное поле поиска. А это уже результат. Настоящий ученый, доверчивый и наивный, не очень обеспокоен тем, что вместе с таким сужением проблемного пространства может сузиться и финансирование.

Свойство есть собственное определение вещи, потому оно так или иначе связано с природой этой вещи. Но поскольку определение — это не просто дефиниция, а некий процесс, активно выстраивающий пределы вещи, то ясно, что вещь просто может быть в понятии определена как совокупность этих свойств. Причем совокупность синтетическая, действующая неким интегральным образом. Через свойства вещи необходимо проявляется ее сущность. Свойство есть *свое* вещи, и отсутствие его означает утрату ею качественной определенности. *Смысл* же вещи не является ее свойством, он порождается отношением вещи к другим вещам и, следовательно, от места в системе целого зависит и смысл ее. Или, наоборот, система, полагая вещи функцию (придавая ей смысл), определяет и место ее в своем составе. Свойства же вещи из ее отношения к другим вещам ни в коей мере не возникают, а только проявляются, говорит Маркс. Функция вещи в системе вещей определяется этой системой и этим же определяется ее смысл: функция реализует смысл, смысл осуществляется и обнаруживается через деятельность этой вещи в составе целого. И чтобы эту функцию осуществить, вещь должна согласовывать свое движение с идеей определяющего ее целого. И либо она находит это согласование в *форме многообразных причинений*, выстраивающих ее движение — как некую результирующую форму — по «смыслу», по *идее* целого, либо она этот *смысл целого* должна *держать в себе* как собственное определение.

Что такое удержание единичным всеобщей формы целого? Как вещь может в своей единичной и обособленной форме представлять собой содержание, логику, идею целого? Потому как без этого она может только случайно оказаться *тут и теперь* и попасть своим движением в смысловое определение целого. Иначе говоря, через выстроенность своей траектории многообразными причинениями. Следовательно, так, как работает сама природа, ее «физика». А держать в себе целое без всякого физического его представительства в себе — это уже открытая метафизика с очевидной проблемой возникновения этих нефизических предваряющих условий ее собственного бытия. Она как бы заранее, априори, должна «знать» целое в его собственных определениях и определять свое действие движением смысловой стороны бытия вне объективной реальности, т. е. идеально.

Это смысловое движение и есть мышление, через «чистую» идеальную форму которого смысловая определенность каждого элемента системы получает согласование с целым. Более детальная расшифровка этой идеальной формы движения предстает в системе (во внутренней взаимосвязанности) всех категориальных форм, представленных наукой логики. Именно эта идеальная форма, удваивающая мир, в идеализме становится абсолютно-первоначальной.

Легко заметить, что в этой ситуации заключена потенция свободы, свободы как движения, согласованного с необходимым развитием целого. Но и здесь же — фундаментальный вопрос, вопрос о природе целого. Ибо определения разума — это определенность его целым, тогда как размышляющая способность всего лишь соотносит между собой причиняющие силы объективных обстоятельств. Этот рассудок не видит смысла целого и потому не может определить свой собственный смысл в его истине, находя предикаты его, смысла, только в ближайших обстоятельствах и потребностях бытия. Рассудок — орудие разума, но сам разум опирается не на причинность, а на абсолютные определения бытия,

его предельные категориальные формы. Они есть формы его, разума, движения, они есть ничем не определяемые дальше его собственные основания.

Здесь смысловая сторона вещи полностью *совпадает* с ее бытийной стороной, с ее бытием. И между ними никакого различия нет. Но есть такие объективные условия, внутри которых вещь *различается* от самой себя, бытует через себя и через другое. Удваивает себя в своем собственном образе. Это — условия возникновения самой идеальной формы, различения вещи на ее чувственно-бытийную форму и форму чистую, идеальную, соотносимую с бытием, но не имеющую «ни грана материальности». Понятно, что это — условия возникновения человека и его исторического бытия.

Такую же коллизию смысловой определенности содержит в себе и слово. Без смысла слово, как говорит Л. С. Выготский, «звук пустой». Но звук — необходимый момент бытия слова. И, тем не менее, звук — исчезающая форма, смысл же сохраняет себя. Но и наоборот, смысл утрачивает себя и превращает слово в пустой звук, графическое начертание и т. д. Все проблемы, связанные со смысловой определенностью вещи, таким же образом и в той же самой форме проявляются и в слове. Где и как соединяются и распадаются смысловые и материально-субстратные определения слова? Где и как достигается их тождество, та «интимно-божественная» связь, которая светится только смыслом и где материя звука становится неслышимой? Или где звучащий звук становится тождественным, совпадает со «звуком» смысла — и где потому получает истинность суждение, что в начале было слово. Где материя снимается, иначе говоря, становится полностью, всей своей материально-чувственной полнотой смысл выражающей. Где она абсолютно необходима не как внешний носитель смысла, а как его, этого смысла, материальное бытие. Где без нее сам смысл теряет свою полноту. Тот самый эйдос...

Идеальная форма есть чистая форма осуществления смысловой функции, т. е. та форма деятельности, в рамках которой

вещь живет как осуществляющая свое назначение, смысл, идею. Осуществив это «предписание», вещь теряет смысл. Ибо все смысловые определения не входили в ее собственное содержание, были определены системы, и когда они и для системы потеряли смысл, они ушли, ушли в прошлое. И вещь становится бессмысленной, — если не окажется втянутой в осуществление других смыслов системы.

Остается ли у вещи своя идея как некое ее свойство, прав ли тут Платон, разговор особый, хотя коротко заметить надо, что идея пребывает в вещи, присуща ей как внутренний закон ее бытия, не отделенный и не обособленный от самой этой вещи. Однако это такое бытие идеи, которое совпадает с ее отсутствием, — но наличествует как ее возможность. Налицествует как объективный закон развития, позволяющий сознанию различать и соотносить формообразования этой вещи с ее собственной, просвечивающейся в них, в этих формообразованиях, сущностью. Где сам закон, логика движения вещи, существует как движение реального ее содержания, внутренние взаимоотношения которого подчинены объективному закону материальной детерминации. Их, закона и вещи, различения — дело деятельности, способной вынести всеобщую форму закона «за скобки бытия», в сознание субъекта ее. И субъект через это знание различных моментов, через идеальный образ предмета имеет *возможность управлять* взаимосвязями внутри вещи.

Но есть вещи, которые сами определяют себя как вещи со смыслом, сами собой и в себе несут свой смысл. И здесь, как понятно, *смысл является свойством вещи*, изъять которое значит обесмыслить, уничтожить вещь в ее этом качественном своеобразии. Она, эта вещь, сама определяет смысл своего бытия. Потому такая вещь обладает моментом абсолютности и свободы.

Если мы, однако, сочтем смысл свойством вещи, то неминуемо попадем в рамки объективного идеализма, где смысл вещи оказывается не только определяющим траекторию, судьбу вещи, но и даже

предлежащим этой вещи по времени. Это временное определение связи смысла и бытия, однако, может быть понято только через анализ целесообразной деятельности. Хотя не сложно понять, что и логическое предшествование (как и вообще весь идеализм) осознанно или бессознательно вытекает из этой самой деятельности, необходимо выстраивающей временную последовательность в соотношении своих моментов.

Смысл здесь, в человеческой предметно-преобразовательной деятельности, становится определяющим свойством бытия. И бытие любой вещи выстраивается в соответствии с ее смыслом. Однако, как понятно, не сами вещи выстраивают себя в соответствии с неким смыслом, ибо их субъектность бессмысленна и абсолютно совпадает с движением объективно-природных бессознательных сил. Действительным субъектом, осмысливающим и придающим смысл всем обстоятельствам своего бытия (в том числе и самому себе), является человек.

И нравственность как определение отношения человека к самому себе, как отношение его к целостности своего общественно-человеческого бытия, — эта нравственность разворачивается в этой же самой диалектике отношений всеобщих смысловых определений к содержанию реального предметного бытия. Этим предопределяется и анализ проблемы нравственного смысла слова.

Разумеется, слово не является обычной вещью. Но в некоторых существенных определениях оно тождественно вещественно-предметному бытию. Может быть, с тем лишь различием, что оно с самого начала возникает как несущее смысл, и смысл его возникновения заключен только в *удержании* смысла. В слове смысл сам себя определяет. Это и есть мышление как отвлеченная от бытия идеальная деятельность. Но определяет через особую материю, преобразуя и модифицируя которую субъект удерживает, осознает свои смыслы, бессознательно и содержательно определенные его реальным материально-практическим бытием. В этой идеальной деятельности со смыслами

человек осознает свое собственное бытие, и слово с его материей тут — всего лишь средство.

И смысл потому является его свойством. Более того, смысл и есть единственное существенное его определение: там, где нет смысла, нет и слова. Вещь, на которой в слове «паразитирует» смысл, абсолютно несущественна для слова. Однако смысловое определение слова осуществляет себя через определение материи его, предъявляет к ней свои требования бытийного характера и модифицирует ее сообразно самому себе, т. е. смыслу. Проблема нравственного смысла слова, следовательно, предполагает более общую проблему связи смысла вообще со словом. А это, в свою очередь, ставит проблему собственных определений слова.

Абстракция и ее гипостазирование объективно приводят к идеализму, позиции, где бестелесный смысл становится единственным основанием бытия. И легче всего такой смысл усматривается в слове, материя которого имеет абсолютно подчиненное значение. Слово уводит от грубой чувственности вещей, оставляет быть в идеальных чувствах и чистых смыслах. Слово есть отвлеченное от реального содержания идеальное бытие смысла. Оно есть чистое бытие смысла, или бытие чистого смысла. И его псевдосамостоятельность легко создает иллюзию самостоятельности смысла.

Здесь имплицитно представлена и позиция религии, и позиция идеализма. Но обосновывая себя как позицию, идеализм не обосновывает ни идею, ни материю. Однако то и другое предполагается, а, точнее, отчетливо дано в слове. Маркс указывал на необходимость некоего общего образа того целого, которое исследуется, этот образ должен как бы витать перед исследователем. Поэтому, конечно же, конкретность процесса анализа отношения вещи и смысла предполагает анализ основания, из которого и вещь, и ее смысл возникают, порождаются.

Но идеализм абсолютно прав, усматривая определяющее действие в идее, существующей до вещей. Ибо и слово зависит только от смысла, предшествующего языку,

и язык определяется этим смыслом. Идеализм, обособляющий эту связь материи и мысли, не может объяснить самое мысль, он ее констатирует и потому постулирует, видя ее то отделенной от материи и ей предшествующей, то с ней совпадающей. То есть как раз то, что легко обнаруживается в бытии слова. Диалектическая форма анализа этой проблемы показывает противоположность и тождество их, смысла и бытия, определений — но, снова же, в абстракции, в отвлечении от проблемы самого смыслопорождения.

А ведь только *смыслопорождение* и *рожденный смысл как свойство вещи*, от нее отделяемое только с ее разрушением, может показать бытие смысла в вещах. А потому и сделать прозрачным процесс *присвоения* смысла вещами — теми вещами, которые сами по себе этого смысла не имеют.

Как вещь присваивает себе смысл и почему она это делает? И насколько, собственно говоря, вещи, «присваивающей» смысл, присуща *субъектность* в этом процессе, насколько она активна в присвоении этого смысла? У объективного идеализма здесь с необходимостью появляется «бог», который и наделяет каждую вещь тем, что мы в ней находим. Такой «бог» есть и у слова, бог, несущий в себе смыслы и ими наделяющий все вещи, которые им включаются в его активное бытие. Поэтому, если в начале было слово, то оно должно было быть Богом, т. е. чистым смыслом. Или, иначе, слово, если первое именно оно, должно быть полностью растворено в смысле. Что, собственно говоря, и имеет место в реальной практике человечества, где материя языка выступает лишь исчезающим моментом, становится прозрачной для смысла, где виден только смысл и никакой материи. Где и как в истории обнаруживает себя для сознания язык как язык, т. е. как нечто, на что сознание наталкивается и с неподатливостью которого вынуждено считаться, вопрос в данном случае второй. Хотя, как видно, разговор только об этом и вокруг этого.

Но где же в таком случае прячется смысл?

Вот спросили малыша четырех с половиной лет: «Где твое сознание?» — и через пару месяцев, устав от занудного пристаивания взрослых с этим вопросом, он указал на руки. А девочка того же возраста, чуть смутившись, сказала: «Наверное, в голове». Пожалуй, каждый взрослый, не раздумывая даже, воспроизведет ответ девочки, но никто — ответ малыша. Что это (сознание в голове) — стереотип языкового выражения, сохранившийся у нас с младенческого возраста, или стандарт нашего суждения, без размышлений присвоенный ребенком? Мальчик два месяца сопротивлялся вопросу, ибо не знал ответа. Можно предположить — искал. Девочка в своем смущении все-таки что-то к чему-то «прикидывала», ведь нельзя сказать, что вопрос стандартный, хотя взрослые при любом промахе ребенка стандартно «тычут» ему в голову, где у него якобы находится ум. И это типично-активное представление взрослых легко могло попасть в сознание ребенка. Но девочка, смутившись нестандартностью, необычностью вопроса, все-таки, повторю, подумала и привела в порядок свои «представления, существующие без внимания», которыми активная действительность наполнила ее субъективность.

Эта «активная среда», надо сказать, всегда без внимания оставляет, обходит явления метафизического характера. И девочка, когда станет взрослой, будет думать в том же стереотипе. И никакое образование не выведет ее в более широкое пространство мысли. Будет думать, как мы с вами, застрявшие своей мыслью в младенческом возрасте: «Мама мыла раму».

Но малыш, указавший на руки, оказался многократно глубже. Чего даже ученые, исповедующие «деятельностный подход», сообразить не могут.

Откуда, однако, такое суждение: сознание находится в голове? Ведь, надо полагать, не только из исторического опыта человечества, который как будто явно указывает на то, что человек с отрубленной головой не мыслит. Этот же опыт должен был показать и противоположное: та самая

отрубленная голова явно в себе никакого сознания не имеет. Мыслящая голова «профессора Дуэля» — явная фантазия А. Беляева. Хотя современные ученые с энтузиазмом его ищут именно в голове. И еще в составе генного материала.

Но даже обыденное сознание, конечно же, всё это дело понимает гораздо тоньше и глубже. Стереотип фразы «сознание находится в голове» явно выражает и его, сознания, бессознательное представление. Скажите человеку, что сознание находится в слове, — он, не читавший Хайдеггера, вас засмеет.

Вопрос о смысле вообще, конечно, неслучаен. Без анализа его мы не знаем, что ищем в проблеме нравственного содержания слова. И насколько вообще сама эта проблема научно содержательна. Ведь ни ребенок и ни взрослый, указывая место сознания, не задаются вопросом, о чем они говорят. Такое ощущение, что *все знают*, что такое сознание. Только вот вопрос с его местонахождением иногда озадачивает. Той же девочке я задаю вопрос: «А что же такое сознание, которое, по твоим словам, будто бы находится в голове?» Ее глаза вдруг, не видя, застывают в моих, потом точка взгляда начинает как будто беспорядочно прыгать, и она смущенно тихо говорит:

— Я не знаю.

— Как же не знаешь! — удивляюсь я. — Ведь если ты говоришь, что сознание у тебя в голове, значит, ты знаешь, что это такое. Когда в стакане вода, ведь ты знаешь, что такое вода. А если там молоко, то ты тоже знаешь, что там молоко, и ты знаешь, что такое молоко. И теперь ты вот говоришь, что сознание находится в голове. Не значит ли это, что ты знаешь, что такое сознание? Поэтому, я думаю, ты просто не хочешь мне сказать.

Когда, по случаю, эту девочку спросили, что такое интуиция, она спокойно, почти не задумываясь, сказала, что это «невидимка, который подсказывает, как надо правильно поступить». Он, этот невидимка, как я ее понял, не локализован где-либо в индивидуальных органах тела, а, скорее,

пространственно вездесущ, но не виден. Делать же может что угодно, согласуя свои действия с ней, ее действиями, или, наоборот, противопоставляя их ее желаниям. Это явно внутренняя работа детской субъективности, только представленная вот таким полусказочным образом. Образом, явно навязанным сказочными и «мультяшными» сюжетами. Интуиция, с чем ученый народ голову ломает, ее не смутила, а вот вопрос о сознании заставил ее замереть в моих глазах в поисках того, в чем и через что она сама живет. И ничего из наличных представлений своего бытия в качестве способности «видеть мир и себя в мире» не нашла.

— Я не знаю!

Честное признание! Но, конечно, по наивности. Искушенные люди обязательно соврут. Если и не сознательно, то повторяя зазубренные в школе и вузе фразы, никогда не имевшие для них смысла. Но к которым их сознание привыкло. Обыденное сознание от такого вопроса просто отмахивается, а ученое — производит на этот счет столько представлений, что само же в них и разобраться не может.

Ну и как же в таком случае тут быть с вопросом о месте бытия смысла? Ведь где только его нельзя увидеть! И в голове, и в вещах, и в словах, и в делах, и в жизни, и даже в самом смысле, — когда сам смысл как будто бы обесмысливается. Ибо не бессмысленно ли само бытие со смыслом?

Логика познания требует выяснения предпосылок вопроса, на который наталкивается мыслящее сознание, прежде чем на него отвечать. Чего бы этот вопрос ни касался. А более умный ход, развитый и обоснованный в диалектической методологии, заключается вообще в таком движении мысли, которое воспроизводит в форме объективного противоречия самое появление предпосылок нового явления, так что их не только искать не надо, но и можно (должно) увидеть в их собственном становлении. Более того, увидеть, как они снимаются и превращаются в собственные условия являющейся вещи. Но поди найди такое движение в науке! Разве только «Логика» Гегеля да «Капитал» Маркса.

Потому вопросы могут падать как с неба — даже если обосновывается их «земная» актуальность. Вот ведь задалась тема «нравственный смысл слова» — сколько эмпирических оснований можно привести в обоснование ее актуальности! Вплоть до ссылок на государственные акции запрета тех или иных слов по морально-нравственным основаниям. Слава богу, у государственных чиновников не хватает ума запретить смех (хотя школа это, неумело, но делает), который, пожалуй, тоньше и точнее может сделать то нравственное дело, где слову еще надо определиться со своими возможностями. Ну, а разве, с другой стороны, слово не передает смех, не может его нести в себе? Написаны целые трактаты о смеховой культуре, почему не писать о нравственной культуре слова? Парламенты многих стран давно озаботились языком, и далеко не только по нравственным основаниям.

А смех — он ведь и без слов существует. Конечно, и его можно «вымарать», чтобы все с серьезными рожами и навтыжку ходили, втягивая внутрь себя смех. Но бравый солдат Швейк будет смеяться действием. А слово... «Американцы подарили человечеству новый способ выражения своих чувств и мыслей — с помощью жующих резинку челюстей. Наверное, есть такие, которые вообще никогда не говорят, а общаются исключительно чмокая, чавкая, убыстряя или замедляя шевеление челюстей, а в особых случаях выщелкивая изо рта резиновый пузырь» [1, с. 231]. Не зря, видимо, в советские времена гонялись за чавкающими резинку. Они ведь что-то этим говорили, может, даже что-то безнравственное...

Вот и искусство, говорят, бывает нравственное и безнравственное. И как будто всё ясно: мы спокойно приписываем предикат нравственности целому явлению в истории человеческой культуры.

И вот наша проблема — связь слова и нравственного смысла, связь, превращающая слово в несущее нравственный смысл. Ясно, что тут, чтобы разобраться, надо понимать и самое нравственность, и ее объективный смысл. Без такого понимания

связать всё это в некоторое единство вряд ли удастся. С другой стороны, если мы с вами эти понятия имеем, то, вероятно, и наша проблема покажется псевдопроблемой, ибо ее предпосылки просто исчезнут. И нравственность в слове, столь эмпирически явная, будет понятна и для сознания, — даже научного. И потому в практике бытия не надо будет ругать и запрещать слова.

Итак, слово обладает смыслом и в своей некоторой определенности этот смысл оказывается исполненным нравственности. И мы, конечно, как бы знаем, что такое нравственность. И как смысловое определение, и как форма отношения, и как предикат личностного бытия. Знаем, следовательно, и как эти указанные определения синтезируются в слове, как их слово удерживает и несет. Как всеобщность «смыслового нравственного поля» словом концентрируется тут и теперь. Знаем силу, определяющую степень и меру этой концентрации. Знаем, что таким словом, сконцентрировавшим в себе «нравственную» энергию, можно убить.

Вот эпизод из «Истории одного детства» Е. Н. Водовозовой. Мать говорит: «Пусть умирает. И оставшихся нечем кормить». Больной ребенок это слышит. Читаем: «“Моя мать, моя родная мать желает моей смерти! Моя мать, моя родная мать не любит меня!” — твердила я про себя. <...> Эти неосторожные слова, произнесенные матушкой в минуту отчаяния, не раз потом вызывали у меня к ней злобу и вражду, доставив мне в детстве много тяжелых часов» [2, с. 23].

И видим: слова лишь выражают некие отношения между людьми, предельность которых выстраивает определенное, может быть, далекое от действительности, смысловое отношение. Которое удерживается как осознаваемая позиция в течение многих лет. И которое, конечно, содержит в себе нравственную определенность. Нравственность, которая тут в первую очередь и проявляется. Словами. Но она — не в словах.

Ибо она находится за рамками языка. И потому, конечно же, выражение «нравственный смысл слова» содержит в себе

не проблему связи (отношения) морального содержания и слова, а проблему нравственности самого человеческого бытия, существующую до языка и вне языка. В языке нравственности столько же, сколько красоты в правом полушарии головного мозга. Слово отражает и фиксирует не свою собственную определенность, не определенность своей материи, а определения бытия общественно действующего человека. Причем вполне определенные (если нравственные) его отношения внутри этой деятельности. Тот факт, что всякое слово имеет некий устойчивый смысл, просто свидетельствует о моменте устойчивости внутри многообразного движущегося смыслового пространства бытия человека.

Но не всё имеет смысл. Есть вещи совершенно бессмысленные. И есть бессмысленные слова. И есть обесмысливание слова. И есть слова, смысл которых — в их бессмысленности. Такой кентавр, правда, требует объяснения, ибо в нем соединены прямые противоположности, и их единство явно имеет некий особый смысл, снимающий исходные определения, — явно диалектическая ситуация. И есть слова как будто вообще безнравственные. И есть другие, как будто исполненные великого нравственно-человеческого смысла, но тоже способные вмиг этот смысл потерять. Точно так же, как и человеческая голова: то имеет сознание, то теряет его — даже оставаясь на плечах человека. А сознающая голова, *голова, имеющая сознание*, то впускает в свое сознание некий смысл, то исключает его отсюда. Не только, оказывается, сознание «где-то» находится (находит себя), но и «что-то» находится в нем, в этом сознании.

Слова теряют свой исходный смысл и приобретают его сообразно ситуации и ее содержанию. Потому ими можно и приласкать, и убить. Выразить нравственное чувство и животное начало.

И потому кажется, что в слове самом по себе ничего нравственного нет. Как в голове нет сознания. И то и другое — абсолютная пустота. То и другое наполняются смыслом в особом пространстве человеческого

бытия, и голова становится неотделимой от сознания, а слово от смысла. Или, наоборот, сознание от головы и смысл от слова. Срастаются напрочь, — так что кажутся некоей целостностью, бытующей изначально и будто бы имеющей онтологический характер. Но их «онтология» — всего лишь онтология культурно-исторического общественного бытия, мира человека. Здесь они, в своих элементах и связях, возникают, структурируются и перестраиваются, своими гранями каждый раз отражая (светясь, рефлектируя) ту или иную сторону действительности, ту или иную ее определенность, мелькающую в «атмосферных» катаклизмах общественной действительности.

Но является ли слово без смысла словом? Или это звук пустой, простое графическое начертание? И вопрос, который ближе к нам: нравственный смысл — где он есть до этого звука, до этого начертания? Ведь определенность нравственности не зависит от материи языка, наоборот, сама эта языковая материя модифицируется нравственным содержанием и потому становится нравственно значимой, способной передавать чувства. Которые вполне могут жить помимо слов, помимо материи языка.

Но ведь синтез материи языка и смысла может быть столь прочным, что звук перестает быть слышимым, а графика — видимой. Мы как бы проходим сквозь них. Обращаясь словом, мы обращаемся не словом, а мыслью. Мы озвучиваем мысль. Речь осмыслена, она — длящееся звучание, и это звучание передает смысл. Звук со смыслом есть слово.

Слово как бы сгущает смысловое пространство, выявляя в нем ту или иную определенность, соответствующую выражаемой действительности. Слово и помогает мне удержать этот несомый им смысл. Сгущая, оно итожит. Удерживает конкретный состав определений предмета. Но и развернуть эти определения я могу только через слово — посредством его абстрагирующего действия. Как, однако, выразить свое интегральное *отношение* к другому человеку, т. е. то самое нравственное содержание? Слово — как

в суждениях торговли в памфлете Гегеля «Кто мыслит абстрактно» — не выражает полноты ситуации. Потому, — если человек проявляет себя в ситуации абстрактно, и эти проявления могут носить даже противоположный образ, то удерживает ли он в себе, в своей субъективности, в душе, некое интегральное, синтетическое отношение к действительности? И как, через что оно выражается? Если слов тут оказывается недостаточно, то, может быть, через некую сопричастность к невидимому единому человеческому основанию? Может, это взгляд в глаза человека, которого вам требуется убить, такая ситуация случается в окопах войны.

Война, кстати, обнаруживает нам нравственные пределы человека. Даже там, где через нравственность как будто просто переступают. Такие противоречия, чреватые сумасшествием, в полной мере и предельно отражают противоречия самого общественного бытия, состав тех отношений, которые имеют место быть, — от интимно-непосредственных до предельно опосредованных. И чтобы это содержание увидеть (понять) и представить в слове и через это слово передать другому, требуется нечто гораздо большее, чем то, что культура выражает понятием нравственности. Всех категорий нравственного сознания здесь будет недостаточно. В войне как форме абсолютно безнравственного отношения человека к человеку проявляется то, что существует в реальном человеческом общежитии, помимо ее окопов. Здесь совесть, сущая как предел бессознательного знания, которая не думает, которая только «дум», выдерживает себя через свою прямую противоположность. Война — предел, который таится в человеческих отношениях и вне войны. Чтобы понять всё это, необходимо усилие ума, вскрывающее и удерживающее в слове, через слово, через действие и бытие *истину* этого общественно-исторического содержания.

Истину, которая потом уходит в основание. В основание и самой нравственности, и точно определенного слова, посредством которого начинает говорить мудрость.

Слова, которое достигает художественного образа и через него передает тончайшие оттенки человеческих чувств. То есть достигает именно того, в чем в первую очередь проявляется непосредственность отношения человека к человеку, т. е. нравственность. Нравственное определение — как непосредственно-личностная определенность любого моего сколь угодно расчлененного отношения к другой личности.

И к любой той вещи, к составу всех тех обстоятельств, посредством которых другая личность осуществляет себя. Причем, напомним, отношение непосредственное, которое *знает и эти обстоятельства, и самого себя — не зная ни обстоятельств, ни себя*. Иначе говоря, знание, которое не знает себя как знание. Не опосредованное как будто ничем, в том числе и словом. Потому ребенок и заявляет, что у него совесть не думает, она сама «дум». То есть некое «ставшее знание», знание, как поступать, не требующее размышлений. Или ум как потенция этого размышления. Совесть лишь разворачивается в порядок действий, осуществляющих общий смысл личностного отношения к действительности. Но везде, в каждом моменте, она сохраняет себя. Там, где действие разрушает ее самотождественность, возникают «муки совести». А там, где муки исчезают и поступки начинают порождаться модификациями совести, совесть теряет свою «чистоту», а «нечистая» совесть и вовсе не есть совесть.

Совесть, в красках нарисованная девочкой четырех с половиной лет, на обороте листа была схематично выражена фломастером. Что означало, в пояснении ребенка, ее чистоту: «Потому что она чистая правда». Как соединились в представлении девочки совесть как «дум» и совесть как «чистая правда», пожалуй, можно не гадать: основание человеческого поведения лежит в той самотождественности *Я*, которое, как угодно модифицируясь, остается всегда равным себе и абсолютно тождественным уму, добру, истине и красоте. А совесть — только проявление отношения к самому себе и той самой целостности культурно-исторического

бытия человека, которая отразилась в субъективности индивида и оказалась точкой отсчета всех своих поступков. Далеко не только «поступка слова».

Но ведь всё, что выступает как непосредственное, опосредовано — это кажется настолько понятным, что даже Гегеля читать тут нет необходимости. Опосредовано даже то, что мы мыслим как безотносительное, как абсолютное и потому самотождественное, довлеющее в себе. Всё опосредовано, но есть формы опосредованности, которые проявляют себя именно и только как непосредственные. Выйти за пределы категории основания есть единственный способ — найти это основание в самом себе. В таком случае относительность выступит только как отношение к самому себе, как безотносительное к любому определению вне себя.

Только вот, конечно, возникает вопрос, *где искать себя*. Вопрос, пожалуй, более сложный, чем поиски места смысла. Читатель, надеюсь, понимает, что речь идет не о поиске своего места в жизни, тут науки никакой нет, и не о поисках себя способом примеривания к различным образцам, типажам стандартно-личностных образований, «моделям» и «звездам». А о том, каким образом понять человеческое *Я*, в чем увидеть его природу.

Нравственность как нечто абсолютное в составе личностного бытия проявляет себя только тогда, когда она отождествлена с *Я*, а *Я* — с формами того бытия, которые оно полагает себе в качестве своих собственных условий. Ибо она есть предел личностного определения. Потому что в ней человек относится сам к себе, и это отношение лишь модифицируется различными историческими обстоятельствами бытия. Самоубийство — личностный поступок, всегда имеет нравственную основу. Ибо в нем проявляется отношение человека к человеку в наиболее предельной форме — как отношение к самому себе.

Нравственность, выражающая отношение личностного начала к целостности человеческого бытия, следовательно, к другой личности в полноте ее определений,

и фиксирует непосредственное отношение человека к человеку. Поэтому она не ищет слов и не ищет смыслов — для того чтобы проявить свою активную позицию. Она есть именно эта позиция. Которая *через слово выражается только там, где уже имеет место рефлексия*. Там, где этой рефлексии нет, нравственность проявляется вообще помимо слова, а потому и помимо рассудочной мысли. В искусстве герой своим бытием и действием выражает свое отношение к содержанию мира — во всех его проявлениях. И в интегральном виде — к другому человеку. В искусстве это давно найдено, а в экзистенциализме этот экстремальный момент проявлен как точка, определяющая действительное лицо человека в отличие от его им самим для себя нарисованных личин. Совесть не говорит, она проявляет себя своим содержанием — без всякого размышления.

Интересно, что, по Гегелю, абсолютная нравственность «не совокупность, а безразличие всех добродетелей. Она проявляется не как любовь к отечеству, народу, законам, а как абсолютная жизнь в отечестве и для народа. Она есть абсолютная истина, ибо истина состоит лишь в фиксировании определенности, в “вечном” же народа снимается всякая единичность. Нравственность есть абсолютное образование, ибо в вечном наличествует реальное эмпирическое уничтожение всех определенностей и изменение всех. Она есть абсолютное бескорыстие, ибо в вечном нет ничего собственного. Она, и каждое из ее движений, есть высшая свобода и красота, ибо реальное бытие и оформление вечного есть красота. Ей чуждо страдание, она блаженна; ибо в ней снято всякое различие и всякая боль. Она есть божественное, абсолютное, реальное, существующее, сущее, ничем не прикрытое и не такое, что его можно было бы выделить лишь в идеальность божественного и извлечь лишь из явления и эмпирического созерцания, напротив, она непосредственно является абсолютным созерцанием» [3, с. 330—331]. Убивать и видеть глаза убиваемого поэтому не может без содрогания никто, еще сохраняющий в себе нечто человеческое.

«Уже та святость, — говорит другой мыслитель, — которая характеризует всякий чисто моральный поступок, зиждется на том, что последний в конечном основании вытекает из непосредственного уразумения тождества всех живых особей по их внутренней сущности» [4, с. 156].

Язык не первичен. Это лишь кажимость, что в начале было слово. И это так не только исторически, так оно и в онтогенезе, в индивидуальном развитии человека. Мощная сила слова свою мощь получает только из общественного содержания, которое поддается слову в той мере, в какой это содержание может бытовать в отвлеченной от реального бытия форме. В какой мысль, смысл, может обособить себя и в чем-то удержать свою обособленную форму. Только в этих условиях слово и может возникнуть. И удержать собой, и достаточно произвольно-свободно модифицировать любой смысл и через эту модификацию выстраивать субъективность человека и тем самым задавать ему мотив и форму деятельности. Иллюзия первичности слова возникает здесь.

Атмосфера кажется метафорой к выражению человеческого общежития. Но чем же дышит душа, если не этой атмосферой, в которой ведь распространены не только миазмы, но и красота, и добро?! Которые, как воздух, руками не пощупаешь, умом не почувствуешь. Но то, чем видишь, знаешь, чувствуешь, чем живешь и дышишь, и есть душа. Неспецифический орган чувств и смыслов. С неопределенным месторасположением. Как сознание.

Из анализа словесного состава языка, его морфологии, грамматики, синтаксиса и т. д. нельзя вычитать смыслы. Но звук, краска, пространственная фигура и т. д., всё чувственно воспринимаемое, содержит в себе те собственные свойства, которые точнее и плотнее способны выразить и удерживать соответствующие смыслы. И эти смыслы, как функции чего-то внешнего, столь органично смыкаются с собственными свойствами вещи, что сами кажутся их собственными определениями. Они становятся неразличимы не только для чувственного

созерцания, но и для ума. Потому различить их, отделить одно от другого, и не получается. Хирургический анализ мозговой ткани не обнаруживает там мысли — чем ставит в тупик исповедующего наивность суждения «сознание находится в голове». Как никакой физико-химический анализ золота не обнаружит в нем свойства денежности. Однако именно золото есть тот материал, который наиболее прочно срастается с формой меновой стоимости. Мозг тот орган, который пластично удерживает любые смыслы. Сращение смыслового движения и движения его органики может обнаружить себя в двух противоположных формах: определяюще-ведущей может стать смысловая сторона, а может и органическая. Превратите золото в железо, и свойство денежности «поплывет». Скрипка Страдивари есть «золото» по сравнению с «железом» поточного производства этого музыкального инструмента; рука скрипача, внимающая смыслу музыкального произведения, «срослась» со смыслом музыкальных звуков; чистый звук не мешает быть чистому смыслу и чувству. Мышление вне чистых форм — засасывающее болото эмпиризма. Художник умеет подобрать краски для выражения своего чувства и смысла.

— *Давай, ты нарисуй мне, а я буду раскрашивать!* — *просит меня та самая маленькая девочка.*

— *Нет, рисуй сама, — возражаю я. — Что хочешь и как хочешь. Ты сама должна думать! А раскрашивать — тут и думать не надо, это всякий дурак сделает.*

— *Нет, раскрашивать — это тоже думать надо!* — *не соглашается она.*

— *Да чего там думать! Раскрашивай, да и всё!*

— *Надо думать, какие краски выбрать, как их смешать и где как раскрасить!*

Кто бы мог подумать, что здесь думать надо?!

Можно было бы писать о различных смысловых нагрузках слова. Не случайно, еще в античные времена, возникла риторика. Но художественное слово, — пожалуй, самое примелькавшееся словосочетание.

Наверное, можно говорить и писать об эстетике слова, о его художественном смысле. Есть высокий слог. Есть поэзия слова. Есть такие сгущения языковой материи, которые могут поднимать нас в небеса человеческого духа и могут опускать в сточные ямы человеческой цивилизации. И сколь бы критики, аналитики, искусствоведы и лингвисты ни копались в этой материи, они выше и чище ее не сделают — дышать мы будем тем, что эта культура в атмосферу выбросит.

Литература

1. **Поляков Ю. М.** Небо падших // Левая грудь Афродиты: повести, пьесы, рассказ / Ю. М. Поляков. М.: Мол. гвардия, 2001. С. 123—248.
2. **Водовозова Е. Н.** История одного детства; Детство Никиты / А. Н. Толстой. М.: Эксмо, 2010. 576 с. (Новинка).
3. **Гегель Г.** Политические произведения. М.: Наука, 1978. 438 с.
4. **Шопенгауэр А.** Избранные произведения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. И. С. Нарский. М.: Просвещение, 1993. 477 с.

Поступило 20.02.2019

Лобастов Геннадий Васильевич — доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии Московского авиационного института (национальный исследовательский университет) — МАИ (Россия, 125993, Москва, Волоколамское ш., 4), lobastov.g.v@yandex.ru

References

1. Polyakov Yu. M. Nebo padshikh (Sky of the Fallen), *Levaya grud' Afrodity, povesti, p'esy, rasskaz*, by Yu. M. Polyakov, M., Mol. gvardiya, 2001. pp. 123—248.
2. Vodovozova E. N. Istoriya odnogo detstva (A History of One Childhood). Tolstoi A. N. Detstvo Nikity (Nikita's Childhood). M., Eksmo, 2010, 576 p., Novinka.
3. Gegel' G. (Hegel G.) Politicheskie proizvedeniya (Political Works), M., Nauka, 1978, 438 p.
4. Shopengauer A. (Schopenhauer A.) Izbrannye proizvedeniya (Selected Works), Sost., avt. vstup. st. i primch. I. S. Narskii, M., Prosveshchenie, 1993, 477 p.

Submitted 21.08.2018

Lobastov Gennadiy V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor; professor of Philosophy Department, Moscow Aviation Institute (National Research University) — MAI (4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russia), lobastov.g.v@yandex.ru

Аксиологические аспекты негосударственного высшего образования в условиях глобализации, интернационализации и информатизации образовательного пространства

С. Н. Панкина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

swepankina@inbox.ru

Анализируется то, каким образом глобализация, интернационализация и информатизация образования — тенденции, обуславливающие масштабные сдвиги в развитии систем образования всего мира, — воздействуют на систему негосударственного образования в России. Отмечается, что несмотря на возможность оптимистических прогнозов, российская образовательная система испытывает воздействие глобализационных процессов, но не отвечает вызовам глобализации. Анализируются перспективы негосударственного образования в контексте интернационализационной унификации. Исследуется информатизация как ключевой фактор развития негосударственной системы образования. Констатируется, что одним из самых значительных течений глобализации в образовании современности является процесс интернационализации образования.

Ключевые слова: глобализация; интернационализация; информатизация; система образования; негосударственное образование; образовательные стандарты; унификация.

Axiological Aspects of Non-State Higher Education in the Context of Globalization, Internationalization and Informatization of the Educational Space

S. N. Pankina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

swepankina@inbox.ru

The author analyzes the ways globalization, internationalization and informatization of education, trends that cause large-scale changes in the development of education systems around the world, affect the system of non-state education in Russia. The author noted that despite the possibility of optimistic forecasts Russian educational system, although experiencing the impact of globalization processes, does not meet the challenges of globalization. The author has analyzed the prospects of non-state education in the context of internationalization unification and studied informatization as key factor of non-state education system development. The author has stated that one of most significant trends of globalization in modern education is the process of its internationalization.

Keywords: globalization; internationalization; informatization; education system; non-state education; educational standards; unification.

Глобализация, берущая свое начало в эпохе великих географических открытий (именно они стали отправной точкой возможности

мыслить мир как единый пространственно-временной континуум), стала тенденцией, сопровождающей развитие мировой системы

капитализма, послужила основным фактором преобразования замкнутого мышления человека Средневековья, ограниченного воротами города, в мировоззрение гуманиста Новой эры — эпохи капитализма [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11], а далее сформировала картину мира современного человека постиндустриальной эпохи.

Капитализм во все времена, со стадии зачаточного состояния первоначального накопления капитала, поддерживал свое равновесие захватом новых территорий и рынков. К концу XX в. дискредитировала себя социалистическая система, что привело к тотальному всемирному распространению капиталистического метода хозяйствования и капиталистического мировоззрения. Констатируя это обстоятельство, следует признать, что сегодня Россия занимает в глобализационных процессах далеко не центральное, а скорее периферийное место. Причина состоит прежде всего в закономерностях распределения мировых финансовых потоков. Вместе с тем Россия включена в международную систему экономики, соответственно процессы глобализации в образовании являются для россиян объективно заданными.

Говорить о глобализации в сфере образования — значит понимать, что и в этой области она продолжается дольше, чем несколько десятилетий. Глобализация знаний возникла вместе с первым университетом. И поскольку, как отмечает Л. И. Ефремова, «глобализация экономики создает в мировом сообществе рынок профессий и образовательных услуг наднационального масштаба, поэтому образование становится более гибким и востребованным в самых разных странах, областях и сферах. <...> Сегодня мы имеем дело с “обществом и сообществом знаний”, формирование которого на мировой арене является объективной неизбежностью» [12, с. 21].

Негосударственное образование, с одной стороны, имеет вековые традиции, а с другой, характеризуется автономией и гибкостью учебных заведений, что позволяет лучшим учебным заведениям всего

мира адекватно реагировать на все запросы глобализации. Российское негосударственное образование испытывает трудности становления и развития, в то же время энергия самоорганизации — которой лишены государственные вузы, в силу того, что их деятельность чрезмерно регламентируется и тотально контролируется, — дает системе негосударственных вузов больше шансов стать не самым слабым звеном мирового образовательного пространства. Вместе с тем, хотя оптимистические прогнозы возможны, российская образовательная система (как совокупность государственного и негосударственного секторов) по ряду объективных причин не может достойно и в полной мере ответить на вызов глобализации. Ниже названы основные из тех причин, по которым глобализационные процессы замедляются и затрудняются.

Причина 1. Глобализация требует снижения государственного присутствия в образовании. Однако в России государство всеми силами старается это присутствие нарастить, ввести государственное регулирование даже негосударственного образования с помощью механизмов лицензирования, аккредитации, системы разрешительных документов. Вызывает удивление упорное стремление общества к повторению прежних ошибок: попыток обуздать энергию саморазвития (исключительно положительную, эволюционную) и заключить ее в рамки рационального регулирования. В соответствии с рыночными закономерностями, это приводит к нарастанию коррупции, созданию несимметричной конкуренции. При всей предрешенности результатов чиновнического регулирования механизмов естественного отбора административное присутствие в образовании увеличивается.

Причина 2. Государство поддерживает государственные вузы и, напротив, системой налогообложения и протекционизма подавляет негосударственный сектор высшего образования. При этом в самих государственных вузах система квотирования «бесплатных» мест приводит к нарастанию коррупционных процессов.

Причина 3. Закон глобализма диктует: создавай потребности, а в случае невозможности — успевай за ними. Система образования в России крайне ригидна. Механизмы государственного регулирования и реформирования не улучшают, а ухудшают ее адаптационные характеристики. Любая регулируемая государством система, тем более образование, которому имманентны процессы с пролонгированным, отложенным результатом, будет отставать от динамичных процессов, регулируемых рынком. В этом отношении негосударственное образование, основанное на принципе самоопределения, в силу этого принципа может быть значительно более адаптивным, а значит, более адекватным процессам глобализации. Проблема в том, что понятие автономии к негосударственным вузам можно применять только с рядом оговорок. Государство делает всё для нарушения экономического и академического суверенитета негосударственной системы образования, что затрудняет возможность соответствия негосударственных вузов мировым тенденциям.

Пути, ведущие к качественному изменению ситуации, известны и не новы. На наш взгляд, мероприятия, о которых следует говорить, — в большинстве своем не менторские, это не жестко заданные рациональные программы, а пути непротивления естественному ходу вещей в образовании и экономике, ведущие к освобождению энергии саморазвития негосударственных вузов, сковываемой государственным вмешательством.

Прежде всего, необходим последовательный и цельный подход к рыночным реформам. Рыночная экономика — это не только главный императив негосударственного образования, но и в целом императив успешности всех происходящих в образовании процессов, среди прочего глобализации. Ориентация на запросы рынка, на потребности рынка труда в специалистах определенных квалификаций и специальностей, равная конкуренция — те факторы, которые позволят системе образования забраковать нерентабельные вузы,

образование в которых не соответствует статусу высшего, и выявить вузы, образование в которых, напротив, является элитным. Именно они в большей степени могут соответствовать запросам глобализации. Прочувшись два курса именно в таком учебном заведении, молодой человек сможет продолжить образование в Принстоне, а работу получить в любой стране мира. Эти рассуждения можно было бы считать утопическими, если бы не два обстоятельства. Во-первых, эти процессы уже идут весьма интенсивно и скоро позволят говорить не о единичных случаях, а о тенденции. Во-вторых, глобализация — это, как подчеркивалось ранее, естественный процесс, который можно оценивать по разным критериям и с разных позиций, но не считаться с ним значит действовать вопреки доминирующим настроениям.

Рыночные механизмы, как уже отмечалось, в России не унифицированы. В небольшом районном центре, где высшее учебное заведение только одно, ни о каких конкурентных условиях речь не идет. Абсолютизация «самоокупаемости», непризнание маркетинговой философии, асоциальная политика во многих областях, в том числе в сфере образования, уже привели к плачевным результатам.

Кроме того, из приоритета рыночных отношений не должно следовать превалирование экономического подхода к образованию. Мировой опыт показывает, что ни в одной из стран, вовлеченных в глобализацию и унификацию образовательного процесса, образование все же не рассматривают с методологических позиций экономического подхода. В образовательном процессе остается место для творчества, педагогической самореализации. Собственно, личностная ориентированность образования, условие его элитности, и экономический подход к человеку как ресурсу методологически мало совместимы. При всей подкупающей универсальности второго элитные учебные заведения не были бы таковыми, если бы не считали непреходящей ценностью педагогического процесса

личность и индивидуальность. Такая ценностная ориентация не дает образованию превратиться в конвейер. В этом отношении глобализацию опасно и вредно понимать как массовизацию и конвейеризацию образования, ведущую к отмиранию педагогической науки и педагогических традиций за ненадобностью.

Рассуждая о мероприятиях, необходимость которых обуславливается объективностью процессов глобализации, мы возвращаемся к проблеме унификации образовательных программ и стандартов. Понятие стандартов нами рассматривалось с разных сторон и в разных аспектах. Возник вопрос, какой должна быть унификация, если образовательный стандарт нового образца включает гражданственность, духовность, индивидуальность, т. е. все те компоненты национальной идеологии, которые по определению интернациональной унификации не подлежат.

Ответ заключается в том, что унификация в образовании — не разработка единого для всех стран и учебных заведений образовательного плана и стандарта, а процесс, итогом которого должна стать качественная и количественная *непротиворечивость* этих стандартов. Образование, как нами отмечалось, это не конвейер по производству компетентных специалистов. По этой причине задача непротиворечивости не может быть решена на одном международном совещании нескольких концернов, подобно тому как это происходит, например, в сфере высоких технологий, в которой концерны договорились о стандартах SECAM, PAL и DVD за несколько совещательных итераций. В образовании проблема непротиворечивости не может быть устранена волевым решением нескольких лиц, независимо от их полномочий. Традиции, национальная и конфессиональная специфика, династические принципы в педагогике, гражданственность — все эти и многие другие компоненты важны и дороги любой стране и образовательному учреждению, и не каждый вуз захочет пожертвовать даже одним из этих компонентов во имя глобализационного единообразия.

Во многих отношениях ключом к решению глобализационной задачи непротиворечивости стандартов сегодня служат принципы открытого образования, базирующегося на гуманистических общечеловеческих ценностях, которые, во всяком случае, не противоречат ни одной неэкстремистской национальной идеологии. Более того, гуманистические принципы в перспективе позволят интегрировать идеологические основы национальных образовательных систем.

Антиглобализационное движение сегодня набирает обороты вместе с процессом глобализации. Одним из самых сильных аргументов антиглобалистов является самоценность традиций, так называемая национальная специфика. Антиглобалисты видят в глобализации прежде всего унификацию, они акцентируют внимание на опасности утратить национальную самобытность, ассимилироваться в наднациональное общемировое пространство. Опасность традиционалистской замкнутости нам видится в превращении исторического пути в паломничество по святым местам отцов и дедов. Консерватизм, реставрации всегда приводят к цивилизационному старческому маразму. Путь, вся сущность которого — отступление назад, не более разумен, чем безоглядная гонка через все преграды к аморфным идеям будущего.

Антиглобалисты обвиняют приверженцев глобализации во всеядности, податливости, отчаянности, в принятии глобализационной унификации в качестве самоцели. Однако беспристрастный анализ не позволяет считать глобализацию самоцелью. Это вообще не цель, это объективный процесс, в котором, как в любом процессе, есть позитивные и негативные стороны. Абсолютизировать глобализацию столь же вредно, как ее не замечать и не признавать. Однако утрата национальной идентичности — не главная отрицательная сторона глобализации, ее есть возможность избежать. Глобализм основывается на гуманизме. Гуманизм непреложной ценностью считает личностное жизненное пространство человека, границы

которого священны. Право нации на самоопределение, национальную специфику и традиции, с точки зрения гуманизма, столь же непререкаемо.

Таким образом, глобализация не грозит национальной идентичности. Есть другие отрицательные стороны процесса глобализации, говоря о которых, некоторые авторы [13; 14; 15] отмечают, что образование стало «жертвой» глобализма. Это проявляется в ряде тенденций.

Во-первых, образование превращается не просто в услугу, а в товар, причем конвертируемый. В него выгодно инвестировать, что, если рассуждать в жанре антиутопии, может привести к созданию транснациональных корпораций в образовании, производственный процесс в которых будет напоминать пищевой конвейер в сети ресторанов быстрого питания. Естественно, более уязвимо в этом отношении негосударственное образование, которое по своей экономической природе сильнее зависит от рыночных тенденций.

Во-вторых, на первое место на рынке образовательных услуг выходит бизнес-образование и «прагматическое образование». Потребителями, диктующими свои условия, в образовательном процессе становятся все те же ТНК, ориентирующиеся не на национальную идеологию, а на внутрикорпоративную этику, сублимированную и модифицированную. Более того, в собственных корпоративных университетах ТНК генерируют и транслируют эту внутрикорпоративную этику, внутрикорпоративные традиции и принципы как над- и сверхнациональные ценностные ориентиры.

В-третьих, глобализация влечет за собой новое понимание работы, труда как способа зарабатывать на жизнь. С одной стороны, глобализация создает новые рабочие места, с другой — они не привязаны к традиционному пониманию занятости. Рабочее место в классическом понимании — это место, зафиксированное в географическом смысле, адресно. Рабочее место глобалиста более мобильно, оно может быть даже

виртуальным. На глобальном рынке рабочей силы понятие штатного сотрудника должно уступить место понятию универсального, транснационального сотрудника. Конечно, в современном мире лелеять ильфо-петровскую мечту о «свечном заводике» значит не считаться с объективными процессами. Но при глобалистском понимании работы из повседневной жизни могут уйти ценности, зафиксированные в народной мудрости «Где родился, там и пригодился».

В-четвертых, проблема образовательных стандартов поднимает проблему языковой унификации. Язык является основным средством и формой коммуникации. Стандартизация образования неизбежно, пусть и не сразу, приведет в образовательной сфере к установлению одного языка и созданию цельного языкового пространства. Это не утопия. В Средние века в европейском университетском образовательном пространстве таким языком была латынь. Сегодня требование свободного владения английским языком само собой разумеется при приеме на сколько-нибудь престижную и перспективную работу в России и других странах мира.

Некоторые исследователи, анализируя геополитические процессы, прогнозируют [16; 17; 18], что в недалеком будущем весь мир будет изучать китайский язык. Лингвисты также описывают языковую историю человечества как движение от народных языков к национальным и межнациональным. Таким образом, проблема общего языка рассматривается в самых разных аспектах. Но в сфере образования ситуация во многом предreshена: она придет со временем к единому языку, каким, по всей вероятности, будет английский.

Национальный язык является носителем национальной ментальности и мировоззрения, главным аккумулятором и транслятором национальных традиций и ценностей. Понимая это, мы вынуждены констатировать, что уже не в состоянии обозначить многие присутствующие в нашей жизни понятия на родном языке и прибегаем к английской лексике и терминологии.

Это может означать в ближайшей перспективе, что категориальный аппарат общенационального мышления, мировоззрения обеднеет, станет жертвой глобализационной унификации. Мы фиксируем это как объективную тенденцию, негативную сторону которой пока трудно нейтрализовать.

Несмотря на все отмеченные отрицательные аспекты, глобализация, как любая тенденция, — это источник идей, смыслов, замыслов, начинаний и проектов. Одним из самых значительных течений глобализации в образовании современности является процесс *интернационализации образования* [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25]. Под интернационализацией принято понимать «процесс внедрения международного аспекта в исследовательскую, образовательную и обслуживающую функции высшего образования» [20, с. 2], а главным ее итогом сегодня является создание Болонской системы высшего образования (Болонская декларация, подписанная в 1999 г., зафиксировала формирование единого европейского образовательного пространства). С целью разделить понятия глобализации и интернационализации примем за основу следующий подход: «...если глобализация означает возникновение гибридной мировой культуры и смешение национальных традиций и даже может нивелировать национальный образовательный суверенитет, то интернационализация оставляет за ним право на существование с учетом включенности в общемировую образовательную систему, поскольку основана на кросскоммуникации и объективно возрастающей необходимости всестороннего международного обмена» [26, с. 77—78]. Тем не менее верно и то, что «глобализация и интернационализация образования — два взаимосвязанных и взаимообусловленных, а не разнонаправленных или антагонистичных процесса, ведущих к приданию образовательным учреждениям новых форм» [26, с. 78].

Реформирование системы образования в России в соответствии с задачами Болонского процесса фактически завершено: введена система измерения трудоемкости

в кредитах, система образования перешла на близкие или совпадающие двухуровневые программы и квалификации (бакалавриат и магистратура), внедрены новые подходы к описанию содержания и качества образования. Возможности самоопределения и саморегуляции облегчают системе негосударственного образования, более эластичной и молодой, переход на образовательные европейские кредиты. Кроме того, многие негосударственные вузы нацелены на то, чтобы в будущем стать элитными высшими учебными заведениями. Такое позиционирование негосударственных вузов ставит перед ними задачу ориентироваться на студентов с высокими личностными требованиями к образовательному процессу и широкими финансовыми возможностями. В самом деле, переход на европейскую систему кредитных единиц, кажущийся экзотичным и ненужным людям со средними запросами к образованию, важен именно для элитной группы студентов. При наличии финансовой возможности и личностного потенциала единая кредитная система позволит им продолжить образование в одном из зарубежных университетов или, в рамках академической мобильности, возвратиться в свой вуз после освоения части учебной программы в иностранном (принимающем) учебном заведении.

Однако увлечение любым нововведением таит в себе серьезную опасность преждевременно и неоправданно отказаться от проверенного и отработанного. Гумбольдтовская система, при всей своей ригидности, отлично показала себя в российском образовании. В ее рамках молодым людям, обладающим задатками и способностями, при воздействии талантливого педагога открывались возможности за сравнительно короткий срок стать высококлассными специалистами в той или иной области.

Перспективы развития негосударственного образования в контексте интернациональной унификации трудно искусственно смоделировать ввиду специфики образовательного процесса, который, как

подчеркивалось ранее, отличается пролонгированностью результатов. Можно прогнозировать только, что любое рационалистское переламирование естественного хода вещей грозит утратой наработанного и незрелостью поспешных нововведений. Негосударственным вузам переход на европейскую систему навязывается, так как он инициирован решением, принятым на министерском и — выше — государственном уровне. Преодолеть все трудности переходного периода возможно, если не ломать отлаженный механизм, не увлекаться прожектерством, а исходить из эмпирических реалий. По справедливому замечанию В. В. Ильина, недопустимо заменять проблему «быть или не быть?» призывом «Была не была!»

Таким образом, участие в Болонском процессе для негосударственных вузов России, с одной стороны, экономически и организационно облегчено их самоопределением, автономией и экономической свободой, с другой стороны, искусственно навязываемо европейским сообществом и российским государством. Ректоры ведущих негосударственных вузов России выбрали единственно верный механизм и беспроигрышный путь: относиться к глобализации как к естественному ходу событий, от которого нельзя отставать, но и опережать который тоже опасно. Искусственная экстраполяция капитализма уже повлекла за собой многие плачевные последствия и привела Россию на периферию мировой экономики. Темпы глобализационных процессов в области образования, как отмечает П. С. Аветисян, также выглядят угрожающими для российской национальной образовательной системы, так как создают для нее опасность не ассимилироваться, а «быть поглощенной европейской системой образования, тем не менее, европеизация образования создает невиданные ранее возможности для решения проблем сохранения и преумножения образовательного потенциала» [27, с. 72].

Превращение информации в главный экономический ресурс для развитой части человечества — основная тенденция

информатизации. По мере развития информационных технологий, также нарастающими темпами, шел процесс образования единого информационного пространства всего мира, окончательно заверченный проникновением в самые далекие части планеты сети Интернет. Еще 20 лет назад Л. Д. Рейман, в то время министр Российской Федерации по связи и информатизации, в докладе на семинаре «Глобализация информационного пространства: вызовы и новые возможности для России» дал весьма емкую оценку этому процессу: «Конец XX века ознаменовался огромным прогрессом в развитии телекоммуникационных технологий. Сегодня, тридцать лет спустя после создания первых компьютерных сетей и восемь лет спустя после того, как Интернет приобрел современные очертания, говорить о глобальном информационном пространстве стало не только теоретически интересно, но и практически необходимо. <...> Пятьдесят лет тому назад, если вы хотели переслать 30 страниц текста на расстояние 5 тыс. км, то вам потребовалось бы примерно 10 дней, и стоило бы это около 30 долл. за услуги почтовой связи. Двадцать лет тому назад вы бы, наверное, прибегли к услугам факса. Это заняло бы у вас примерно час, и стоимость составляла где-нибудь 50 долл. Сегодня, если говорить о самых лучших сетях передачи данных, на это требуется не более 3 СЕКУНД и стоимость составит около 3 центов. Таким образом, стоимость упала в тысячу раз, скорость возросла в 300 тыс. раз. *Колоссальное увеличение скорости при одновременном снижении стоимости, появление практической возможности передачи мультимедийной информации в реальное время, увеличение скорости систем поиска и обработки информации в МИЛЛИОН РАЗ — это основы будущего развития всех сфер жизни общества*» (приводится по: [28, с. 21—22]).

Проникновение процесса информатизации в образование неизбежно вытекает из обострения следующего противоречия: объем знаний и информации, необходимых для решения текущих задач общества, науки и техники, все время нарастает, причем

ускоряющимися темпами, а человеческие возможности воспринимать и усваивать новую информацию ограничены [29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36]. В связи с этим П. С. Аветисян констатирует особое положение образования в информатизации: в этом процессе «задействованы все компоненты системы образования, более того, его идейное содержание, цели, методы, технологии уже утратили традиционную стабильность. <...> Исходя из этих рассуждений, в широком смысле, под информатизацией образовательного процесса следует понимать, прежде всего, ускорение динамики оборота знаний и информации в образовательной системе» [37, с. 24]. Принимая это во внимание, некоторые специалисты прогнозируют [38; 39], что в относительно недалекой перспективе сущность и содержание образовательного процесса претерпят глубочайшие трансформации в результате информатизации: обучение станет направляемым куратором (вузом, преподавателем) самодвижением обучающегося в открытой информационно-образовательной среде, насыщенной всеми знаниями человечества и пронизанной всеми доступными средствами связи, коммуникации и доставки информации. Будет изменяться и представление человечества о сути и природе знания и познания.

Содержательный уровень информатизации, таким образом, тесно связан с техническим уровнем. В узком понимании, осмысляемая на технико-технологическом уровне, информатизация образования представляет собой процесс трансформации системы трансляции знаний и передачи информации в образовательном процессе (на всех уровнях образовательной системы) в направлении всестороннего применения информационных технологий и интеграции локальной образовательной системы в открытую информационно-знаниевую среду. Процесс информатизации образования как на содержательном, так и на техническом уровне вызывает необходимость реорганизации всего образовательного процесса в вузе: речь идет, как подчеркивает Т. В. Растимешина,

не только о техническом переоснащении, но и о трансформации форм, технологий и методов обучения: «Обучение с использованием инфокоммуникационных технологий перестало быть перспективным направлением развития образования и стало одним из его центральных течений. Студенты XXI в. предъявляют совершенно новые требования к содержанию, качеству и даже тематике образования: современный человек стремится к самосовершенствованию и в социокультурном, и в профессиональном, и в технологическом отношении и готов уже сегодня применять все доступные инструменты для того, чтобы интенсифицировать этот процесс» [40, с. 133–134].

Сущностные аспекты информатизации образования и в широком смысле, и в узком, технологическом созвучны с императивами и приоритетами негосударственного образования, так как «в процессе информатизации осуществляется синтез гуманитарного и естественнонаучного знания, без него невыполнимой становится задача ориентации на новое опережающее качество образования. Более того, новые информационные технологии позволяют осуществлять личностно ориентированное образование, избегая массовизации и усредненности» [37, с. 25]. Без включения современного студента в открытую образовательную среду образовательный процесс фактически невозможен, тогда как открытие новых форм и методов обучения в этой среде изменяет некоторые параметры процесса познания.

Вместе с тем существует и ряд противоречий. Идеальная составляющая образовательного процесса (идеал человека нового тысячелетия) вынужденно и адаптивно трансформируется: владение информационными технологиями, а также компетентная способность развиваться личностно и профессионально в расширяющейся и изменяющейся среде знаний и информации становятся одними из ключевых параметров нового качества образования.

Российские исследователи (и мы в их числе) полагают, что информатизация образования и интеграция вузов в мировое

образовательное пространство, интернационализация образования являются факторами обеспечения его нового качества. Процесс информатизации резонирует с императивами и приоритетами негосударственного образования:

- опережающим характером (нацеленностью на проблемы будущей информационной цивилизации);
- повышенной доступностью образования (благодаря применению информационных и телекоммуникационных технологий);
- возможностью постоянного и быстрого обновления и пополнения знаний без отрыва от основной работы;
- бесконкурсным поступлением в высшее учебное заведение;
- креативностью как необходимым условием усиления творческого начала;
- свободой выбора индивидуальной программы обучения из предлагаемого набора учебных курсов;
- свободой в выборе темпов обучения за счет приема студентов в течение всего учебного года и отсутствия фиксированных сроков обучения;
- свободой в выборе места обучения и рядом других [41, с. 56—57].

Информатизация резонирует и с другими императивами и приоритетами негосударственного высшего образования по четырем основным направлениям.

1. Открытая среда образовательного администрирования позволяет управлять системой вуза на основе самой полной и достоверной научно-педагогической информации. Управление в негосударственных вузах осуществляется в режиме самостоятельного реагирования на изменения ситуации во внешнем мире, в этом процессе полнота и скорость информации исключительно важны. Для негосударственного вуза скорость реагирования на вызовы, риски и другие изменения научно-образовательной среды выступают ключевыми условиями обеспечения адаптивных этим рискам изменений.

2. Открытая образовательная среда и возрастающая доступность новых технологий, с одной стороны, и более широкие

возможности негосударственных вузов для их применения в образовательном процессе (ввиду отсутствия административных и бюрократических барьеров), с другой, позволяют непрерывно совершенствовать содержание, методы, формы, технологии и даже принципы обучения, что коррелирует с приоритетом обеспечения опережающего качества образования.

Скорость развития науки, смена научных парадигм, революционные изменения во многих областях научного знания требуют пересмотра тематического содержания образования, включения в образовательный процесс новых тем, программ, проблем и проектов, отражающих тенденции развития науки. Кроме того, подчеркивает Т. В. Растимешина, «информационная емкость гипертекстовых и гипермедийных форм представления знаний позволяет увеличить объем материала, который усваивает студент. Таким образом, требование нового качества и опережающего характера образования достигается путем обогащения его содержания» [40, с. 135].

3. Открытая образовательная среда и обеспечение доступа к ней посредством сетевых и информационных технологий способствует обеспечению максимальных возможностей для самообразования и саморазвития, выбора и построения студентом траектории личностного и профессионального роста. Информатизация представляет собой этап построения качественно новой системы обучения, существенные черты которой отмечает Т. В. Растимешина: «...с одной стороны, сохраняются важные принципы традиционного обучения, а с другой, развиваются такие инновационные, но при этом уже жизненно необходимые компетенции студента, как способность самостоятельно осваивать информационную среду, адаптироваться к ней и совершенствоваться лично и профессионально» [40, с. 135].

Вместе с тем в отношении интернет-технологий положение негосударственных вузов двойственно. Они более свободны и мобильны в глобальном информационном

пространстве, их не ограничивают государственные цензы и квоты. При этом вследствие такой информационной открытости они более уязвимы для проникновения в образовательный процесс отрицательных воздействий глобальных сетей.

4. Информационные технологии в обучении «воплощают в себе противоречие и диалектическое единство двух необходимых свойств учебного процесса в вузе XXI в.: массовости (как следует среди прочего и из названия) и возможности индивидуализации учебного процесса» [40, с. 136]. Так, сетевые технологии по определению не налагают физических ограничений на количество обученных при реализации сетевых и онлайн-курсов. Вместе с тем, продолжает Т. В. Растимешина, особенности обучения в сети «позволяют реализовать учебный процесс в соответствии с личностными (при их ведущей роли), субъектными и индивидуальными свойствами каждого студента» [40, с. 136]. В частности, информатизация способствует реализации индивидуализации и осуществлению лично ориентированного подхода к обучению, благодаря расширению возможностей использования психолого-педагогических тестирующих, диагностирующих методик и технологий контроля и оценки продвижения студента в обучении.

Мы можем с уверенностью говорить о том, что техническая оценка более объективна, не требует от оцениваемого эмоционального напряжения, связанного с общением с преподавателем. Несомненно, в использовании технических средств необходим гибкий подход: их превалирование может отрицательно сказаться на личностной стороне педагогического процесса. В негосударственных вузах есть возможность гибкого использования такого рода технических средств. Более того, ориентация на студента дает последнему право выбора в отношении средств контроля.

Итак, информатизация представляет собой столь же объективный процесс, как и глобализация. Эти два процесса создают единое информационное и образовательное

пространство, они системно взаимосвязаны и системно воздействуют на все аспекты деятельности негосударственных вузов.

Литература

1. *Nettl J. P., Robertson R.* International Systems and the Modernization of Societies. London: Faber & Faber, 1968. 216 p. (Society today and tomorrow).
2. *Robertson R.* Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / Eds.: M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London: SAGE Publications, 1995. P. 25—44.
3. *Robertson R., Lechner F.* Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory // Theory, Culture & Society. 1985. Vol. 2, No. 3. P. 103—117. <https://doi.org/10.1177/0263276485002003009>
4. *Wallerstein I.* The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York: Academic Press, 1976. 244 p. (Studies in social discontinuity).
5. The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945—2025 / Eds.: I. Wallerstein, T. Hopkins. London: Zed Press, 1996. 337 p.
6. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-традиция, 2000. 384 с.
7. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 95 с.
8. *Гидденс Э.* Ускользающий мир = Runaway world: Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 116 с.
9. *Ильин И. В., Урсул А. Д.* Глобальные исследования и эволюционный подход = Global studies and the evolutionary approach. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. 565 с.: портр. (Основы глобалистики. Эволюционное измерение = Basics of globalistics. Evolutionary dimension).
10. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: становление человека печатающего = The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man / Пер. О. И. Тюриной. М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. 496 с. (Концепции).
11. *Чумаков А. Н., Иоселиани А. Д.* Философские проблемы глобализации. М.: Университетская книга, 2015. 172 с.
12. *Ефремова Л. И.* Философские основания формирования образовательного пространства государств СНГ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2008. № 3. С. 15—25.
13. *Соколова Л. Б., Кусжанова А. Ж.* Меняющееся образование в меняющемся мире // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (54). С. 81—87.
14. *Пономарев А. В., Пономарева О. Я.* Социокультурная трансформация высшего образования в России // Российское образование в условиях социальных трансформаций: социологические очерки / Отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-т им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. С. 567—576.

15. **Wende M. C. van der.** How do globalisation forces affect higher education systems? // University World News: [Web] / Higher Education Web Publishing Ltd. 23.06.2017. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20170620114312877> (accessed: 04.03.2019).
16. **Котик А. Ю.** Значение практики изучения китайского языка для будущего международной экономики // Сотрудничество Китая и России в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11 сент. 2017). М.: Центр исследования России Харбинского инженерного университета, 2017. С. 47—50.
17. **Dzhun N. M.** The Chinese Language as a Means of Linguistic Communication: Background and Modernity // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2015. № 2. С. 212—216.
18. **Yeng-Seng Goh.** Teaching Chinese as an international language: a Singapore perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 300 p. <https://doi.org/10.1017/9781107280472>
19. **Knight J.** Internationalization of Higher Education: a Conceptual Framework // Internationalization of Higher Education in Asia Pacific Countries / Eds.: J. Knight, H. de Wit. Amsterdam: European Association for International Education, 1997. P. 5—19.
20. **Knight J.** Updated Definition of Internationalization // International Higher Education. 2003. No. 33. P. 2—3.
21. **Галаган А. И.** Интеграционные процессы в области образования: анализ мировых тенденций // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 5. С. 72—85.
22. **Исаева О. Н.** Интеграционные процессы в области образования как фактор формирования мировой образовательной системы: анализ мировых тенденций // Российский научный журнал. 2008. № 3 (4). С. 161—169.
23. **Callan H.** Higher Education Internationalization Strategies: Of Marginal Significance or All-Pervasive? The International Vision in Practice: A Decade of Evolution // Higher Education in Europe. 2000. Vol. 25, Issue 1. P. 15—23. <https://doi.org/10.1080/03797720050002161>
24. Управление в высшей школе: опыт, тенденции, перспективы: [аналитический доклад] / В. М. Филиппов, И. В. Аржанова, В. Н. Васильев, А. С. Востриков и др. Изд. 2-е. М.: Логос, 2006. 487 с.: ил., табл.
25. **Yelland R.** Supranational Organizations and Transnational Education // Higher Education in Europe. 2000. Vol. 25, Issue 3. P. 297—303. <https://doi.org/10.1080/713669281>
26. **Пирогов А. И., Растимешина Т. В.** Интернационализация образования в контексте формирования единого общеевропейского образовательного пространства // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 1 (5). С. 76—84.
27. **Аветисян П. С.** Европеизация образования как инновационный фактор формирования единого образовательного пространства СНГ // Вестник Российско-армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2007. Т. 5 № 2. С. 64—73.
28. **Панарин И. Н.** Информационная война и выборы. М.: Городец, 2003. 411 с.: ил.
29. **Борисенко В. В.** Наука и рыночные отношения в информационном обществе: социально-философский анализ. М.: Наука, 2008. 246 с.
30. **Грабельников А. А.** Средства массовой информации постсоветской России: пятнадцать лет спустя. М.: РУДН, 2008. 339 с.
31. **Капица С. П.** Очерк теории роста человечества: демографическая революция и информационное общество / Предисл. А. А. Кокошина. 2-е изд. М.: Ленанд, 2014. 122 с.: ил., табл.
32. **Castells M.** The Rise of the Network Society. 2nd ed., with a new preface. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 656 p.
33. **Корнеев И. Н.** Особенности становления и развития телекоммуникационной индустрии как основы российской модели информационного общества: монография. М.: Наука, 2010. 373 с.: ил.
34. **Химанен П., Кастельс М.** Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель / Пер.: А. Калинин, Ю. Подорога. М.: Логос, 2002. 224 с.
35. **Хосейн Г.** ЮНЕСКО. Политика информационного общества: ограничение и сдерживание глобальных потоков данных = UNESCO. Politics of the information society: the bordering and restraining of global data flows. М.: МЦБС, 2008. 66 с.
36. **Швецов А. Н.** «Информационное общество»: теория и практика становления в мире и в России. М.: URSS: ИСА РАН, 2011. 277 с.: табл.
37. **Аветисян П. С.** Информатизация образования как информационно-технологическая и социокультурная основа формирования единого образовательного пространства стран СНГ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2007. № 1. С. 21—30.
38. **Хохлова В. В., Штефан А.** Педагогическое взаимодействие в информационном обществе: монография. Нижний Новгород: Гладкова О. В., 2003. 249 с.: ил.
39. **Guttman C.** Education in and for the Information Society. Paris: UNESCO, 2003. 80 p.
40. **Растимешина Т. В.** Применение массового открытого онлайн-курса при реализации дисциплины «Социокультурные процессы в современном мире»: методические перспективы в контексте современных тенденций развития образования // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 4 (20). С. 133—138. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-4-133-138>
41. **Моисеев В.** Открытое образование: идеология формирования сети // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 78—83.

Поступила 29.01.2019

Панкина Светлана Николаевна — заместитель начальника управления по делам молодежи и связям с общественностью Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), swepankina@inbox.ru

References

1. Nettl J. P., Robertson R. International Systems and the Modernization of Societies. London, Faber & Faber, 1968, 216 p. Society today and tomorrow.
2. Robertson R. "Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity". *Global Modernities*, Eds.: M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London, SAGE Publications, 1995, pp. 25—44.
3. Robertson R., Lechner F. "Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory". *Theory, Culture & Society*, vol. 2, no. 3, 1985, pp. 103—117, <https://doi.org/10.1177/0263276485002003009>
4. Wallerstein I. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York, Academic Press, 1976, 244 p. Studies in social discontinuity.
5. Wallerstein, I., Hopkins, T., eds. *The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945—2025*. London, Zed Press, 1996, 337 p.
6. Bek U. (Beck U.) Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu (Society of Risk. On the Way to Other Modern), Per. s nem. V. Sedel'nika, N. Fedorovoi, M., Progress-traditsiya, 2000, 384 p.
7. Bodriyar Zh. (Baudrillard J.) V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo (In the Shadow of Silent Majority, or the End of the Social), Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2000, 95 p.
8. Giddens E. (Giddens A.) Uskol'zayushchii mir (Runaway World): Kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn' (How Globalization Changes Our Life), M., Ves' mir, 2004, 116 p.
9. Il'in I. V., Ursul A. D. Global'nye issledovaniya i evolyutsionnyi podkhod (Global Studies and the Evolutionary Approach), M., Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2013, 565 p., portr. Basics of globalistics. Evolutionary dimension.
10. Maklyuen M. (McLuhan M.) Galaktika Gutenberg: stanovlenie cheloveka pechatayushchego (The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man), Per. O. I. Tyurinoi, M., Akademicheskii proekt, Fond "Mir", 2005, 496 p., Kontseptsii.
11. Chumakov A. N., Ioseliani A. D. Filosofskie problemy globalizatsii (Philosophical Problems of Globalization), M., Universitetskaya kniga, 2015, 172 p.
12. Efremova L. I. Filosofskie osnovaniya formirovaniya obrazovatel'nogo prostranstva gosudarstv SNG (The Philosophical Basis of the Uniform Education Area of the CIS States Formation), *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov, Seriya Filosofiya*, 2008, No. 3, pp. 15—25.
13. Sokolova L. B., Kuszhanova A. Zh. Menyayushcheesya obrazovanie v menyayushchemsya mire (Changing Education in Changing World), *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2009, No. 2 (54), pp. 81—87.
14. Ponomarev A. V., Ponomareva O. Ya. Sotsiokul'turnaya transformatsiya vysshego obrazovaniya v Rossii (Socio-Cultural Transformation on Higher Education in Russia), *Rossiiskoe obrazovanie v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii, sotsiologicheskie ocherki*, Otv. red. Yu. R. Vishnevskii, Ekaterinburg, Ural'skii federal'nyi un-t im. Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, 2009, pp. 567—576.
15. Wende, Marijk van der. "How Do Globalisation Forces Affect Higher Education Systems?" *RSS University World News*, Higher Education Web Publishing Ltd., 23 June 2017, www.universityworldnews.com/post.php?story=20170620114312877 (accessed: 4 Mar. 2019).
16. Kotik A. Yu. Znachenie praktiki izucheniya kitaiskogo yazyka dlya budushchego mezhdunarodnoi ekonomiki (Significance of Chinese Language Studying Practice for the Future of International Economics), *Sotrudnichestvo Kitaya i Rossii v ramkakh initsiativ "Odin poyas, odin put'"*, sb. mat-lov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 11 sent. 2017), M., Tsentr issledovaniya Rossii Kharbinskogo inzhenernogo universiteta, 2017, pp. 47—50.
17. Dzhun N. M. "The Chinese Language as a Means of Linguistic Communication: Background and Modernity". *Visnyk Zaporiz'kogo nacional'nogo universytetu. Filologichni nauky*, no. 2, 2015, pp. 212—216.
18. Yeng-Seng Goh. Teaching Chinese as an international language: a Singapore perspective. Cambridge, Cambridge University Press, 2017, 300 p. <https://doi.org/10.1017/9781107280472>
19. Knight J. "Internationalization of Higher Education: a Conceptual Framework". *Internationalization of Higher Education in Asia Pacific Countries*, eds.: J. Knight, H. de Wit, Amsterdam, European Association for International Education, 1997, pp. 5—19.
20. Knight J. Updated Definition of Internationalization, *International Higher Education*, no. 33, 2003, pp. 2—3.
21. Galagan A. I. Integratsionnye protsessy v oblasti obrazovaniya: analiz mirovykh tendentsii (Integration Processes in the Domain of Education: World Tendencies Analysis), *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2002, No. 5, pp. 72—85.
22. Isaeva O. N. Integratsionnye protsessy v oblasti obrazovaniya kak faktor formirovaniya mirovoi obrazovatel'noi sistemy: analiz mirovykh tendentsii (Integration Processes in Education as a Factor of Formation of Educational System of the World: the Analysis of the World Tendencies), *Rossiiskii nauchnyi zhurnal*, 2008, No. 3 (4), pp. 161—169.
23. Callan, Hillary. "Higher Education Internationalization Strategies: Of Marginal Significance or All-Pervasive? The International Vision in Practice: A Decade of Evolution". *Higher Education in Europe*, vol. 25 (1), 2000, pp. 15—23, <https://doi.org/10.1080/03797720050002161>
24. Filippov V. M., Arzhanova I. V., Vasil'ev V. N., Vostrikov A. S. et al. Upravlenie v vysshei shkole: opyt, tendentsii, perspektivy, analiticheskii doklad (Management in Higher School: Experience, Tendencies, Prospects, Analytical Report), Izd. 2-e, M., Logos, 2006, 487 p., il., tabl.
25. Yelland, Richard. "Supranational Organizations and Transnational Education". *Higher Education in Europe*, vol. 25 (3), 2000, pp. 297—303, <https://doi.org/10.1080/713669281>
26. Pirogov A. I., Rastimeshina T. V. Internatsionalizatsiya obrazovaniya v kontekste formirovaniya edinogo obshcheevropeiskogo obrazovatel'nogo prostranstva (Internationalization of Education within the Framework of Europe's Common Education Space Formation), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2015, No. 1 (5), pp. 76—84.

27. Avetisyan P. S. Evropeizatsiya obrazovaniya kak innovatsionnyi faktor formirovaniya edinogo obrazovatel'nogo prostranstva SNG (Europeanization of Education as Innovative Factor of Common Educational Space Formation in CIS), *Vestnik Rossiisko-armyanskogo (Slavyanskogo) universiteta: gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2007, T. 5 No. 2, pp. 64–73.
28. Panarin I. N. Informatsionnaya voyna i vybory (Information War and Election), M., Gorodets, 2003, 411 p., il.
29. Borisenko V. V. Nauka i rynochnye otnosheniya v informatsionnom obshchestve, sotsial'no-filosofskii analiz (Science and Market Relations in Information Society, Socio-Philosophical Analysis), M., Nauka, 2008, 246 p.
30. Grabel'nikov A. A. Sredstva massovoi informatsii postsovetsoi Rossii: pyatnadsat' let spustya (Mass Media of Post-Soviet Russia: Fifteen Years Later), M., RUDN, 2008, 339 p.
31. Kapitsa S. P. Oчерк teorii rosta chelovechestva: demograficheskaya revolyutsiya i informatsionnoe obshchestvo (Outline of Humanity Growth Theory: Demographic Revolution and Information Society), Predisl. A. A. Kokoshina, 2-e izd., M., Lenand, 2014, 122 p., il., tabl.
32. Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed., with a new preface. Oxford, Wiley-Blackwell, 2009, 656 p.
33. Korneev I. N. Osobennosti stanovleniya i razvitiya telekommunikatsionnoi industrii kak osnovy rossiiskoi modeli informatsionnogo obshchestva (Specific Aspects of the Rise and Development of Telecommunication Industry as Basis of Russian Model of Information Society), monografiya, M., Nauka, 2010, 373 p., il.
34. Khimanen P. (Himanen, Pekka), Kastel's M. (Castells, Manuel). Informatsionnoe obshchestvo i gosudarstvo blagosostoyaniya. Finskaya model' (The Information Society and Welfare State. The Finnish Model), Per. A. Kalinin, Yu. Podoroga, M., Logos, 2002, 224 p.
35. Khosein G. (Hosein, Gus). YuNESKO. Politika informatsionnogo obshchestva: ogranichenie i sderzhivanie global'nykh potokov dannyykh (UNESCO. Politics of the Information Society: the Bordering and Restraining of Global Data Flows), M., MTsBS, 2008, 66 p.
36. Shvetsov A. N. "Informatsionnoe obshchestvo": teoriya i praktika stanovleniya v mire i v Rossii ("Information Society": Formation Theory and Practice Worldwide and in Russia), M., URSS, ISA RAN, 2011, 277 p., tabl.
37. Avetisyan P. S. Informatizatsiya obrazovaniya kak informatsionno-tekhnologicheskaya i sotsiokul'turnaya osnova formirovaniya edinogo obrazovatel'nogo prostranstva stran SNG (Informatization of Education — Information Technologies and Socio-Cultural Ground for the CIS Countries Common Educational Space Forming), *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, Seriya Informatizatsiya obrazovaniya*, 2007, No. 1, pp. 21–30.
38. Khokhlova V. V., Shtefan A. Pedagogicheskoe vzaimodeistvie v informatsionnom obshchestve (Pedagogical Interaction in Information Society), monografiya, Nizhnii Novgorod, Gladkova O. V., 2003, 249 p., il.
39. Guttman C. Education in and for the Information Society. Paris, UNESCO, 2003, 80 p.
40. Rastimeshina T. V. Primenenie massovogo otkrytogo onlain-kursa pri realizatsii distsipliny "Sotsiokul'turnye protsessy v sovremennom mire": metodicheskie perspektivy v kontekste sovremennykh tendentsii razvitiya obrazovaniya (Massive Open Online Courses Use in Teaching / Learning "Socio-Cultural Processes in the Contemporary World" Course: Methodic Outcomes in the Context of Current Education Development Trends), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2018, No. 4 (20), pp. 133–138, <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-4-133-138>
41. Moiseev V. Otkrytoe obrazovanie: ideologiya formirovaniya seti (Open Education: Network Formation Ideology), *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2002, No. 6, pp. 78–83.

Submitted 29.01.2019

Pankina Svetlana N., Deputy Head of PR and Youth Relations Office, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), swepankina@inbox.ru

Сравнительный анализ основных сфер общественной жизни в советской и современной России: социально-философские аспекты

О. В. Шангина¹, Ф. К. Романов², Н. А. Думанова¹

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

² *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия*

shanginao@yandex.ru

Четыре основные сферы общественной жизни: социальная, хозяйственная, организационная и духовная деятельность — рассматриваются в контексте современной социально-философской мысли. Предпринята попытка их сравнения в советской и современной России. Анализируются некоторые тезисы статьи специалиста по социальной философии профессора К. Х. Момджяна о гипотезе общественного прогресса. Исследуется принципиальная возможность применения положений морального кодекса строителя коммунизма в современной российской действительности. Делается попытка выявить мировоззренческие позиции, приемлемые для большинства граждан будущей России.

Ключевые слова: мировоззренческая позиция; социальная философия; общество как субъект; общество как объект; сфера общественной жизни; общественный прогресс; идеология; мораль.

Comparative Analysis of Main Spheres of Public Life in Modern and Soviet Russia: Socio-Philosophical Aspects

O. V. Shangina¹, F. K. Romanov², N. A. Dumanova¹

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

² *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

shanginao@yandex.ru

The authors consider four main spheres of public life: social, economic, organizational and moral and intellectual activity, in the context of contemporary socio-philosophical thought. They attempt to compare these spheres in Soviet and modern Russia. The authors did analyze some key points of Prof. Karen Momdzhyan's paper related to hypothesis of social progress. The authors have studied the principal applicability of provisions of the Moral Code of the Builder of Communism to modern post-Soviet reality and have tried to find a worldview that could prove acceptable for the majority of future Russian citizens.

Keywords: worldview; social philosophy; society as subject; society as object; public life sphere; social progress; ideology; morality.

В современной России продолжают-
такие процессы, как чрезмерное социальное
расслоение и рост безработицы; с началом
очередного этапа пенсионной реформы

актуализировалась проблема отношения человека и общества, конфликта интересов личности и общественных интересов. Это побуждает снова обратиться к исследованиям исторических судеб России, взглядам на перспективы ее развития, содержащимся в трудах современных отечественных философов.

Несмотря на то, что после распада Советского Союза прошло несколько десятилетий, за это время в стране не выработалось общее мировоззрение; более того, в общественном сознании с каждым годом укрепляется представление о том, что такого мировоззрения в России никогда уже не будет.

Мировоззренческая гетерогенность. Демократические свободы, пришедшие на смену жесткому идеологическому курсу, породили в пореформенном обществе множество противоречий, вызванных непривычной для него ситуацией мировоззренческой гетерогенности. В любых социальных группах российского общества присутствуют люди, придерживающиеся самых различных мировоззрений. Если еще сравнительно недавно вопросы выбора мировоззрения не возникали и не обсуждались ни в школьных классах, ни в студенческих аудиториях, то современный образовательный процесс предполагает свободу мировоззренческого выбора как для обучающихся, так и для обучающихся: школьников и студентов. В современной России в одной учебной аудитории могут собраться и атеисты, и последователи основных мировых религий, а также представители многих еще не запрещенных сегодня сект; сторонники коммунистических, патриотических и либеральных взглядов. Подобное и даже большее разнообразие возможно в любых других социальных группах, не задействованных в общем образовательном процессе.

В связи с этим нам представляется всё более актуальной задача найти хотя бы несколько понятий, объединяющих общество, доступных и близких любым его слоям. Мы убеждены, что к таким понятиям относятся мораль и общественный прогресс. Не так давно они не только не обсуждались критически, но было однозначно определено

их соотношение. В «Советском энциклопедическом словаре» (1989 г. изд.) зафиксировано, что «с точки зрения марксизма, мораль должна служить общественному прогрессу» [1, с. 841]. Соблюдать нравственные законы советского человека побуждала совесть — «понятие морального сознания, внутренняя убежденность в том, что является добром и злом, сознание нравственной ответственности за свое поведение» [1, с. 1244]. Советский человек, живя по совести, был убежден и в незыблемости идеи прогресса. В философском словаре середины 1950-х гг. утверждалось: «Марксизм-ленинизм не просто констатирует, что общество развивается, но вскрывает те действительные, прежде всего материальные причины, которые определяют прогрессивное развитие истории человеческого общества, его переход с одной ступени на другую, более высокую, показывает, какой класс движет общество вперед и какой тормозит его поступательное развитие. Главной силой, определяющей прогрессивное развитие общества, является способ производства материальных благ, изменения, совершающиеся в нем. Носителем прогресса является передовой класс, выступающий против консервативных, реакционных сил общества, задерживающих его поступательное развитие» [2, с. 544]. В советском обществе идея общественного прогресса не подвергалась ни критике, ни какому-либо анализу. Движение к цели построения развитого социализма, а затем и коммунизма в отдельно взятой стране нуждалось в не оспариваемой философской идее поступательного развития общества. Реальное бытие стран социалистического лагеря демонстрировало очевидные проблемы: дефицит материальных благ и ограничение свобод граждан, что позволяло странам капиталистического мира заявлять о наибольшем соответствии их общественного устройства концепции общественного прогресса, на основании столь же очевидного внешнего благополучия.

Общественный прогресс: основополагающая идея или гипотеза? Кардинальные изменения, произошедшие на постсоветском

пространстве и во всем мире, послужили не только для научного, но и для массового сознания поводом к разочарованию как в социалистической, так и в капиталистической модели устройства мира и привели к тому, что многие философы, не отрицая понятие общественного прогресса как такового, стали говорить о нем лишь как об инструменте научного анализа общества. К их числу относится советский и российский философ К. Х. Момджян, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, признанный специалист в области социальной философии. В работе «Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории» он «обосновывает возможность научной теории прогресса, выясняет условия, при которых мы можем рассматривать оценочные суждения как истинные или ложные» [3, с. 36].

Выделяя в сфере общественной жизни четыре основных типа деятельности: социальную, хозяйственную, организационную и духовную, Момджян подробно рассматривает каждый из них и дает оценки их прогресса. Разумеется, неотъемлемая характеристика научного подхода — выделение при анализе любого сложного явления всех составляющих этого явления, и понятие общественного производства — не исключение, но, на наш взгляд, уже то, в каком порядке рассматривается важность каждого из его видов, является предметом дискуссии.

Говоря о *социальной деятельности*, Момджян называет ее «производящей дееспособных субъектов путем рождения людей, их воспитания, обучения, здравоохранения и проч.» [3, с. 40]. В советское время ответственность за воспитание и обучение людей и охрану их здоровья несло общество, а семье отводилась едва ли не второстепенная роль, тогда как сегодня воспитание практически полностью выведено из школ и вузов и объявлено исключительной сферой ответственности семьи. Перевод значительной части социально значимых благ и услуг, в том числе в таких важных сферах жизни общества, как образование и здравоохранение, на платную основу привел

к тому, что обучение и лечение, став просто услугами, утратили государственную поддержку. Кардинально трансформировались социальные связи *врач — пациент, преподаватель — студент*. Из общества постепенно уходит должное — уважительное — отношение к профессиям «врач», «педагог». Трудно не согласиться с мнением С. Н. Лифинцевой и Ю. Н. Бажановой: «Самый горький итог реформ <...> в том, что сама профессия учителя перестала быть синонимом нравственной незапятнанности, самоотверженного служения, ценностного индикатора» [4, с. 106]. С прекращением государственной поддержки и отказом от идеологии в образовании оно перестало выполнять одну из своих основных функций — воспитательную. Это, на наш взгляд, составляет одно из главных отличий образовательной системы современной России от советской. Этот вопрос мы подробно рассмотрели в статье «О подмене нравственных норм интеллектуальными в современном образовательном пространстве» [5].

Советский ученый, философ, педагог А. А. Радугин писал: «Следует ориентировать воспитанника на усвоение мировоззренческой шкалы ценностей. В каждой учебной дисциплине найдется материал, раскрывающий природу света и тьмы, прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, комического и трагического, злого и доброго. Четкое их различение дает представление об иерархии ценностей и недопустимости их смешения» [6, с. 238]. Радугин также отмечает, что после 1917 г. вся система образования была кардинально преобразована: образование стало общедоступным, бесплатным, и — главное изменение — школа была провозглашена светской, т. е. независимой от церкви.

На смену христианским пришли идеалы, декларированные в моральном кодексе строителя коммунизма (см., напр., [7]). На всем протяжении советского периода эти идеалы позволяли осуществлять воспитательный процесс в образовании, прививать учащимся высокие гражданские и нравственные качества, разъяснять понятия

добра и зла, раскрывать понятия морали и нравственности в русле коммунистической идеологии.

Меньше всего отличий современной России от советской можно найти в *хозяйственной деятельности*: сфера производства изменилась лишь в части технологий.

Третья составляющая общественной жизни — *организационная деятельность*, создающая и регулирующая социальные связи и отношения, — претерпела значительные изменения, поскольку в России сменился политический строй. Новый строй, в свою очередь, повлек за собой изменение формирования как социальных связей, так и отношений между людьми. К управленческой деятельности, по сути, единственной существовавшей, добавилась коммуникативная деятельность и привела к образованию новых для России структур, связанных с выявлением общественного мнения, настроения и ожиданий различных слоев населения.

Но самые разительные перемены произошли в четвертом виде производства — *духовной деятельности*. Изменения были столь кардинальны и так осложнили ее анализ, что Момджян отметил: «Наиболее сложным является вопрос о прогрессе в сфере морального сознания» [3, с. 42].

Далее он высказал мнение: «Я полагаю все же, что в основе современного смягчения нравов лежит не столько нравственный прогресс, сколько целерациональный расчет общественной пользы. Благодаря уже упоминавшемуся организационному прогрессу мы живем в обществе, в котором “пряник” оказался эффективнее “кнута”, сотрудничество — эффективнее конфронтации, свобода — эффективнее несвободы. В результате таких изменений многие люди стали вести себя корректно в отношении себе подобных, поскольку понимают, что альтернатива является контрпродуктивной, не приводит к желаемым результатам» [3, с. 42].

Скорее всего, сложность анализа духовной сферы общественной жизни и побуждает исследователей отводить ей последнее место в своих работах, рассматривать ее в заключительном пояснении. Но на наш

взгляд, именно этот тип деятельности, в конечном счете, определяет направленность трех остальных типов: социальной, хозяйственной и организационной.

Причины, по которым отличия духовной сферы в советской и современной России так непросто анализировать, с одной стороны, коренятся весьма глубоко, а с другой — лежат на поверхности, в том смысле, что очевидны всем членам общества, независимо ни от образования, ни от возраста. Действительно, если для анализа и понимания социальной, хозяйственной и организационной сфер общественной жизни необходимы специальные знания и опыт, то о духовной деятельности может знать и судить любой субъект общественной жизни, независимо от своего статуса в обществе. Как нам представляется, трудность оценки прогресса в духовной сфере вызвана прежде всего тем, что каждый субъект в современной России получил право на собственное мнение по поводу любой духовной проблемы, возникающей и обсуждающейся в социуме.

Духовная сфера как система отношений между людьми и в Советском Союзе, и в современной России отражает духовно-нравственную жизнь всего общества, включая следующие основные подсистемы: культуры, искусства, религии, морали, идеологии и науки (хотя в Советском Союзе религия официально не входила в сферу духовной жизни общества). То, что религия стала признанной подсистемой духовной жизни общества, резко сместило сложившиеся в советское время приоритеты: институт религии принял на себя ответственность за духовное здоровье социума, целиком возлагавшуюся на советскую мораль и вытекающую из нее идеологию, которая по сути выполняла большинство функций религии, в том числе касающиеся духовных потребностей общества.

Моральный кодекс строителя коммунизма. Русский философ И. А. Ильин в начале XX в. констатировал: «В современном мире есть большая беда, а именно: оторванность человека от корней. Люди блуждают,

носимые ветром судьбы, как блеклые листья, нигде не закрепляясь, ни с чем не срастаясь, нигде не оседая, нигде не становясь верными, как внешне, так и внутренне.

В социальном смысле их называют пролетаризированными; в культурно-политической сфере — не имеющими Родины; в религиозном отношении — неверующими. Не единое ли это явление единого происхождения? Разве земля привязывает одновременно к работе, к природе, к Богу, к семье, народу и Родине?» [8, с. 110—111].

Труд «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий», откуда взяты эти слова, Ильин писал в 1938 г. в Берлине, где в том же году вышло первое издание этой книги. Несмотря на то, что она была впервые издана в Германии на немецком языке, а на русский переведена только в 1982 г., в предисловии к ней автор выразил надежду: «...я верю, что она найдет своих читателей, которые верно поймут ее и увидят, что она написана для русских о России»¹ [8, с. 8]. Философ работал над книгой в крайне непростой период истории страны. После революции прошло 20 лет, за которые привычный для русского общества уклад сменился новым, антагонистическим. Ранее в обществе выделялись сословия, не противостоявшие друг другу, но дополнявшие друг друга в служении отечеству; после 1917 г. оно распалось на враждебные друг другу общественные классы. Создалась атмосфера всеобщей нетерпимости: члены одной семьи нередко оказывались в разных враждующих лагерях и совершенно не понимали друг друга.

Общество, со времен Крещения Руси жившее по законам и нравственным нормам, установленным предками и передававшимся от одного поколения другому, было оторвано от своих корней и искало новую мораль, новые духовно-нравственные законы, отличные от принятых в прежней России. Ответом на эти искания призван был стать моральный кодекс строителя коммунизма, принятый в 1961 г. (через семь лет после смерти Ильина).

Сегодня, когда в обществе стало возможным не только открыто говорить о религии, но и сопоставлять религиозное мировоззрение с иными — научным и философским, нам представляется интересным рассмотреть некоторые положения морального кодекса строителя коммунизма в соотнесении со Священным Писанием. Даже поверхностное знакомство с ним позволяет увидеть в своде советских этических принципов множество аллюзий и параллелей. Во-первых, это количество пунктов кодекса: их 12 — по числу апостолов.

Далее, при анализе морального кодекса строителя коммунизма обращает на себя внимание идея, близкая к религиозной: построения идеального общества, своего рода аналога Небесного Царства на земле.

Затем, в кодексе трижды упоминаются слова с корнем «брат». В первом случае — когда речь идет об отношениях между людьми: подразумевается, что они носят не только товарищеский и дружеский, но и братский характер. И это не случайно: достаточно вспомнить, что глава советского государства И. В. Сталин начал свое выступление по радио 3 июля 1941 г. словами: «Братья и сестры!» Кроме того, в кодексе упоминается о братстве народов и братской солидарности людей труда во всех странах.

Но наиболее интересен с религиозной точки зрения второй пункт кодекса: «Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест» [7, с. 160]. Здесь очевидное сходство с текстом Нового Завета, а именно с посланием апостола Павла к братии Фессалоникийской церкви: «...Когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» [9, с. 579]. Различие заключается в том, что в кодексе строителя коммунизма неработающего человека принуждали не пользоваться благами общества, а апостол взывал к совести нетрудящегося.

Национальный кризис самоидентификации конца XX в. высветил потребность общества в ценностных ориентирах. Скорее

¹ Труды Ильина стали издаваться на его родине лишь в 1989 г., когда Россия пережила очередную смену политического курса, а значит и духовно-нравственных ориентиров.

всего, целью нового «морального кодекса» станет предложение современному обществу такой модели «Небесного Царства», которую оно примет и которая постепенно войдет в общественное сознание. «Моральный кодекс нового века» должен будет не только сформулировать национальную идею, но и обозначить те главные духовно-нравственные качества, к каким должен стремиться каждый субъект общественной жизни. Среди этих качеств с большой вероятностью будут названы и некоторые из тех, что упоминались в моральном кодексе строителя коммунизма. Некоторые пункты кодекса практически не претерпят изменений, другие нужно будет изменить, от третьих — бесповоротно отказаться.

На наш взгляд, ни в одном слое современного общества сегодня не встретят понимания 1-й, 11-й и 12-й пункты советского морального кодекса, в которых идет речь о сугубо политической окраске человеческой морали.

К пунктам кодекса строителя коммунизма, которые нуждаются в современном толковании, мы бы отнесли 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 9-й и 10-й. Они касаются как общечеловеческих отношений, так и национальных и общественных.

Как нам представляется, без изменений останутся 7-й и 8-й пункты, где речь идет о безусловных духовно-нравственных ценностях, неизменных при любом политическом строе. Действительно, и столетия назад, и сегодня, и через сотни лет обществом будут востребованы идеалы нравственной безупречности и семейные ценности. Разумеется, время может вносить коррективы и в эти основы любого общества, когда-то казавшиеся незыблемыми, на что мы уже обращали внимание, рассматривая проблемы молодежи, связанные с распадом института семьи [10].

В моральном кодексе строителя коммунизма не упоминается важнейшее понятие в духовно-нравственной сфере — душа. Мы касались данной проблемы, рассматривая известные сегодня варианты определения этого понятия [11]. Тем не менее

преимущество в духовной сфере составители свода принципов коммунистической морали все-таки приняли во внимание. Один из авторов морального кодекса строителя коммунизма, советский и российский политолог доктор философских наук профессор Ф. М. Бурлацкий, вспоминает, что порекомендовал коллегам следующее: «Нужно исходить не только из коммунистических постулатов, но и также из заповедей Моисея, Христа, тогда всё действительно “ляжет” на общественное сознание. Это был сознательный акт включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов» [12].

Приведенные выше слова свидетельствуют о том, что даже апологеты официально провозглашаемой богоборческой идеологии понимали: в России любая идеология не может обойтись без элементов религии. Так, известен исторический факт кардинального пересмотра государственной политики в отношении религии и церкви в годы Великой Отечественной войны (см., напр., [13]). И если в советской России идеология, будучи одной из подсистем духовно-нравственной жизни, включала в себя лишь отдельные религиозные элементы, то в современной России религия уже на официальном уровне признана одной из подсистем этой сферы жизни.

К вопросу о национальной идее. Отличительная особенность первых десятилетий нового века в нашей стране — продолжающийся поиск национальной идеи. Эта идея, безусловно, не может быть сведена к приземленным, прагматическим целям: «Российская национальная идея, — предупреждал еще в 2010 г. Р. З. Абдуллин, — не может быть найдена среди реалий современной России, потому что ее там нет. Национальная идея должна родиться в результате упорного целенаправленного поиска на самом высоком уровне мышления — философском» [14, с. 6]. Достижению такого уровня могут способствовать своими идеями, мыслями, книгами выдающиеся философы и мыслители, некогда изгнанные из страны и затем возвращенные своему народу.

Обратимся вновь к книге Ильина: «Современному человеку становится всё яснее, что он живет без святыни и что жизнь без нее будет невозможно вынести. Он всё больше понимает, что его жизнь осквернена и жаждет святыни. В этом он прав» [8, с. 228].

Эти слова сохраняют актуальность и в наши дни. Сегодня мы снова находимся в подобной ситуации, снова в поисках новой национальной идеи. Современное общество предпринимает попытку переосмысления своего прошлого и пытается если не вернуться к своим истокам в их первоизданном виде, то понять их и привнести в современную жизнь то лучшее, что вписывается в реалии современной России.

Разумеется, новый «моральный кодекс» не должен приводить всё общество к религиозности, но без религиозных элементов, трансформированных и переосмысленных на новом уровне развития России, будет значительно труднее отыскать общие духовно-нравственные основания этических ценностей, приемлемых для всех слоев общества.

Литература

1. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 1632 с.
2. Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. 4-е изд., доп. и испр. М.: Госполитиздат, 1954. 704 с., 4 л. портр.
3. Момдзян К. Х. Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 36–46.
4. Лифинцева С. Н., Бажанова Ю. Н. Духовно-нравственные основания в образовательных традициях России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 2 (10). С. 99–108.
5. Шангина О. В., Романов Ф. К. О подмене нравственных норм интеллектуальными в современном образовательном пространстве // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 2 (18). С. 168–173. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-2-168-173>
6. Психология и педагогика / [Сост. и отв. ред. А. А. Радугин]. М.: Центр, 1996. 332 с. (Alma mater).
7. Моральный кодекс строителя коммунизма / [Общ. ред. А. С. Вишнякова, М. Г. Журавкова]. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. 176 с.
8. Ильин И. А. Книга раздумий и тихих созерцаний. М.: Альфа-Принт, 2005. 528 с.
9. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Сретенский монастырь, 2002. 672 с.

10. Шангина О. В. Проблемы современной молодежи, обусловленные распадом института семьи // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 3–4 (3–4). С. 83–88.

11. Шангина О. В. Проблема определения категории «душа» в современной России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6). С. 102–105.

12. Бурлацкий Ф. М. Судьба дала мне шанс: [интервью] / Ф. М. Бурлацкий; интервьюер Р. А. Звягельский // Российский адвокат. 2007. № 5. С. 4–9.

13. Васильева О. Ю. Советское государство и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 28 с.: ил.

14. Абдуллин Р. З. Российская национальная идея: от утопии к реальности. СПб.: Алетейя, 2010. 611 с.: ил. (Русский мир).

Поступила после доработки 18.04.2019

Шангина Ольга Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), shanginao@yandex.ru

Романов Федор Константинович — студент 3-го курса факультета экономической безопасности Института права и национальной безопасности (ИПНБ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (Россия, 119571, Москва, пр-кт Вернадского, д. 82), romanov58@rambler.ru

Думанова Наталия Андреевна — старший лаборант кафедры физического воспитания Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), 89296830379@mail.ru

References

1. Sovetskii entsiklopedicheskii slovar' (Soviet Encyclopedic Dictionary), Gl. red. A. M. Prokhorov, 4-e izd., ispr. i dop., M., Sov. entsiklopediya, 1989, 1632 p.
2. Kratkii filosofskii slovar' (Concise Philosophical Dictionary), Pod red. M. Rozentalya, P. Yudina, 4-e izd., dop. i ispr., M., Gospolitizdat, 1954, 704 p., 4 l. portr.
3. Momdzhyan K. Kh. Gipoteza obshchestvennogo progressa v sovremennoi sotsial'noi teorii (The Hypothesis of Social Progress in Modern Social Theory), *Voprosy filosofii*, 2016, No. 10, pp. 36–46.
4. Lifintseva S. N., Bazhanova Yu. N. Dukhovno-nravstvennye osnovaniya v obrazovatel'nykh traditsiyakh Rossii (Spiritual and Moral Bases in Russian Educational Traditions), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2016, No. 2 (10), pp. 99–108.

5. Shangina O. V., Romanov F. K. O podmene npravstvennykh norm intellektual'nyimi v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve (About Substitution of Intellectual Standards for Ethical Norms in Modern Education Space), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2018, No. 2 (18), pp. 168—173, <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2018-2-168-173>
6. Psikhologiya i pedagogika (Psychology and Pedagogy), Sost. i otv. red. A. A. Radugin, M., Tsentr, 1996, 332 p., Alma mater.
7. Moral'nyi kodeks stroitelya kommunizma (Moral Code of the Builder of Communism), Obshch. red. A. S. Vishnyakova, M. G. Zhuravkova, 2-e izd., M., Politizdat, 1965, 176 p.
8. Ilin I. A. Kniga razdumii i tikhikh sozertsanii (Book of Reflections and Quiet Contemplations), M., Al'ta-Print, 2005, 528 p.
9. Novyi Zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista (The New Testament of Our Lord and Saviour Jesus Christ), M., Sretenskii monastyr', 2002, 672 p.
10. Shangina O. V. Problemy sovremennoi molodezhi, obuslovlennye raspadom instituta sem'i (Problems of Modern Youth Caused by Disintegration of the Institution of the Family), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2014, No. 3-4 (3-4), pp. 83—88.
11. Shangina O. V. Problema opredeleniya kategorii "dusha" v sovremennoi Rossii (The Soul Category Definition Problem in Modern Russia), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2015, No. 2 (6), pp. 102—105.
12. Burlatskii F. M. Sud'ba dala mne shans: interv'yue (Fate Gave Me a Chance: Interview), interv'yuer R. A. Zvyagel'skii, *Rossiiskii advokat*, 2007, No. 5, pp. 4—9.
13. Vasil'eva O. Yu. Sovetskoe gosudarstvo i deyatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v gody Velikoi Otechestvennoi voyny, avtoref. dis. ... kand. ist. nauk (Soviet State and the Russian Orthodox Church Activity During Great Patriotic War, Extended Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation), M., 1990, 28 p., il.
14. Abdullin R. Z. Rossiiskaya natsional'naya ideya: ot utopii k real'nosti (Russian National Idea: from Utopia to Reality), SPb., Aleteiya, 2010, 611 p., il., Russkii mir".

Submitted after updating 18.04.2019

Shangina Olga V., Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), shanginao@yandex.ru

Romanov Fedor K., third-year student of Economic Security Faculty at Institute of Law and National Security, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, 119571, Moscow, Vernadskogo av., 82), romanov58@rambler.ru

Dumanova Natalya A., senior assistant of Physical Education Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), 89296830379@mail.ru

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ:
ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА
PEDAGOGICAL REFERENCE SYSTEM:
EDUCATION, UPBRINGING, PERSONAL GROWTH**

УДК 378.147:004.9

DOI: 10.24151/2409-1073-2019-2-79-89

**Подготовка презентаций для демонстрации результатов студенческих работ
по разработке информационных систем (практические рекомендации)**

Г. Н. Брусникин, Н. Ю. Соколова, И. Г. Игнатова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

zelgnb@yandex.ru

Рассмотрены типичные ошибки, допускаемые студентами, обучающимися по направлению «Прикладная информатика», при защите результатов прохождения практики, курсовых проектов и выпускных квалификационных работ. Приведены иллюстративные примеры ошибок, допускаемых в UML-диаграммах, и правильное представление этого типа диаграмм. Даны рекомендации по оформлению слайдов презентаций.

Ключевые слова: ошибки презентации; выпускная квалификационная работа; курсовая работа; информационная система; диаграмма UML.

**Preparation of Presentations to Demonstrate the Results of Student Work
on the Information Systems Development (Recommended Practices)**

G. N. Brusnikin, N. Yu. Sokolova, I. G. Ignatova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

zelgnb@yandex.ru

The authors discuss typical mistakes that students pursuing a degree in “Applied Information Sciences” make while defending the results of traineeship, course projects and graduate qualification works. The authors have given illustrative examples of mistakes in UML diagrams and their correct presentation and have provided best practice advices.

Keywords: presentation mistakes; graduate qualification work; course project; information system; UML diagram.

Как правило, любая выполненная работа заканчивается демонстрацией ее результатов. Одним из способов демонстрации является показ самого изделия

(устройства, продукта, программного обеспечения, информационной системы) и его возможностей, другим способом — доклад, сопровождающийся демонстрационным материалом. Очень важно при докладе за короткое время рассказать о сути работы, почему поставлена данная задача и какие выбраны пути ее решения, почему задача решалась именно так и какие в итоге получены результаты. Для этого докладчику помогают тщательно подготовленные и правильно оформленные слайды презентации. Важно помнить, что слайды должны помочь раскрыть суть работы от момента возникновения идеи до завершения работы. В большей степени слайды для представления технических работ содержат графический материал.

В настоящее время написан ряд статей и методических указаний, рекомендующих подготовку доклада и презентации [1; 2; 3; 4]. В данной статье мы остановимся на ошибках, которые допускаются при представлении моделей программного обеспечения информационных систем, используемых не только на слайдах презентации, но и в самой работе [5].

Многолетний опыт анализа презентаций, подготавливаемых студентами Национального исследовательского университета «МИЭТ», позволил выявить ряд типичных неточностей и ошибок и сформулировать рекомендации по их устранению. К ним относятся:

- 1) неправильное оформление результатов работы, представленной в презентации;
- 2) ошибки в графическом представлении UML-диаграмм [6; 7], иллюстрирующих процесс разработки информационных систем;
- 3) стилистические ошибки оформления титульного листа презентации;
- 4) ошибки оформления использованных при выполнении работы литературы и источников;
- 5) ошибки, связанные с общим стилем подготовки слайдов презентации, затрудняющие восприятие представленного материала.

Общие правила. Для лучшего восприятия материала следует придерживаться изложенных ниже правил и рекомендаций общего характера при оформлении слайдов презентации.

При написании текста в слайдах рекомендуется:

- 1) оформлять текст и заголовки всех слайдов в одном стиле; шрифты текста заголовков должны быть одинаковыми и одного цвета (другим шрифтом и цветом можно выделять цитаты и примечания);
 - 2) избегать использования всей гаммы цветов радуги (вполне достаточно 2—4 цветов);
 - 3) не допускать слияния текста с фоном; лучший фон — белый или близкий к нему, а цвет текста очень темный с нужным оттенком (черный цвет немного мрачноват, если его слишком много на одном слайде); лучше использовать темные яркие цвета (темно-синий, темно-зеленый, бордовый, коричневый, фиолетовый) и избегать цветов со светлым оттенком (желтый, розовый, светло-голубой, золотой и другие — тексты с этими цветами в светлом помещении будут плохо видны);
 - 4) использовать шрифты, поддерживающие русский алфавит (Calibri, Arial, Tahoma, Verdana), без засечек, разных разводов, «красивых выкрутасов»;
 - 5) соблюдать правило: размер шрифта для заголовка слайда должен быть не менее 24 пунктов (лучше от 32 и выше), размер шрифта для основного текста на 4—6 пунктов меньше размера шрифта для заголовка;
 - 6) при подборе размеров шрифтов учитывать расстояние от экрана до зрителей, поскольку оформленный текст должен легко читаться.
- Рисунки, диаграммы и прочая графика предназначены для облегчения пояснения и более наглядного представления выполненной работы. Не стоит злоупотреблять графикой. Целесообразно руководствоваться следующими требованиями и правилами:
- 1) каждая картинка должна объяснять и явно показывать зрителю детали и особенности выполненной работы;

2) не рекомендуется использовать картинки со сложной цветовой гаммой — к ним трудно подобрать контрастный цвет основного текста;

3) к каждой иллюстрации должен быть приведен лаконичный пояснительный текст по существу;

4) при использовании графиков и диаграмм необходимо подписывать названия всех осей, точек, единиц измерений и названий элементов;

5) при использовании надписей на иностранных языках приводить их перевод.

На титульном листе презентации студенты часто допускают следующие ошибки:

приводят неправильное название вуза; допускают грамматические ошибки и нарушают порядок в оформлении надписей (порядок должен соответствовать требованиям Постановления Госстандарта РФ от 03.03.2003 № 65-ст и Унифицированной системы организационно-распорядительной документации «Требования к оформлению документов. ГОСТ Р 6.30-2003»)¹; неправильно указывают формат места выполнения работы (после указания города не ставится знак препинания, год даты указывается четырьмя цифрами без последующих слов). На рисунке 1 приведено правильное оформление первого слайда.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»

Отчет по учебной практике

Студент группы П-42: В.С. Петров

Руководитель практики, к.т.н., доцент: Г.Н.Иванов

Москва 2017

Рис. 1. Пример оформления первого слайда презентации

Ошибки в графическом представлении UML-диаграмм, иллюстрирующих процесс разработки информационных систем. При

проектировании и разработке информационных систем (ИС) часто используется универсальный язык моделирования UML.

¹ Согласно этим нормативным актам: а) инициалы после фамилии ставятся при адресовании документа физическому лицу (например, Королевой А. П.); б) при декларировании или наложении резолюции при указании исполнителя (например, «Поручение возлагается на Романова И. И.»); в) если подпись является реквизитом, то инициалы помещаются перед фамилией, после инициалов ставится точка, пробелом от фамилии они не отделяются; г) перед фамилиями руководителя необходимо поставить двоеточие, затем обязательно указать его научную степень и научное звание.

Основной и наиболее сложной диаграммой UML для представления функциональной модели ИС является диаграмма вариантов использования (прецедентов) — ДВИ, которая используется при бизнес-анализе для моделирования видов функциональных требований к ИС.

Язык UML описан в работе [6] и других общедоступных источниках [8], поэтому без описания синтаксиса и семантики языка приведем перечень типичных ошибок, допускаемых студентами при разработке ДВИ.

1. Диаграмма ВИ излишне детализируется. Разработчик пытается отразить в ней детали и логику поведения системы (вместо отображения функционального поведения), что превращает ее в диаграмму деятельности.

2. Модель логически привязывается к существующим техническим устройствам или способам взаимодействия актеров и вариантов использования.

3. В качестве инициаторов действий указывается система, а не актеры, как должно быть на самом деле.

4. При именовании вариантов использования и при написании сценариев используются сокращения и специальные термины, привычные для разработчика, но непонятные заказчику и пользователям системы.

5. Вместо сценария варианта использования формулируются функциональные требования к системе без указания последовательности выполняемых действий.

6. В сценариях описываются только действия актеров и игнорируются отклики системы.

7. В тексте сценария отсутствует описание исключительных ситуаций и альтернативных последовательностей действий, что может привести к упущениям в определении состава вариантов использования.

8. До того, как описаны сценарии всех вариантов использования, разработчики приступают к спецификации атрибутов и операций соответствующих классов.

На рисунке 2 выделены типичные ошибки 1—10 при построении диаграммы вариантов использования.

Рис. 2. Пример слайда с типичными ошибками

Перечень ошибок (рисунок 2):

- 1) неправильное название слайда (диаграмма служит для представления модели системы, в данном случае функциональной);
- 2) названия ВИ не являются действиями, для их наименования должны использоваться глаголы;
- 3) ВИ не является функцией рассматриваемой системы;
- 4) сущность не может быть актером, так как указанная внешняя сущность БД ИС ДО является внутренней сущностью системы;
- 5) неправильно использовано отношение между актерами: допускается лишь одно отношение — «обобщение», которое изображается стрелкой, направленной в сторону родительского актера, с не закрашенным треугольником на конце. Отношение обобщения служит для указания факта, что актер «Менеджер Отдела Управления Персоналом» может быть обобщен до категории «Специалист»;

6) неправильно использованы графические изображения для отношений между актерами и прецедентами: отношения должны отображаться сплошными линиями без стрелок на концах;

7) неправильно использованы направления стрелок для отношений «extend» между ВИ: стрелки должны быть пунктирными и направленными в противоположную сторону;

8) неправильно использованы направления стрелок для отношений «include» между ВИ и направления стрелок для отношения «обобщение» между ВИ;

9) неправильно использован тип стрелки для отношения «extend» между ВИ — стрелка должна быть изображена пунктирной линией.

На рисунке 3 представлен пример слайда «Функциональная модель ИС ДО» после устранения ошибок.

Рис. 3. Пример слайда «Функциональная модель ИС ДО»

Следующей, на наш взгляд, важной диаграммой, моделирующей взаимодействие внутренних объектов ИС для конкретного прецедента (варианта использования) во временной последовательности, является диаграмма последовательностей.

На рисунке 4 показаны типичные ошибки 1—4 при построении диаграммы последовательностей, а именно:

- 1) ошибка в названии слайда;
- 2) ошибка в наименовании объекта (использовано в качестве объекта понятие «Система»);
- 3) ошибка в изображении линии жизни для класса Завуч — отсутствует фокус управления;
- 4) отсутствует стрелка на конце сообщения.

Диаграмма последовательностей¹

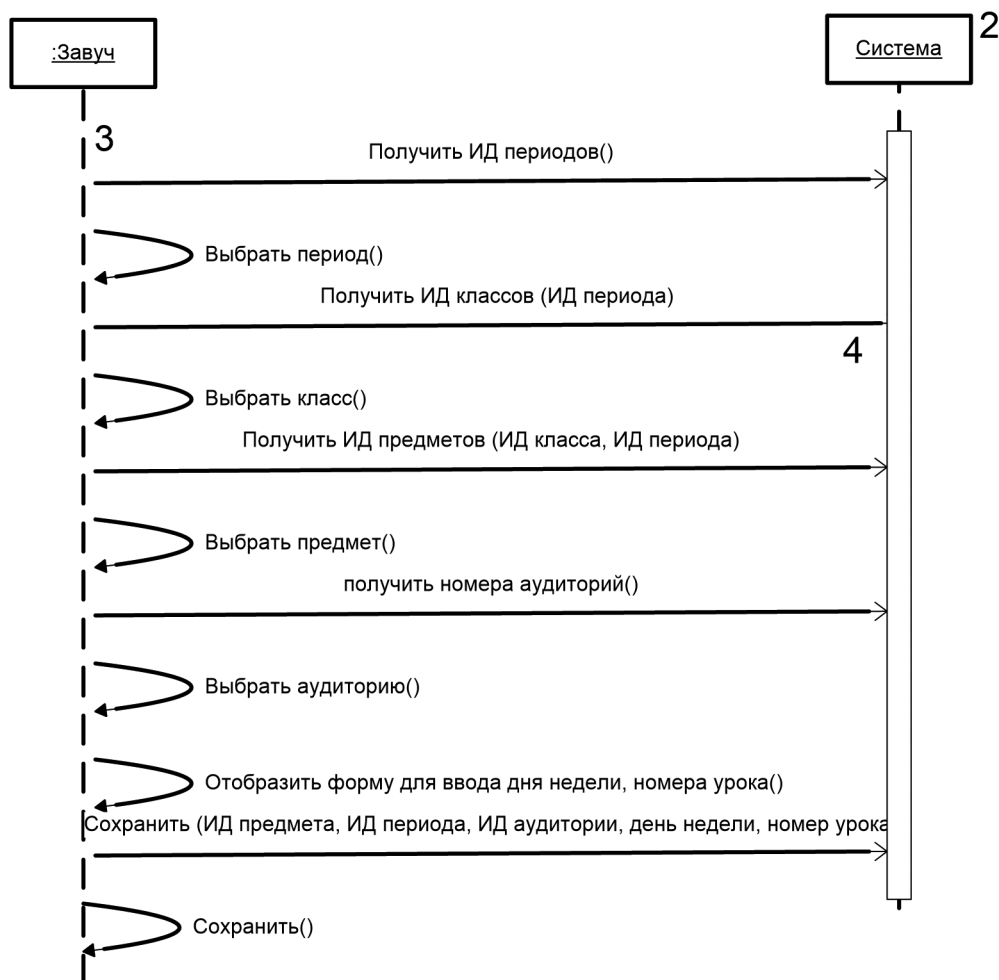

Рис. 4. Типичные ошибки при построении диаграммы последовательностей

Пример правильного представления диаграммы последовательностей приведен на рисунке 5.

В качестве объектов диаграммы использованы объекты классов, входящих в состав классов информационной

модели системы. Перечисленные ранее ситуации при разработке ИС требуют визуального представления системы в целях спецификации программных и технологических особенностей реализации распределенных архитектур. Для

представления физической модели ИС используются диаграммы компонентов (ДК)

и развертывания (ДР). Синоним ДР — диаграмма размещения.

Модель взаимодействия объектов системы при составлении расписания

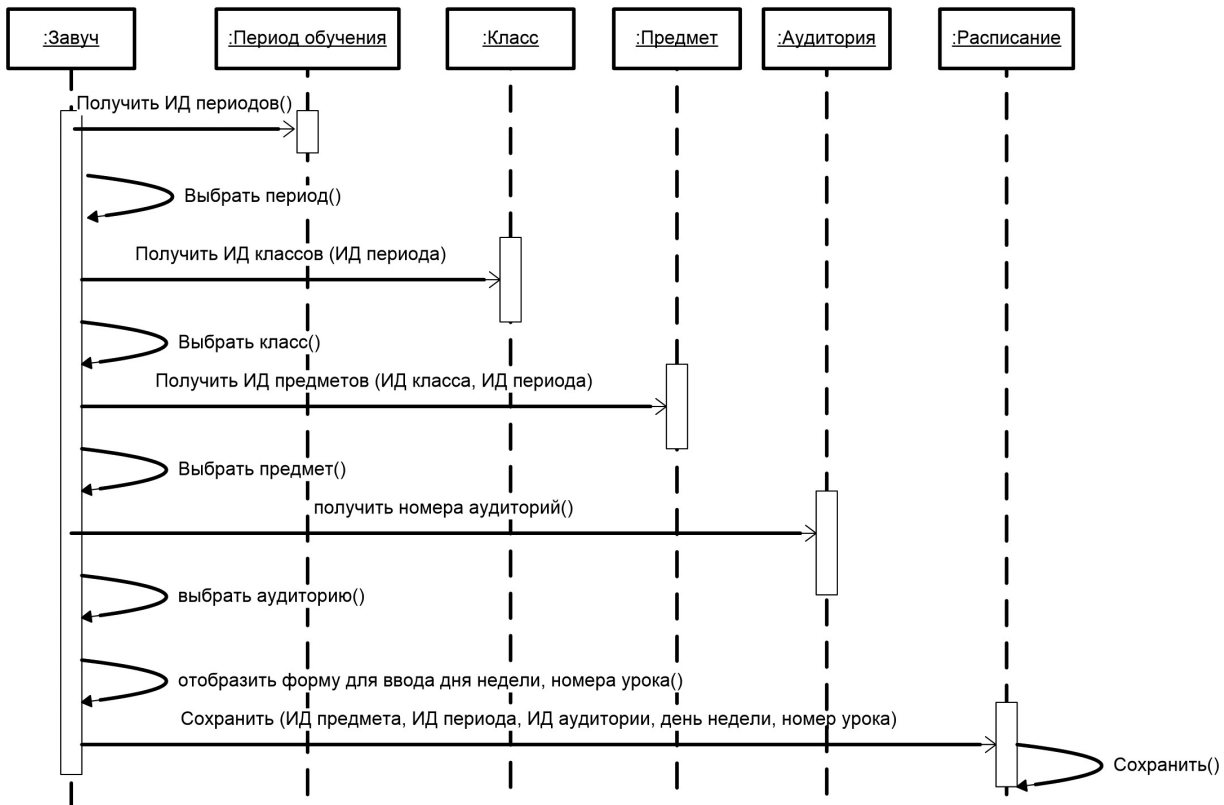

Рис. 5. Пример слайда с правильной диаграммой последовательностей

Рассмотрим типичные ошибки при построении диаграммы развертывания (см. рис. 6):

1) неправильное название слайда: диаграмма служит для представления физической модели системы, в данном случае архитектуры ИС;

2) не указаны соединения между узлами (аппаратными устройствами), задействованными в реализации системы;

3) отношения соединения между узлами должны представляться в виде сплошных линий (соединения между узлами в КИС реализованы посредством узла локальной сети и поэтому указаны неправильно);

4) интерфейс между компонентами изображен графически неправильно:

пунктирная линия должна быть без стрелки на конце, между браузером и сервером более правильно указать протокол http;

5) отношение должно быть представлено пунктирной стрелкой, направленной в обратную сторону, так как инициатором изменений является Windows Server 2008;

6) неправильно использован тип стрелки для отношений — должны быть пунктирные линии со стрелкой на конце;

7) неправильно изображены отношения между компонентами — отношения должны быть представлены пунктирными линиями со стрелками на конце;

8) неправильно указан тип компонента — компонент с расширением docx не является исполняемым.

Диаграмма развертывания ИС¹

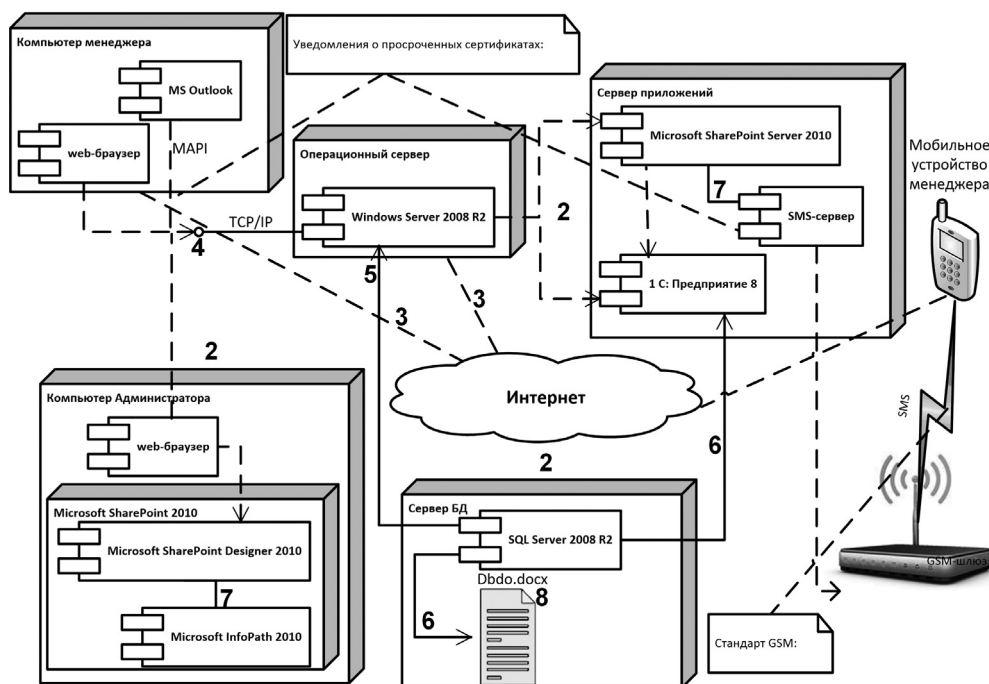

Рис. 6. Пример слайда с типичными ошибками при построении диаграммы развертывания

Пример слайда после устранения ошибок, допущенных в слайде на рисунке 6, приведен на рисунке 7.

Архитектура корпоративной ИС

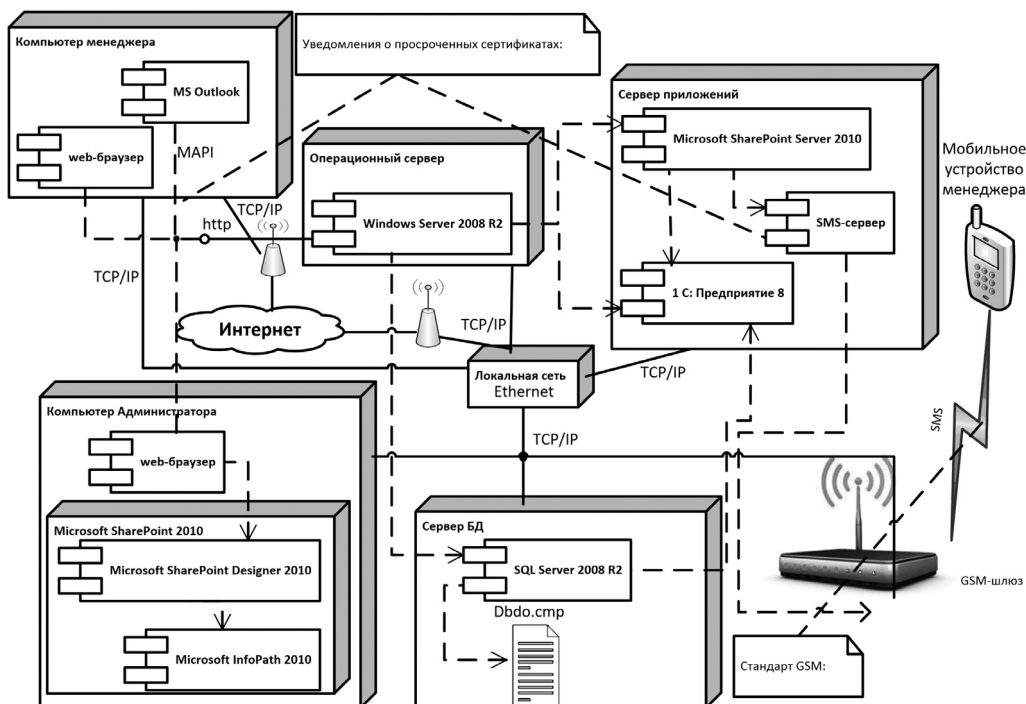

Рис. 7. Пример слайда с правильной диаграммой развертывания

На рисунке 8 обозначены цифрами от 1 до 5 типичные ошибки при представлении заключительного слайда с результатами выполненной работы (на примере презентации отчета по производственной практике).

¹Заключение

²☐ Проведено описание функциональной модели ИС ДО;

☐ Проведен сравнительный анализ готовых решений и инструментальных средств для реализации ИС ДО;

☐ Разработана архитектура КИС.

⁴Литература

1. Мидоу, Ч. Анализ информационных систем: моногр. / Ч. Мидоу. - М.: Прогресс, 2015. - 400 с.

2. Основы UML — диаграммы использования (use-case) [Электронный ресурс] / Программирование, шаблоны проектирования, алгоритмы URL: <https://pro-prof.com/archives/2594>

3. Игнатова И.Г., Соколова Н.Ю. Методические рекомендации по проектированию информационных систем на языке UML. - М.: МИЭТ, 2014. - 52 с.: ил.

⁵

Рис. 8. Пример заключительного слайда с типичными ошибками

Результаты производственной практики

☐ Разработано ТЗ на КИС;

☐ Проведено описание функциональной модели ИС ДО;

☐ Разработана архитектура КИС.

Список используемых источников

1. Мидоу, Ч. Анализ информационных систем: моногр. / Ч. Мидоу. – М.: Прогресс, 2015. – 400 с.

2. Основы UML — диаграммы использования (use-case) // Блог программиста URL: <https://pro-prof.com/archives/2594> (дата обращения: 05.07.2017).

3. Игнатова И.Г., Соколова Н.Ю. Методические рекомендации по проектированию информационных систем на языке UML. – М.: МИЭТ, 2014. – 52 с.: ил.

Рис. 9. Пример заключительного слайда после устранения ошибок

Перечислим допущенные на слайде (см. рис. 8) неточности и ошибки:

- 1) ошибка в заголовке слайда: правильный заголовок — «Результаты производственной практики»;
- 2) отсутствует слайд с разработанными требованиями к ИС, соответствующий первому пункту задач практики;
- 3) не разработаны требования к ИС;
- 4) не разработана функциональная модель ИС;
- 5) не разработана архитектура ИС;
- 6) в задачах на практику отсутствует данный пункт, в презентации отсутствует слайд с результатами проведенного анализа;
- 7) неправильный заголовок в списке («Литература»): правильно — «Список используемых источников», так как указанный электронный ресурс не относится к литературе;
- 8) данный ресурс 2 в списке «Литература» указан неправильно; для правильного написания используемых источников рекомендуется использовать интернет-сервис «Оформитель библиографических ссылок» (<http://www.snoskainfo.ru/>).

На рисунке 9 приведен пример заключительного слайда после устранения ошибок.

Рассмотренные в статье рекомендации по оформлению презентаций и представленные примеры типичных ошибок носят общий характер и могут быть использованы студентами и аспирантами разного направления специализации при публичной защите своих работ.

Литература

1. Калугян К. Х., Щербakov С. М. Типичные ошибки представления результатов выпускных квалификационных работ по направлению «Прикладная информатика» // Информатика и образование. 2016. № 5 (274). С. 20—28.
2. Дуарте Н. Slide:ology. Искусство создания выдающихся презентаций / Пер. с англ. Е. Смирновой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 288 с.
3. Каптерев А. Мастерство презентации: как создавать презентации, которые могут изменить мир / Пер. с англ. С. Кировой. 6-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер: Эксмо, 2018. 328 с.: цв. ил., табл.
4. Рейнольдс Г. Искусство презентаций: идеи для создания и проведения выдающихся презентаций. 2-е изд., пересмотр. и доп. М.: Вильямс, 2013. 320 с.

5. Методические указания по подготовке выпускной квалификационной работы бакалавра образовательной программы «Системы корпоративного управления» по направлению 09.03.03 «Прикладная информатика» / А. Г. Балашов, Г. Н. Брусникин, И. Г. Игнатова, Д. Г. Коваленко, Н. Ю. Соколова. М.: МИЭТ, 2016. 64 с.: ил., табл.

6. Documents Associated with Unified Modeling Language™ (UML®) Version 2.5 // OMG: [web] / Object Management Group. Cop. 2019. URL: <http://www.omg.org/spec/UML/2.5/> (accessed: 07.09.2017).

7. Рамбо Дж., Блаха М. UML 2.0: объектно-ориентированное моделирование и разработка. 2-е изд. СПб.: Питер, 2007. 544 с.

8. Uml — популярные книги // LiveLib: [Электронный ресурс] / Лайвлиб. Cop. 2006—2019. URL: <https://www.livelib.ru/tag/uml> (дата обращения: 28.09.2017).

Поступила 15.04.2019

Брусникин Геннадий Николаевич — кандидат технических наук, старший научный сотрудник, доцент Института системной и программной инженерии и информационных технологий Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), zelgnb@yandex.ru

Соколова Натэлла Юрьевна — кандидат технических наук, доцент, доцент Института системной и программной инженерии и информационных технологий Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), dre@miee.ru

Игнатова Ирина Гургеновна — доктор технических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования, проректор по учебной работе Национального исследовательского университета «МИЭТ», научный руководитель Института системной и программной инженерии и информационных технологий НИУ МИЭТ (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), igi@miee.ru

References

1. Kalugyan K. Kh., Shcherbakov S. M. Tipichnye oshibki predstavleniya rezul'tatov vypusknkh kvalifikatsionnykh rabot po napravleniyu "Prikladnaya informatika" (Typical Mistakes in Presentation of Graduate Qualification Works Results on Applied Information Science), *Informatika i obrazovanie*, 2016, No. 5 (274), pp. 20—28.
2. Duarte N. Slide:ology. Iskusstvo sozdaniya vydayushchikhsya prezentatsii (Slide:ology. The Art and Science of Creating Great Presentations), Per. s angl. E. Smirnovoi, M., Mann, Ivanov i Ferber, 2014, 288 p.
3. Kapterev A. Masterstvo prezentatsii: kak sozdat' prezentatsii, kotorye mogut izmenit' mir (Presentation

Secrets), Per. s angl. S. Kirovoi, 6-e izd., M., Mann, Ivanov i Ferber, Eksmo, 2018, 328 p., tsv. il., tabl.

4. Reinol'ds G. (Reynolds G.) *Iskusstvo prezentatsii: idei dlya sozdaniya i provedeniya vydayushchikhsya prezentatsii* (Presentation Zen: Simple Ideas on Presentation Design and Delivery (Voices That Matter)), 2-e izd., pere-smotr. i dop., M., Vil'yams, 2013, 320 p.

5. Balashov A. G., Brusnikin G. N., Ignatova I. G., Kovalenko D. G., and N. Yu. Sokolova. *Metodicheskie ukazaniya po podgotovke vypusknoi kvalifikatsionnoi raboty bakalavra obrazovatel'noi programmy "Sistemy korporativnogo upravleniya" po napravleniyu 09.03.03 "Prikladnaya informatika"* (Operations Manual on Graduate Qualification Work Preparation for Bachelor's Degree Program "Corporate Governance Systems" in Field of Study 09.03.03 "Applied Information Sciences"), M., MIET, 2016, 64 p., il., tabl.

6. "Documents Associated with Unified Modeling Language™ (UML®) Version 2.5". *OMG. Object Management Group*, cop. 2019. Web. 7 Sep. 2017. <<http://www.omg.org/spec/UML/2.5/>>.

7. Rambo Dzh., Blakha M. (Rumbaugh J., Blakha M.) *UML 2.0: ob"ektno-orientirovannoe modelirovanie i razrabotka* (Object-oriented Modeling and Design with UML 2.0), 2-e izd., SPb., Piter, 2007, 544 p.

8. "Uml — populyarnye knigi" (UML — Popular Books). *LiveLib*. Laivlib, cop. 2006—2019. Web. 28 Sep. 2017. <<https://www.livelib.ru/tag/uml>>.

Brusnikin Gennady N., Candidate of Engineering Sciences, Senior Researcher, Associate Professor at the Institute of Systems and Software Engineering and Information Technologies, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin Square, 1), zelgnb@yandex.ru

Sokolova Natella Yu., Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Institute of Systems and Software Engineering and Information Technologies, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin Square, 1), dre@miee.ru

Ignatova Irina G., Doctor of Engineering Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education, Vice Rector for Academic Work at National Research University MIET, Scientific Director of the Institute of Systems and Software Engineering and Information Technologies, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin Square, 1), igi@miee.ru

Submitted 15.04.2019

Психологические факторы взаимодействия личности с контентом массовой информации

Е. Л. Головлева¹, Л. В. Мрочко¹, Т. Г. Яковчук²

¹ *Московский гуманитарный университет, Россия, Москва*

² *Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия, Москва*

dr.discussion@yandex.ru

Рассматривается проблема выбора потребителем канала массовой информации. Раскрывается содержание и механизм процесса информационного взаимодействия личности с контентом массовой информации. Исследуются психологические установки как факторы, регулирующие восприятие и понимание человеком информации. Анализируются психические процессы коммуникации — внимание и восприятие — и познавательный процесс в рамках интереса и понимания. Определяются условия повышения действенности информационного влияния на личность.

Ключевые слова: средства массовой информации и коммуникации; информационное взаимодействие; личность; психологические факторы; установка; внимание; понимание; осмысление.

Psychological Factors of Personality Interaction with Mass Media Content

E. L. Golovleva¹, L. V. Mrochko¹, T. G. Yakovchuk²

¹ *Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia*

² *Moscow University of Industry and Finance (Synergy University), Moscow, Russia*

dr.discussion@yandex.ru

The authors consider the problem of customer's choice of mass media channel. They expose contents and mechanism of personality's interaction with mass media content, studying psychological patterns as factors regulating human perception and understanding of information. The authors did analyse psychical processes of communication (attention and perception) and cognitive process within the framework of interest and understanding. They have determined the conditions of increased efficiency of information influence on personality.

Keywords: media and communications; information exchange; personality; psychological factors; mind-set; attention; understanding; comprehension.

При выборе определенного средства массовой информации и коммуникации (СМИиК)¹ у потребителя (читателя, телезрителя, радиослушателя, пользователя) возникает первичная установка относительно его содержания. В процессе последующих систематических контактов с этим каналом информации она закрепляется

© Головлева Е. Л., Мрочко Л. В., Яковчук Т. Г.

¹ К СМИиК относятся периодические издания, книги, теле- и радиопередачи, интернет-медиа и другие каналы массовой информации.

вследствие формирования оценочных суждений о качестве получаемой информации, ее социальной и практической значимости. Так возникает система психологических установок, или система информационной ориентации, которая становится регулятором поведения потребителя в информационных потоках СМИиК.

Чтобы состоялось информационное взаимодействие между СМИиК и потребителем, а восприятие информации стало коммуникативным и познавательным актом, установка субъекта (редакции СМИиК) должна соответствовать установкам потребителя, аудитории в целом. Механизм существующей здесь взаимосвязи пока мало изучен. К сожалению, в последние годы не проводилось специальных исследований формирования психологических установок в процессе взаимодействия личности с СМИиК, хотя значимость таких исследований доказана давно.

Информационное взаимодействие личности с конкретным СМИиК всегда индивидуально. Важно рассмотреть основные этапы этого процесса: первый этап предшествует информационному контакту с СМИиК; второй есть собственно восприятие информации; третий этап — усвоение, оценка и использование полученной информации.

На первом этапе потребление опосредуется психологической установкой человека. Основатель теории установки, советский ученый Д. Н. Узнадзе рассматривал установку как особого рода состояние предварительной настройки человека, которое возникает под влиянием опыта и определяет его реакции на последующие воздействия внешней среды.

По мнению Д. Н. Узнадзе, установка означает неосознаваемую готовность субъекта к восприятию будущих событий и действиям в определенном направлении, а возникает при наличии потребности и ситуации ее удовлетворения, при взаимодействии субъекта со средой, т. е. с окружающей человека действительностью [1].

В информационном взаимодействии установка определяется предварительной оценкой места и роли конкретного

источника (канала) информации в системе СМИиК, мотивами обращения к печати, телевидению, радиовещанию и Интернету, а также информационными потребностями и интересами личности.

Второй этап включает установку на восприятие информации и ее понимание. Механизм восприятия и понимания представляет сложную и многоступенчатую конструкцию, обусловленную социальным статусом, уровнем образования, жизненным опытом и многими другими факторами.

На третьем этапе вырабатывается определенное отношение к полученной информации, информация оценивается и формируются установки на ее практическое использование, а также установки на дальнейший контакт с источником информации.

Таким образом, процесс потребления информации (или информационное взаимодействие) представляет собой замкнутый цикл: поиск информации (информационные потребности) — восприятие и понимание информации — ее использование и дальнейший поиск — отношение к информации (информационный интерес). Установки, обуславливающие содержание и механизм этого процесса, — сложнейший психологический феномен, определяемый сознанием личности.

Здесь следует заметить, что выдающийся исследователь установки, советский психолог С. Л. Рубинштейн, переносит центр тяжести с ее бессознательных компонентов на сознательные, личностные. Согласно его мнению, установка личности — это занятая ею позиция, которая заключается в определенном отношении к задачам, стоящим перед ней, что выражается в избирательной мобилизованности и в готовности к деятельности, направленной на их осуществление [2].

Установка на восприятие информации как осознанное поведение потребителя может быть заранее подготовлена (сформирована), т. е. может основываться на исходной установке, которая берет начало в реальной жизненной ситуации или в предыдущем

контакте с СМИиК. Эта установка выражается в готовности человека реагировать соответствующим образом на информацию, отвечающую его потребностям и интересам.

Система психологических установок личности составляет своеобразный «фильтр», через который проходит вся информация. Она означает предрасположенность человека к восприятию фактов, событий и явлений, освещаемых в СМИиК с определенных позиций. Это положение подтверждается результатами опросов, которые свидетельствуют о том, что оценка аудиторией тех или иных событий иногда не совпадает с формой их подачи в СМИиК.

По отношению к предлагаемой СМИиК информации психологическая установка может быть как положительной, так и отрицательной. При наличии положительной установки информация усваивается легче, в случае отрицательной — отвергается или воспринимается поверхностно, частично. К тому же на установку влияют изменения в окружающей действительности (изменения ситуации восприятия) и в социально-ориентирующей деятельности СМИиК, — что может сказаться на последующих установках относительно того или иного информационного канала.

Установка на восприятие определенной информации отражает интерес как мотивационное психическое состояние человека в конкретной ситуации и способствует выбору источника необходимой информации. Интерес указывает на то, в получении какой информации заинтересован потребитель, а мотив — для чего, с какой целью он обращается к СМИиК.

Конкретная установка определяет, что именно реализуется при восприятии информации, и является результатом взаимосвязи содержания информации и внимания к ней потребителя. Заметим: во всякой предметной деятельности человека именно установка на концентрацию внимания является важнейшим психологическим фактором эффективности процесса информационного взаимодействия.

Установка, по мнению Д. Н. Узнадзе, напрямую связана с вниманием. Внутренне она и выражает собой состояние психологической концентрации человека [3]. В этом плане примечательна также точка зрения известного ученого-психолога П. Я. Гальперина, который считал внимание моментом ориентировочно-исследовательской деятельности человека. По его мнению, внимание есть особое психологическое действие, представляющее собой контроль содержания образа, мысли либо другого феномена, имеющегося в данный момент времени в психике человека [4]. Изучая внимание, П. Я. Гальперин говорит о внимании как о функции психического контроля, формирующегося из внешнего контроля за предметным содержанием [5].

Внимание потребителя как фактор, предшествующий информационному контакту с СМИиК, во многом определяет восприятие информации и имеет важное психологическое значение. Внимание как бы «упорядочивает» (выстраивает) механизм информационного взаимодействия, оно обусловлено информационными интересами потребителя.

Для любого канала информации важно привлечь к себе внимание аудитории, чтобы затем предложить соответствующую ее интересам информацию. Речь идет о формировании у потребителя так называемого произвольного внимания, т. е. внимания планомерного, сосредоточенного на поиске необходимой информации в данном СМИиК.

Наличие такого внимания позволяет, например, редакции СМИиК заранее контролировать и направлять потребителя, вызывать интерес к печатному изданию, телепрограмме или радиопередаче, а в целом — формировать у него своеобразную модель информационного ожидания. Модель предоставляет возможность потребителю свободно ориентироваться в контенте периодической печати, телевидения и радиовещания, предварительно зная, где и когда найти нужную информацию.

Заметим, что непроизвольное внимание тоже выполняет функцию контроля, но в этом случае контролируется то, что

само бросается в глаза. В печатном тексте это тематические рубрики, нестандартный заголовок или необычная форма подачи материала; в теле- и радиоконтенте эта задача частично решается посредством предварительной публикации в газетах сведений о программах вещания, а также анонсированием телепередач.

Внимание аудитории, сосредоточенное вначале на источнике, а затем на самой информации, выступает условием ее последующего восприятия и понимания (в том числе осмысления как понимания знаковых объектов). Усвоение информации происходит посредством сложного психологического механизма, совершенство которого зависит: от уровня знаний и объема опыта человека; его общей и информационной культуры; взглядов и убеждений; желаний; настроений т. п.

Как отмечено ранее, существенное влияние на потребление информации оказывают психологические установки человека, его предрасположенность к тому или иному сообщению, к восприятию факта, события или явления. В процессе «воздействие — восприятие» срабатывает уже имеющаяся в сознании человека система идеалов, взглядов, образов, представлений. Поэтому встреча вновь генерируемой информации с уже имеющейся информацией внутренней, базовой, соприкосновение первой со второй порождает сложный психический процесс информационного взаимодействия личности с контентом массовой информации, или массовой аудитории в целом с СМИиК.

Эффективность воздействия СМИиК обусловлена всей системой социально-психологических установок человека, сформированной в процессе его воспитания и образования, а также в реальных обстоятельствах жизнедеятельности. Механизм данного процесса сложен и многогранен. Как писал А. А. Ухтомский, «бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слушать, и не подготовлены глаза,

чтобы видеть, т. е. если наша деятельность и поведение направлены сейчас в другие стороны» [6, с. 248].

На результат информационного процесса влияет совокупность всех взаимодействующих элементов, всех сил, причем особая роль принадлежит правильному пониманию информации. В самом деле, для того чтобы передаваемые знания и сведения действительно способствовали развитию личности или нашли применение в какой-либо сфере деятельности человека, они должны быть прежде всего верно поняты. Поэтому не случайно проблема понимания давно находится в центре внимания исследователей СМИиК.

Понимание есть диалектическая совокупность познавательных процессов, познание с помощью сравнения и различения, абстракции и конкретизации, ассоциации и противопоставления, индукции и дедукции, анализа и синтеза, — ибо нельзя понять вне познавательных процессов, конкретного изучения. Важно подчеркнуть, что если знание выступает предпосылкой понимания, то понимание является предпосылкой убеждения. На этой основе складывается и становится возможным познавательный цикл: «знание — понимание — убеждение». Понимание есть по сути «знание о знании», а убеждение — признание этого знания истинным.

Понимание как установка представляет собой переосмысление информации, своеобразное взаимодействие между информацией и ожиданиями, прогнозами, ассоциациями человека. В связи с этим блоки информации комментируются и оцениваются. Безоценочное понимание невозможно, потому что нельзя выявлять свойства вещей, не квалифицируя их, не оценивая их действительного положения. Совокупная оценка информации потребителем реализуется в его отношении к контенту и к каналу, его предоставляющему.

Отношение к информации — процесс активный, предусматривает известное сотворчество редакции СМИиК и аудитории, имеющей собственную позицию,

обусловленную и образом жизни, и уровнем информационной культуры, и социальным опытом. Усвоение информации означает, как говорил И. М. Сеченов, слияние продуктов чужого опыта с показаниями собственного [7, с. 365].

Человек обычно усваивает ту часть информации, которая его особенно интересует или тревожит. Ее, как правило, он и запоминает. Психологами достоверно установлено, что повторение информации не только укрепляет запоминание, но и способствует своеобразному процессу «вживания» узнанного и понятого в сознание человека. Эффект повтора создает модель восприятия, вырабатывает привычку, а эффект серийности событий телевидения и радиовещания выступает как способ уточнения и корректировки восприятия информации.

Вместе с тем необходимо остановиться на весьма важном, на наш взгляд, условии психологической соотнесенности предлагаемой информации с восприятием ее аудиторией, а именно на соответствии подачи информации — ритмичности ее усвоения. По мнению Б. М. Теплова, забывание начинается вскоре после восприятия информации и нарастает быстрыми темпами. Для того чтобы предотвратить забывание, необходимо повторение информации [8, с. 96].

Можно сделать вывод, что для формирования массового сознания требуется время, поскольку необходимо осмыслить полученную информацию и определить отношение к сообщаемому. Очевидно, что новая информация должна подаваться оптимальными порциями, так, чтобы аудитория имела возможность настроиться на прием нового сообщения, уточняющего и конкретизирующего первое. Без четкого усвоения первичной информации в памяти остаются лишь отдельные фрагменты фактов, деталей, оценок, которые не обрабатываются разумом, а следовательно, не дают знания для формирования картины мира.

Условием формирования положительного отношения аудитории к источнику информации является деятельность редакции

СМИиК, ориентированная не только на социально-демографические особенности массового сознания, но и на его социально-психологические и собственно психологические характеристики, на потребности, интересы, установки. Важное значение здесь имеют оценки, предложения и замечания адресата информации.

На различных этапах взаимодействие личности с контентом массовой информации обусловлено ее потребностями и интересами и многими другими факторами социального поведения. Психологические установки выступают своеобразным фильтром, который как бы дозирует вносимые в сознание человека новые знания. Психологические факторы могут ускорять или тормозить процесс восприятия информации, сужать или расширять объем воспринимаемого, поскольку корректируют отношение к источнику и контенту информации.

Очевидно, что изучение установок аудитории относительно конкретной тематики в сочетании с апеллированием к настроению тех или иных групп, различных по социальному статусу и социально значимым критериям, знание их основных ценностных ориентаций и предрасположенностей помогает глубже затронуть интересы людей, привлечь их внимание, иначе говоря, активизировать информационное влияние на личность.

Литература

1. *Узнадзе Д. Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961. 210 с.
2. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1999. 712 с. (Мастера психологии).
3. *Узнадзе Д. Н.* Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни. М.: Смысл, 2014. 368 с. (Живая классика).
4. *Гальперин П. Я.* К проблеме внимания // Хрестоматия по вниманию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 220—228.
5. *Гальперин П. Я.* Умственное действие как основа формирования мысли и образа // Вопросы психологии. 1957. № 6. С. 58—69.
6. *Ухтомский А. А.* Учение о доминанте. М.: Юрайт, 2017. 310 с. (Антология мысли).
7. *Сеченов И. М.* Избранные произведения. Т. 1: Физиология и психология. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 772 с., 1 л. портр.: ил. (Классики науки).

8. **Теплов Б. М.** Психология. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1953. 256 с.: ил.

Поступила 20.12.2018

Головлева Елена Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, д. 5), egolovleva@mosgu.ru

Мрочко Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, д. 5), dr.discussion@yandex.ru

Яковчук Татьяна Геннадьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры корпоративной культуры Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Россия, 125190, Москва, Ленинградский пр., 80, кор. Е), yakovchuk-tg@yandex.ru

References

1. Uznadze D. N. Eksperimental'nye osnovy psikhologii ustanovki (Experimental Basis of Mindset Psychology), Tbilisi, Izd-vo Akad. nauk Gruz. SSR, 1961, 210 p.
2. Rubinshein S. L. Osnovy obshchei psikhologii (Basic Principles of General Psychology), SPb., Piter Kom, 1999, 712 p., Mastera psikhologii.
3. Uznadze D. N. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika: nauka o psikhicheskoi zhizni (Philosophy.

Psychology. Pedagogy: Science of Mental Life), M., Smysl, 2014, 368 p., Zhivaya klassika.

4. Gal'perin P. Ya. K probleme vnimaniya (Problem of Attention Revisited), *Khrestomatiya po vnimaniyu*, M., Izd-vo Mosk. un-ta, 1976, pp. 220—228.

5. Gal'perin P. Ya. Umstvennoe deistvie kak osnova formirovaniya mysli i obraza (Mental Effort as Base for Thought and Image Formation), *Voprosy psikhologii*, 1957, No. 6, pp. 58—69.

6. Ukhtomskii A. A. Uchenie o dominante (Theory of Dominance), M., Yurait, 2017, 310 p., Antologiya mysli.

7. Sechenov I. M. Izbrannye proizvedeniya. T. 1, Fiziologiya i psikhologiya (Selected Works. Vol. 1, Physiology and Psychology), M., Izd-vo AN SSSR, 1952, 772 p., 1 l. portr., il., Klassiki nauki.

8. Teplov B. M. Psikhologiya (Psychology), 7-e izd., M., Uchpedgiz, 1953, 256 p., il.

Submitted 20.12.2018

Golovleva Elena L., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Advertising and Mass Communications Theory Department, Moscow University for the Humanities (5, Yunosti street, Moscow, 111395, Russia), egolovleva@mosgu.ru

Mrochko Leonid V., Doctor of Philosophy, Professor, professor of Advertising and Mass Communications Theory Department, Moscow University for the Humanities (5, Yunosti street, Moscow, 111395, Russia), dr.discussion@yandex.ru

Yakovchuk Tatiana G., Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of Corporate Culture Department, Moscow University of Industry and Finance (Synergy University) (80E, Leningradskiy avenue, Moscow, 125190, Russia), yakovchuk-tg@yandex.ru

Проектная методика как средство повышения учебной автономности у студентов нелингвистических направлений подготовки при изучении иностранных языков

И. М. Горбачева, Е. А. Горбачева

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

irina_gorbacheva@bk.ru

Предложен новый тип проектов, повышающий учебную автономность студентов при изучении иностранных языков. Выделена взаимосвязь проектов и учебной автономности в процессе обучения иностранным языкам: используя проекты, педагог может делать упор на учебную автономность студентов, тем самым наделяя их большей ответственностью за свою учебную деятельность и за полученный результат. Приведен пример проекта, иллюстрирующий работоспособность методики. В заключение раскрывается понятие рефлексии, предлагается ее классификация и способ применения на занятиях. Утверждается, что изложенные теоретические и прикладные положения расширяют инструментарий будущего использования проектов для студентов нелингвистических направлений подготовки.

Ключевые слова: методика преподавания; проекты; учебная автономия; изучение иностранных языков; нелингвистические направления подготовки; рефлексия.

The Project Method as the Way of Increasing Academic Autonomy in Students of Non-Linguistic Areas of Training while Studying Foreign Languages

I. M. Gorbacheva, E. A. Gorbacheva

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

irina_gorbacheva@bk.ru

The authors have proposed new type of projects increasing the academic autonomy of students in the study of foreign languages. They did highlight the interrelation of projects and academic autonomy in the process of teaching foreign languages: using the projects, the teacher can focus on the academic autonomy of students, thereby giving them greater responsibility for their learning activities as well as for the result they get. The authors gave an example of the project confirming the efficiency of proposed methods. In conclusion, the authors did reveal the concept of reflection and did propose its classification and method of application in the classroom. They have stated that theoretical and practical provisions they give expand the tools for the further use of projects for students of non-linguistic areas of training.

Keywords: teaching methods; projects; academic autonomy; foreign languages study; non-linguistic areas of training; reflection.

В современном мире применяется множество различных методик преподавания, и молодым педагогам иностранных языков

важно найти среди них тот, что станет их *коронным упражнением* — т. е. таким видом заданий для студентов, работать с которым

© Горбачева И. М., Горбачева Е. А.

преподавателю будет удобно и просто. Одни педагоги обращаются к игровому методу, другие — к интерактивным заданиям. Авторы данной статьи отдают предпочтение проектной методике. Она стала активно применяться в обучении иностранному языку по всему миру с конца 1980-х гг. Однако в отечественной практике данная методика начала активно использоваться только с конца 1990-х гг.

В основе проектной методики — тщательно проработанные практические задания, которые предполагают использование языка в реальных условиях (здесь и сейчас). Одной из главных задач этого метода является пробуждение интереса студентов к определенным вопросам или проблемам, для решения которых необходимы знания в разных областях. В рамках выполнения проекта задействуются все приобретенные знания, применение теоретических сведений сочетается с выражением жизненной позиции.

Об этой методике преподавания известно многим педагогам, однако не все из них готовы использовать проекты в своей практике. По их мнению, требуются длительные предварительные мероприятия, которые не просто вписать в рамки образовательного процесса. Проект служит для преподавателя средством развития, обучения и воспитания, при помощи которого он развивает у обучающихся характерные для проектной деятельности умения и формирует навыки учебной автономности.

Студентам проект дает возможность раскрыть себя и свой творческий потенциал; работать — индивидуально или в группе — над интересными заданиями, а также выражать свою точку зрения и публично демонстрировать результат работы.

Важность использования проектной методики на занятиях английского языка для студентов обусловлена целями, которые она преследует:

- обеспечение использования языкового портфеля в ситуациях, максимально приближенных к условиям реального общения;

- работа с информацией на всем протяжении работы над проектом;

- увеличение учебной автономии в работе обучающихся (индивидуальной и групповой);

- повышение качества презентации работы, в том числе на иностранном языке.

Учебная автономия, формированию навыков которой в немалой степени содействует работа с проектом, воспринимается обучающимися как свобода от ограничений программы, отсутствие строгого контроля преподавателя, а также как возможность взять на себя управление своей учебной деятельностью. Условие формирования учебной автономии у обучающихся — развитость навыков самоконтроля. При самоконтроле студенты критично оценивают свои успехи и проблемы и не зависят в своих суждениях от оценки преподавателя. Процесс обучения в таком случае получается более осознанным и подталкивает к самостоятельному изучению иностранного языка. При условии постоянного самоконтроля студент приобретает и закрепляет привычку анализировать каждое свое действие, а при возникновении противоречий сможет самостоятельно пересмотреть свои действия, откорректировать их и понять причины ошибок и неудач.

Самоконтроль и критическая самооценка деятельности стимулируют развитие мыслительных способностей обучающегося и в дальнейшем превращаются в набор личностных качеств, высоко ценимых работодателем.

В целях формирования навыков самоконтроля необходимо подбирать такие проекты, в которых каждый студент сможет в полной мере проявить себя и высказать свою точку зрения по интересующему его вопросу.

На первом курсе студенты осваивают общенаучные дисциплины, не погружаясь в выбранную специальность. На данном этапе обучения преподавателям английского языка важно не перегрузить студентов профессиональными терминами. Именно поэтому представляется возможным сделать

акцент на общенаучные вопросы и обсудить глобальные проблемы человечества, с которыми сталкивается весь мир.

Проект *Extreme Weather* («Экстремальные погодные условия») призван привлечь

внимание человечества к отрицательному влиянию его деятельности на природу и предоставляет возможность реализовывать сразу несколько универсальных компетенций [1, п. 3.2].

Таблица 1

Компетенции, реализуемые проектом *Extreme Weather*

Параметр	Компетенция
Системное и критическое мышление	УК-1. Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач
Разработка и реализация проектов	УК-2. Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений
Командная работа и лидерство	УК-3. Способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде
Коммуникация	УК-4. Способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)
Самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение)	УК-6. Способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни
	УК-7. Способен поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности
Безопасность жизнедеятельности	УК-8. Способен создавать и поддерживать безопасные условия жизнедеятельности, в том числе при возникновении чрезвычайных ситуаций

Ниже представлено ключевое задание проекта.

Extreme Weather Project

Для выполнения данного задания вам необходимо изучить природные катаклизмы. Выберите для изучения один из них, например: ураганы; зима 2019 г., самая холодная в истории США; пожары 2018 г. в Калифорнии; таяние Гренландского ледяного щита. Вам необходимо представить вашей учебной группе результаты своего исследования. По мере представления проектов мы будем составлять «карту поражений Земли». В презентацию необходимо включить перечисленные далее разделы.

Информация о катаклизме:

- название;
- дата и место произошедшего события;
- минимум два изображения последствий этого события;
- количество пострадавших (смертей, травм, потерь мест жительства);
- описание урона, нанесенного местности;
- были ли сигналы предупреждения, помогло ли это спастись большему количеству людей?
- *Дополнительно: продемонстрируйте короткую (продолжительностью не более 90 секунд) видеозапись.*

Причины природных аномалий:

- определение данного типа погоды;
- характеристика природного феномена;
- причины возникновения этого события (будьте максимально конкретны).

Частота природных аномалий:

- В какое время года это произошло? Происходило ли такое раньше?
- Как часто происходят подобные аномалии? (В ответ включите статистику, факты и прочее.)

Место возникновения аномалии:

- Где произошло это событие?
- Происходили ли подобные события в других точках мира?

Последствия:

- Каковы разрушительные последствия этой природной катастрофы?
- Как был оценен ущерб? (В ответ включите факты, числа, детали.)

Меры предосторожности:

- Как людям подготовиться, чтобы не пострадать от этой природной катастрофы?
- Какие вещи необходимо включить в «набор для выживания»?

Интересные факты (любые факты и статистика, относящиеся к катастрофе).

Изображения (фотографии, карты, графики и прочее).

Реализация проекта состоит из трех этапов:

- первый — подготовительный;
- второй — этап реализации;
- третий — рефлексия.

1. На подготовительном этапе создается рабочее и творческое настроение в группах, студентам объясняется цель исследования и выявляется предмет исследования для каждой группы. Кроме того, происходит планирование деятельности в рамках проекта, распределение ролей. Для проведения этого этапа предлагается следующий формат занятия: выполнение предтекстовых упражнений, работа с текстом и выполнение послетекстовых упражнений.

1.1. Предтекстовые упражнения.

Посмотрите на эту сферу. Представьте, что это наша Земля. Теперь поделите ее

на четыре части. Три четверти земной поверхности занимает вода и только ¼ — суша. Лишь половина пригодна для жилья. Остальные земли — это пустыни, горы, ледники и другие места, где нет возможности жить. И теперь я разделяю эту половину на четыре части. Трудно в это поверить, но лишь 1/32 дает нам пищу и кров. Представьте масштабы катастрофы, если мы уничтожим эту малую часть. Давайте вместе подумаем, как можно сохранить нашу планету и исправить уже нанесенный урон.

Для начала ответьте на вопрос: какие экологические проблемы вы знаете?

Каков масштаб загрязнений в Зеленограде? А в вашем родном городе? Какие действия человечества ведут нас к природной катастрофе? Что вы можете сделать, чтобы остановить загрязнение окружающей среды?

1.2. Работа с текстом «Humans damaging the environment faster than it can recover» (Люди наносят вред окружающей природе быстрее, чем она может восстанавливаться) [2].

Можно использовать и иной текст, адаптированный под уровень группы, а также измененный соответственно изучаемой лексике.

1.3. Послетекстовые упражнения представляют собой погружение в специфику проекта, где преподаватель объясняет его цель: анализ современных природных катаклизмов для их предупреждения в будущем.

2. Этап реализации проводится как презентация результатов исследования. Для объективной оценки результатов обучающихся можно использовать предлагаемую схему (см. табл. 2).

Данный проект является краткосрочным и проводится в два занятия, поэтому он представляется легко реализуемым как преподавателями, так и студентами.

3. Рефлексия позволяет учить не науке, а умению учиться. При помощи рефлексии происходит систематизация полученного опыта и сравнение успехов студента с достижениями других.

Таблица 2

Критерии оценивания проектов

Критерии оценки преподавателем	
Качество используемого материала	Оценки в баллах от 1 до 5, где 1 — удовле- творительно, 5 — отлично
Качество речи	
Качество презентации	
Соответствие плану исследования	
Критерии оценки студентами	
Соответствие плану исследования	Оценки в баллах от 1 до 5, где 1 — удовле- творительно, 5 — отлично
Качество доклада	
Качество презентации	

В педагогическом энциклопедическом словаре [3, с. 239] дается определение: рефлексия — это размышление, самонаблюдение, осмысление собственных действий. Если применять этот термин к образовательному процессу в вузе, можно сказать, что рефлексия — этап занятия, во время которого у студентов происходит самостоятельное оценивание своей деятельности и переживаемых эмоций.

Рефлексия помогает студентам понять:

- с какой целью происходит изучение данной темы, как она пригодится в дальнейшем процессе обучения;
- какие цели были достигнуты ими на каждом конкретном занятии;
- какой вклад может быть внесен

в общий процесс их обучения;

- способны ли они адекватно оценивать собственный труд и работу одногруппников.

Когда у студента есть понимание всех перечисленных выше критериев, процесс обучения становится более интересным, увлекательным не только для него, но и для преподавателя.

Различают множество видов рефлексии как этапа занятия. Комбинируя разные виды рефлексии с различными занятиями, преподаватели получают объективную оценку работы обучающихся и качества материала. За основу приведенной ниже классификации рефлексии взята статья учителя иностранного языка из Самарской области А. Б. Эргашевой [4].

Таблица 3

Классификация видов рефлексии

По способам оценивания	По форме работы	По функции	По цели
<i>Символическая</i> Выставление оценки при помощи символов (напр., карточки, жесты)	<i>Коллективная</i>	<i>Духовная</i> Восприятие материала (хорошо / плохо); открытие чего-либо нового для себя	<i>Настроения и эмоционального состояния</i> Оценка состояния, эмоций, умение аргументировать точку зрения
<i>Устная</i> Высказывание устной оценки и описание эмоций	<i>Групповая</i>	<i>Физическая</i> Скорость (успели / не успели) и трудоемкость (легко / тяжело) освоения материала	<i>Деятельности</i> Анализ активности, осмысление видов и способов работы, выявление пробелов в знаниях

По способам оценивания	По форме работы	По функции	По цели
<i>Письменная</i> Проведение письменного опроса, анкетирования	<i>Фронтальная</i>	<i>Чувственная</i> Комфортно / дискомфортно	<i>Содержания учебного материала</i> Осознание содержания пройденного, оценка эффективности собственной работы на занятиях
	<i>Индивидуальная</i>	<i>Интеллектуальная</i> Что поняли или не поняли, какие затруднения испытывали	

Письменная форма рефлексии — самый сложный ее вид, так как требуется много времени для ее проведения и последующей обработки ответов. Именно поэтому лучше проводить ее при завершении учебных разделов или по окончании изучения отдельной темы.

В таблице 3 прослеживается определенный порядок работы с рефлексией. Именно так удобнее приучать студентов к этому виду деятельности: начинать со всей аудитории, далее в отдельных рабочих группах, затем опрашивать выборочно и по одному. Это позволяет обучающимся самостоятельно оценивать свои достижения.

Рефлексия настроения и эмоционального состояния помогает оценивать общий настрой группы. Чем больше у студентов положительных эмоций после занятия, тем лучше была понята тема. Напротив, преобладание отрицательных эмоций позволяет сделать вывод о том, что занятие было воспринято как скучное, возникли трудности с восприятием темы.

Рефлексия содержания учебного материала проводится в конце занятия, во время подведения итогов. В ходе нее студенты осознают содержание изученного материала, оценивают эффективность своей работы. Именно этот вид деятельности предлагается авторами для завершения работы над проектом *Extreme Weather*.

После сбора листов оценки происходит подсчет баллов. Для этого преподаватель раздает заранее подготовленные листки бумаги («листья») с неоконченными фразами, которые студенты должны дополнить:

- сегодня я узнал(а) ...;
- я научился(лась) ...;

- было интересно узнать, что ...;
- меня удивило ...;
- мне захотелось ...

Далее составляется «дерево знаний», на которое крепятся эти «листья». Составляется полная картина материала, усвоенного за занятие, при этом студенты могут обнаружить какие-либо факты, которые ранее могли упустить.

Итак, рефлексия помогает студентам при обобщении изученных на занятии тем и оценке собственной деятельности на занятии, способствует устранению затруднений при дальнейшей работе с группой. Для педагога рефлексия служит отличным инструментом при анализе и оценке деятельности обучающихся, оценке качества преподаваемого материала и выборе эффективных упражнений для взаимодействия на занятиях в целях включения группы в активную деятельность.

Проектная методика позволяет студентам развивать самостоятельность, возможность мыслить и рассуждать на английском языке. Студенты включаются в диалог культур с использованием языка как средства межкультурного взаимодействия. На взгляд авторов, при работе с проектами формируются умения и навыки, необходимые в разных видах речевой деятельности, на уровне, определенном программой и образовательным стандартом нового поколения.

Литература

1. Макет ФГОС ВО (3++) (бакалавриат) 23.03.2017 // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования: [электронный ресурс] / ФГОС ВО. Сор. 2019. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/142/141/16> (дата обращения: 15.04.2019).

2. **Harvey F.** Humans damaging the environment faster than it can recover, UN finds // The Guardian: [web] / Guardian News & Media Ltd. 19 May 2016. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2016/may/19/humans-damaging-the-environment-faster-than-it-can-recover-report-finds> (accessed: 15.04.2019).

3. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 527 с.: ил.

4. **Эргашева А. Б.** Рефлексия как завершающий этап урока английского языка в рамках ФГОС // Инфоурок: Ведущий образовательный портал России: [Электронный ресурс] / Гл. ред. А. С. Воробей. 10.04.2017. URL: <https://infourok.ru/refleksiya-kak-zavershayushchiy-etap-uroka-angliyskogo-yazyka-v-ramkah-fgos-3480120.html> (дата обращения: 15.04.2019).

Поступила 15.04.2019

Горбачева Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), irina_gorbacheva@bk.ru

Горбачева Елена Александровна — студентка магистратуры Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), helen_gorbacheva@bk.ru

References

1. “Maket FGOS VO (3++) (bakalavriat) 23.03.2017” (Draft of Federal State Educational Standard for Higher Education (3++) (Bachelor’s Degree), 23 Mar. 2017), *Portal Federal’nykh gosudarstvennykh obrazovatel’nykh standartov vysshego obrazovaniya*. FGOS VO, cop. 2019. Web. 15 Apr. 2019. <<http://fgosvo.ru/fgosvo/142/141/16>>.

2. Harvey F. “Humans damaging the environment faster than it can recover, UN finds”. *The Guardian*. Guardian News & Media Ltd., 19 May 2016. Web. 15 Apr. 2019. <<https://www.theguardian.com/environment/2016/may/19/humans-damaging-the-environment-faster-than-it-can-recover-report-finds>>.

3. *Pedagogicheskii entsiklopedicheskii slovar’* (Pedagogical Encyclopedic Dictionary), Gl. red. B. M. Bim-Bad. M., Bol’shaya ros. entsikl., 2002, 527 p., il.

4. Ergasheva A. B. “Refleksiya kak zavershayushchii etap uroka angliiskogo yazyka v ramkakh FGOS” (Reflection as Closing Stage of English Lesson in the Frame of Federal State Educational Standard). *Infourok, Vedushchii obrazovatel’nyi portal Rossii*. Gl. red. A. S. Vorobei, 10.04.2017. Web. 15 Apr. 2019. <<https://infourok.ru/refleksiya-kak-zavershayushchiy-etap-uroka-angliyskogo-yazyka-v-ramkah-fgos-3480120.html>>.

Submitted 15.04.2019

Gorbacheva Irina M., Cand. Sci. (History), associate professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), irina_gorbacheva@bk.ru

Gorbacheva Elena A., Master Student at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), helen_gorbacheva@bk.ru

К вопросу об оценивании студентами образовательной деятельности по дисциплине «Физическая культура и спорт»

В. А. Макарычев

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

vadim0806@mail.ru

Представлены результаты оценивания студентами первого курса условий и содержания дисциплины «Физическая культура и спорт», организации и качества образовательного процесса. Показано, что при переходе на новый образовательный стандарт высшего образования важную роль играет оперативная информация о соответствии содержания курса ожиданиям студентов, о доступности и последовательности излагаемого преподавателями материала, о новизне и практичности полученных знаний для студентов. Результаты анкетирования студентов позволили оперативно и эффективно скорректировать содержание и качество образовательной деятельности, что в целом повысило качество образовательного процесса.

Ключевые слова: образовательная деятельность; оценка образовательного процесса; анкетирование; спортивные специализации; пожелания студентов.

Towards “Physical Training and Sports” Educational Activities Evaluation by Students

V. A. Makarychev

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

vadim0806@mail.ru

The author did present the results of evaluation of the “Physical Training and Sports” discipline educational process by first-year students who rated its conditions, content, organization and quality. The author has shown that an important role in the transition to a new higher educational standard is played by active information: about the compliance of the course content with the students’ expectations; about accessibility and consistency of materials presented by teachers; about the novelty and practicality of knowledge the students have gained. The results of students questioning made it possible to promptly and effectively adjust the educational activities content and quality, which increased the overall quality of educational process.

Keywords: educational activities; educational process evaluation; questioning; sports specialization; students wishes.

В соответствии с приказом Министерства образования и науки РФ от 05.04.2017 № 301 о переходе на новый стандарт

организации и осуществления образовательной деятельности [1], на кафедре физического воспитания Национального

исследовательского университета «МИЭТ» разработан и введен в действие новый порядок реализации дисциплины «Физическая культура и спорт». Затем в 2018/19 уч. г. было проведено оценивание [2, п. 4.6.2] качества образовательной деятельности по данной дисциплине.

В ходе этого исследования студентам первого курса было предложено оценить условия, содержание, организацию и качество образовательного процесса. Анонимное анкетирование 184 студентов обоего пола всех медицинских групп проводилось на 8-й и 9-й неделях 1-го семестра в 13 учебных группах на 11 спортивных специализациях и охватило все факультеты университета. В анкете содержалось 20 вопросов. Результативность обучения предлагалось оценить по 10-балльной шкале (10 — отлично, 5 — нормально, 1 — плохо). Результаты анкетирования представлены далее на рисунках, где на оси ординат условно (буквами от А до М) обозначены преподаватели разных специализаций, а на оси абсцисс — оценка студентами их образовательной деятельности в процентах.

Содержание образовательного процесса (см. рис. 1—4) предлагалось оценить, ответив на вопросы:

— «Соответствует ли содержание курса Вашим ожиданиям?»;

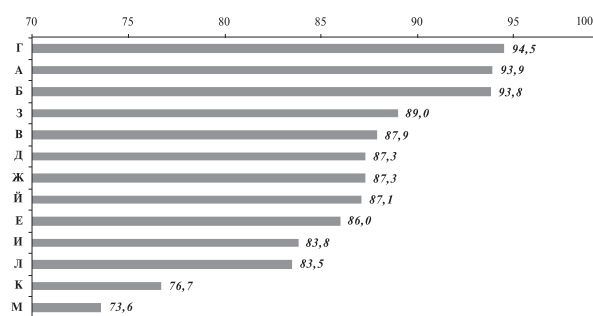

Рис. 1. Соответствие содержания курса ожиданиям студентов

— «Побуждает ли Вас содержание материала к дальнейшему совершенствованию в этом вопросе?»;

— «Практична ли и полезна ли полученная информация?»;

— «Узнали ли Вы новую информацию по выбранной специализации?».

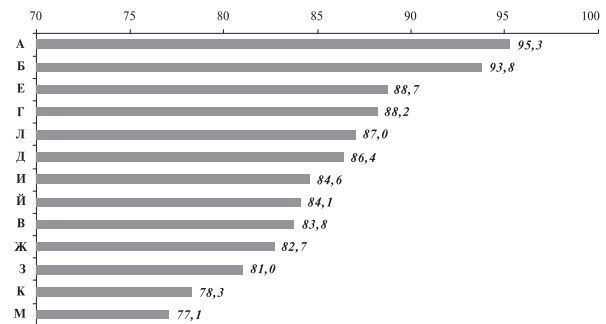

Рис. 2. Влияние содержания материала на стремление к дальнейшему совершенствованию в этом вопросе

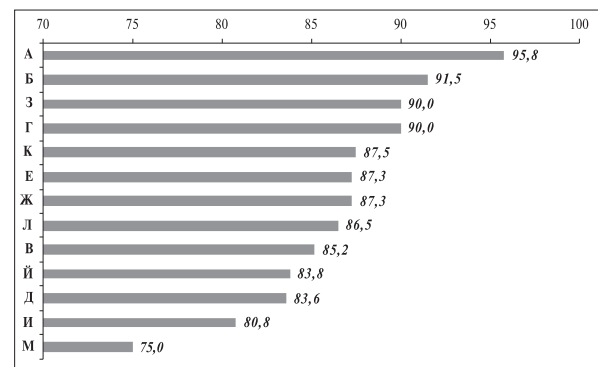

Рис. 3. Практичность и полезность полученной информации

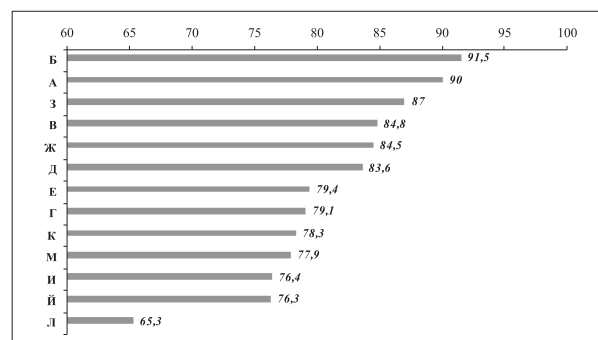

Рис. 4. Новизна полученной информации

Организацию процесса обучения (см. рис. 5—7) предлагалось оценить, ответив на прямой вопрос: «Как Вы оцениваете организацию обучения?», а также на следующие:

— «Использует ли преподаватель различные методы (практические упражнения, слайды, групповую работу)?»;

— «Излагает ли преподаватель материал ясно, доступно, последовательно?».

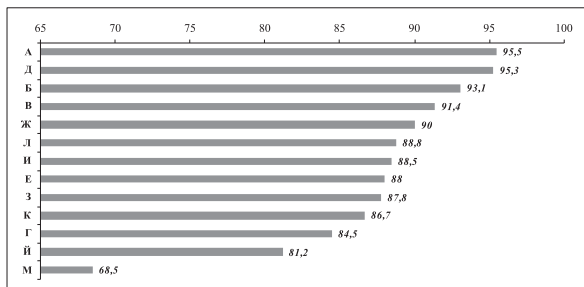

Рис. 5. Качество организации обучения

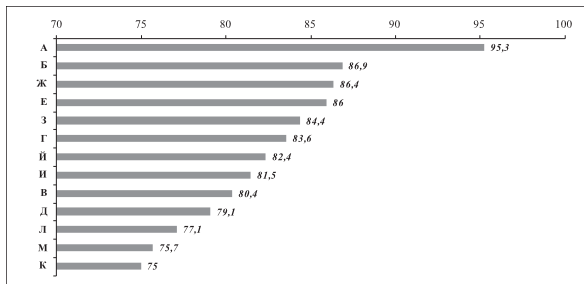

Рис. 6. Использование различных методов (практические упражнения, слайды, групповая работа)

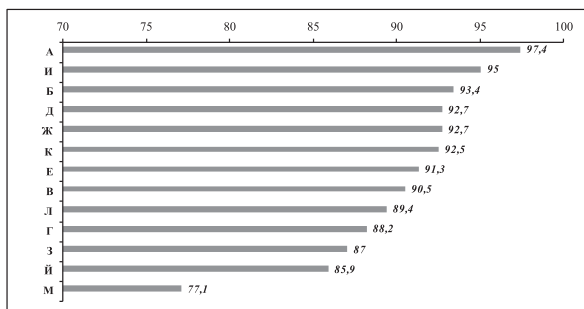

Рис. 7. Ясность, доступность, последовательность изложения материала

Качество образовательного процесса напрямую зависит от профессиональной подготовки преподавателя и его личных качеств (см. рис. 8—18). Студентам предлагалось оценить это в вопросах:

— «Удовлетворены ли Вы полученными знаниями?»;

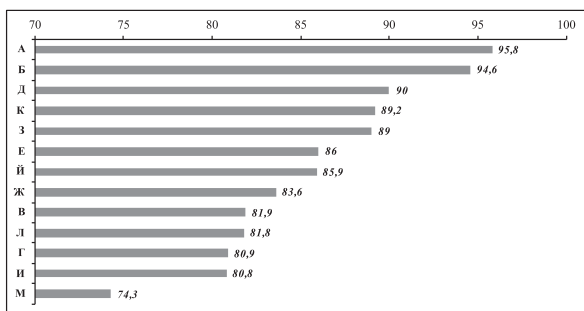

Рис. 8. Удовлетворенность полученными знаниями

— «Коммуникабелен ли преподаватель (умеет ли наладить контакт)?»;

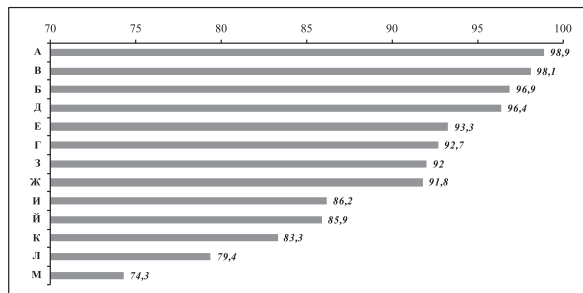

Рис. 9. Коммуникабельность преподавателя (умение наладить контакт)

— «Разъясняет ли преподаватель сложные места?»;

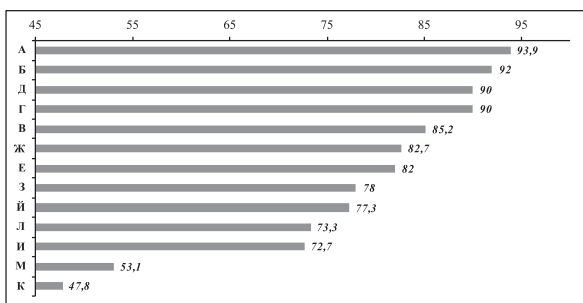

Рис. 10. Разъяснение сложных мест

— «Выделяет ли преподаватель главные моменты?»;

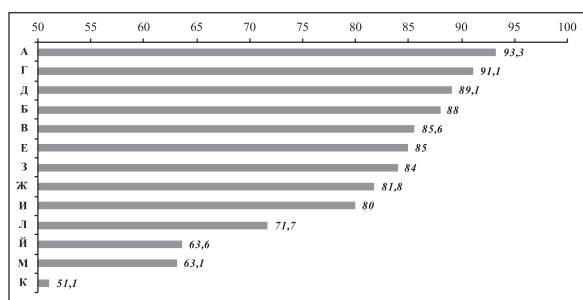

Рис. 11. Выделение главных моментов преподаваемого материала

— «Умеет ли преподаватель вызвать и поддержать интерес аудитории к теме?»;

— «Обладает ли преподаватель творческим подходом и интересом к своему делу?»;

— «Доброжелателен ли и тактичен ли преподаватель по отношению к студентам?»;

— «Проявляет ли преподаватель терпение?»;

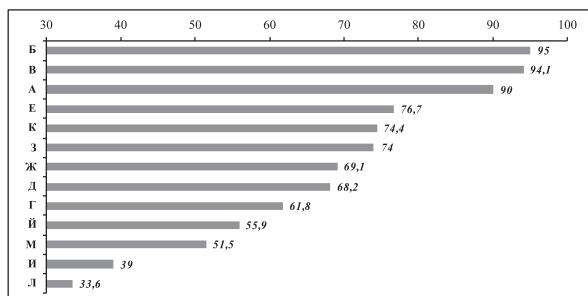

Рис. 12. Умение преподавателя вызвать и поддержать интерес аудитории к теме

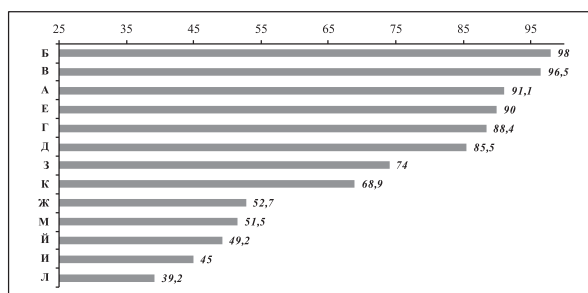

Рис. 13. Творческий подход преподавателя и интерес к своему делу

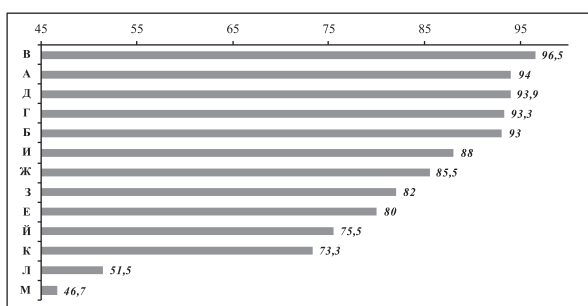

Рис. 14. Доброжелательность и тактичность преподавателя по отношению к студентам

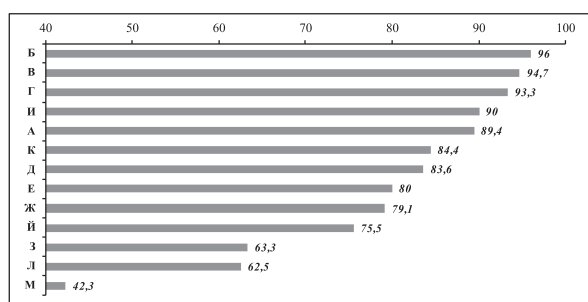

Рис. 15. Проявление терпения преподавателем

- «Располагает ли преподаватель к себе высокой эрудицией?»;
- «Способствует ли манера преподавания усвоению материала?»;
- «Хотите ли Вы перейти в другую группу?».

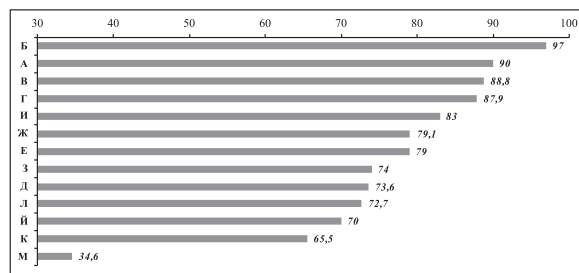

Рис. 16. Высокая эрудиция преподавателя, располагающая к себе

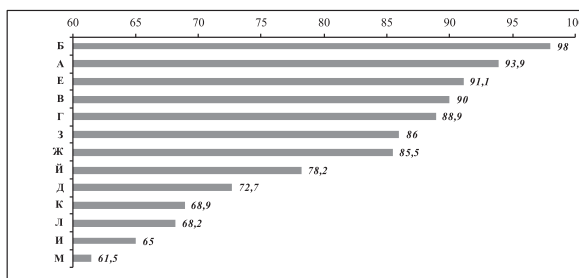

Рис. 17. Содействие манеры преподавания усвоению материала

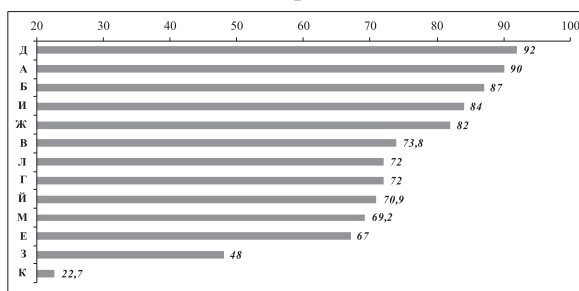

Рис. 18. Отсутствие желания студентов перейти в другую группу

Комплексная оценка преподавателей кафедры физического воспитания с точки зрения содержания дисциплины «Физическая культура и спорт», организации и качества образовательного процесса, рассчитанная по итогам ответов студентов первого курса на 18 вопросов анкеты, представлена на рисунке 19.

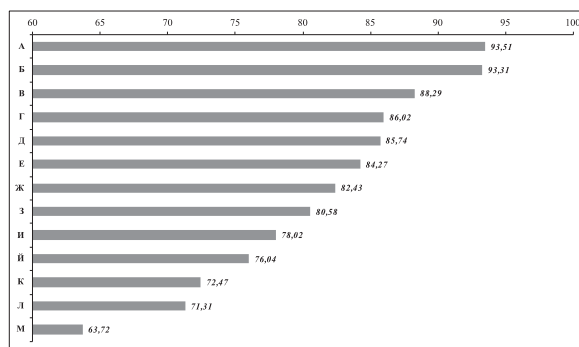

Рис. 19. Комплексная оценка работы каждого преподавателя, данная студентами первого курса

В ходе анкетирования студентам был также задан вопрос: «Способствует ли обучение дисциплине “Физическая культура и спорт” развитию Ваших навыков и личных качеств?». Подавляющее большинство (85,75 %) студентов отметили, что процесс обучения способствует развитию у них различных навыков. Большинство (63,03 %) заметили у себя положительное влияние занятий физической культурой на воспитание разных личных качеств (рис. 20).

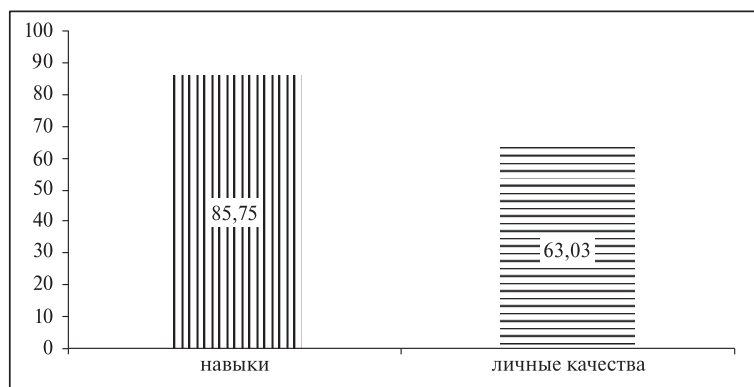

Рис. 20. Влияние обучения на развитие навыков и личных качеств

В частности, на протяжении двух месяцев обучения студенты отметили улучшение следующих навыков (рис. 21):

- контроль собственного тела (21,35 %);
- саморазвитие (17,57 %);
- способность преодолевать усталость (16,48 %);
- самодисциплина (16,22 %);
- умение расслабляться (11,62 %);
- коммуникабельность (8,92 %);
- анализ информации (7,84 %).

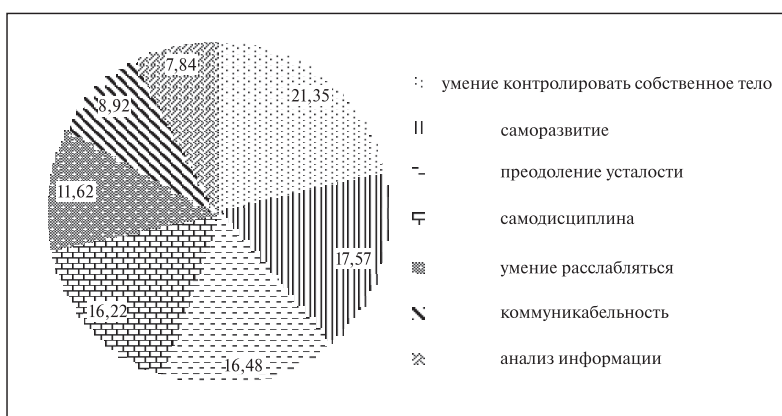

Рис. 21. Навыки, развитию которых способствует обучение

При анализе ответов студентов разных специализаций выявлены некоторые особенности. Так, об улучшении в развитии навыков контроля собственного тела, умения преодолевать усталость

и расслабляться заявили больше студентов, специализирующихся на индивидуальных видах спорта (силовая подготовка, плавание, самбо, тяжелая атлетика), чем занимающихся командными видами спорта (футбол,

волейбол, баскетбол). Вопреки ожиданиям, об улучшении коммуникабельности также сообщило больше студентов специализаций индивидуальных видов спорта.

По мнению студентов (рис. 22), занятия по дисциплине «Физическая культура и спорт» в большей степени содействуют развитию следующих качеств:

— усердие (19,81 %);

— терпеливость (17,02 %);

— трудолюбие (15,62 %).

В меньшей степени занятия физической культурой и спортом влияют на развитие эмпатии — таких чувств, как:

— отзывчивость (8,39 %);

— доброта (6,06 %);

— дружелюбность (6,06 %);

— миролюбие (3,73 %).

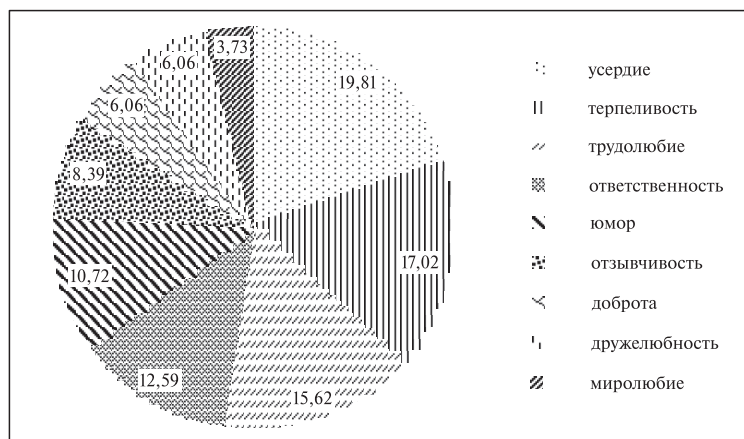

Рис. 22. Личные качества, развитию которых способствует обучение

Завершал анкету вопрос открытого типа: студентов попросили оставить свои пожелания по совершенствованию процесса обучения дисциплине «Физическая культура и спорт». Ряд пожеланий студентов относился к спортивным сооружениям спорт-комплекса МИЭТ, на которых проводятся занятия, другие — к организации процесса обучения в группах различных спортивных специализаций. Некоторым студентам физическая нагрузка на занятиях показалась недостаточной. На эту недостаточность указывают и преподаватели [3].

Анкетирование упрочило связь *студент — преподаватель*, что позволило оптимизировать образовательный процесс:

— 3 человека, по их желанию, переведены на другую спортивную специализацию;

— добавлена игровая практика на занятиях в специализации «Волейбол»;

— скорректированы рабочие программы в специализациях «Легкая атлетика» и «Фитнес» с целью сбалансировать беговую и силовую нагрузки и увеличить количество упражнений на растяжку;

— в программе специализации «Спортивное плавание» учтено пожелание студентов плавать в ластах;

— по просьбе студентов найдена возможность обновить спортивный инвентарь для занятий по силовой подготовке и запланировано приобретение нового инвентаря для других специализаций;

— преподаватели стали требовательнее к себе в вопросах трудовой дисциплины, доброжелательнее и тактичнее по отношению к студентам, стараются проявлять уместное чувство юмора.

К сожалению, учесть удалось не все замечания: расширить зал для самбо и бассейн, заменить систему вентиляции и построить зал для футбола не представляется возможным.

Сделаем выводы.

Прежде всего, анкетирование студентов в процессе обучения позволяет оперативно решать многие вопросы его организации, принимая во внимание пожелания студентов.

Далее, низкая оценка студентами развития своих навыков коммуникабельности (8,92 %) и анализа информации (7,84 %)

свидетельствует о том, что преподаватели уделяют недостаточно внимания интерактивным упражнениям на улучшение взаимодействия студентов в группе.

Возможность дополнительной нагрузки в различных видах спорта в университете есть: студентов вновь проинформировали, что на кафедре физического воспитания действуют спортивные секции и факультативные занятия.

Кроме того, на заседании кафедры принято решение использовать итоги анкетирования студентов как элемент внутренней системы оценки качества образовательной деятельности и учесть их при распределении дополнительных выплат преподавателям за эффективность работы.

Наконец, произведенная студентами оценка стиля и доступности преподавания, компетентности преподавателей и их увлеченности своей специализацией, способности донести до обучаемых знания и любовь к предмету позволила профессорско-преподавательскому составу взглянуть со стороны на свои сильные и слабые стороны и приложить усилия к совершенствованию своей работы.

Литература

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 05.04.2017 № 301 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» (зарег. 14.07.2017 № 47415) // Официальный интернет-портал правовой информации: [электронный ресурс] / Государственная система правовой информации. Опубликовано: 17.07.2017. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707170035> (дата обращения: 06.05.2019).

2. Приказ Министерства образования и науки РФ от 19 сентября 2017 г. № 940 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Физическая культура» (зарег. в Минюсте России 16 окт. 2017 № 48566) // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования: [электронный ресурс] / ФГОС ВО. Соп. 2019. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203+/%Bak/490301_B_3_30102017.pdf (дата обращения: 06.05.2019).

3. Королёв В. Г., Бардушкин В. В. Оценка физической подготовленности студентов для прохождения военной подготовки в вузе // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 2 (14). С. 63—69. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2017-2-63-69>

Поступила 14.03.2019

Макарычев Вадим Александрович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), vadim0806@mail.ru

References

1. “Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoi Federatsii ot 05.04.2017 No. 301 ‘Ob utverzhdenii Poryadka organizatsii i osushchestvleniya obrazovatel’noi deyatel’nosti po obrazovatel’nym programmam vysshego obrazovaniya — programmam bakalavriata, programmam spetsialiteta, programmam magistratury’ (zareg. 14.07.2017 No. 47415)” (Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from 5.04.2017 No. 301 “On Approval of the Procedure of Arrangement and Pursuit of Educational Activity on Higher Learning Educational Programs for Bachelor’s Degree, Specialist’s Degree and Master’s Degree (Registered on June 14, 2017 No. 47415)). *Ofitsial’nyi internet-portal pravovoi informatsii*. Gosudarstvennaya sistema pravovoi informatsii, date of publ.: 17.07.2017. Web. 6 May 2019. <<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707170035>>.

2. “Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 19 sentyabrya 2017 g. No. 940 ‘Ob utverzhdenii federal’nogo gosudarstvennogo obrazovatel’nogo standarta vysshego obrazovaniya — bakalavriat po napravleniyu podgotovki 40.03.01 Fizicheskaya kul’tura’ (zareg. v Minyuste Rossii 16 okt. 2017 No. 48566)” (Order of the RF Ministry of Education and Science from Sept. 19, 2017 No. 940 “On Approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education (Bachelor’s Degree) for Training Program 40.03.01 ‘Physical Training’ ” (Registered in Ministry of Justice of Russia on Oct. 16, 2017 No. 48566)). *Portal Federal’nykh gosudarstvennykh obrazovatel’nykh standartov vysshego obrazovaniya*. FGOS VO, cop. 2019. Web. 6 May 2019. <http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203+/%Bak/490301_B_3_30102017.pdf>.

3. Korolev V. G., Bardushkin V. V. Otsenka fizicheskoi podgotovlennosti studentov dlya prokhozheniya voennoi podgotovki v vuze (Estimation of Students’ Physical Preparedness for Military Training in the University), *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya*, 2017, No. 2 (14), pp. 63—69, <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2017-2-63-69>

Submitted 14.03.2019

Makarychev Vadim A., Candidate of Sciences (Pedagogical), Associate Professor, assistant professor of the Physical Education Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin Square, Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), *vadim0806@mail.ru*

Навыки самостоятельной работы обучающихся как точка пересечения традиций и инноваций в современном высшем образовании

Ю. М. Романенко

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

sandy1.72@mail.ru

Рассматриваются особенности взаимодействия обучающегося и преподавателя в переходный период от традиционного образования к дистанционному. Анализируются особенности проявления человеческого фактора при внедрении в современное образование использования удаленных информационных ресурсов, а также при развитии дистанционного обучения. Выделяются требования к квалификации преподавателя, использующего в образовательном процессе компьютерные технологии и внешние электронные ресурсы. Отмечаются умения и навыки, развитие которых необходимо обучающемуся для плодотворной самостоятельной работы.

Ключевые слова: образование; дистанционное обучение; понимание; навыки самостоятельной работы; активное чтение; активное слушание.

Students' Independent Learning Skills as Traditions and Innovations Intersection in Modern Higher Education

Yu. M. Romanenko

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

sandy1.72@mail.ru

The author considers the peculiarities of teacher / learner interaction at the transitional stage from traditional education to virtual education, analyzing the human factor manifestations at the time of remote information sources use implementation in modern education as well as of e-learning development. The author lays emphasis on the requirement to qualification of teacher using computer technologies and remote web sources in education and marks out learning skills necessary for fruitful independent work.

Keywords: education; e-learning; understanding; independent learning skills; active reading; active listening.

Сегодня в мире остается все меньше людей, считающих высшее образование обязательным или ненужным. Современные технологии подразумевают постоянное повышение квалификации, получение дополнительных навыков или даже переподготовку. Ускоряющийся ритм жизни требует все

новых знаний и умений. Знаний, полученных вчера, уже недостаточно — надо идти в ногу со временем, а еще лучше работать на опережение. Однако традиционное обучение занимает много времени, кроме того, не каждый человек может приехать в большой город, чтобы поступить в институт.

Современные вузы, особенно зарубежные, все чаще предлагают получать высшее образование дистанционно. Правительства многих зарубежных стран объявили дистанционное образование приоритетным.

В последнее время и в России наметилась ярко выраженная тенденция к увеличению доли удаленных или дистанционных форм обучения, а в ряде случаев происходит полная замена ими традиционного обучения. Широкое внедрение дистанционного обучения в образование, особенно в высшее, призвано способствовать решению многих проблем, в частности, предоставляет возможность:

- 1) доступа к образовательным ресурсам максимальному числу обучающихся, независимо от возраста, места жительства, наличия соответствующих образовательных организаций и мест в институтах и университетах;
- 2) реализации принципа непрерывности образования без отрыва от основного вида деятельности, воспитания детей и т. д.;
- 3) варьирования качества и полноты образования, выстраивания индивидуальной траектории обучения.

Компьютерные средства информации и телекоммуникации составляют основу технологий дистанционного обучения. Но необходимо отдать должное и роли человеческого фактора в этом процессе: она без преувеличения может быть названа основополагающей. Говоря об открытом образовании — современной модификации заочного обучения, поддерживаемой телевизионными учебными программами, радио и Интернетом, — Т. В. Растимешина и Ю. В. Лункина отмечают, что оно «предполагает такое взаимодействие участников педагогического процесса, при котором происходит не только свободный двунаправленный обмен информационным и эмотивным содержанием, личностными познавательными потенциями обучающего и обучающегося, но и изменение параметров личности обоих: их мировоззрения, мировосприятия, подхода к проблемам...» [1, с. 95].

Применение дистанционного обучения или его элементов в образовательном процессе влечет за собой возрастание роли самостоятельной работы обучающихся, что в свою очередь предъявляет к ним следующие требования:

- личностная мотивация к обучению;
- четкое планирование своего времени;
- самоконтроль;
- владение навыками активного слушания и чтения, критического анализа информации и т. п.

Таким требованиям отвечают прежде всего взрослые обучающиеся, осознающие потребность в определенном виде и качестве образования, в получении умений и навыков, необходимых для последующей реализации в практической деятельности.

Иная ситуация с молодыми обучающимися. Даже при наличии личностной мотивации у них отсутствуют необходимые для самообразования навыки, поскольку ничему подобному не обучают ни в школе, ни в институте. В лучшем случае студентов отсылают к дополнительной литературе (или, в современной тенденции, к видеоресурсу). В качестве внешнего контроля (мотивации) выступает необходимость выполнить тест или написать контрольную по самостоятельно изученному материалу. Причем если составление развернутого плана или краткого конспекта печатного материала в той или иной мере отрабатывается в школе, то никаким навыкам самостоятельной работы с видеоматериалами или написания конспектов лекций школьников в большинстве своем не обучают. Кроме того, многие вчерашние школьники испытывают значительные трудности со смысловым пониманием обычных печатных текстов.

Вследствие сказанного выше перед внедрением в образовательный процесс университета элементов дистанционного обучения необходимо обратить особое внимание на подготовленность к этому нововведению и преподавателя, и студентов. При этом мы рассматриваем смешанное обучение, т. е. речь не идет о собственно дистанционном образовании.

Рассмотрим ситуацию, когда преподаватель использует сторонние (внешние по отношению к вузу) информационные ресурсы, т. е. обойдем вниманием техническую сторону создания и размещения собственной мультимедийной информации. Как правило, такая ситуация возникает при необходимости расширить и углубить представление обучающихся по какому-либо вопросу в условиях недостатка или отсутствия в учебном плане времени на его рассмотрение. Тем не менее даже в этом и подобных случаях к преподавателю предъявляются повышенные требования. Среди них целесообразно выделить:

1) *компетентность*, включающую знание не только преподаваемой дисциплины, но и дополнительной информации, расширяющей предмет курса, а также постоянное отслеживание появления новых сведений в научных публикациях и Интернете;

2) *умение организовывать учебный процесс*, органически сочетая традиционные (в том числе активные и интерактивные) и дистанционные формы и технологии обучения;

3) *компьютерную грамотность*;

4) *умение организовать контроль* путем построения групповых и индивидуальных заданий, раскрывающих личностный опыт обучающихся, побуждающих их к реализации собственного потенциала через самостоятельную работу;

5) *стремление к самосовершенствованию* и саморазвитию.

Таким образом, от преподавателя требуется прежде всего пересмотр привычного подхода к обучению студентов: наряду с изменением смыслового содержания проводимых занятий, сместить акценты при взаимодействии с обучающимися. Только совокупность профессиональных и личностных качеств преподавателя сможет обеспечить эффективность внедрения дистанционного обучения в образовательный процесс вуза.

Помимо этого, насущной необходимостью представляется развитие навыков самостоятельной работы у студентов. Прежде

всего, от них требуется активная самостоятельная познавательная (мыслительная) деятельность, включающая в себя умение самостоятельно находить необходимую информацию, оценивать ее полноту, вычленивать проблемы и способы их разрешения, добиваться ясности и понимания позиции автора сообщения, критически осмысливать полученные знания и применять их на практике для дальнейшего обучения.

Очевидна необходимость развития у обучающихся навыка ускоренного понимания смыслового содержания текста. От степени сформированности этого навыка зависит то, насколько быстро обучающийся будет ориентироваться во все возрастающем объеме усложняющейся информации и овладеть приемами самостоятельного приобретения знаний.

Основа развития такого навыка — активная творческая работа с текстовой информацией. Проблема понимания текста по-разному решается в зависимости от отрасли знания, что объясняется как сложностью самого объекта, так и некоторой изолированностью различных наук друг от друга. Понимание — сложный мыслительный процесс, зависящий от ряда субъективных факторов и проходящий последовательность этапов, на которых словесная форма текста активно преобразуется, переводится на внутренний язык субъекта. При этом один и тот же текст, его содержание или «общий смысл» может быть неодинаково понят многими людьми. Иными словами, смысл возникает в результате интерпретации текста при дальнейшей переработке информации, уже независимо от исходного материала.

Психолог и философ С. Л. Рубинштейн в классическом труде «Основы общей психологии» (1940), исследуя взаимосвязанные процессы восприятия, понимания и запоминания прочитанного, подчеркнул: «...Характер запоминания и ход забывания существенно зависят от того, что господствует у <...> субъекта: смысловое содержание и его речевое оформление в их единстве или преимущественно одно из них с недоучетом другого. <...> Смысловое содержание

оказывает значительное влияние на запоминание текста: чем лучше осмыслено содержание, тем — при прочих равных условиях — прочнее запоминание» [2, с. 286].

В том же 1940 г. увидела свет книга американского философа и педагога-теоретика Мортимера Адлера [3], излагающая основы чтения текста, приводящего к его пониманию. Данные в ней рекомендации сохранили актуальность до наших дней. Адлер выделяет три различных способа чтения:

1) *структурный*, или *аналитический*, при котором читатель движется от целого к части;

2) *интерпретационный*, или *синтетический*: читатель движется от части к целому;

3) *критический*, или *оценочный*, при котором читатель оценивает автора и решает, согласен ли с его позицией.

В книге, выдержавшей несколько переизданий, Адлер подробно останавливается на особенностях каждого вида чтения, выделяет основополагающие принципы активного чтения и приводит алгоритм, позволяющий отработать данный навык. По утверждению Адлера, для понимания смыслового содержания научного или учебного текста необходимо овладение всеми тремя способами чтения текстов в их единстве.

Но с печатным текстом работать проще в том смысле, что при необходимости можно перечитать его несколько раз. С лекциями несколько сложнее, поскольку прочитанная лекция каждый раз по-своему уникальна. Ее содержание, смысловые акценты, приведенные примеры зависят не только от мастерства лектора, но и от той аудитории, к которой он обращается.

Использование видеолекций снимает данное ограничение, так как позволяет просматривать один и тот же материал несколько раз. Но при этом теряется уникальность и нет обратной связи с аудиторией, хотя человек, владеющий навыком активного чтения, несомненно, извлечет больше полезной информации из любой формы лекционного занятия.

Одна из особенностей непосредственного контакта преподавателя и студента — возникновение обратной связи, инициированной одной из сторон: акцентирование внимания преподавателя на ключевых моментах темы, уточняющие вопросы со стороны студентов, управляемая дискуссия в группе и т. д. При самостоятельной работе студента, например с видеолекцией, такую связь установить невозможно.

В отсутствие обратной связи для того, чтобы научить студента необходимым умения и навыкам, необходимо преподавание курса, предусматривающего обязательную отработку навыков на практике или, в крайнем случае, введение отдельных видов заданий в очное обучение по данной дисциплине до первого обращения к дистанционным материалам. Студенты знакомятся с этими заданиями под наблюдением преподавателя, который может указать на неправильное выполнение действия и потребовать отработки необходимого умения.

Умение слушать, как известно, — одно из ключевых среди учебно-коммуникативных умений и навыков. Однако в школе обычно не уделяется достаточно внимания его развитию. Тем не менее для успешного обучения слушание, так же как и чтение, должно быть активным (см. [4]). Правила эффективного слушания в целом совпадают с правилами эффективного чтения. Слушателям, как и читателям, следует прилагать усилия, чтобы вникнуть в смысл, который можно выразить различным сочетанием слов, — т. е. обнаружить мысль независимо от того, какими словами она выражена. Не всё из сказанного или написанного одинаково значимо. Любой текст или речь — это целое, состоящее из отдельных частей, играющих смыслообразующую и вспомогательные роли. В тексте грамотно составленной лекции также прослеживается внутренняя структура и взаимосвязь отдельных частей.

Перед началом работы с видеолекцией в целях преодоления трудностей ее восприятия на слух необходимо снабдить обучающихся ее записями (структурой), оставив место для заполнения конспекта по ходу лекции.

Далее при прослушивании лекции студентам важно самим научиться отмечать фразы, передающие основные мысли лектора: *что* он хочет сказать, *как* он это говорит и *какие* аргументы приводит. После этого им необходимо сформулировать собственную позицию по раскрываемому вопросу. Если сказанное недостаточно понятно слушателю, он не сможет принять полноценного участия в обсуждении.

После прослушивания лекции обучающийся должен ответить на ряд вопросов по ее содержанию.

— О чем шла речь?

— Каковы ключевые идеи и выводы? С помощью каких аргументов автор к ним пришел? Какие специальные термины были использованы автором и в каком значении?

— Обоснованы или ошибочны выводы автора? Какие вопросы, связанные с этой темой, им не были затронуты?

— Что следует из выводов, выделенных автором? В чем их значимость для конкретного слушателя?

Это позволит студенту при самостоятельном просмотре видеолекции сконцентрироваться на смысловом содержании текста.

При самостоятельном изучении материала желательно вести двойное конспектирование. Заметки, сделанные в процессе слушания материала, позволяют отразить сознательные усилия для понимания услышанного. Более упорядоченный конспект, сделанный после прослушанной лекции, максимально способствует пониманию и отражению собственной позиции. В этом случае структуру материала, раскрывающего содержание темы, можно выстроить самостоятельно.

Еще одна проблема использования компьютерных технологий и сторонних ресурсов при обучении состоит в необходимости контроля усвоения знаний студентами. Традиционное тестирование для этих целей не слишком эффективно. Более действенными способами проверки усвоения материала, на наш взгляд, могут служить письменные работы, составленные на основе

упорядоченного конспекта, и собеседование по теме лекции с опорой на перечисленные выше вопросы.

Итак, продуманное введение элементов дистанционного обучения в учебный процесс, с внесением необходимых изменений в план подготовки студентов и своевременным повышением квалификации преподавателей, — залог успешного, эффективного и конкурентоспособного образования, отвечающего вызовам современного мира.

Литература

1. *Растимешина Т. В., Лункина Ю. В.* Традиции в отечественном образовании: взгляд из нового тысячелетия // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2015. № 1 (5). С. 91—98.
2. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2009. 713 с.: ил. (Мастера психологии).
3. *Адлер М.* Как читать книги: руководство по чтению великих произведений / Пер. с англ. [Л. Пlostак]. 5-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 335 с.
4. *Адлер М.* Искусство говорить и слушать / Пер. с англ. Л. Пlostак, А. Анваера. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 239 с.

Поступила 29.04.2019

Романенко Юлия Михайловна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), *sandy1.72@mail.ru*

References

1. Rastimeshina T. V., Lunkina Yu. V. Traditsii v otechestvennom obrazovanii: vzglyad iz novogo tysyacheletiya (Traditions in Russian Education as Seen from New Millennium), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2015, No. 1 (5), pp. 91—98.
2. Rubinshtein S. L. Osnovy obshchei psikhologii (General Psychology Essentials), SPb., Piter, 2009, 713 p., il., Mastera psikhologii.
3. Adler M. Kak chitat' knigi: rukovodstvo po chteniyu velikikh proizvedenii (How to Read a Book: The Classic Guide to Intelligent Reading), Per. s angl. L. Plostak, 5-e izd., M., Mann, Ivanov i Ferber, 2017, 335 p.
4. Adler M. Iskustvo govorit' i slushat' (How to Speak. How to Listen), Per. s angl. L. Plostak, A. Anvaera, M., Mann, Ivanov i Ferber, 2013, 239 p.

Submitted 29.04.2019

Romanenko Yulia M., Cand. Sci. (Philosophy),
associate professor of Philosophy, Sociology and
Politology Department, National Research Uni-
versity of Electronic Technology (1, Shokin sq.,
Zelenograd, Moscow, 124498, Russia),
sandy1.72@mail.ru

Университеты и технопарковые структуры: межстрановый анализ опыта взаимодействия

В. В. Туарменский, Ю. Б. Кострова, О. Ю. Шибаршина

Московский университет им. С. Ю. Витте, филиал в г. Рязани, Россия

tuarmensky@gmail.com

Рассматривается проблема взаимодействия университетов и разномасштабных технопарковых структур: от технополиса и технопарка до инкубатора бизнеса. Основное внимание уделяется зарубежному опыту сотрудничества высших учебных заведений с указанными структурами. Авторы приходят к выводу, что университеты являются важнейшим фактором их возникновения и успешного развития. На основании изучения национальных моделей технопарковых структур авторами предложена их классификация по ключевому признаку значимости роли университета в их создании и функционировании.

Ключевые слова: технопарковые структуры; технополис; технопарк; высшее образование; университеты.

Universities and Technopark Structures: Cross-Country Analysis of Interaction Experience

V. V. Tuarmensky, Yu. B. Kostrova, O. Yu. Shibarshina

Ryazan Branch of Moscow S. Yu. Witte University, Ryazan, Russia

tuarmensky@gmail.com

The authors consider the problem of interaction between universities and large-scale technopark structures, ranging from technopolis and technology park to business incubator. The authors focus on the foreign experience of higher educational institutions' cooperation with these structures. The authors come to the conclusion that universities are the most important factor of their emergence and successful development. Based on the study of national models of technopark structures, the authors have proposed a classification the main criterion of which is the role of universities in these structures' creation and functioning.

Keywords: technopark structures; technopolis; technology park; higher education; universities.

Проблема взаимодействия технопарковых структур с высшей школой появилась в России с переходом страны к рыночным отношениям. В 1990-х гг. многие исследователи рассматривали создание университетских научных парков в качестве панацеи,

которая позволит решить весь комплекс проблем высшей школы. Но на практике всё оказалось намного сложнее. Не все технопарковые структуры смогли пережить болезни роста и оправдать возложенные на них ожидания. Однако мы считаем, что создание

научных парков при серьезной кооперации с высшими учебными заведениями остается одним из наиболее перспективных направлений развития высшей школы.

В трудах отечественных (А. Н. Авдулов, А. М. Кулькин, С. Г. Поляков, М. В. Рычев и др.) и зарубежных (Д. Бок, Д. В. Гибсон, Г. Козмецки и др.) исследователей прослеживается подход, акцентирующий внимание на процессе влияния системы высшего образования на технопарковые структуры. Работы указанных авторов, имеющие важное прикладное значение для современной высшей школы, также в основном посвящены экономическому сотрудничеству технопарковых структур с образовательными учреждениями. Кроме того, анализировались наиболее интересные национальные модели технопарковых структур, но масштабных сравнительных исследований не проводилось. Мы поставили перед собой задачу восполнить названные пробелы в вопросе взаимодействия вузов и технопарковых структур.

С целью выявить оптимальные модели взаимодействия вузов с технопарковыми структурами на основании сравнительного анализа их региональных особенностей нами изучены сущность и история технопарковых структур в контексте их взаимодействия с образовательными учреждениями; проанализирован опыт сотрудничества технопарковых структур с высшими учебными заведениями в разных странах мира; определен главный критерий для разработки классификации технопарковых структур — роль университета в их создании и функционировании; на его основании предложена классификация.

Далее будут изложены факты обратного влияния технопарковых структур на образовательные системы.

Ранее нами было установлено: «Термин “технопарковые структуры” объединяет целый спектр территориальных научно-производственных центров, являющихся современными формами интеграции науки, образования и производства. Среди них можно выделить:

- исследовательские (научные) парки;
- промышленные парки;
- научно-технологические парки;
- опытно-конструкторские парки;
- парки технологий;
- инновационные центры и инкубаторы бизнеса» [1, с. 47].

Цель существования технопарковых структур определена нами как предоставление благоприятных условий для создания и внедрения инновационного высокотехнологичного продукта [2, с. 16]. А так как высшие учебные заведения, в частности университеты, служат научными центрами современного мира, их сотрудничество с технопарковыми структурами рассматривается как вполне оправданное и закономерное [3, с. 294].

Как известно, первый в мире научно-технологический парк был сформирован вокруг Стэнфордского университета (штат Калифорния, США) [4, с. 20]. В дальнейшем тенденция к созданию технопарковых организаций в непосредственной близости от крупнейших научных центров сохранилась. В США, которые долгое время удерживали абсолютное лидерство в создании технопарковых организаций, с 1951 г. по конец 1980-х гг. образовалось 130 университетских научных парков, притом что общее количество университетов примерно равнялось 100 [5, с. 36]. Наиболее известными и успешно функционирующими являются: научный парк Стэнфордского университета, заложивший основу Силиконовой долины; научный парк Массачусетского технологического института (МТИ), в дальнейшем регион науки «Шоссе-128». Названные университеты послужили центрами притяжения для научно-исследовательских лабораторий и наукоемких фирм. Так, главной причиной перемещения электронной лаборатории НАСА в район «Шоссе-128» было желание наладить постоянные контакты с МТИ [6, с. 82]. К концу 1980-х гг. в этом районе находилось 3000 наукоемких фирм. Научные центры обеспечивали лаборатории, фирмы и производства новыми технологиями и высококвалифицированными

специалистами. На университетских территориях создавались технопарки. Кроме того, университеты организовали для сотрудников технопарковых структур специальные курсы повышения квалификации и позволили вести научную деятельность без отрыва от производства. А ученые и студенты получили возможность реализовать свой потенциал в бизнесе и прикладной науке.

Именно американские ученые, пионеры в данной области, традиционно называют основополагающими структурными элементами крупных технопарковых структур: государственные органы (на уровне правительства США и властей штата), высшее учебное заведение и комплекс наукоемких фирм. При отсутствии научного компонента возможность создания технополиса категорически отвергается [7, с. 435].

Важнейшей структурой поддержки наукоемких фирм, особенно на начальном этапе их функционирования, являются инкубаторы бизнеса. К середине 1990-х гг. в США функционировало около 300 инкубаторов. Из них 14 % было создано по инициативе университетов и колледжей [2]. Наиболее известны университетские инкубаторы: Научного центра в Филадельфии (учредители и собственники 28 университетов, колледжей и медицинских школ); Центра развития предпринимательства в Питтсбурге, штат Пенсильвания (университет Карнеги — Меллон); Инкубатор Ренсселерского политехнического института в г. Трой, штат Нью-Йорк и др. [8].

Японский опыт сотрудничества высших учебных заведений и технопарковых структур имеет значительные отличия от американского. Инициатива создания технопарковых структур исходила от правительства Японии. Модель японского технополиса создавалась в районе горы Цукуба на юге префектуры Ибараки. Научное ядро технополиса формируется с 1969 г., года переноса в город Цукубу Токийского педагогического университета [9]. В 1985 г. на данной территории работали уже два университета и 50 институтов исследовательского и технологического профиля [10, с. 166].

После удачного эксперимента в Цукубе японское правительство разработало и в 1983 г. приняло проект «Технополис» по созданию сети промышленных парков. Под эгидой проекта создано 19 технополисов вокруг местных университетов и колледжей [11, с. 222]. «В рамках программы «Технополис», — отмечалось нами ранее, — была качественно изменена роль высших учебных заведений в освоении регионов. На них была возложена задача не только подготовки инженерно-технических и научно-исследовательских кадров для высокотехнологичных отраслей промышленности, но и проведения научных исследований совместно с промышленностью» [12, с. 45].

В Европе модель сотрудничества высших учебных заведений и технопарковых организаций, сходная с японской, была реализована во Франции. Это можно объяснить тем, что во Франции технополисы и технопарки создавались по инициативе государства, а основной задачей новых структур, как и в Японии, становилось инновационное развитие экономики провинций. Франция первой среди европейских стран предприняла практические шаги в этом направлении: «Первый технополис — Международный парк Валбон — София Антиполис был основан в 1970 г. в районе Лазурного берега» [12, с. 49]. Научно-образовательным центром структуры стали университет г. Ниццы и 7 высших учебных заведений [13, с. 78]. На территории научного парка в начале 1990-х гг. размещались 763 наукоемкие фирмы. Параллельно французское правительство создало Зону научных и технических нововведений и производства Мейлан — Гренобль. На Гренобль (три университета и Национальный политехнический институт) была возложена задача обеспечить новый технополис научными кадрами, а Мейлан стал центром научно-технических исследований. Всего в рамках государственной программы формирования технопарковых структур было создано 18 технопарков и планировалось открыть еще 26 [13, с. 92].

Одновременно с французскими технополисами возникли бельгийские технопарковые структуры. Первый бельгийский технопарк Лёвен — Хаасроде начал функционировать в 1972 г. Так же как и во Франции, инициатива создания технопарковых структур исходила от правительства. Научные и технологические парки были образованы рядом с ведущими университетами. Однако только парку в Лёвен-ла-Нёв удалось реализовать преимущества от научных контактов с прилегающим университетом. Остальные технопарковые структуры не смогли наладить эффективного сотрудничества с вузами [13, с. 71].

В Германии технопарки стали создаваться значительно позже. Берлинский инновационный и грюндерский центр (нем. *Gründer* — учредители компаний) образован в 1984 г. С 1985 г. на территории центра работает технопарк. Технологический университет предоставил технопарку и инкубатору бизнеса необходимые площади, выступил одним из крупнейших инвесторов и вошел в управленческие структуры. По сходному сценарию был создан Технологический центр в Дортмунде. Дортмундский университет взял на себя планирование и управление технопарковой структурой [14, с. 126]. Однако, как мы уже отмечали, «подавляющее число технопарковых организаций (в 1991 г. их было 84) не сумели наладить устойчивых контактов с университетами» [12, с. 89].

Первые технопарковые структуры Великобритании начали функционировать в 1972 г. при университете Хериота — Ватта (Эдинбург, Шотландия) и при Кембриджском университете. На начало XXI в. их насчитывалось уже 87 [15, с. 166].

Для университетов Великобритании научные парки стали ответом на государственную политику сокращения финансирования высшей школы. Таким образом, британские университеты, а не правительство стали инициаторами создания технопарковых структур, предоставили для них помещения, лаборатории, кадры и технологии. Кроме того, высшей школе пришлось

нести на себе основное бремя (28 %) расходов на содержание технопарковых структур [1; 16]. Сегодня наиболее успешно функционирует научный парк в Кембридже. В парке и вокруг него сосредоточилось более 400 наукоемких фирм.

В Великобритании на протяжении многих лет наблюдается обратное влияние научных и технологических парков на создавшие их высшие учебные заведения. Воздействие технопарковых структур на научно-образовательный центр (университет) сегодня уже привело к четко фиксируемым образовательной статистикой результатам. Научный парк, созданный вузом, становится не только потребителем его инженерных кадров (как действующих специалистов учебного заведения, так и выпускников), но и их заказчиком, влияя таким образом на количественные и качественные характеристики студентов и выпускников. Несмотря на то, что для Великобритании характерна тенденция к сокращению контингента инженерных специальностей, в названных университетах с технопарковыми структурами в последние 50 лет возрастает количество бакалавров и магистров направления «Наука» и инженерного профиля [1].

По нашим наблюдениям, «к британской модели научного парка наиболее близки технопарковые структуры Нидерландов» [12, с. 92]. Здесь инициатива организации технопарков также принадлежит университетам: «В 1984 году был создан научный парк в г. Зернике поблизости от университета Гронинген, а в 1985 году — Био-научный парк Лейден при Лейденском университете» [12, с. 92].

Итак, мы рассмотрели основные национальные модели технопарковых структур в свете сотрудничества с высшей школой. Во всех рассмотренных странах высшие учебные заведения принимают то или иное участие в основании и развитии данных структур. Исходя из этого, мы можем предложить классификацию (см. таблицу), в которой активность вузов — минимальная (*), значительная (**) или ведущая (***) — избрана определяющим критерием. Выделены

следующие формы активности: участие в планировании технопарковой структуры; степень кооперации; финансирование; участие в управлении.

Классификация национальных моделей технопарковых структур

Страна	Участие вуза			
	планирование	кооперация	финансирование	управление
Бельгия	*	*	*	*
Великобритания	***	***	***	***
Германия	*	*	*	*
Нидерланды	***	***	**	***
США	**	***	**	**
Франция	*	***	*	*
Япония	*	***	*	*

Из таблицы видно, что для университетов Великобритании и Нидерландов более всего характерно активное участие в планировании деятельности научных парков. Не смогли наладить эффективное взаимодействие в области научных исследований университеты Германии и Бельгии. Стабильно сильны позиции университетов Великобритании в финансировании научных парков и управлении ими.

Российский опыт функционирования технопарковых структур далеко не такой богатый. Первый отечественный технопарк начал функционировать только в марте 1990 г. в Томске, тем не менее к концу 1990-х гг. их насчитывалось в России 98. Страна пережила своеобразный «технопарковый бум». По данным на конец декабря 2017 г., в России действовало и создавалось 125 технопарков в 44 субъектах Федерации, из них 57 — промышленные технопарки, 12 технопарков работают в сфере ИКТ, 45 — в сфере поддержки малого и среднего бизнеса, 22 — индустриальные парки [17, с. 112].

Отличительной чертой отечественных структур на начальном этапе технопаркового движения была ведущая роль высшей школы. Более 90 % технопарковых структур основаны при активном участии университетов [18]. Российская высшая школа, оказавшись перед лицом резкого сокращения ассигнований, была вынуждена своими силами искать выход из сложившейся ситуации. Таким выходом стало создание разнообразных технопарковых структур.

Используя богатый зарубежный опыт, отечественные вузы взяли на себя функции организации технопарковых структур, их финансирования и управления ими. Довольно часто технопарки напоминают новые факультеты или лаборатории. Во многом это является следствием монопольной роли вуза в финансировании новых структур. Как показывает опыт Великобритании, в стране, где роль университетов в функционировании технопарков исключительно велика, государство берет на себя 62 % затрат [1, с. 49]. Однако в России вузы, в отличие от британских университетов, не могут назвать себя богатыми учреждениями. Объемы государственного финансирования высшей школы недостаточны и демонстрируют тенденцию к сокращению.

Кроме того, существуют общие для всех стран проблемы взаимодействия университетов и технопарковых структур. Дело в том, что наукоемкие фирмы и высшие учебные заведения имеют различные стратегические цели, и тесная кооперация в рамках научного парка может нарушить равновесие между фундаментальными и прикладными, техническими и гуманитарными исследованиями [5, с. 28]. На этом фоне нередко возникают конфликты научно-технологических парков с университетами, на территории которых они созданы [19]. К сожалению, данные проблемы не воспринимаются российскими вузами как первоочередные, однако их всестороннее рассмотрение необходимо начать безотлагательно.

Сделаем выводы. Изучение сложившихся на сегодня национальных моделей технопарковых структур показало, что данные территориальные образования, как правило, включают в себя научно-образовательный компонент. Активная роль высшего учебного заведения в создании и последующем функционировании технопарковых структур служит залогом их успешного развития и потому принята нами за основание их классификации. Анализ изменений перечня специальностей вузов Великобритании позволил эмпирически зафиксировать факт обратного влияния технопарковых структур на высшие учебные заведения. Данное влияние, на наш взгляд, может представлять интерес для дальнейших исследований.

Литература

1. **Туарменский В. В.** Исследование влияния научных парков на перечень специальностей университетов Великобритании // Нижегородское образование. 2015. № 4. С. 46—51.
2. **Туарменский В. В.** Технополисы и технопарки в структуре современного образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2003. 19 с.
3. **Туарменский В. В., Лящук Ю. О., Туарменский А. В.** Технополисы и технопарки как формы интеграции образования, науки и производства // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты: Сб. науч. статей 8-й Междунар. науч.-практ. конф. (20-21 сент. 2018). Курск: ЗАО «Университетская книга», 2018. С. 292—295.
4. **Галаган А. И.** Университеты США и Японии и их сотрудничество с промышленной наукой. М.: НИИВО, 1993. 59 с. (Проблемы зарубежной высшей школы; вып. 6).
5. **Бок Д.** Университеты и будущее Америки / Пер. с англ. Н. В. Баскакова. М.: Изд-во МГУ, 1993. 128 с.
6. **Туарменский В. В.** Влияние технопарковых структур на развитие образования в США // Наука и образование XXI века: Мат-лы II междунар. науч.-практ. конф. (29 октября 2008 г.). Т. 3. Рязань: СТИ, 2008. С. 73—83.
7. **Smilor R. W., Kozmetsky G., Gibson D. V.** Technology and economic development in the modern technopolis // Technology in Society. 1988. Vol. 10, No. 4. P. 433—445. [https://doi.org/10.1016/0160-791X\(88\)90005-X](https://doi.org/10.1016/0160-791X(88)90005-X)
8. Организация и развитие научно-технологических парков в системе высшей школы: [Сб.]. Ч. 3: Научные парки и инкубаторы США и Канады, технополисы Японии, технологические парки стран Тихоокеанского региона: Новой Зеландии, Малайзии, Сингапура, Тайваня / ИНИОН; под ред. В. Е. Шукшунова; пер. с англ. Г. А. Гош, С. Р. Гош. М.: Б. и., 1991. 106 с.
9. **Тацуно III.** Стратегия — технополисы / Пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. В. И. Данилова-Данильяна. М.: Прогресс, 1989. 344 с.: ил.
10. Наукоедение и информатика: Респ. межвед. сб. науч. тр. Вып. 31. Киев: Наукова думка, 1989. 95 с.: ил.
11. **Авдулов А. Н., Кулькин А. М.** Государственная научно-техническая политика Японии: основные этапы и направления. М.: ИНИОН РАН, 2000. 342 с.
12. **Туарменский В. В.** Технополисы и технопарки в структуре современного образования. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2014. 188 с. (LAP).
13. Организация и развитие научно-технологических парков в системе высшей школы: [Сб.]. Ч. 2: Исследовательские и технологические парки Австралии, инженерные и технологические центры Германии, научные парки Бельгии и Нидерландов, Франции и Дании / ИНИОН; под ред. В. Е. Шукшунова; пер. с англ. Г. А. Гош, С. Р. Гош. М.: Б. и., 1991. 106 с.
14. **Приказчикова О. Ф.** Территориальная организация науки Германии // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 29. С. 123—130.
15. **Ляшенко Е. А.** Технопарковые структуры как форма организации и стимулирования инновационной деятельности: оценка зарубежного опыта // Экономика, общество, человек: сб. науч. публ.: в 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2015. С. 164—172.
16. Science parks as an opportunity for property and venture capital investment: the Proceedings of the UK Science Park Association's annual conference held on 10th February 1998 in association with Peat, Marwick, McLintock / Ed.: H. Sunman. 2 Vols. Penttyrch, Cardiff: CSP Economic Publications, 1998.
17. Место и роль технопарков в решении проблем экологии / Ю. Б. Кострова, В. В. Туарменский, О. Ю. Шибаршина, Ю. О. Лящук // Актуальные проблемы современного общества и пути их решения в условиях перехода к цифровой экономике: Мат-лы XIV междунар. науч. конф. (5 апреля 2018 г.): в 4 ч. М.: МУ им. С. Ю. Витте, 2018. Ч. 1. С. 111—118.
18. **Клепов А. П.** Вузовские научные парки: социальный механизм нововведений / Под ред. Г. В. Дыльнова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. 92 с.
19. **Цапенко И., Юревич А.** Перспективы научных парков в России // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 9. С. 34—44.

Поступила после доработки 05.04.2019

Туарменский Владимир Викторович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры бизнеса и управления Филиала ЧОУВО «Московский университет им. С. Ю. Витте» в г. Рязани (390013, Россия, Рязань, Первомайский проспект, д. 62), tuarmensky@gmail.com

Кострова Юлия Борисовна — кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой бизнеса и управления Филиала ЧОУВО

«Московский университет им. С. Ю. Витте» в г. Рязани (390013, Россия, Рязань, Первомайский проспект, д. 62), ubkostr@mail.ru

Шибаршина Ольга Юрьевна — кандидат социологических наук, заместитель заведующей кафедрой бизнеса и управления Филиала ЧОУВО «Московский университет им. С. Ю. Витте» в г. Рязани (390013, Россия, Рязань, Первомайский проспект, д. 62), oshibarshina@mail.ru

References

1. Tuarmenskii V. V. Issledovanie vliyaniya nauchnykh parkov na perechen' spetsial'nostei universitetov Velikobritanii (The Research of Influence the Scientific Parks on the List of Specialties of Universities in Great Britain), *Nizhegorodskoe obrazovanie*, 2015, No. 4, pp. 46—51.
2. Tuarmenskii V. V. Tekhnopolisy i tekhnoparki v strukture sovremennogo obrazovaniya, avtoref. dis. ... kand. ped. nauk (Technopolis and Technological Parks in the Structure of Modern Education, Extended Abstract of Cand. Sci. (Education) Dissertation), Ryazan', 2003, 19 p.
3. Tuarmenskii V. V., Lyashchuk Yu. O., Tuarmenskii A. V. Tekhnopolisy i tekhnoparki kak formy integratsii obrazovaniya, nauki i proizvodstva (Technopolis and Technological Parks as Forms of Integration of Education, Science and Industry), *Trendy razvitiya sovremennogo obshchestva: upravlencheskie, pravovye, ekonomicheskie i sotsial'nye aspekty, Sb. nauch. statei 8-i Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (20-21 sent. 2018)*, Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga", 2018, pp. 292—295.
4. Galagan A. I. Universitety SShA i Yaponii i ikh sotrudnichestvo s promyshlennoi naukoj (Universities of USA and Japan and their Co-Operation with Industrial Science), M., NIIVO, 1993, 59 p., Problemy zarubezhnoi vysshei shkoly, vyp. 6.
5. Bok D. University i budushchee Ameriki (Universities and the Future of America), Per. s angl. N. V. Baskakova, M., Izd-vo MGU, 1993, 128 p.
6. Tuarmenskii V. V. Vliyanie tekhnoparkovykh struktur na razvitie obrazovaniya v SShA (Technopark Structures Impact on Development of Education in the USA), *Nauka i obrazovanie XXI veka, Mat-ly II mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (29 oktyabrya 2008 g.)*, T. 3, Ryazan', STI, 2008, pp. 73—83.
7. Smilor R. W., Kozmetsky G., Gibson D. V. Technology and economic development in the modern technopolis, *Technology in Society*, 1988, Vol. 10, No. 4, pp. 433—445. [https://doi.org/10.1016/0160-791X\(88\)90005-X](https://doi.org/10.1016/0160-791X(88)90005-X)
8. Organizatsiya i razvitie nauchno-tehnologicheskikh parkov v sisteme vysshei shkoly, Sb., Ch. 3, Nauchnye parki i inkubatory SShA i Kanady, tekhnopolisy Yaponii, tekhnologicheskie parki stran Tikhookeanskogo regiona: Novoi Zelandii, Malaizii, Singapura, Taivanya (Organization and Development of Science and Technology Parks in the System of Higher Education, a Collection, Part 3, Scientific Parks and Incubators of USA and Canada, Technopolis of Japan, Technology Parks of Pacific: New Zealand, Malaysia, Singapore, and Taiwan), INION, pod red. V. E. Shukshunova, per. s angl. G. A. Gosh, S. R. Gosh, M., S. I., 1991, 106 p.
9. Tatsuno Sh. Strategiya — tekhnopolisy (The Technopolis Strategy), Per. s angl., obshch. red. i vstup. st. V. I. Danilova-Danil'yana, M., Progress, 1989, 344 p., il.
10. Naukovedenie i informatika, Resp. mezhved. sb. nauch. tr. (Science Studies and Information Science, Republic-Wide Cross Sectoral Collection of Research Papers), Vyp. 31, Kiev, Naukova dumka, 1989, 95 p., il.
11. Avdulov A. N., Kul'kin A. M. Gosudarstvennaya nauchno-tehnicheskaya politika Yaponii: osnovnye etapy i napravleniya (National Scientific and Technological Policy of Japan: Main Stages and Directions), M., INION RAN, 2000, 342 p.
12. Tuarmenskii V. V. Tekhnopolisy i tekhnoparki v strukture sovremennogo obrazovaniya (Technopolis and Technological Parks in the Structure of Modern Education), Saarbrücken, LAMBERT Academic Publishing, 2014, 188 p., LAP.
13. Organizatsiya i razvitie nauchno-tehnologicheskikh parkov v sisteme vysshei shkoly, Sb., Ch. 2, Issledovatel'skie i tekhnologicheskie parki Avstralii, inzhenernye i tekhnologicheskie tsentry Germanii, nauchnye parki Bel'gii i Niderlandov, Frantsii i Danii (Organization and Development of Science and Technology Parks in the System of Higher Education, a Collection, Part 2, Research and Technology Parks of Australia, Engineering and Technology Centers of Germany, Scientific Parks of Belgium and Netherlands, France and Denmark), INION, pod red. V. E. Shukshunova, per. s angl. G. A. Gosh, S. R. Gosh, M., S. I., 1991, 106 p.
14. Prikazchikova O. F. Territorial'naya organizatsiya nauki Germanii (Territorial Organization of Science in Germany), *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 2012, No. 29, pp. 123—130.
15. Lyashenko E. A. Tekhnoparkovye struktury kak forma organizatsii i stimulirovaniya innovatsionnoi deyatel'nosti: otsenka zarubezhnogo opyta (Technopark Structures as Form on Innovative Activity Organization and Incentive: Foreign Experience Evaluation), *Ekonomika, obshchestvo, chelovek*, sb. nauch. publ., v 2 ch., Ch. 2, Ekaterinburg, Izd-vo Ural. gos. ekon. un-ta, 2015, pp. 164—172.
16. Sunman, H. (ed.). Science parks as an opportunity for property and venture capital investment: the Proceedings of the UK Science Park Association's annual conference held on 10th February 1998 in association with Peat, Marwick, McLintock. 2 Vols. Pentyrch, Cardiff, CSP Economic Publications, 1998.
17. Kostrova Yu. B., Tuarmenskii V. V., Shibarshina O. Yu., Lyashchuk Yu. O. Mesto i rol' tekhnoparkov v reshenii problem ekologii (Place and Role of Technoparks in the Decision the Problems of Ecology), *Aktual'nye problemy sovremennogo obshchestva i puti ikh resheniya v usloviyakh perekhoda k tsifrovoi ekonomike, Mat-ly XIV mezhdunar. nauch. konf. (5 aprelya 2018 g.)*, v 4 ch., M., MU im. S. Yu. Vitte, 2018, Ch. 1, pp. 111—118.
18. Klepov A. P. Vuzovskie nauchnye parki: sotsial'nyi mekhanizm novovvedenii (University Scientific Parks: Social Mechanism of New Developments), Pod red. G. V. Dyl'nova, Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1997, 92 p.

19. Tsapenko I., Yurevich A. Perspektivy nauchnykh parkov v Rossii (Prospects of Science Parks in Russia), *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1998, No. 9, pp. 34—44.

Submitted after updating 05.04.2019

Tuarmensky Vladimir V., Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor of Business and Management Department, Ryazan Branch of Moscow S. Yu. Witte University (390013, Russia, Ryazan, Pervomajskij prospect, 62), tuarmensky@gmail.com

Kostrova Yuliya B., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Business and Management Department, Ryazan Branch of Moscow S. Yu. Witte University (390013, Russia, Ryazan, Pervomajskij prospect, 62), ubkostr@mail.ru

Shibarshina Olga Y., Candidate of Sociological Sciences, Deputy Head of Business and Management Department, Ryazan Branch of Moscow S. Yu. Witte University (390013, Russia, Ryazan, Pervomajskij prospect, 62), oshibarshina@mail.ru

**Сотрудничество государства и гражданских институтов
в сфере развития системы инженерного образования:
конец XIX — начало XX в.**

М. В. Добрынина¹, В. Д. Лифинцев²

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

² *Московский государственный областной университет, Москва, Россия*

marin709@rambler.ru

Рассматриваются основные направления сотрудничества государственных органов с развивающимися институтами гражданского общества в деле становления системы инженерного образования. Отмечается, что историческими условиями расширения взаимосвязей общества и государства было «созревание» гражданского общества в период русского Просвещения XVIII в. и две волны либерализации общественной жизни (1810-е и 1860-е гг.). Подчеркивается обоюдная направленность инициативы о взаимодействии: с одной стороны, поддержка общественных инициатив государством, с другой — деятельный ответ институтов гражданского общества на запрос государства о научной, методической и организационной поддержке реформ. Проанализированы основные направления проявления гражданской активности в сфере инженерного образования. Отмечена роль Русского технического общества в развитии российской науки и просвещения.

Ключевые слова: государство; гражданское общество; общественные организации; образование; образовательная политика; инженерное образование; либерализация.

**State and Civil Institutions Cooperation in Engineering Education Development:
Late 19th & Early 20th Century**

M. V. Dobrynina¹, V. D. Lifintsev²

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

² *Moscow Region State University, Moscow, Russia*

marin709@rambler.ru

The authors considered main directions of state bodies' cooperation with developing institutions of civil society in the organization of engineering education. They did note that the historical conditions for the expansion of relationship between society and the state were the "maturation" of civil society in the 18th century during the Russian Age of Enlightenment and the two waves of public life liberalization (the 1810s and the 1860s). It is emphasized that the initiative on cooperation was mutually directed: there was both support for public initiatives on the part of the state, and an active response of civil society institutions to the state request

for scientific, methodological and organizational support of reforms. The authors have analyzed main directions of civil activity manifestation in the sphere of engineering education, noting the role of Russian technical society in the development of Russian science and education.

Keywords: state; civil society; public organizations; education; educational policy; engineering education; liberalization.

Во второй половине XIX в. политика в отношении инженерного образования предполагала тесное сотрудничество государственных органов с развивающимися институтами гражданского общества. Интенсификация развития капиталистических отношений (рост промышленного производства в России может быть проиллюстрирован семикратным увеличением выпуска промышленной продукции с 1860 по 1900 г. [1, с. 106]) и переориентация экономики на промышленные (фабрично-заводские) способы производства требовали ускорить темпы подготовки технических кадров, однако система инженерного образования не удовлетворяла растущих запросов экономической и военной сфер. В связи с этим правительство пошло по пути реформирования системы технического образования. Одним из направлений реформ стала поддержка любых конструктивных общественных и частных инициатив в сфере развития системы инженерного образования, распространение начальных технических и естественно-научных знаний в рабочей среде и сельскохозяйственное просвещение [1, с. 106; 2, с. 45; 3, с. 68]. Отметим, что вследствие либерализации общественной жизни в начале XIX в. уже в 1810—1820-е гг. «имело место расширение содержания культурного творчества и нарастание его потенциала в русском обществе. <...> Просвещение по-русски в XVIII в. было ее “общим историческим созреванием”, которое предвосхитило непреходящие достижения русской культуры (и науки. — М. Д., В. Л.) века XIX. В XVIII в. был практически с нуля создан базис для механизма индивидуальной, общественной и государственной самоактуализации в пространстве европейской культуры, для взаимодействия с западными партнерами, смотревшими на Московское

царство сверху вниз, “опираясь на свое научно-культурное превосходство”» [4, с. 118—119].

Политические направления Великих реформ 1860—1870 гг. способствовали еще большей интенсификации проявления общественной инициативы в сфере местного самоуправления, политике, экономике, культуре, науке и образовании. В 60—80-е гг. инженерное образование стало не только объектом пристального внимания со стороны людей и организаций науки, промышленности и предпринимательства, но и точкой приложения гражданской инициативы со стороны преподавателей, просвещенного дворянства, меценатов, гражданских и военных служащих. Проекты реформирования технического образования и просвещения, концепции, дидактические основы, даже учебные планы и программы становились предметом обсуждения не только в среде профессионалов, но и в широком кругу заинтересованных людей.

Важнейшим фактором пробуждения общественной и частной инициативы в сфере инженерного образования была либерализация образовательной политики в 1861—1866 гг., в период деятельности министра народного просвещения А. В. Головнина. Министр был последовательным сторонником европеизации российской системы образования, осознавал и провозглашал невозможность развития экономики и науки, если «отречься от единения с успехами европейской цивилизации» [5, с. 64]. При Головнине наблюдался отход образовательной политики от государствоцентризма, патернализма и жесткого централизованного государственного контроля за организацией и содержанием образовательного процесса. Министр нацеливал реформирование

системы на отступление от прусской ориентированности на государство и внедрение британских принципов невмешательства государства и церкви в дела школы, на академические свободы. В тот же период к обсуждению образовательных и научных государственных проектов стали активно привлекать в качестве экспертов представителей научного и педагогического сообществ при прямо пропорциональном уменьшении роли церкви [6].

В это время организуются и активно функционируют общественные институты (более 1500 к 1800 г., более 200 из них — научные общества), аккумулировавшие, артикулировавшие и реализовывавшие гражданскую энергию (энергию частных лиц и сообществ) творения социального, политического и экономического будущего. В это время были созданы Русское техническое общество (РТО) в Петербурге (1866 г.), Русское химическое общество (РХО) при Петербургском университете (1868 г.), Общество распространения технических знаний в Москве (1870 г.) и Политехническое общество при Московском техническом училище (1878 г.) [3]. Члены и инициативные комитеты русских научных и научно-технических обществ были ориентированы на решение самого широкого круга задач: просвещение населения в области естественных и технических наук; повышение технической квалификации рабочих и низшего управляющего звена фабрик, заводов, рудников и сельскохозяйственных производств; научная экспертиза научных, технических и образовательных проектов, учебных планов; публикация результатов, апробация и защита научных исследований; популяризация российской науки и техники в Европе и Америке; организация съездов и конференций, участие в научных выставках и международных научных проектах и т. д. Члены научных обществ участвовали в экспертизе разрабатываемых правительством законодательных актов, а также самостоятельно организовывали средне-специальные и высшие учебные заведения, курсы профессиональной переподготовки

и т. п. Несмотря на изменение политического курса в консервативном направлении, общества продолжили свою работу и внесли значительный вклад в развитие системы инженерного образования в России.

Наиболее значительную роль в развитии этой системы сыграло РТО, организованное в 1866 г. в Петербурге по инициативе инженеров и профессоров высших учебных заведений (Е. Н. Андреев, М. Н. Герсевич, П. Г. Мижуев, М. М. Окунев, П. Н. Алексеев, И. П. Балабин, В. Н. Бестужев-Рюмин, А. В. Фрибес, Н. И. Козаков, А. А. Корнилов). Они разработали проект Устава РТО, одобренный правительством и получивший «высочайшее соизволение» императора [3, с. 69]. Одной из главных побудительных сил к созданию РТО было «стремление русских инженеров изучить и полнее использовать природные ресурсы для развития тяжелой индустрии, сделать широко известными крупнейшие достижения науки и техники, создать условия для их внедрения в промышленность» [3, с. 68]. В качестве главной цели общества провозглашалось соединение фундаментальных научных исследований с производственной и педагогической практикой. Первое же заседание РТО, на котором присутствовало более 160 его членов, показало, что эта и подобная ей организации создавали востребованный гражданским обществом и необходимый государству канал для аккумуляции, интеграции и реализации общественных инициатив в области технических наук, просвещения и образования. Специалисты различных технических областей, входившие в РТО, а также министры и руководители военных ведомств, принятые в общество в качестве почетных членов, проявили готовность интегрировать усилия ученых, общественных деятелей и представителей государственной администрации для достижения заявленных целей и задач. В течение всего времени существования РТО в нем активно сотрудничали практически все видные инженеры и ученые России, бывшие его действительными или почетными членами. Уже в первые годы своей работы РТО стало одной из крупнейших

и наиболее влиятельных общественных организаций научно-технического профиля не только в России, но и в Европе.

Уже в 1874 г. заслуги РТО в развитии отечественной науки и образования были оценены императором, который присвоил обществу почетное наименование «Императорского». Это, в свою очередь, способствовало росту его престижа и авторитета в глазах научного и педагогического сообщества и открывало новые перспективы для расширения направлений и углубления взаимоотношений между РТО и государственным административным аппаратом. Основным направлением деятельности общества в 1880—1890-е гг. было взаимодействие с органами государственной власти по вопросам промышленной, образовательной и экономической политики, лоббирование интересов промышленников, крупной буржуазии и научного сообщества, причем девизом общества в этом взаимодействии был лозунг «Наука и беспристрастие» [7; 8]. Представители государственной администрации, наряду с видными учеными, промышленниками и предпринимателями, обсуждали вопросы экономики и просвещения на заседаниях организации. При обществе на постоянной основе функционировала комиссия по техническому образованию (далее Комиссия). При ее поддержке и организационном содействии открывались и действовали средние и среднеспециальные учебные заведения инженерного образования, просветительские курсы. В поле интересов и задач Комиссии входило также образование и социализация малолетних, малоимущих, сирот и женщин. Во многом благодаря деятельности РТО и Комиссии, во многих губерниях России были открыты и успешно работали профессиональные классы для малолетних рабочих, женские ремесленные училища и курсы, которые решали среди прочего социальные задачи: вдовы и одинокие женщины получали возможность самостоятельно прокормить себя и детей. К 1910 г. в России успешно функционировали примерно 1,5 тыс. ремесленных курсов, классов, школ и училищ, в которых обучалось более 80 тыс. чел. [9].

К началу Первой мировой войны в России было открыто и успешно работало 33 отделения РТО. Научное и популяризаторское направления деятельности общества реализовывались в проведении научных чтений по самым актуальным вопросам инженерной и технической мысли. К участию в чтениях приглашались не только представители научного сообщества и промышленности, но и самый широкий круг слушателей. Общество и его отделения издавали научные и научно-популярные журналы «Записки», «Электричество», «Техническое и коммерческое образование», а также вестники и сборники научных трудов. На научных съездах и конференциях, на страницах нового научного журнала «Техническое образование» (издававшегося Комиссией) была развернута широкая дискуссия по проблемам научно-технического развития России, принципов и методики преподавания технических наук, основных направлений реформирования системы реального образования. РТО организовывало деятельность по другим направлениям популяризации технического образования (выставки, конференции, международные делегации), обмен опытом с иностранными коллегами, издавало научную, методическую и научно-популярную литературу, учебники и учебные пособия, словари и справочники [10; 11; 12; 13].

Одним из направлений реформирования инженерного образования в рассматриваемый период было оформление собственно российской дидактико-методической системы подготовки инженеров, которая и сегодня является стержневой в развитии системы инженерного образования. В ее разработку внесли огромный вклад ученые — участники различных общественных инициатив. Главной задачей основоположников системы (А. В. Летникова, Н. А. Шапошникова, П. К. Худякова, А. П. Сидорова, А. П. Гавриленко, В. И. Гриневецкого) было интегрирование в принципах инженерного образования требования универсализма, с одной стороны, и специальной профессиональной

подготовки, с другой. Основные принципы методики обучения «техническим искусствам» были следующими:

- обучение в траектории «от общего к частному и от конкретного к единичному»;
- обучение на первых курсах теоретическим, фундаментальным дисциплинам, на более старших — специальным профессиональным;
- движение по траектории «от теории к практике»;
- глубокая фундаментальная подготовка по общим теоретическим дисциплинам (математике, физике, химии, почвоведению и т. п.) специалистов *всех профилей обучения* (курсив наш. — М. Д., В. Л.) с ориентацией на университетский уровень знаний;
- разносторонняя подготовка на 3-4-5 курсах в ходе лабораторных практикумов (в оснащенных лабораториях, с ориентацией на максимальную приближенность к реальным условиям);
- практикосообразность обучения, тесная связь учебных планов и программ с требованиями промышленности и соответствующей отрасли производства (строительства и т. п.);
- наукообразность обучения, тесная взаимосвязь учебного процесса с научными исследованиями [10; 14; 15].

В дальнейшую разработку дидактико-методической системы внесли свой вклад члены РТО, Императорского вольного экономического общества, Московского общества распространения технических знаний, «Московского общества инженеров и педагогов» и других сообществ ученых. К их числу следует отнести Е. Н. Андреева, Н. Х. Весселя, И. А. Вышнеградского, В. И. Гриневецкого, В. К. Делла-Воса, П. Ф. Лесгафта, Д. И. Менделеева, Д. К. Советкина, А. Н. Страннолюбского, К. Д. Ушинского, Е. С. Федотова и др. Эта система получила широкое распространение в России и признание за рубежом как «русский метод обучения» и была отмечена высшими премиями и наградами на международных выставках: в Филадельфии (1876)

и в Париже (1900). Высшие технические учебные заведения, вводя «русский метод», корректировали его соответственно инженерному уровню [16]. На рубеже веков российская экономика стала в большей степени капиталистической, нежели двухукладной: мануфактурное производство промышленной продукции окончательно сменилось машинным. В связи с этим изменилась и организация труда, что, в свою очередь, оперативно отразилось в учебных планах инженерных учебных заведений: «русский метод» претерпел ряд внутренних изменений, но сохранил принципиальную методическую целостность.

Таким образом, деятельность общественных организаций является одним из наиболее ярких примеров общественно-государственного партнерства (если рассматривать образовательную политику как процесс смены тенденций: «то сближение, то расхождение в разные стороны позиций научно-педагогической общественности и официальных органов государственной власти» [17, с. 152], — это партнерство имело место на почве сближения позиций государства и общественности) в формировании и реализации технической политики России, а также политики в отношении инженерного образования [18; 19]. В определенном смысле государственно-общественное партнерство, даже на фоне консервативных политических тенденций, способствовало становлению педагогической концепции воспитания «новой породы людей» [20], которые в политическом отношении должны были оставаться верными традиционным ценностям, содействовать укреплению державной мощи родины, а в экономическом — выступать проводниками модернизации экономики и социальной сферы.

Литература

1. Хромов П. А. Экономика России периода промышленного капитализма. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1963. 286 с.
2. Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века = Voluntary associations and Russian public at the beginning of the XX century. М.: Новый хронограф, 2008. 326 с., ил., портр. (Российское общество. Современные исследования).

3. **Рыжов С. Д.** История создания Русского технического общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 4. С. 67—73.
4. **Растимешина Т. В.** Охрана культурного наследия в России XIX в.: формирование опыта взаимодействия церкви, гражданского общества и государства в сфере музеефикации исторических и культурных ценностей // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 4 (12). С. 118—130.
5. **Головнин А. В.** Записки для немногих / Отв. сост. и науч. ред. Б. Д. Гальперина. СПб.: Нестор-История, 2004. 575 с.
6. **Стаферова Е. Л.** Министерство народного просвещения при А. В. Головнине: 1861—1866 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 26 с.
7. Записки Императорского Русского технического общества. Петроград: [б. и.], 1867—1917.
8. Технический сборник. СПб. 1867. № 9. С. 136.
9. **Шпека И. И.** Общественная инициатива в развитии технического образования в России в середине XIX — начале XX вв. // Власть. 2010. № 4. С. 148—149.
10. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / [Е. В. Олесеюк и др.]; под ред. Е. В. Олесеюка. СПб.: Союз, 2005. 370 с.: ил., табл.
11. **Менделеев Д. И.** Сочинения: в 25 т. Т. 23: Народное просвещение и высшее образование. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1952. 385 с.: табл., фот.
12. **Маршев В. И.** История управленческой мысли. М.: Инфра-М, 2005. 731 с.: ил.
13. **Днепрова Э. Д.** Российское образование в XIX — начале XX века. Т. 2: Становление и развитие системы российского образования (историко-статистический анализ). М.: Мариос, 2011. 657 с.: ил., карты, табл.
14. **Сапрыкин Д. Л.** Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 125—137.
15. **Тарасова В. Н.** История науки и техники. Ч. 3. М.: МГУПС, 2004. 216 с.
16. **Бершавили О. Н.** Инженерное образование в России: историко-педагогический аспект: монография. Самара: [РИЦ СГСХА], 2010. 199 с.: ил.
17. **Аллагулов А. М.** Государственная концепция образовательной политики в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 152—155.
18. **Кричко В. А.** Продолжая традиции: К 125-летию Рус. техн. о-ва. М.: Знание, 1991. 64 с.
19. **Тимошенко С. П.** Инженерное образование в России / Пер. с англ. В. Иванова-Дятлова. Люберцы: ПИК ВИНТИ, 1997. 84 с.: ил.
20. **Лобзаров В. М.** Развитие элитного общего образования в России XVIII — XX веков: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009. 54 с.

исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), marin709@rambler.ru

Лифинцев Вадим Дмитриевич — студент Московского государственного областного университета (Россия, 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24), listo4ek66@yandex.ru

References

1. Khromov P. A. *Ekonomika Rossii perioda promyshlennogo kapitalizma* (Russian Economy of the Period of Industrial Capitalism), M., Izd-vo VPSH i AON, 1963, 286 p.
2. Tumanova A. S. *Obshchestvennyye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka* (Voluntary Associations and Russian Public at the Beginning of the XX Century). M., Novyi khronograf, 2008, 326 p., il., portr., Rossiiskoe obshchestvo. Sovremennyye issledovaniya.
3. Ryzhov S. D. *Istoriya sozdaniya Russkogo tekhnicheskogo obshchestva* (Foundation of Russian Technological Society), *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, Seriya Istoriya Rossii*, 2013, No. 4, pp. 67—73.
4. Rastimeshina T. V. *Okhrana kul'turnogo naslediya v Rossii XIX v.: formirovanie opyta vzaimodeistviya tserkvi, grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva v sfere muzeifikatsii istoricheskikh i kul'turnykh tsennostei* (Culture Heritage Conservation in 19th Century Russia: Church, Civil Society and State Interaction Experience Formation in Regard to Historical and Cultural Values Museumification), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya*, 2016, No. 4 (12), pp. 118—130.
5. Golovnin A. V. *Zapiski dlya nemnogikh* (Notes for the Few), *Otv. sost. i nauch. red. B. D. Gal'perina*, SPb., Nestor-Istoriya, 2004, 575 p.
6. Staferova E. L. *Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya pri A. V. Golovnine: 1861—1866 gg., avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* (Ministry of Education under the Reign of A. V. Golovnin: Years 1861 to 1866, Extended Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation), M., 1998, 26 p.
7. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva* (Transactions of Imperial Russian Technical Society), Petrograd, s. l., 1867—1917.
8. *Tekhnicheskii sbornik* (Technical Collection), SPb., 1867, No. 9, pp. 136.
9. Shpeka I. I. *Obshchestvennaya initsiativa v razvitiit tekhnicheskogo obrazovaniya v Rossii v seredine XIX — nachale XX vv.* (Public Initiative in Technical Education in Russia, Middle 19th to Early 20th Century), *Vlast'*, 2010, No. 4, pp. 148—149.
10. *Otechestvennyye universitety v dinamike zolotogo veka russkoi kul'tury* (Russian Universities in the Dynamics of Golden Age of Russian Culture), E. V. Oleseyuk i dr., pod red. E. V. Oleseyuka, SPb., Soyuz, 2005, 370 p., il., tabl.
11. Mendeleev D. I. *Sochineniya, v 25 t., T. 23, Narodnoye prosveshchenie i vysshee obrazovanie* (Works, in 25 Vols., Vol. 23, Public Instruction and Higher Education), L., M., Izd-vo AN SSSR, 1952, 385 p., tabl., fot.
12. *Marshev V. I. Istoriya upravlencheskoi mysli* (History of Administrative Thought), M., Infra-M, 2005, 731 p., il.

Поступила 29.04.2019

Добрынина Мария Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального

13. Dneprov E. D. Rossiiskoe obrazovanie v XIX — nachale XX veka. T. 2, Stanovlenie i razvitie sistemy rossiiskogo obrazovaniya (istoriko-statisticheskii analiz) (Russian Education in 19th to Early 20th Century. Vol. 2, Russian Education System Formation and Development (Historical and Statistical Analysis)), M., Marios, 2011, 657 с.: il., karty, tabl.
14. Saprykin D. L. Inzhenernoe obrazovanie v Rossii: istoriya, kontsepsiya, perspektivy (Engineering Education in Russia: History, Conception, Future Trends), *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2012, No. 1, pp. 125—137.
15. Tarasova V. N. Istoriya nauki i tekhniki (History of Science and Technics), Ch. 3, M., MGUPS, 2004, 216 p.
16. Berishvili O. N. Inzhenernoe obrazovanie v Rossii: istoriko-pedagogicheskii aspekt (Engineering Education in Russia: Historical and Pedagogical Aspects), monografiya, Samara, RITs SGSKhA, 2010, 199 p., il.
17. Allagulov A. M. Gosudarstvennaya kontsepsiya obrazovatel'noi politiki v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. (State Conception of the Educational Policy in the Russian Empire in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries), *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2013, No. 4, pp. 152—155.
18. Krichko V. A. Prodolzaya traditsii: K 125-letiyu Rus. tekhn. o-va (Continuing the Traditions: Towards 125th Anniversary of Russian Technical Society), M., Znanie, 1991, 64 p.
19. Timoshenko S. P. Inzhenernoe obrazovanie v Rossii (Engineering Education in Russia), Per. s angl. V. Ivanova-Dyatlova, Lyubertsy, PIK VINITI, 1997, 84 p., il.
20. Lobzarov V. M. Razvitie elitnogo obshchego obrazovaniya v Rossii XVIII — XX vekov, avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk (Elite General Education Development in 18th — 20th Century Russia, Extended Abstract of Doctoral Dissertation in Pedagogy), M., 2009, 54 p.

Submitted 29.04.2019

Dobrynina Maria V., Candidate of Political Sciences, associate professor at Economics, Management and Finance Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), marin709@rambler.ru

Lifintsev Vadim D., student at Moscow Region State University (24, Very Voloshinoy street, Mytishi, 141014, Russia), listo4ek66@yandex.ru

Социальные проблемы общества: модель интересов

Р. С. Крупышев

Общероссийская общественная организация «Российские ученые социалистической ориентации», Москва, Россия

krupishev@mail.ru

Автор делает попытку рассмотреть социальные проблемы общества не с точки зрения противодействия классов, а с точки зрения столкновения интересов, при котором появление классов предстает как следствие личностных противоречий. Используя статистические законы, автор строит кривую распределения интересов к доходу и к власти. Опираясь на основные принципы идеального, капиталистического и социалистического общества, автор создает доходную, имущественную и властную теоретические кривые распределения общих ресурсов общества и власти по всем представителям общества, иллюстрируя либо социальное неравенство и несправедливость, либо прогрессивность власти. В результате автор доказывает неизбежность деградации любой властной пирамиды и угрозу паразитического права создавать капитал на капитале.

Ключевые слова: модель интересов; социальные проблемы; капитал; доходная кривая; децильный коэффициент.

Societal Problems of the Society: Model of Interests

R. S. Krupyshev

Russia-Wide Social Organization "Russian Scientists of Socialist Orientation", Moscow, Russia

krupishev@mail.ru

The author attempts to consider societal problems of the society not from viewpoint of classes' confrontation but from viewpoint of clash of interests, presenting the appearance of classes as consequence of personality contradictions. Using statistical regularities, the author plots a percentile curve of interests for income and power. Relying on basic principles of ideal, capitalistic and socialistic societies the author generates income, property and power theoretical curves of allocation of society and power's common resources to all representants of the society, illustrating either social inequality and injustice or progressiveness of power. As a result, the author proves the inevitability of any power pyramid degradation and threat of parasitic right to build up capital on capital.

Keywords: model of interests; societal problems; capital; income curve; R/P 10 %.

Общество — чрезвычайно сложный, многофакторный и постоянно изменяющийся механизм, в котором огромную роль играют столкновения интересов, как личностных, так и групповых, и классовых.

В. И. Ленин прямо учил «разыскивать интересы», но он имел в виду интересы «тех или иных классов» [1, с. 47]. Однако возникновение классовых интересов и самих классов — результат противодействия

личностных интересов. В связи с этим рассмотрим природу именно этих первородных интересов, чтобы более детально вскрыть существующие закономерности в общественности и выявить новые. Проанализируем напрямую социальную роль таких наиболее общественно значимых интересов личности, как интерес к доходу и интерес к власти, в формировании наиболее важных в социальном смысле макропараметров общества. Используя такие критерии, как размер дохода, владение имуществом и степень обладания властью, относительно всех представителей общества, построим доходную, имущественную и властную кривые. Эти макропараметры являются своеобразным паспортом любого общества, так как позволяют судить о степени справедливости и социальной напряженности в нем.

Поскольку деньги и власть (власть дает изобилие того, что измеряется деньгами) всегда тесно взаимосвязаны (власть приносит деньги, деньги — власть) и характер влияния интересов к власти и доходу на жизнь общества весьма близок, то для упрощения объединим эти два интереса в один суммарный интерес, который назовем интересом x (или фактором x). Чтобы получить количественный показатель интереса x для каждого представителя общества, выразим важность (весомость) этого интереса для личности в процентах, приняв весомость всех интересов конкретной личности за 100 %. Так, скажем, если для кого-то весомость суммарного интереса x составляет 50 %, это значит, что все остальные интересы в сумме равноценны по значимости интересу x . А если значимость интереса x приближается к 100 %, то ради него представитель общества готов пренебречь всеми остальными своими интересами.

Представим общую картину распределения интересов x в обществе в виде гистограммы. По оси X обозначим интервалы интересов x , а по оси Y — количество представителей общества, представляющих эти интересы. Уменьшим масштаб и соединим интервалы огибающей линией — получим кривую интересов.

Очевидно, что людей с наименьшим фактором x — единицы. Например, это такие альтруисты, как Г. Я. Перельман, великий математик, для которого интерес к профессии и чувство справедливости выше всех остальных ценностей. Людей с наибольшим фактором x также единицы. Отнесем к ним Р. А. Абрамовича, сила эгоистического интереса к доходу и к власти которого выходит за рамки обычного. Большинство представителей современного общества имеет среднее (50 %) или близкие к среднему значения фактора x . Следовательно, кривая интересов общества имеет холмообразный вид. В целях уточнения этой холмообразности примем во внимание, что фактор x — некоторая случайная величина, которая формируется в результате пересечения множества случайных внешних факторов и внутренних свойств личности. Это влияние природной и общественной среды, воспитания и врожденных свойств личности. И поскольку величина x — величина случайная, то можно предположить, что и ее распределение (т. е. кривая интересов) с достаточным приближением может быть описано кривой стандартного нормального распределения Гаусса [2] с генеральным средним в области 50 % по шкале интересов. Примем эту кривую интересов общества (рис. 1) за исходную гипотезу, справедливость которой проверим при описании реальных доходных кривых.

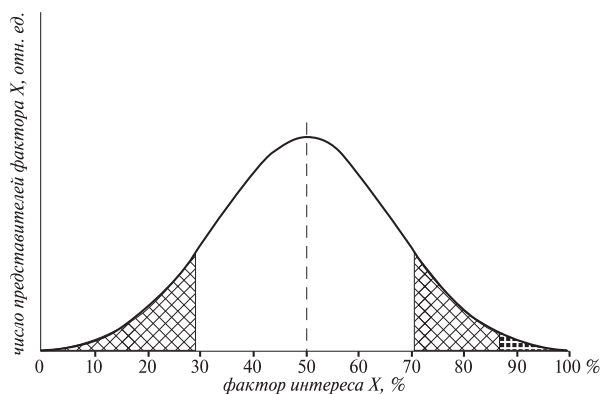

Рис. 1. Кривая интересов общества

По условиям построения кривой на рисунке 1 общая площадь под кривой интересов в некотором масштабе представляет

численность всего общества. Слева и справа затемнены 10-процентные части от его численности, а справа более темным отмечена крайняя 1-процентная часть численности общества. Это потребуются при анализе доходных кривых.

Обратим внимание на следующие свойства построенной нами кривой интересов: чем выше интерес к власти и деньгам, тем меньше у личности других интересов, что особенно существенно для представителей правого крыла кривой интересов, где фактор интереса становится преобладающим. Чем больше вправо по шкале интересов, тем существенней это преобладание. Гиперболизированный интерес к деньгам и власти, как правило, связан с эгоистичной переоценкой самого себя, с властолюбием, жадностью и многими другими, плохо совместимыми с общественным принципом существования, чертами личности. Более того, надо обратить внимание и на тот факт, что чем выше власть, тем выше размер дохода, а потому и степень благополучия, что особенно привлекательно для людей, более стремящихся к доходу, чем к усовершенствованию государственной деятельности, и достигающих этой цели, порой не считаясь со средствами достижения, в ущерб интересам других членов общества. И наоборот, чем меньше показатель фактора x , тем более свойственны личности нравственные черты: любовь к профессии, стремление к справедливости, человеколюбию, щедрости и доброте. Поэтому шкалу интересов можно рассматривать и как шкалу нарастания эгоизма (по шкале слева направо).

Таким образом, кривая интересов показывает деление общества на два противоположных крыла. В левом крыле сосредоточены преимущественно малоэгоистичные личности, которым наиболее присущи такие качества, как доброжелательность, отзывчивость, для которых интерес к своей профессии и нравственность как потребность соблюдать мораль выше меркантильных интересов. Они готовы считаться с интересами других в достижении

благополучия. Это наиболее надежный для общества контингент, отвечающий общественному принципу существования. Таких людей по отношению к обществу как к целому можно назвать *социогуманистами*.

Из вышесказанного следует, что правое крыло составляют личности, преимущественно эгоистичные и властолюбивые, реализующие корыстные интересы, одним словом, те, кто ради личной выгоды готов пойти на сознательное ущемление интересов других (группы, общества или человечества). Это лица, представляющие сомнительную ценность для общества, а нередко и прямую угрозу. Назовем их *социоэгоистами*, а их деятельность — антиобщественной, антисоциальной, не отвечающей общественному принципу существования.

Заметим, что стремительное развитие средств массовой коммуникации в условиях всё нарастающей плотности населения планеты всё категоричней требует от всех представителей общества совместимости с общественным принципом существования, причем от соблюдения этого требования зависит не только качество жизнеобеспечения отдельных социумов, но и, что особенно актуально сегодня, выживание человечества. И потому формирование и регулирование всех процессов в обществе прежде всего должно оцениваться с точки зрения соответствия этому первостепенному требованию.

При разработке желаемого прогрессивного проекта взаимодействия всех элементов социальной структуры общества авторы нередко невольно полагаются в основном на личную систему ценностей и понимание морали или на возможность кардинального перевоспитания людей по предлагаемому автором моральному образцу. Этим обусловлено многообразие проектов и их субъективность. Модель интересов позволяет увидеть общество во всем многообразии действующих в нем интересов. Это повышает объективность данного подхода.

Построение кривой интересов — важный логический шаг, своего рода исходная гипотеза, исходя из которой, как в геометрии

Эвклида, с помощью простых и очевидных логических выводов строится всё «здание» модели интересов.

Построим доходные кривые, характеризующие социальную дифференциацию общества. По распределению доходов в обществе можно судить о благополучии или социальном неравенстве.

Начнем с рассмотрения идеального общества. В идеальном обществе нечестные способы самопродвижения (обман, подкуп, использование связей и т. п.), к которым склонны особо эгоистичные личности, тем или иным образом исключаются. А уровень дохода должен определяться только степенью личного таланта к профессиональной деятельности и степенью личной траты — траты самого себя в том или другом необходимом обществу трудовом процессе. Но величина личного таланта и зависящая от физических возможностей степень траты самого себя распределены в обществе случайным образом и не зависят от рассматриваемых интересов. При статистическом усреднении оба эти фактора можно считать неизменными по всей шкале интересов, поэтому и среднедушевая величина дохода должна быть неизменной по всей шкале интересов. Умножив эту среднедушевую величину дохода на ординаты кривой интересов, получим искомую доходную кривую для идеального общества, которая подобна по форме кривой интересов, приведенной на рисунке 1, а потому сохранит и центральное расположение максимума, и симметрию кривой Гаусса [2].

Из симметрии доходной кривой следует, что фондовый коэффициент дифференциации¹ (K_{ϕ}) в идеальном обществе равен 1.

Легко показать, что и имущественная, и властная кривые тоже будут иметь симметричную форму гауссовой кривой.

Форма имущественной кривой подобна форме доходной кривой, поскольку уровень получения материальных вещей, в том числе ценных бумаг и денег, зависит от уровня дохода, а он постоянен по всей шкале фактора x .

Властная кривая показывает политическую дифференциацию. Уровень занимаемой власти в идеальном обществе, так же как и доход, определяется уровнем личного таланта к осуществлению функций представителя власти, кроме того, власть является выразителем интегральных интересов всего общества, ее можно считать равномерно распределенной в обществе, а потому и форма властной кривой тоже подобна гауссовой кривой.

Аналогичным образом, если известен принцип распределения среднедушевого дохода по кривой интересов, то можно построить суммарную доходную кривую для общества любого типа.

Перейдем к обсуждению реального общества. В реальном обществе исключить влияние интереса x на величину дохода принципиально невозможно. Предположим, что по шкале x соблюдается *линейная пропорциональная зависимость среднедушевого дохода от величины интереса* (фактора x) в соответствии с принципом «чем больше стремишься, тем большего достигаешь». Этот, по сути, тот же *принцип социализма* «от каждого по способностям, каждому по труду» (т. е. получение благ соответственно потраченному таланту, труду) и берется за основу построения доходных кривых социалистического устройства общества. Аналогично, как это было сделано для идеального общества, варьируя коэффициент линейной зависимости величины среднедушевого дохода от величины интереса (по сути, варьируя вилку разброса доходов в обществе), выполняя условие неизменности общей доходной массы общества (т. е. неизменности площади под каждой получаемой доходной кривой), строится серия доходных кривых. Эта серия кривых приведена на рисунке 2.

Определив для каждой доходной кривой K_{ϕ} , можно построить зависимость величины K_{ϕ} от вилки разброса доходов, приведенной на рисунке 3.

¹ Фондовый коэффициент дифференциации доходов — соотношение между средним доходом, приходящимся на 10 % наиболее богатой части населения, и средним доходом 10 % наиболее бедных представителей населения.

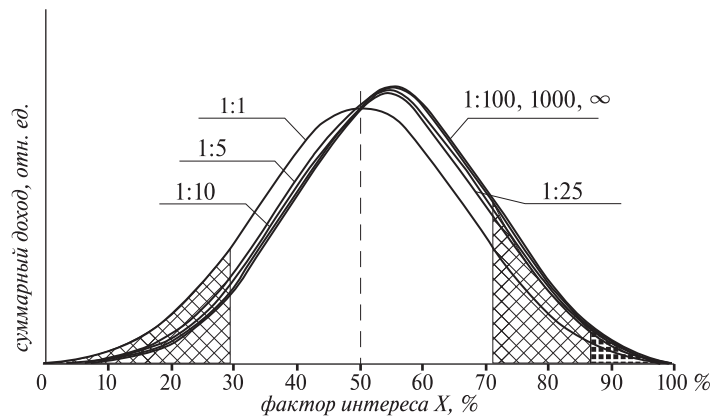

Рис. 2. Доходные кривые для общества с линейной зависимостью среднедушевого дохода от фактора интереса

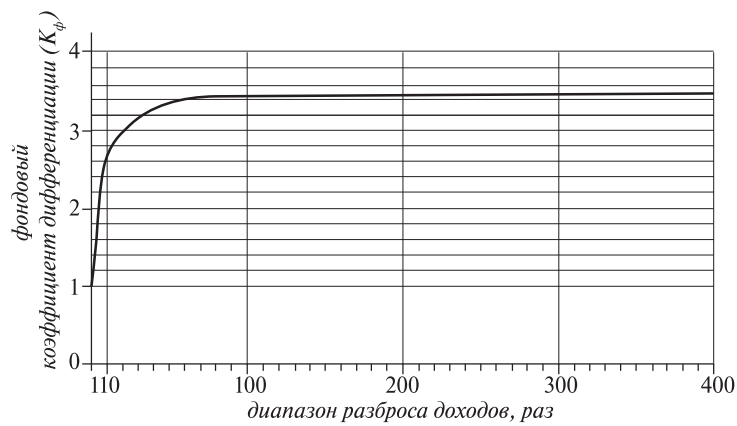

Рис. 3. Зависимость K_{ϕ} от диапазона разброса доходов

Зная из практики, что для подавляющего большинства населения вилка разброса доходов не превышала десятикратный предел, видим, что по кривой (рис. 3) это соответствует величине K_{ϕ} в 2,7, что и имело место в СССР в шестидесятые годы [3].

Обратим внимание на насыщение величины K_{ϕ} . Из этого факта можно сделать следующие заключения, характерные для общества, в котором среднедушевой уровень дохода пропорционален интересу x :

1) доходные кривые мало отличаются друг от друга и от доходной кривой идеального общества;

2) имеет место быстрое насыщение K_{ϕ} при довольно большом разбросе доходов (рис. 3).

K_{ϕ} не может превысить величину 3,6, даже если разброс крайних доходов достигает бесконечности (это полезное замечание

может пригодиться при рассмотрении общественного устройства применительно к различным типам общества).

Превышение величины 3,6 K_{ϕ} , например, в Австрии — до 4,4, а в Бельгии, Швеции, Дании, Финляндии, Норвегии — в пределах от 5,1 до 5,7 [4], свидетельствует о неблагополучии в обществе и о наличии кланов чрезмерно богатых людей в правой стороне кривой интересов (в США до распада СССР K_{ϕ} составлял 5,6 [3], там уже были богатейшие кланы). И неблагополучие это подчеркивается фактом непрерывного роста этих коэффициентов [5; 6].

Далее рассмотрим капиталистическое общество. Известно, что величина K_{ϕ} после распада СССР возросла в России до 16,9 (2008 г.) [7, с. 74]. Н. М. Римашевская считает дифференциацию доходов в России беспрецедентной: «Поляризация доходов — следствие группы факторов.

Прежде всего это интенсивный рост дифференциации в оплате труда (даже независимо от тенденций к снижению ее уровня). Так, децильный коэффициент дифференциации, составлявший в 1985 г. 3,4, уже в 1995 г., т. е. через 10 лет, увеличился примерно в 5 раз...» [8, с. 57—58]. Согласно данным Римашевской, K_{ϕ} остается на уровне 17 и до настоящего времени [8, с. 59]. (Эта величина K_{ϕ} и будет положена в основу расчета теоретической кривой, приведенной ниже на рисунке 4.) Из этого однозначно следует, что механизм распределения доходов резко изменяется, а именно: в 10-процентной части общества (правая сторона доходных кривых рисунка 2) концентрируется чрезвычайно большая часть доходов.

Для 90 % населения, занятого в материальном производстве и непроизводственной сфере (в том числе интеллектуальной, творческой), т. е. для работников по найму и мелких предпринимателей (левая сторона доходных кривых), надо полагать, механизм получения доходов сильно не изменился. Если раньше (в СССР) любой труд оценивался по КЗоТу, который не предусматривал существование предпринимателей, но учитывал эффективность и профессионализм труда (т. е. результат труда), то теперь труд оценивается компанией-нанимателем по внутренним нормативам, но в основу системы оценки кадрового потенциала компании входят те же основные критерии по степени трудовой отдачи. По тем же в основном критериям, но рынком оценивается и труд мелких предпринимателей. Следовательно, можно ожидать, что для 90 % населения среднедушевой доход и далее по-прежнему будет возрастать по шкале x ориентировочно в линейной зависимости (как и в СССР), т. е. предположительно пропорционально трудовому вкладу и его эффективности. Это подтверждается и реальной доходной кривой, только коэффициент линейности оказывается несколько выше (рис. 5) [9].

Согласно статистике 2013 г., средний уровень дохода, характерный для этого слоя населения (90 % всего населения),

не превышает 50 тыс. руб. в месяц. Такой размер дохода позволяет покрыть только месячные расходы на поддержание жизнедеятельности. Назовем этот слой населения «классические потребители» (потребляют всё, что зарабатывают). Накопления незначительны и распределяются на отложенное потребление, т. е. личные потребительские расходы. Ввиду малой величины дохода размер имущества этого слоя населения практически не увеличивается.

Далее вправо по шкале x , когда уровень среднедушевого дохода, можно считать, превышает уровень личного потребления (пусть он будет равен 500 тыс. руб. в месяц), появляется возможность постоянного накопления излишков дохода (дохода, превышающего размер личных потребительских расходов). Представитель этого слоя всё более превращается в так называемого *классического накопителя*. Здесь особо явно вступает в действие основной паразитический принцип капитализма, позволяющий накопленные излишки использовать для вложения в целях получения дохода, прибыли, прироста капитала. Это различные формы вложений финансового капитала: приобретение средств производства, земли, покупка недвижимости для сдачи в аренду, приобретение ценных бумаг, предоставление ссуд и прочие схемы получения ссудного процента. Основную прибыль в денежном эквиваленте начинает приносить сам факт владения капиталом, другими словами, сам капитал начинает делать капитал. Назовем эту составляющую дохода паразитической, поскольку в капиталистической системе, в перераспределении ресурсов общества этот нетрудовой акт (вложение) и извлечение из него дохода (финансовая рента) фактически идет за счет удержания из дохода производителей реальных благ, имеющих ценность для жизни общества, удовлетворяющих жизненные потребности людей. Механизм наращивания капитала на капитале приводит к завышенным величинам K_{ϕ} . Большая часть доходов «перекачивается» в имущество богатейших людей, повышает их влияние на общество в сфере

финансовой и политической власти. При этом линейный рост уровня среднедушевого дохода по оси x нарушается, поскольку нарастает зависимость скорости роста дохода не только непосредственно от фактора x , т. е. интереса, но и от уровня самого дохода. Кроме того, рост капитала расширяет для капиталиста круг возможностей для маневра, а именно методов извлечения дохода и подавления конкурентов, что еще более усиливает чрезвычайно быстрое накопление капитала и чудовищную степень дифференциации доходов даже среди накопителей. В результате на доходной кривой в первом приближении в этой части распределения начинает преобладать квадратичная составляющая роста среднедушевого дохода (по шкале интересов). Когда величина ренты начинает преобладать над доходом, получаемым непосредственно за труд, паразитический механизм создания капитала на капитале становится основным источником дохода². В этом приближении удастся описать основную особенность формы имеющей место сегодня доходной кривой. На рисунках 4, 5 в масштабе шкалы интересов доходная кривая быстро нарастает по шкале y за счет механизма получения капитала на капитале. Это слой населения, уровень дохода которого в своем максимуме на четыре порядка превышает уровень доходов рассмотренного ранее слоя в 90 % населения.

В результате доход, а следовательно, возможность влияния на власть, или неофициальная власть, сосредотачивается в руках небольшой социальной группы богатейших.

Заметим далее, что на тех же координатах фактора x , аналогично доходной кривой, можно вывести имущественную и властную кривые. Только в СССР, в обществе, строящемся на принципах социализма,

наблюдался чрезмерно медленный рост имущества населения, потому что единственным источником дохода был труд, а зарплата не превышала уровня необходимого потребления. Поэтому форма имущественной кривой общества мало отличалась от формы доходной кривой по всей шкале фактора x . А в капиталистическом обществе слой населения, доход которого превышает уровень необходимого потребления и постоянно и неограниченно накапливается, переходя в имущество, имущественное неравенство может оказаться еще на порядки больше доходного.

При капитализме, исходя из принципа «деньги и власть неразделимы», можно констатировать, что финансовые возможности богатейших позволяют им оказывать влияние на официальную власть, участвуя в ее организации. Так образуется теневая власть. Можно ожидать, что максимум реальной власти на властной кривой придется на то же место на шкале x , что и максимум на доходной кривой. В такой ситуации теневая власть контролирует все сферы общества, в том числе военное предпринимательство, приносящее огромный доход³.

Поскольку объяснение с помощью модели интересов значений K_ϕ для СССР, а также объяснение формы доходной кривой в современном обществе подтверждаются статистическими данными, можно надеяться на важность и справедливость ряда выводов, сделанных на основе модели интересов.

Во-первых, K_ϕ , рассчитываемый по децильному принципу, скрывает реальный уровень неравенства в капиталистическом обществе. Дело в том, что наибольшая степень дифференциации доходов имеет место в правой 10-процентной области доходной кривой. Это слой наиболее богатого населения.

² Пороговый уровень дохода в 500 тыс. руб. выбран из следующих соображений: 90 % населения имеет доход, не превышающий 50 тыс. руб. в месяц. А те, кто имеет доход выше 50 тыс. руб., могут вкладывать остальной капитал (даже под минимальные 9 %). Таким образом, имея такой доход в течение года, в дальнейшем фигурант может жить только на проценты от вложенного капитала (порядка 50 тыс. руб. в месяц), т. е. с превышением уровня дохода 500 тыс. руб. механизм получения капитала на капитале становится основным источником дохода представителя, что и вызывает резкий подъем доходной кривой в ее крайней правой части.

³ 17 сентября 2008 г. на международном уровне был принят «Документ Монтрё», в котором прописаны правила поведения, права и обязательства частных военных организаций в зонах вооруженных конфликтов. Декларацию подписали 17 стран, среди которых США, Китай, Франция, Германия.

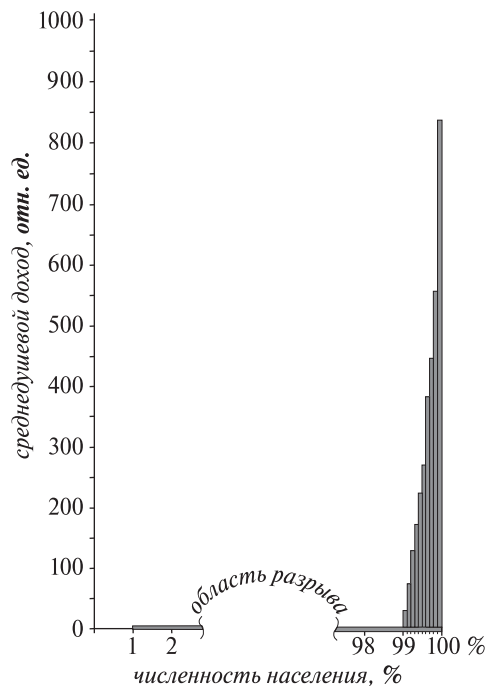

Рис. 4. Теоретическая гистограмма распределения доходов для случая, когда K_Φ равен 17, а составляющая дохода по механизму создания капитала на капитале доступна только для 1 % населения

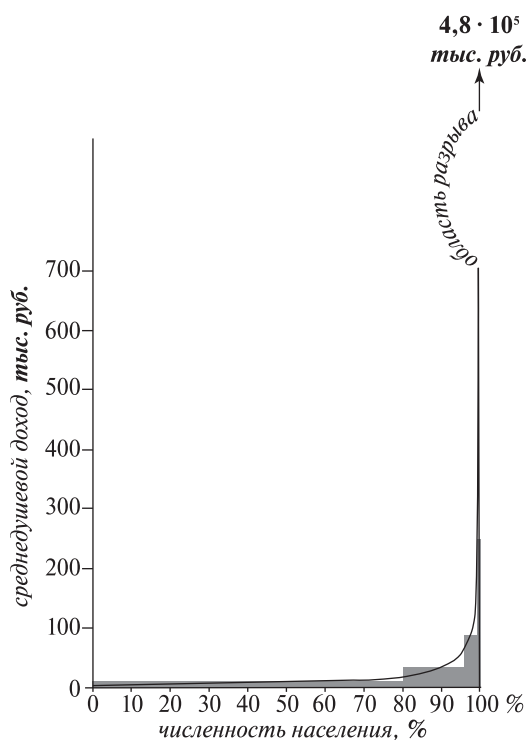

Рис. 5. Реальная гистограмма распределения доходов в современной России, по данным интернет-источника [9]

Закон капиталистического накопления действует неограниченно, и в условиях конкуренции огромный размер дохода в странах капитала сосредоточивается в руках части населения, составляющей менее 1 % от всего населения страны. Но важно отметить, что при оценке степени дифференциации, для которой используется децильный коэффициент, эта богатейшая часть общества, имеющая огромное влияние, остается вне внимания и контроля общества, поскольку усредняется с представителями 10-процентного слоя населения при определении величины K_Φ . Поэтому для объективности картины необходимо либо рассчитывать K_Φ хотя бы по однопроцентному (а не децильному) принципу, либо строить гистограмму доходов общества с разрешением в 1 % для слоя (для дециля) наиболее богатого населения.

Во-вторых, известно, что интересы представителей капитала космополитичны. Чрезвычайно высокий доходный пик при капитализме является концентратором «пятой колонны» и капитала своей страны, а ныне и стран мира. Власть и капитал неразделимы. Власть дает капитал, капитал — власть. Это закономерно приводит к формированию мощной теневой власти.

Модель интересов позволяет найти простое решение вопроса о власти. Власть — наиболее влияющий на деятельность людей орган управления обществом, система взаимодействия законодательного, исполнительного и судебного механизмов. Тенденция к деградации любой властной пирамиды без надежной обратной связи, выявленная благодаря построению модели интересов, ведет к утрате гарантии эффективного контроля над непосредственными структурами власти. Это системная болезнь любой властной пирамиды, в том числе и социалистической власти, на что и обращает внимание модель интересов. Решить эту проблему можно посредством влияния на власть со стороны тех представителей 90 % населения, кто не входит в официальную пирамиду власти, но в первую очередь ощущает ее недостатки и заинтересован в полезной для общества работе власти.

Литература

1. Ленин В. И. Три источника и три составные части марксизма // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. 5-е изд. Т. 23: Март — сентябрь 1913. М.: Политиздат, 1973. С. 40—48.
2. Нормальное распределение // Распознавание: Профессиональный информационно-аналитический ресурс: [Электронный ресурс] / Науч. школа акад. РАН Ю. И. Журавлева и чл.-корр. РАН К. В. Рудакова. Последн. измен.: 17.05.2010. URL: [http://www.machinelearning.ru/wiki/index.php?title=Нормальное распределение](http://www.machinelearning.ru/wiki/index.php?title=Нормальное_распределение) (дата обращения: 07.06.2019).
3. Миронин С. Дифференциация доходов в СССР // Что для России лучше? Антология / С. Г. Кара-Мурза, С. В. Волков, Д. Е. Галковский и др. С. 75—202. Доступно: Большая онлайн-библиотека e-Reading. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/127451/34/Chto_dlya_Rossii_luchshe.html (дата обращения: 07.06.2019).
4. Коэффициент децильный // Энциклопедия по экономике: [Электронный ресурс]. Соп. 2017. URL: <https://economy-ru.info/info/40533/> (дата обращения: 07.06.2019).
5. Горшков А. А. «Великое расхождение»: рост неравенства в распределении доходов домохозяйств и перераспределение в странах ОЭСР // Проблемы современной экономики. 2016. № 1 (57). С. 47—52.
6. Управление продовольственной безопасностью: монография / Л. В. Агаркова [и др.]. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 170 с.
7. Литвинцева Г. П. Дифференциация доходов населения в современной России // Идеи и идеалы. 2010. Т. 1 № 2. С. 73—84.
8. Римашиевская Н. М. Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 55—65.
9. Данные по расслоению граждан РФ по доходам и показатели реального сектора экономики в 2013 г. // Pro-spo.ru: [Электронный ресурс] / Новые информационные технологии. Соп. 2019. URL: <http://pro-spo.ru/news/4457-dannye-po-rassloeniyu-grazhdan-rf-po> (дата обращения: 07.06.2019).

Поступила после доработки 29.04.2019

Крупышев Руслан Степанович — кандидат физико-математических наук, член Общероссийской общественной организации «Российские ученые социалистической ориентации» (Россия, Москва), krupishev@mail.ru

References

1. Lenin V. I. Tri istochnika i tri sostavnye chasti markizma (Three Sources and Three Components of Marxism), *Polnoe sobranie sochinenii*, V. I. Lenin. 5-e izd., T. 23, Mart — sentyabr' 1913, M., Politizdat, 1973, pp. 40—48.
2. "Normal'noe raspredelenie" (Gauss Distribution). *Raspoznavanie: Professional'nyi informatsionno-analiticheskii resurs*. Nauch. shkola akad. RAN Yu. I. Zhuravleva i chl.-korr. RAN K. V. Rudakova, Last change: 17 May 2010. Web. 7 June 2019. <[http://www.machinelearning.ru/wiki/index.php?title=Нормальное распределение](http://www.machinelearning.ru/wiki/index.php?title=Нормальное_распределение)>.
3. Mironin S. "Differentsiatsiya dokhodov v SSSR" (Income Differentiation in the USSR). *Chto dlya Rossii luchshe? Antologiya*. S. G. Kara-Murza, S. V. Volkov, D. E. Galkovskii et al., pp. 75—202. Available at: Bol'shaya onlain-biblioteka e-Reading. N. p., n. d. Web. 7 June 2019. <https://www.e-reading.club/chapter.php/127451/34/Chto_dlya_Rossii_luchshe.html>.
4. "Koeffitsient detsil'nyi" (R/P 10 %). *Entsiklopediya po ekonomike*. N. p., cop. 2017. Web. 7 June 2019. <<https://economy-ru.info/info/40533/>>.
5. Gorshkov A. A. "Velikoe raskhozhdienie": rost neravenstva v raspredelenii dokhodov domokhozyaistv i pereraspredelenie v stranakh OESR ("Great Discrepancy": the Growth of Inequality in Household Income Distribution and Redistribution in the Countries of the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD)), *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2016, No. 1 (57), pp. 47—52.
6. Upravlenie prodovol'stvennoi bezopasnost'yu (Food Security Governance), monografiya, L. V. Agarkova et al., M., Berlin, Direkt-Media, 2015, 170 p.
7. Litvintseva G. P. Differentsiatsiya dokhodov naseleniya v sovremennoi Rossii (Population Income Spread in Modern Russia), *Idei i idealy*, 2010, T. 1 No. 2, pp. 73—84.
8. Rimashvskaya N. M. Sotsial'nye posledstviya ekonomicheskikh transformatsii v Rossii (Social Consequences Of Economic Transformations In Russia), *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1997, No. 6, pp. 55—65.
9. "Dannye po rassloeniyu grazhdan RF po dokhodam i pokazateli real'nogo sektora ekonomiki v 2013 g." (Figures on RF Citizens Stratification by Income and Real Economy Record in 2013). *Pro-spo.ru*. Novye informatsionnye tekhnologii, cop. 2019. Web. 7 June 2019. <<http://pro-spo.ru/news/4457-dannye-po-rassloeniyu-grazhdan-rf-po>>.

Submitted after updating 29.04.2019

Krupyshev Ruslan S., Candidate of Physical and Mathematical Sciences, member of Russia-Wide Social Organization "Russian Scientists of Socialist Orientation" (Russia, Moscow), krupishev@mail.ru

Критерии оценки эффективности деятельности средств массовой информации и коммуникации как социального института

Л. В. Мрочко, А. А. Жук, Е. С. Шимолук

Московский гуманитарный университет, Россия, Москва

dr.discussion@yandex.ru

Анализируются социально-творческие и социально-психологические аспекты эффективности деятельности средств массовой информации и коммуникации, рассматриваются пути повышения действенности и результативности информационного взаимодействия в социуме. С этой целью раскрывается сущность понятий «эффект» и «эффективность», исследуются содержание, виды и формы эффективности, когнитивный и коммуникативный эффекты. Определяются критерии оценки эффективности воздействия информации на массовую аудиторию, методы усиления влияния информации на общественное сознание, на развитие личности потребителя.

Ключевые слова: средства массовой информации и коммуникации; эффективность; социально-психологические аспекты; социально-творческие аспекты; когнитивный эффект; коммуникативный эффект; массовая аудитория; личность; информационное взаимодействие.

Criteria for Evaluating the Effectiveness of the Media and Communication as a Social Institution

L. V. Mrochko, A. A. Zhuk, E. S. Shimoluk

Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia

dr.discussion@yandex.ru

The authors analyze the socio-creative and socio-psychological aspects of the effectiveness of the media and communication, consider the ways to improve the efficiency and effectiveness of information exchange in society. To this end, the authors did reveal the essence of the concepts of “effect” and “efficiency” and studied the content, types and forms of effectiveness, its cognitive and communicative effects. They have defined the criteria for evaluating the effectiveness of the impact of information on the mass audience and methods of strengthening the impact of information on public consciousness, on the development of the consumer’s personality.

Keywords: media and communications; effectiveness; socio-psychological aspects; socio-creative aspects; cognitive effect; communicative effect; mass audience; personality; information exchange.

В последние годы деятельность российских средств массовой информации и коммуникации (СМИиК) подвергается критике. Это обвинение со стороны общественных деятелей (деятельность по обслуживанию политических, культурных и профессиональных нужд) в манипулировании общественным мнением,

основанном на приукрашивании событий, сокрытии реального положения дел в стране, чрезмерном увлечении различного рода шоу и др. [1]. В результате падает доверие к СМИиК как основному источнику разносторонней информации о событиях в стране и за рубежом. По данным фонда «Общественное мнение»¹, с 2015 г. доверие к первому каналу российского телевидения упало с 53 % до 37 %, к телеканалу «Россия-1» — с 46 % до 33 %, к каналу НТВ — с 22 % до 15 %, к «России-24» — с 17 % до 9 %².

В условиях увеличения объема массовых информационных потоков трудно различить, где объективная информация, а где фальшь и целенаправленная ложь. Речевая манипуляция стала эффективным инструментом воздействия не только на аудиторию массовую, но и на целевую, хорошо информированную аудиторию [2]. Сегодня проверять факты вербальной, визуальной, звуковой информации предоставляется самим потребителям: читателям, телезрителям, радиослушателям или пользователям Интернета. И такая ситуация — не только в России.

Ежегодное исследование американского международного агентства *Edelman* по связям с общественностью и стратегическим коммуникациям показывает, что «барометр доверия» к СМИиК во всем мире из года в год падает³. Такая тенденция зафиксирована в 22 странах из 28 участвующих в исследовании. Особенно она заметна в США. К 2018 г. доверие широкой общественности снизилось до 43 %. Это самый низкий результат в истории применения методов психологического исследования массовой аудитории.

Доверие в среде информированной (целевой) аудитории США также сильно снижается (45 %), что ставит страну на последнее место среди 28 стран — участников опроса. В противоположность этому, по данным *Edelman*, Китай находится

на вершине индекса доверия к СМИиК, как со стороны широкой общественности (74 %), так и со стороны информированной аудитории (83 %).

Степень повышения доверия равнозначна степени достоверности информации, распространяемой в периодической печати, теле- и радиоэфире, объективности ее подачи, поэтому назовем доверие критерием оценки эффективности функционирования СМИиК как социального института, — функционирования, предполагающего действенность и результативность.

Решение задач повышения действенности и результативности информационного взаимодействия в обществе, а именно оперативное информирование общества и управление массовыми информационными процессами, требует объективности и ответственности СМИиК перед массовой аудиторией. Чтобы выбрать пути, формы, методы, средства решения этих задач, необходимо провести логический анализ основных понятий, входящих в категорию «эффективность», объяснить их содержание и структуру.

Как известно, СМИиК являются не только социальным институтом, но и в силу влияния на жизнь общества — четвертой властью, инструментом воздействия на общественное сознание [3]. Сбор, обработка и распространение информации направлены на культурное развитие общества, формирование картины мира. Информация ориентирует людей в социальных, политических, экономических и других процессах [4]. Акцентирование внимания аудитории на недостатках современной общественной системы способствует поиску путей ее совершенствования. Именно в этом и заключается социальное предназначение СМИиК. Здесь речь идет о социально-творческой стороне понятия «эффективность» применительно к СМИиК. Но есть еще и другая сторона — социально-психологическая [5].

¹ Некоммерческая организация, проводит социологические исследования, основным заказчиком является Администрация Президента РФ.

² Кто сыграл в ящик? Социологи утверждают: федеральные каналы утрачивают доверие населения // Аргументы и факты. 2019. № 7. С. 9.

³ *Реутов Е.* Доверие к СМИ в мире упало на дно // Аврора: информационное агентство. 25.01.2018. URL: <http://aurora.network/articles/1-mirovoy-krizis/56882-doverie-k-smi-v-mire-upalo-na-dno> (дата обращения: 25.12.2018).

Под воздействием информации в сознании ее потребителей происходят существенные изменения: они негодуют, возмущаются или радуются, сопереживают и волнуются. Следствием психического состояния субъективного переживания событий является соответствующее поведение. Такой результат выражается понятием «коммуникативный эффект». Накапливаясь каждый день, разовые коммуникативные эффекты в совокупности образуют другую эффективность — эффективность воздействия СМИиК на личность посредством варьирования восприятием информации (особенности ситуации, значимость, сенсация).

Следует различать понятия «эффект» и «эффективность» и не употреблять их в теории и практике массовой коммуникации как синонимы, поскольку формы этой лексемы имеют разные смысловые варианты. Другими словами, понятия различны по содержанию, а явления, ими обозначаемые, различны по сущности. Например, если телепередача получила положительные отзывы телезрителей, то это вовсе не означает, что последующие трансляции будут восприняты с одобрением. По ряду причин объективного и субъективного характера оценка телетрансляции массовой аудиторией может меняться на прямо противоположную, поэтому целесообразно говорить о достигнутом эффекте как о результате именно разового воздействия на телезрителей. Понятие эффекта в большинстве случаев имеет социально-психологическую окраску.

В свою очередь, понятие «эффективность» в применении его к СМИиК несет окраску социально-политическую, т. е. включает оценку выполнения СМИиК социальных функций, определяемых информационными потребностями и интересами аудитории и обусловленных характером действительности и общественными отношениями. Такого рода эффективность складывается из разовых эффектов: коммуникативного, познавательного, эмоционального, эстетического, ценностного, когнитивного и других.

Например, когнитивный эффект от контакта с СМИиК заключается в изменении отношения к информации, а следовательно, и основанной на нем позиции, формирующей установку. Публикации или видеосюжет, вызвавшие интерес, могут не только укрепить личное мнение, но и побудить к конкретным действиям.

Эффект — это своеобразная реакция человека на информацию СМИиК — положительная, нейтральная или отрицательная. Любую реакцию можно измерить методами психологического исследования. Суммируя многочисленные положительные и обратные эффекты от многократных контактов с СМИиК, получаем общий результат, который и показывает эффективность — высокую, среднюю, низкую или нулевую.

Эффективность взаимодействия СМИиК и массовой аудитории зависит от многих факторов, главными являются: качественная характеристика информации (оперативность, объективность, достоверность) и отношение потребителей к каналу информации. Поэтому эффективность влияния СМИиК следует рассматривать с двух сторон. С одной стороны, как результат деятельности журналистов редакции по сбору, обработке, систематизации, анализу информации. Это социально-творческий аспект эффективности. С другой стороны, как результат восприятия информации аудиторией, итоговая сумма эффектов от контактов с каналом СМИиК. Это социально-психологический аспект эффективности.

Практика свидетельствует о том, что эффективность влияния СМИиК на массовую аудиторию, как правило, рассматривается и оценивается со стороны социально-творческого аспекта. Однако это отвлекает внимание от объекта информационного воздействия — потребителя информации, в частности упускаются его запросы, интересы, установки. По этой причине недостаточно четко определяется результат длительного воздействия СМИиК на аудиторию. Поэтому акцентируем внимание на социально-психологическом аспекте эффективности, а именно рассмотрим связь

в системе информационного взаимодействия «СМИиК — массовая аудитория — личность». Разумеется, связь эта обусловлена и социально-творческим аспектом эффективности, так как отношение потребителей к СМИиК определяется во многом качеством информации.

Эффективность в любом виде деятельности предполагает достижение результата. В экономической науке принято считать эффективностью отношение эффекта (результата) к затратам. Эта формула может быть применена для оценки социально-творческого аспекта эффективности СМИиК, с учетом затрат на сбор, обработку, производство и распространение информации. Вместе с тем экономическая формула эффективности не может быть использована при анализе собственно информационного взаимодействия потребителя информации с СМИиК, поскольку здесь невозможно рассчитать затраты на производство и распространение информации, а также результат влияния на личность — по ряду причин. Во-первых, личность формируется и развивается под воздействием не только СМИиК, но и других социальных институтов (семья, объединение по интересам). Во-вторых, проявление результатов влияния СМИиК на развитие личности растянуто во времени. В-третьих, несмотря на значительное влияние информации на сознание и поведение людей, установить и измерить его результат математически не всегда возможно.

Полагаем, что эффективностью деятельности СМИиК в части социально-психологического аспекта можно считать отношение результатов их воздействия на массовую аудиторию к целям воздействия. С этой точки зрения эффективность определяется как итог формирования общественного мнения, итог влияния на личность в плане ее всестороннего и гармоничного развития [6]. Чтобы избежать крайностей, поднимем вопрос: всегда ли цель выступает побудительной силой деятельности человека? Думается, не всегда и не в любой деятельности. Цель становится образом результата тогда, когда в ней осознанно отображаются потребности

и мотив, так как выбор должен соответствовать требованию мотива ради удовлетворения потребности.

При прочих равных условиях наиболее эффективной окажется деятельность, цель которой в максимальной степени соотносена с потребностью. Таким образом, в ходе исследования понятия «эффективность» выявляется связь достижения результатов с постановкой целей (*целевая эффективность*) и удовлетворением потребностей (*потребностная эффективность*). Представляется, что оба критерия можно назвать элементарными критериями оценки эффективности в том смысле, что они образуются достаточно просто и однотипно: результаты соотносятся либо с затратами, либо с целями, либо с потребностями.

Применительно к деятельности СМИиК основу объективной постановки целей составляет реальная потребность массовой аудитории в информации. Поэтому *эффективность в социально-психологическом аспекте можно определить как степень удовлетворения потребности массовой аудитории в социальной информации, целью которого является всестороннее и гармоничное развитие личности.*

Так, представители различных типов массовой аудитории в силу своего социального статуса, должности, возраста по-разному осознают общественные потребности. Каждому типу присущи специфические потребности в информации, которые не могут не учитываться в деятельности СМИиК.

Понятно, что в тематических планах редакции должна соблюдаться определенная пропорциональность тематики рубрик в соответствии с программой деятельности периодического издания. Чтобы не практиковать зависимость от потребителя, — оперативность подачи печатного, электронного или мультимедийного материала не должна превалировать над объективностью, популярность — над достоверностью.

Возникает вопрос: могут ли СМИиК способствовать развитию культурного, интеллектуального, духовного потенциала личности? Да, следование профессиональной этике не допускает преобразования

сценария подачи материала — в ток-шоу. Проблема максимального удовлетворения потребности аудитории в информации — есть прежде всего проблема *повышения качества информации и оптимизации количества*.

Понятие эффективности деятельности СМИиК связано, прежде всего, с качеством информации, т. е. с ее ценностью для потребителя, обусловленной возможностью ею воспользоваться. Лишь посредством высококачественной информации усиливается эффект воздействия СМИиК на процесс развития личности.

Очевидно, что качество информации как продукта СМИиК достигается открытой системой языковых средств публицистического стиля речи, удобной для сочетания различных свойств информации: это не только актуальность и аргументированность, убедительность, но и доступность, а особенно — выразительность, образность, яркость изложения. Качество информации тем выше, чем более в ней свойств, удовлетворяющих разнообразным потребностям аудитории, чем более она соответствует интересам потребителей.

Ответим на вопрос, почему потребность в информации является условием и предпосылкой не только информационной, но и социальной активности потребителей. Информированность позволяет лучше сориентироваться в конкретной ситуации, правильно оценить событие, а следовательно, и принять решение, как действовать.

Подведем итог результативности информационного взаимодействия массовой аудитории и СМИиК. Для этого выделим два уровня контактов с каналом информации. С одной стороны, одноразовый или кратковременный контакт дает эффект от восприятия информации. Результат определяется как критерий эффекта. С другой стороны, длительный процесс информационного взаимодействия показывает эффективность воздействия СМИиК. Результат определяется как критерий эффективности.

Реализация целей СМИиК, а именно влияния СМИиК на общественное сознание, требует усиления интенсивности контактов

аудитории с каналом информации. Представляется, что решить эту проблему можно с помощью мотивации желаний: поддержать точку зрения редакции СМИиК, поделиться своим мнением, выразить готовность обсудить информацию в коллективе, семье и др. Успешное решение этой задачи, в сущности, и предполагает эффективность деятельности СМИиК, их влияния на личность потребителя.

Проблемы измерения эффективности влияния СМИиК на массовую аудиторию относятся к важнейшим для социологии [7] и психологии [8] массовых коммуникаций. Но без выделения ряда точных и надежных критериев оценки информационного взаимодействия, без выявления условий и факторов, опосредующих связь источников публичной информации и целевой аудитории, любые попытки определить уровень эффективности деятельности СМИиК обречены на неудачу. Особое значение для решения этой теоретической задачи имеют эмпирические методы. Само понимание сущности проблемы не может возникнуть в отрыве от ее эмпирического познания: нужно эмпирически начать понимание, получить практический опыт, а затем, от теоретических построений, основанных на эмпирике, подниматься к обобщению.

Литература

1. **Ильченко С. Н.** Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией / Предисл.: Д. Пучков. СПб.: Питер, 2019. 320 с. (Туну40к Goblina) (Разведопрос).
2. **Васильев А. Д.** Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб.: Златоуст, 2013. 660 с.: табл.
3. **Федотова Л. Н.** Общественное мнение и журналистика = Public opinion and journalism. М.: Изд-во МГУ, 2011. 373 с.: табл.
4. **Гаврилов А. А.** Средства воздействия СМИ на общественное сознание в условиях информационного общества // Молодой ученый. 2012. № 8. С. 152—155.
5. **Березкина О. П.** Социально-психологическое воздействие СМИ. М.: Академия, 2009. 240 с.
6. **Антонова Н. В.** Психология массовых коммуникаций. М.: Юрайт, 2015. 373 с.
7. **Фомичева И. Д.** Социология СМИ. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2012. 360 с.: ил., табл.
8. **Виноградова С. М., Мельник Г. С.** Психология массовой коммуникации. М.: Юрайт, 2017. 512 с.

Поступила после доработки 12.04.2019

Мрочко Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, д. 5), *dr.discussion@yandex.ru*

Жук Анна Александровна — ассистент кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций Московского гуманитарного университета (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, д. 5), *lenivay-panda@yandex.ru*

Шимолук Екатерина Сергеевна — ассистент кафедры международных отношений и дипломатии Московского гуманитарного университета (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, д. 5), *catherineshimoluk@gmail.com*

References

1. Il'chenko S. N. Kak nas obmanyvayut SMI. Manipulyatsiya informatsiei (How do Mass Media Play False with Us. Manipulation of Information), Predisl. D. Puchkov, SPb., Piter, 2019, 320 p., Tynu40k Goblina, Razvedopros.
2. Vasil'ev A. D. Igra v slova. Manipulyativnye operatsii v tekstakh SMI (Games Played with Words. Manipulative Operations in Media Texts), SPb., Zlatoust, 2013, 660 p., tabl.
3. Fedotova L. N. Obshchestvennoe mnenie i zhurnalistika (Public Opinion and Journalism), M., Izd-vo MGU, 2011, 373 p., tabl.
4. Gavrillov A. A. Sredstva vozdeistviya SMI na obshchestvennoe soznanie v usloviyakh informatsionnogo obshchestva (Mass Media Ways to Influence Public Conscience under Conditions of Information Society), *Molodoi uchenyi*, 2012, No. 8, pp. 152—155.
5. Berezkina O. P. Sotsial'no-psikhologicheskoe vozdeistvie SMI (Socio-Psychological Influence of Mass Media), M., Akademiya, 2009, 240 p.
6. Antonova N. V. Psikhologiya massovykh kommunikatsii (Psychology of Mass Communications), M., Yurait, 2015, 373 p.
7. Fomicheva I. D. Sotsiologiya SMI (Sociology of Mass Media), 2-e izd., ispr. i dop., M., Aspekt Press, 2012, 360 p., il., tabl.
8. Vinogradova S. M., Mel'nik G. S. Psikhologiya massovoi kommunikatsii (Psychology of Mass Communication), M., Yurait, 2017, 512 p.

Submitted after updating 12.04.2019

Mrochko Leonid V., Doctor of Philosophy, Professor, professor of Advertising and Mass Communications Theory Department, Moscow University for the Humanities (5, Yunosti street, Moscow, 111395, Russia), *dr.discussion@yandex.ru*

Zhuk Anna A., assistant professor of Advertising and Mass Communications Theory Department, Moscow University for the Humanities (5, Yunosti street, Moscow, 111395, Russia), *lenivay-panda@yandex.ru*

Shimoluk Ekaterina S., assistant professor of International Relations and Diplomacy Department, Moscow University for the Humanities (5, Yunosti street, Moscow, 111395, Russia), *catherineshimoluk@gmail.com*

Информационно-аналитическая компетентность в контуре государственного управления: проблемные аспекты и пути совершенствования

А. А. Мушта¹, Т. В. Растимешина²

¹ Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь

² Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

alex_mushta@mail.ru

В контексте сложившейся в Республике Беларусь системы государственного управления рассмотрены некоторые проблемные аспекты обеспечения эффективности принимаемых решений и повышения уровня информационно-аналитической компетентности специалистов, обеспечивающих их подготовку и обоснование. Определена совокупность факторов, детерминирующих возрастание роли информационно-аналитической функции государственного управления на современном этапе. В их числе: цифровизация контура государственного управления, институционализация и концептуализация сферы национальной безопасности, трансформация информационно-аналитической функции в системообразующую функцию органов власти, безопасности и правопорядка и др. В рамках образовательного процесса и подготовки кадров раскрыто содержание таких понятий, как «специалист-аналитик», «информационно-аналитическая работа», «информационно-аналитическая компетентность». С учетом практического опыта авторов высказаны некоторые предложения, направленные на повышение качества информационно-аналитической деятельности и компетентности задействованных в ней специалистов.

Ключевые слова: цифровая экономика; национальная безопасность; государственное управление; анализ; аналитик; информационно-аналитическая работа; информационно-аналитическая компетентность; ключевые компетенции.

Information and Analytical Competence in the Public Administration Contour: Problematic Aspects and Ways of Improvement

A. A. Mushta¹, T. V. Rastimeshina²

¹ Operational Analytical Center under the President of the Republic of Belarus

² National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

alex_mushta@mail.ru

In the context of the current system of public administration in the Republic of Belarus, the authors considered some problematic aspects of ensuring the effectiveness of decisions and improving the level of information and analytical competence of specialists providing their preparation and grounds for them. The authors did define a set of factors determining the increasing role of information and analytical functions of public administration at the present stage. Among them: digitization of the contour of public administration, institutionalization and conceptualization of the sphere of national security, transformation of information and analytical functions in the core function of security and law enforcement, etc. In the framework of the

educational process and training the authors have disclosed the content of such concepts as “specialist analyst”, “information and analytical work”, and “information and analytical competence”. Taking into account their practical experience the authors have made some proposals aimed at improving the quality of information and analytical activities and the competence of the specialists involved in it.

Keywords: digital economy; national security; public administration; analysis; information and analytical work; analyst; information and analytical competence; core competencies.

Как ведущий субъект политики, проектировщик и продуцент управленческих решений, государство являет собой политико-административную структуру, функционирующую за счет взаимодействия сравнительно широкого спектра участвующих в этом процессе акторов. И хотя принятие государственных решений, как считает А. И. Соловьев, «было и остается исключительно привлекательным объектом изучения, сохраняющим, несмотря на все старания ученых, свою таинственность» [1, с. 127], в данной статье речь пойдет о весьма прозаических проблемах. По понятным причинам они рассматриваются с учетом специфики информационно-аналитического обеспечения процесса выработки решений в контуре госуправления, характерной для Республики Беларусь. При этом содержащиеся в публикации оценки и выводы отражают личную точку зрения авторов, основаны на открытых источниках информации и никаким образом не связаны с местом их работы.

В публичных заявлениях руководства Республики Беларусь, а также в основных концептуальных документах и государственных программах ее развития отмечается, что современный мир стремительно меняется и что негативные тенденции этих перемен, несущие в себе риски и вызовы устойчивому развитию и национальной безопасности страны, требуют особого внимания и адекватного реагирования.

На этом фоне для сложившейся в Беларуси системы госуправления являются актуальными задачи обеспечения эффективности принимаемых решений и повышения уровня информационно-аналитической компетентности обеспечивающих их обоснование аналитиков. Об этом, в частности, свидетельствует ряд факторов проблемного порядка.

Прежде всего, задачи цифровизации экономики Беларуси и построения IT-страны, объявленные приоритетом в работе правительственных органов и должностных лиц, предъявляют более высокие, чем прежде, требования к эффективности госуправления. Разрабатываемые в условиях цифрового общества стратегические и оперативные решения должны обеспечиваться рекомендациями высококачественной и ответственной аналитики, в основе которой — развитая методология и высокая культура мышления ее специалистов. Между тем, как показывает практика, некоторые из вносимых проектов правовых актов, госпрограмм и масштабных управленческих решений, затрагивающих интересы граждан, общества и государства, не всегда базируются на продуманном научно-экспертном обосновании, вследствие чего они не вполне соответствуют реалиям и потребностям сложившейся обстановки. Показательный пример — неоднозначный социальный резонанс, вызванный отдельными положениями Декрета Президента РБ № 3 от 2 апреля 2015 г. «О предупреждении социального иждивенчества», более известного как «декрет о тунеядстве».

Далее, сложившаяся в Беларуси разветвленная система государственных научно-исследовательских институтов, иных информационно-аналитических и экспертных органов (по данным Белстата, научными исследованиями и разработками в стране в 2018 г. занимались 27,4 тыс. работников в 455 организациях) [2, с. 9], наряду с несомненными достоинствами, имеет фрагментированный и неоднородный характер, характеризуется узкопрофессиональной специализацией, ведомственной раздробленностью и в определенной степени уязвима для бюрократизма. В итоге

экспертный потенциал научных организаций недостаточно задействован в решении назревших и долгосрочных проблем страны, выстраивании обоснованной и отвечающей современным требованиям стратегии государственного управления [3].

Не отрицают этого и представители научного сообщества и его экспертного сегмента. Так, несмотря на ряд прорывных социологических проектов (методология социологической оценки повышения эффективности государственного управления в контексте сценариев устойчивого социального развития страны; прогностическое исследование «Беларусь-2030»; создание республиканского кластера изучения социально-политической ситуации в стране и др.), представители Института социологии НАН Беларуси вынуждены, например, констатировать следующее: «Сегодня вопросы безопасного развития мира и безопасного существования в нем человека осознанно или неосознанно выходят на первое место. <...> А вот теоретических и прикладных социологических исследований безопасности явно не хватает. Они не приобрели важной самостоятельной научной траектории и находятся в тени...» [4, с. 8—9]. Именно поэтому важным шагом в плане укрепления институциональных оснований сложившейся в стране системы информационно-аналитической деятельности следует считать создание в феврале 2019 г. Белорусского института стратегических исследований.

Кроме того, остается мало востребованным аналитический потенциал негосударственного сектора экспертного сообщества Беларуси, притом что в нем, согласно Международному индексу исследовательских центров (*2016 Global Go To Think Tank Index*), функционирует 21 «фабрика мысли». О некоторых причинах этого будет сказано ниже. Здесь же отметим, что некоторые российские исследователи указывают на сходные симптомы. Так, по словам Е. Казаковой (г. Смоленск), «пока не удастся включить в процессы реформирования общественные силы, негосударственную часть социума и его политической системы.

В принимаемых решениях доминирует административный ресурс, готовятся они в закрытом от общества режиме. <...> Эффективно функционирующие экспертные сообщества есть, но власть и общество их как бы не видят» [5, с. 11, 14].

Наконец, резервы и «точки роста» имеются и у информационно-аналитических структур органов безопасности и правопорядка, образующих систему обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь (далее СОНБ).

Существующие риски и угрозы требуют «постоянно держать руку на пульсе жизни страны, представлять абсолютно объективный анализ и прогноз развития обстановки, оперативно выявлять проблемы, угрожающие национальной безопасности, экономической и социальной стабильности, и вносить конкретные предложения по их решению» [6]. С учетом этого в субъектах СОНБ спланирован и реализуется комплекс мер, отражающих возрастающую роль информационной аналитики (информационно-аналитического обеспечения) как функции государственного органа. Свое воплощение она получает как минимум в двух измерениях — внутреннем и внешнем.

Внутренний аспект обусловлен статусом самой функции информационно-аналитического обеспечения и реализующего ее соответствующего структурного подразделения (службы) субъекта СОНБ. Эта структура, как правило, организационно входит в контур управления конкретного органа безопасности и правопорядка, обеспечивая своей деятельностью эффективное решение задач по предназначению. Как показывает практика, ни одна из базовых целей и компетенций субъекта СОНБ не может быть с должной степенью надежности реализована вне информационной аналитики. Указанное позволяет считать информационно-аналитическую деятельность системообразующей функцией субъекта СОНБ.

Во внешнем плане речь идет о концентрации аналитического ресурса конкретного субъекта СОНБ на удовлетворении информационных потребностей и запросов

руководства страны, связанных с процессом выработки и принятия решений по актуальным проблемам сферы обороны и безопасности.

При этом следует указать, что СОНБ является позитивным примером перманентной концептуализации функции информационной аналитики. В последние годы данная функция получила свое нормативное закрепление в ряде документов: Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (2010), Военной доктрине (2016), Концепции обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь на 2018—2022 гг. (2018), Концепции информационной безопасности (2019). Вместе с тем, по ряду экспертных оценок, выходные аналитические материалы, подготавливаемые в субъектах СОНБ в отношении складывающейся в Беларуси социально-экономической ситуации, положения дел в стратегических отраслях экономики, по линии борьбы с коррупцией и противодействия внешним угрозам, не всегда отвечают уровню возросших требований к качеству информации, глубине обобщающих выводов и востребованности содержащихся в них предложений.

Представляется, что в основе отмеченных выше узких мест лежит сложный комплекс причин. В формате данной статьи представляется возможным отметить лишь некоторые из них.

1. *Проблемы ресурсного обеспечения* информационно-аналитической работы (техническое, технологическое, программное, финансовое, научно-методическое, нормативно-правовое и собственно организационное обеспечение).

2. *Острый дефицит аналитических кадров.* Цифровизация контура государственного управления (в которой «электронное правительство» — необходимое, но недостаточное условие), институционализация и концептуализация сферы национальной безопасности, трансформация информационно-аналитической функции в системообразующую функцию органов безопасности и правопорядка — все эти факторы,

каждый в отдельности и в своей совокупности, выводят на ряд чрезвычайно актуальных вопросов — кто и с какой степенью профессиональной компетентности реализует намеченные цели и задачи? Достаточно ли в Беларуси сегодня, а также на среднесрочную и отдаленную перспективу грамотных управленцев и квалифицированных аналитиков, обладающих необходимыми компетенциями? Очевидно, что традиционное образование не успевает за скоростью технологического развития: так, трудно представить, чтобы к сегодняшнему дню у значительной части выпускников даже специализированных вузов обнаружилось полноценное высшее образование, например, в искусственном интеллекте или блокчейне.

Актуальный характер носит указанная проблема и для Российской Федерации. Так, для реализации принятой в 2017 г. Правительством Российской Федерации программы по развитию цифровой экономики, рассчитанной до 2024 г., только для цифровизации контура госуправления, по некоторым данным, потребуется порядка 1 млн специалистов [7]. Всего же, согласно выводам исследования «Россия-2025: от кадров к талантам», дефицит специалистов по творческой и аналитической работе в Российской Федерации к 2025 г. может достигнуть 10 млн чел. [8].

Сегодня учреждения образования, осуществляющие подготовку специалистов в интересах госуправления, стоят перед необходимостью решения комплекса задач: открытие новых специальностей и подготовка по ним соответствующих специалистов; придание образовательному процессу мобильности и большей практико-ориентированности; дальнейшее развитие электронной информационной образовательной среды (в том числе перевод слушателей на обучение по электронным учебникам и пособиям); совершенствование содержания подготовки обучающихся, актуализация государственных образовательных стандартов; повышение уровня профессиональных компетенций преподавательского состава.

3. *Фрагментарность и разобщенность экспертно-аналитического пространства*, о которых упоминалось выше, также не способствуют установлению оптимальных коммуникативных связей между участниками дискурса, препятствуют организации диалога, ведут к недостаточной рефлексии общественно значимых вопросов.

4. *Проблемы профессиональной компетентности и информационно-аналитической культуры практикующих аналитиков*. Особенно они заметны в негосударственном сегменте аналитического сообщества. «Всеядность» подвигающихся здесь отдельных «персонажей» размывает границы между научной экспертизой, политической аналитикой, пропагандой и пиаром. Распространен феномен «диванной аналитики», характеризующейся не только высокой степенью самоорганизации и чрезвычайной активностью, но и явно недостаточным уровнем компетентности, деформированными представлениями об аналитической культуре. В данном случае имеются в виду: попытки убеждения оппонента не логическими доводами и фактами, а через повторение бездоказательных утверждений; необоснованные обобщения и экстраполяции; стремление к опровержению статистических данных единичными примерами; избирательное применение данных и логических рассуждений; непонимание неравной ценности различных источников информации; неспособность к логическим рассуждениям как таковым.

Не случайно, что попытки привлечения «внешних» экспертов для работы в аналитических структурах органов госуправления, как показывает опыт, нередко наталкиваются на их политическую ангажированность, конъюнктурность и слабое осознание ответственности за собственные позиции в публичном политическом дискурсе.

5. *Сдерживающим фактором является состояние научной проработки проблем теории и практики информационно-аналитической деятельности*. Это трудно объяснить, но на сегодняшний день все еще не существует единых, закрепленных в каком-либо

национальном нормативно-правовом документе дефиниций понятий «информационно-аналитическая деятельность» (ИАД) и «информационно-аналитическая работа» (ИАР). В свою очередь это определенным образом сказывается и на понятии «информационно-аналитическая компетентность» (ИАК), сущность и содержание которого в специализированной литературе различные авторы раскрывают применительно к конкретной области деятельности специалистов (финансовый анализ, бизнес-разведка и т. п.).

Так, в контексте учебно-образовательного процесса и подготовки кадров указания на некоторые дефиниции содержатся в «Образовательном стандарте Республики Беларусь ОСРБ 1-26 01 81-2015 Переподготовка руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование. Специальность: 1-26 01 81 Информационно-аналитическая работа в системе органов государственного управления». Он разработан специалистами Академии управления при Президенте Республики Беларусь и Государственного секретариата Совета Безопасности Республики Беларусь. В нем, в частности, указывается, что *аналитиком* является специалист, квалификация которого позволяет заниматься «аналитическими исследованиями и обобщениями в определенной сфере деятельности, который в совершенстве владеет методами анализа, способен прогнозировать процессы и разрабатывать перспективные программы развития» [9, п. 3.1].

В свою очередь, *ИАР* в системе субъектов (органов, сил) СОНБ определена как наименование специальности, предметной областью которой является комплексный анализ сфер и объектов деятельности конкретного субъекта (органа) данной системы (выявление важнейших тенденций и закономерностей их развития), направленный на поддержку управленческих решений и оценку возможных последствий их реализации.

В таком ключе понятие *ИАК* рассматривается как интегральное образование и трактуется как составная часть общей

профессиональной компетентности специалиста, его способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в процессе аналитико-синтетической обработки и переработки информации различных форм и видов с целью получить качественно новое знание для оперативного обеспечения процесса принятия управленческих решений [10].

Как правило, к числу базовых информационно-аналитических компетенций традиционно относят: логическое, системное и структурированное мышление; коммуникационные навыки и навыки работы в «команде»; аналитическое «чутье» и интуицию; эффективность пополнения и развития личной системы знаний.

Вместе с тем, волатильный, неопределенный, сложный и противоречивый мир обуславливает необходимость существенной корректировки модели компетенций сотрудников информационно-аналитических служб контура госуправления. В связи с этим необходимо указать, что практикой сегодняшней повседневной деятельности особенно востребованы такие социально-личностные компетенции аналитика, как:

- «вычислительное мышление» — способность переводить множество информации в абстрактные категории, связанные причинно-следственными связями;

- «новая грамотность в медиапространстве» — способность критично оценивать и исследовать контент медиапространства, осваивать новое и отсеивать несущественное;

- «междисциплинарность» — способность осваивать и понимать концепты из смежных областей;

- «управление умственной нагрузкой» — способность достигать целей, оставляя сохранным и работоспособным свой мозг, в условиях существенного увеличения объема информации и возрастания требований к скорости ее обработки.

В заключение выскажем несколько *предложений*, основанных на авторском опыте практической работы, участия

в различных научных конференциях и общения с многими практикующими аналитиками. В частности, авторам часто приходилось писать об отсутствии в Республике Беларусь и в России нормативно-правовых документов, позволяющих перевести в практическую плоскость решение таких давно назревших проблем, как разработка стандартов аналитической работы; формирование единого информационно-аналитического пространства (включая специальные базы данных, каталоги, издание «Аналитического журнала», иные информационные ресурсы); формирование и регулярное обновление «матриц приоритетов» информационно-аналитической деятельности и др. Кроме того, как представляется авторам, пришло время на государственном уровне проанализировать состояние информационно-аналитической и экспертной деятельности в стране, ее инфраструктуру, тематику научно-исследовательских работ, механизм их финансирования, порядок подготовки кадров и повышения их квалификации, чтобы внести предложения по ее системному совершенствованию. В целях институционализации научно-экспертного сопровождения госуправления можно было бы рассмотреть вопрос о целесообразности разработки законопроекта «О научно-экспертном сопровождении государственного управления».

Еще в 2004 г. Ю. Курносков и П. Конотоп, авторы основательной и ставшей в то время прорывной в данной отрасли знаний монографии «Аналитика», писали, что информационно-аналитическая работа «является ядром и сущностью современных интеллектуальных технологий, которые в свою очередь позволяют с опережением отражать действительность, разрабатывать новые стратегии развития всех сфер жизнедеятельности общества, создавать идеи прорывов на решающих участках, структуры и организации, позволяющие их реализовать на практике» [11, с. 38]. С тех пор прошло около 15 лет и, как видим, не имеется каких-либо оснований пересматривать этот вывод.

Литература

1. **Соловьев А. И.** Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // *Полис*. 2015. № 3. С. 127—146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.08>
2. О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2018 году: Статистический бюллетень. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. 116 с.
3. **Лукашенко А. Г.** Развитие науки в Беларуси должно определяться единством экономики, интеллекта и государственности // *БЕЛТА — Новости Беларуси*: [Электронный ресурс]. 01.04.2014. URL: <http://www.belta.by/president/view/razvitie-nauki-v-belarusi-dolzno-opredeljatsja-edinstvom-ekonomiki-intellekta-i-gosudarstvennosti-40921-2014> (дата обращения: 12.06.2019).
4. **Котляров И. В.** Социология перед новыми рисками и вызовами // *Социологический альманах*. 2016. № 7. С. 6—11.
5. **Казакова Е. В.** Роль экспертных сообществ России в политической модернизации // *Власть*. 2011. № 3. С. 11—14.
6. Лукашенко ждет от ОАЦ более глубокой информации по вопросам борьбы с коррупцией и ситуации в экономике // *БЕЛТА — Новости Беларуси*: [Электронный ресурс]. 07.06.2013. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-zhdet-ot-oats-bolee-glubokoj-informatsii-po-voprosam-borby-s-korrupsiej-i-situatsii-v-ekonom-18045-2013> (дата обращения: 12.06.2019).
7. «Построить песочницу с бронированным зонтиком»: Дмитрий Песков — о развитии цифровой экономики // *Коммерсантъ*: [Электронный ресурс] / АО «Коммерсантъ». 23.07.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3694228> (дата обращения: 29.07.2018).
8. **Гусенко М.** Творческий путь в кассу: Какие навыки помогут не остаться без работы // *Российская газета*: Федеральный вып. 2017. № 7411: 30 октября. С. 5.
9. Образовательный стандарт Республики Беларусь ОСРБ 1-26 01 81-2015 «Переподготовка руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование. Специальность: 1-26 01 81 Информационно-аналитическая работа в системе органов государственного управления» // *Белорусский Правовой Портал*: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravovy.info/bel/02/747.htm> (дата обращения: 13.06.2019).
10. **Сулейманова Е. А.** Этапы формирования информационно-аналитических компетенций студентов вузов // *Казанский педагогический журнал*. 2014. № 2 (103). С. 151—157.
11. **Курносоев Ю. В., Конопотов П. Ю.** Аналитика: Методология, технология и организация информационно-аналитической работы. М.: РУСАКИ, 2004. 512 с.: ил.

Мушта Александр Александрович — кандидат философских наук, доцент, главный специалист Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь (Республика Беларусь, 220030, г. Минск, ул. Кирова, 49), alex_mushta@mail.ru

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), rast-v2012@yandex.ru

References

1. Solov'ev A. I. (Solovyov A. I.) Gosudarstvennye resheniya: kontseptual'nyi prostor i tupiki teoretizatsii (Government Decisions: The Conceptual Space and Dead Ends of Theorization), *Polis*, 2015, No. 3, pp. 127—146, <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.08>
2. O nauchnoi i innovatsionnoi deyatelnosti v Respublike Belarus' v 2018 godu, *Statisticheskii byulleten'* (About Scientific and Innovative Activity in the Republic of Belarus in 2018, *Statistical Bulletin*), Minsk, Natsional'nyi statisticheskii komitet Respubliki Belarus', 2019, 116 p.
3. Lukashenko A. G. "Razvitie nauki v Belarusi dolzhno opredelyat'sya edinstvom ekonomiki, intellekta i gosudarstvennosti" (Science Development in Belarus Must Be Determined by Unity of Economics, Intellect and Statehood). *BELTA — Novosti Belarusi*. N. p., 01.04.2014. Web. 12 June 2019. <<http://www.belta.by/president/view/razvitie-nauki-v-belarusi-dolzno-opredeljatsja-edinstvom-ekonomiki-intellekta-i-gosudarstvennosti-40921-2014>>.
4. Kotlyarov I. V. (Kotliarov I. V.) Sotsiologiya pered novymi riskami i vyzovami (Sociology Facing New Risks and Challenges), *Sotsiologicheskii al'manakh*, 2016, No. 7, pp. 6—11.
5. Kazakova E. V. Rol' ekspertnykh soobshchestv Rossii v politicheskoi modernizatsii (Role of Expert Communities of Russia in Political Modernization), *Vlast'*, 2011, No. 3, pp. 11—14.
6. "Lukashenko zhdet ot OATs bolee glubokoi informatsii po voprosam bor'by s korrupsiej i situatsii v ekonomike" (Lukashenko Expects of OAC Wider Information about Fight against Corruption and Situation in Economy). *BELTA — Novosti Belarusi*. N. p., 07.06.2013. Web. 12 June 2019. <<https://www.belta.by/president/view/lukashenko-zhdet-ot-oats-bolee-glubokoj-informatsii-po-voprosam-borby-s-korrupsiej-i-situatsii-v-ekonom-18045-2013>>.
7. "Postroit' pesochnitsu s bronirovannym zontikom": Dmitrii Peskov — o razvitii tsifrovoi ekonomiki ("To Build a Sandbox with Sheathed Umbrella": Dmitri Peskov about Developing Digital Economy). *Kommersant*. AO "Kommersant", 23.07.2018. Web. 29 July 2018. <<https://www.kommersant.ru/doc/3694228>>.
8. Gusenko M. "Tvorcheskii put' v kassu: Kakie navyki pomogut ne ostat'sya bez raboty" (Creative Way to Pay-Office: What Skills Will Help Not to Lose Work). *Rossiiskaya gazeta*, Federal'nyi vyp., 2017, No. 7411, 30 Oct., p. 5.

Поступила 26.05.2019

9. “Obrazovatel’nyi standart Respubliki Belarus’ OSRB 1-26 01 81-2015 ‘Perepodgotovka rukovodyashchikh rabotnikov i spetsialistov, imeyushchikh vysshee obrazovanie. Spetsial’nost’: 1-26 01 81 Informatsionno-analiticheskaya rabota v sisteme organov gosudarstvennogo upravleniya’ ” (Educational Standard of the Republic of Belarus OSRB 1-26 01 81-2015 “Retraining of Executives and Specialists Having Higher Education. Speciality: 1-26 01 81 Information and Analytical Work in the System of Public Administration”). *Belorusskii Pravovoi Portal*. N. p., n. d. Web. 13 June 2019. <<http://www.pravovy.info/bel/02/747.htm>>.

10. Suleimanova E. A. (Suleymanova E. A.) Etapy formirovaniya informatsionno-analiticheskikh kompetentsii studentov vuzov (Stages of Formation of Informational and Analytical Competencies of University Student), *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, 2014, No. 2 (103), pp. 151–157.

11. Kurnosov Yu. V., Konotopov P. Yu. Analitika: Metodologiya, tekhnologiya i organizatsiya informatsionno-analiticheskoi raboty (Analytics: Methodology,

Technology and Organization of Information and Analytical Work). M., RUSAKI, 2004, 512 p., il.

Submitted 26.05.2019

Mushta Aleksandr A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chief Specialist of Operational Analytical Center under the President of the Republic of Belarus (49, Kirova str., Minsk, 220030, Republic of Belarus), alex_mushta@mail.ru

Rastimeshina Tatiana V., Doctor of Political Sciences, Associate Professor, professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), rast-v2012@yandex.ru

Дворянская служба во второй половине XVII в.: основные принципы государственной политики

С. И. Пудина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

pudina@bk.ru

Рассмотрены основные требования к дворянскому сословию, состоящему на государственной службе во второй половине XVII в. Показаны критерии, по которым государь ценил служилого человека, — «радетельная служба», служба «всем сердцем», «со всяким усердием». Изучены основные принципы политики правительства в сфере государственной службы: годность к службе, продолжительность службы, почетность службы государю, значимость личных способностей служилого, профессионализма и преданности, признание заслуг перед Отечеством.

Ключевые слова: дворянское сословие; честь; традиции; сознание; дворянская служба; государь; принципы; власть.

Nobility's Duty in the Latter Half of 17th Century: Main Principles of State Policy

S. I. Pudina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

pudina@bk.ru

The author did consider core requirements to the nobility that were in the civil service in the latter half of 17th century, indicating sovereign's evaluative criteria for service-men: "zealous service", "wholehearted" service, "with all possible diligence". The author has studied main principles of state policy in regard to civil service: fitness for service, length of service, honor to serve the czar, significance of service-man's efficiency, of his professional manner and allegiancy, and acknowledgment of merits to the Fatherland.

Keywords: nobility; respect; traditions; consciousness; nobility's duty; sovereign; principles; power.

Исследователи монархии допетровского времени отмечают такое явление, как личностная трансформация власти, обретение властью личностных черт монарха. Царь перестает восприниматься исключительно как выразитель воли и власти Бога. Идея служения Богу посредством служения монарху сменяется осознанием ценности службы непосредственно государю.

Служба самым непосредственным образом становится соотнесенной с милостью великого монарха, т. е. продвижение по службе рассматривается как проявление этой милости. От качества службы дворянина теперь зависит не только его отеческая честь, но и честь государя. Это обстоятельство повышает значимость служебных достоинств каждого дворянина.

© Пудина С. И.

В XVII столетии одним из главных регуляторов служебного положения высшего сословия остается местничество. Его влияние распространяется на все служилое сословие, хотя к сфере непосредственного приложения местнической системы принадлежали преимущественно обладатели думных и московских чинов.

С точки зрения дальнейшего развития власти местничество было опасно тем, что четко определяло особое положение каждого в обществе, выстраивало иерархию в зависимости от знатности служилого «по отчеству» и от служебного положения рода. Между тем для высшей власти в конце XVII в. актуальной становится задача построения иерархической структуры подданных не столько по «местнической арифметике», сколько по рациональной целесообразности в соответствии с волей государя. Отступая от идеологии местничества, абсолютный правитель опирается на служилых людей, возведенных за личные заслуги в высшие государственные чины. И такой порядок, при котором единственным условием служебного продвижения является воля царя, осмысливается рядовым служилым человеком как воплощение «истинной правды». Алексей Михайлович Романов называет Россию своим «единого государя государством» [1, с. 32]. Придворный идеолог Симеон Полоцкий, разделяя мысли царя, приветствует наметившуюся в России тенденцию к абсолютизации власти и воспекает порядок, согласно которому царь и закон суть одно и то же: «Закона як царя бояться, и царя, яко закона, страшатся» [2, с. 10].

Задача царской власти — проводить в жизнь новые принципы службы, создавать условия для их усвоения обществом. Общество в целом также далеко не однозначно воспринимает и сам факт усиления и абсолютизации царской власти, и связанные с этим новые принципы назначения на службу.

В 60-е гг. XVII в. появляются новые представления о порядке размещения в служебной иерархии: те, кто назначается лично

государем и, следовательно, исполняет его дело, считаются выше тех, кто, имея высокое происхождение, тем не менее такого назначения не получил [10, с. 84].

В середине XVII в. верховная власть определяет систему требований к служилым людям. В указах и письмах царя Алексея Михайловича был фактически сформулирован идеальный образ служилого человека. Вместе с тем определения, которые царь обыкновенно применяет к службе, — «прямая», «явная», «прилежная», «храбрая», «отменная», «безо всякой хитрости» — далеко не всегда устраивают его. Государь ждет большего, ему нужна служба «всем сердцем», «радостная», «нелицемерная». Без устали призывает он «нерадение покрывать нынешнюю своею службою и радением от всего сердца своего и всякую высоту оставить» [3, с. 165].

Служба «со всяким усердием» является для государя критерием, по которому он судит о преданности и пригодности служилого человека и в соответствии с которым выстраивает свое отношение к нему. В письме к боярину и дворецкому В. В. Бутурлину царь пишет: «Ведаешь наш обычай: хто к нам не всем сердцем станет работать, и мы к нему и сами с милостью не вскоре приразимся» [3, с. 165]. В глазах царя «радательная служба», «служба всем сердцем» — необходимое условие для точного исполнения его воли: «...и впредь служить со всяким усердием и желательным радением» [11, оп. 6, ед. 26, л. 116]. Всякая неудача — результат своеволия, гордыни, нерадения. Показателен пример, когда воевода И. А. Хованский, испугавшись именно такой трактовки своих военных поражений, поспешил отвести от себя гнев таким рассуждением: «А где, государь, и упадок твоим ратным людям и то в воле великого Бога, воле его праведны кто противиться может» [3, с. 165].

Наиболее выдающиеся советники царя отличаются умом, знаниями, организаторским талантом и сильным характером. И вместе с тем каждый из них стремится угодить царю, заслужить его милость и жалование [4, с. 65].

Царь Алексей Михайлович настаивает на подкреплении отеческой чести безупречной службой. Боярская честь «совершается на деле в меру служебной заслуги», — пишет он В. Б. Шереметеву. Служба видится ему как некое семейно-родовое достояние, которое следует приумножать. Поэтому он более болезненно реагирует на проступок «породного человека», чем на нерадение «худых, обышных людишек» [1, с. 18]. В подобных случаях он не скупится на суровые оценки и грозные обвинения.

Дворянин, усердно служивший и радевший о деле, получает возможность более выгодного общественного положения за заслуги. Формируется принцип «годности к государевой службе», назначение на службу по способностям сменяет традицию назначения по степени родовитости и служебным заслугам предков. Так, благодаря таланту и заслугам, А. Л. Ордин-Нащокин, не имевший безупречной родословной, делает блестящую карьеру. Помимо государя, его ценят также иностранцы за профессионализм. По мнению императорского посла барона А. Мейерберга, Ордин-Нащокин «вовсе не глупый подражатель наших обычаев», «одарен острым умом» [12, с. 37]. С Мейербергом соглашается С. Коллинс: «...человек неподкупный, строго воздержанный, неутомимый в делах и обожатель государей... великий политик, очень важный и мудрый государственный министр и, может быть не уступит ни одному из европейских министров» (приводится по: [4, с. 62]).

Еще один пример незнатного царского выдвиженца — окольничий Федор Михайлович Ртищев. Царь жалует ему боярский чин, от которого тот, однако, смиренно отказывается. Благочестие, ум и начитанность Ртищев проявляет, будучи воспитателем наследника престола Федора Алексеевича. Единственный из царевичей Московской Руси, Федор Алексеевич освоил латынь и смог произнести речь перед иноземными послами, частью на латыни, частью на польском языке [4, с. 62].

Вместе с тем высшая власть всячески культивирует убеждение, что «всякая служба государю (государству) почетна». Оно

нередко находило отклик у подданных, однако сложности с проведением его в жизнь как принципа политики власти были немалыми. Сам по себе довольно революционный, этот принцип призван окончательно сломать прежние отношения высшей власти и народа, поставить государя на высокую, недостижимую ступень, чтобы исполнение его воли, само право на исполнение считалось почетным.

В целях реализации принципа «всякая служба государю почетна» выполняется ряд кардинальных преобразований. Должности заносятся в государственный разряд и объявляются от имени государя; на службу, ранее непочетную, назначаются лица, имеющие более высокие чины и занимающие более высокое местническое положение, нежели это было принято ранее. Лица дворянского происхождения получают должность дьяка; дворяне и дети боярские, служившие ранее головами, назначаются в полковники «нового строя»; городовые дворяне, традиционно претендовавшие на должность сотенной головы, несут обязанности знаменщиков [11, ст. 561, л. 329]. Поскольку в сознании служилого человека того времени четко сформировалось представление о том, какие обязанности могут исполнять носители его чина, новый принцип государственной политики вызывает не только недоумение, но и определенное недовольство, попытку отстаивать прежние традиции. Назначение на должность, ранее занимаемую меньшими чинами, лиц более высокого чина воспринимается как «поруха чести». Неудивительно, что московские дворяне, назначенные объезжими головами, или представители выбора, назначенные знаменщиками, опасаются принимать подобные назначения.

При переходе от традиционной идеологии государства к официальному признанию идеологии абсолютизма особенно важной представляется смена принципа жалования чина по родству на принцип жалования чина за личные заслуги. Не во всех службах новый принцип утверждается одинаково. Например, в полках нового строя, менее

скованных традициями, личные заслуги становятся более весомым основанием для продвижения дворянства. В период разбора 1679 г. правительство дополняет призыв учиться новому строю обещанием вывести за успехи в «начальные люди». Реализовать эту политику представляется возможным в силу того, что звания начальных людей нового строя не были тесно увязаны с прежними сотенными чинами. В отличие от дворян сотенной службы, ротмистры и поручики назначаются без мест и подбора, «кому в каком чине укажет быть великий государь» [13, т. 2, № 905]. Причем царское пожалование чаще всего сопрягается именно с личными заслугами.

Несмотря на то что нередко в дворянском роду служба в полках нового строя воспринимается как ущемление отеческой чести, она дает возможность осуществить извечную мечту городских чинов — уравнивание с московскими чинами. Статус начальных людей полков нового строя вскоре становится выше статуса городского. Так, в 1679 г. рязанец Л. Вельяминов просит записать его в жильцы, ссылаясь на то, что его родственники пожалованы по «Москве и в розных чинах в начальные люди», а значит, в сознании служилых людей начальные люди полков нового строя сближаются с московскими чинами [3, с. 171]. Указ 24 ноября 1682 г. ставит своего рода точку, завершает рассмотренную тенденцию, запретив не только местничать, но и вообще попрекать тех, кто «был или впред по какому случаю будет по воли государской или от бывности в каком ниском чине» [11, ст. 651, л. 145].

В большинстве своем аристократическая верхушка следует старым традициям. Приведем пример следования местничеству после его отмены. Зимой 1692—1693 гг. боярин М. Г. Ромодановский и боярин А. С. Шеин в гостях у боярина П. В. Шереметева поспорили. Шеин назвал Ромодановского «малопородным человеком». Ромодановский в свою очередь назвал отца и деда Шеина «неслугами» за то, что они «в полковых службах воеводами не были». Наконец, в разгар спора Ромодановский

привел существенный аргумент в свою защиту, а именно тот факт, что он был пожалован в бояре еще при царе Федоре Алексеевиче, в то время как Шеин — гораздо позднее [13, т. 3, № 1460]. Верховная власть, однако, не оценила этот аргумент и приняла сторону Шеина, ответив Ромодановскому, что «в милости Великих Государей бывают пожалованы не по родам, и кто преж или после пожалован, о том принять к бесчестью не для чего». Этот пример показателен тем, что высшие представители общества еще долгое время не могли примериться к новым условиям назначения на службу, продиктованным государем.

Вместе с тем нельзя отрицать, что в среде власти проникают новые идеи, закрепляясь в сознании военно-служилой знати, причем не только в период местничества, но и после его отмены.

Принципы продолжительности службы и первенства пожалования в чин сыграли роль важнейшего фактора, подготовившего окончательное утверждение принципа личных заслуг. Они отделили служилого человека от его рода, поставив на первый план службу, а не происхождение.

В 1693 г. в основание указа, назначавшего на службу в Посольский приказ дьяка, положен принцип выслуги. Дьяк А. А. Виниус возбудил местническое дело, которое послужило развитию принципов назначения в приказную службу, поскольку появился прецедент для пересмотра отношения к распределению мест в приказе среди дьяков. Виниус сослался на то, что поставленные над ним В. Т. Постников и Б. М. Михайлов пожалованы в дьяки позднее, чем Виниус — в московские дворяне. Верховная власть признает требования Виниуса законными и справедливыми, а царский указ по делу Виниуса закрепляет первенствующее значение личных заслуг дьяков перед формальным сроком службы. Указ гласит: «...Наперед сего в прошлых годех и по их государским указам дьяки в приказах сидели не все по списку так, хто из кого преж в чин пожалован, тот и выше, а сидели из них многие, которые и не из дворян в том чину

были, за свои службы и за приказные многие работы, хто и после кого в чин пожалован, выше тех, которые преже в том чину» [3, с. 87]. Таким образом, содержание указа полностью отступает от норм XVII столетия — от продвижения по карьерной лестнице представителей служилого сословия. Начинается новый этап, основанный на новом принципе продвижения по службе, сформулированном в этом определяющем документе.

Поскольку идея, которая легла в основу принципа личных заслуг, изначально сформировалась в среде неродовитых дворян, получивших чин за профессионализм, главным фактором распространения принципа личных заслуг становится неотъемлемая от процесса абсолютизации бюрократизация органов власти, управления и других структур. Наравне с бюрократизацией, внедрению новых принципов службы абсолютистского периода способствуют факторы, разрушающие в общественном сознании связь между чином и родом. Во многом этому способствует царская политика пожалования ближних чинов, официальное закрепление которой актуализирует вопрос о том, представители каких родов имеют право на ближние чины. Практика власти дает однозначный, но далеко не всех удовлетворяющий ответ: «Ближний чин может получить тот, кого царь им пожалует» [7, с. 225].

В целом при проведении этой политики главное основание для продвижения по службе — родовитость — заменяется правом царя определять служебную карьеру самых родовитых из своих подданных. Царь Алексей Михайлович постепенно подготавливает аристократов к осознанию того, что отеческая честь не имеет значения без постоянной безупречной службы. Он пишет В. Б. Шереметеву: боярская честь «совершается на деле в меру служебной заслуги <...> иные, у кого родители в боярской чести, сами и по смерти свою не приемши той чести», вместе с тем другие примерные слуги, «много лет прожив без боярства, под старость взводятся в ту боярскую честь»; боярам непристойно хвалиться, что «их честь

породная, и крепко на нее надеяться, а благодарить надо Бога, если он за их службу обратил к ним сердце государево ко всякой милости» (приводится по: [8, с. 564]).

В первой четверти XVIII в. старой московской чиновной и корпоративной группировки не стало. Постепенно из царедворцев и шляхетства формируется единое дворянское сословие, единый класс служилых людей — дворяне. Следующий шаг государственной политики в отношении высшего сословия — приучить подданных к службе в армии и флоте, заставить их смотреть на военную службу как на свое почетное право [9, с. 2].

Петр I видит несовершенство сословного устройства России, отстающей в этом деле от западных держав. Он стремится создать могущественное государство, опираясь на дворянство. Для этого необходимо дать дворянам знание, повысить их культуру, подготовить их к достижению целей абсолютной монархии, т. е. создать бюрократический аппарат по принципу преданности и профессионализма.

Таким образом, начиная со второй половины XVII в. изменяется понимание модели взаимоотношений государя и служилого сословия. Политика правительства в сфере государственной службы приводит к постепенному разрушению в сознании служилого человека связи между чином и родом. Высшая власть стремится утвердить в среде дворянства новое понимание службы, основанное на принципах служебного назначения и продвижения. Это определение годности государственной службе; культивирование убеждения, что всякая служба государю почетна; увеличение значимости личных способностей дворянина, профессионализма и преданности; жалование чина за личные заслуги; учет таких служебных достоинств, как выслуга и отеческая честь.

Литература и источники

Литература

1. *Черная Л. А.* От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной

мысли второй половины XVII — начала XVIII в. // *Общественная мысль: исследования и публикации*. Вып. 1. М.: Наука, 1989. С. 28—43.

2. **Симеон Полоцкий**. Избранные сочинения / Подгот. текста, ст. и коммент. И. П. Еремина. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 282 с., 6 л. ил. (Литературные памятники).

3. **Андреев И. Л.** Дворянство и служба в XVII веке // *Отечественная история*. 1998. № 2. С. 164—175.

4. **Седов П. В.** Закат Московского царства: царский двор конца XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 603 с., [4] л. ил., портр.: ил., табл.

5. **Пудина С. И.** Дворянская служба в конце XVII — первой четверти XVIII вв.: идеология и практика: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2012. 26 с.

6. **Демидова Н. Ф.** Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 228 с.

7. **Талина Г. В.** Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII — первой четверти XVIII в.: монография. М.: Русский Мир, 2010. 448 с.: ил.

8. *Московия и Европа* / [Сост.: А. Либерман, С. Шокарев]. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. 618 с.: ил. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII — XX).

9. **Фруменков Г. Г.** Сословно-классовая политика русского правительства в первой четверти XVIII в. Архангельск: Арханг. гос. пед. ин-т, 1955. 12 с.

Источники

10. **Маркевич А. Л.** История мѣстничества въ московскомъ государствѣ въ XV-XVII вѣкѣ. Одесса: Тип. «Одесскаго Вѣстника», 1888. 776 с.

11. РГАДА Ф. 210.

12. Путешествіе въ Московію Барона Августа Майерберга // Чтенія въ Императорскомъ обществѣ истории и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Кн. 3: 1873, июль — сентябрь. М.: Въ Университетской тип. (Катковъ и К°), 1874. IV, с. 1—104.

13. Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича составленное. Собр. 1-е съ 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1830.

Поступила 14.02.2019

Пудина Светлана Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, государства и права Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), pudina@bk.ru

References and Sources

References

1. Chernaya L. A. Ot idei "sluzheniya gosudaryu" k idee "sluzheniya Otechestvu" v russkoi obshchestvennoi mysli vtoroi poloviny XVII — nachala XVIII v. (From Idea

of "Serving the Sovereign" to Idea of "Serving the State" in Russian Social Thought, Second Half of 17th Century to Early 18th Century), *Obshchestvennaya mysl': issledovaniya i publikatsii*, Vyp. 1, M., Nauka, 1989, pp. 28—43.

2. Simeon Polotskii. Izbrannye sochineniya (Selected Works), Podgot. teksta, st. i komment. I. P. Eremina, M., L., Izd-vo AN SSSR, 1953, 282 p., 6 l. il., Literaturnye pamyatniki.

3. Andreev I. L. Dvoryanstvo i sluzhba v XVII veke (The Nobility and Service in 17th Century), *Otechestvennaya istoriya*, 1998, No. 2, pp. 164—175.

4. Sedov P. V. Zakat Moskovskogo tsarstva: tsarskii dvor kontsa XVII v. (Decline of Czarism of Moscow: Czar's Court of Late 17th Century), SPb., Dmitrii Bulanin, 2006, 603 p., 4 l. il., portr., il., tabl.

5. Pudina S. I. Dvoryanskaya sluzhba v kontse XVII — pervoi chetverti XVIII vv.: ideologiya i praktika, avtoref. dis. ... kand. ist. nauk (Nobility's Duty, Late 17th Century to First Half of 18th Century: Ideology and Practice, Extended Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation), 07.00.02, M., 2012, 26 p.

6. Demidova N. F. Sluzhilaya byurokратиya v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovanii absol'yutizma (Service Bureaucracy in 17th Century Russia and its Role in the Formation of Absolutism), M., Nauka, 1987, 228 p.

7. Talina G. V. Vybor puti: Russkoe samoderzhavie vtoroi poloviny XVII — pervoi chetverti XVIII v. (Choice of the Way: Russian Czarist Regime, Second Half of 17th Century to First Quarter of 18th Century), monografiya, M., Russkii Mir, 2010, 448 p., il.

8. *Moskoviya i Evropa* (Moscow and Europe), Sost. A. Liberman, S. Shokarev, M., Fond Sergeya Dubova, 2000, 618 p., il., Istoriya Rossii i doma Romanovykh v memuarakh sovremennikov. XVII — XX.

9. Frumenkov G. G. Soslovno-klassovaya politika russkogo pravitel'stva v pervoi chetverti XVIII v. (Estates and Classes Policy of Russian Government in First Quarter of 18th Century), Arkhangel'sk, Arkhang. gos. ped. in-t, 1955, 12 p.

Sources

10. Markevich A. L. Istoriya mestnichestva v" moskovskom" gosudarstve v" XV-XVII veke. Odessa, Tip. "Odesskago Vestnika", 1888. 776 p.

11. RGADA F. 210.

12. Puteshestvie v" Moskoviyu Barona Avgustina Maierberga, *Chteniya v" Imperatorskom" obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh" pri Moskovskom" universitete*, Kn. 3, 1873, iyul' — sentyabr', M., V" Universitetskoj tip. (Katkov" i Ko), 1874. IV, s. 1—104.

13. Polnoe sobranie zakonov" Rossiiskoi Imperii, povelieniem" Gosudarya Imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe. Sobr. 1-e s" 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. SPb., Tip. II Otd. Sobstvennoi Ego Imperatorskago Velichstva Kantselyarii, 1830.

Submitted 14.02.2019

Pudina Svetlana I., Candidate of Historical Sciences, associate professor of Russian History, State and Law Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin Sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), pudina@bk.ru

Радикальные технологии в устройстве повседневной жизни: идеология управления

Е. А. Севрюкова, А. А. Бахтин

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

melaly@mail.ru

Представлен анализ роли радикальных технологий в повседневной жизни на примерах ряда сложных технологических систем. Рассмотрено комплексное понимание взаимодействия радикальных технологий — смартфон, Интернет вещей, умный дом, умный город — с учетом условий цифровизации жизни. Сделаны выводы об отношении к значению цифровизации для прогресса общества: недоверие к автономному контролю городской жизни, к решению вопроса удовлетворения потребностей посредством алгоритмических технологий. Доказано утверждение, что идеология, консолидированная Интернетом вещей, ведет к кризису индивидуальной безопасности.

Ключевые слова: Интернет вещей; бизнес-модель; умный дом; умный город; цифровые технологии; виртуальные помощники; сеть; промышленная экология; метеорологическая информация; сенсоры; гаджеты; идеология управления; индивидуальная безопасность.

Radical Technologies and Everyday Life Arrangement: Ideology of Governance

E. A. Sevryukova, A. A. Bakhtin

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

melaly@mail.ru

The authors did present the analysis of radical technologies' role in everyday life via examples of a range of high-technology systems. They considered complex understanding of interaction between radical technologies: smartphone, Internet of Things, smart house, smart city, subject to conditions of life digitalization. The authors did make conclusions about attitude towards digitalization's importance for human progress: lack of trust in autonomous control of city life, to the solution of wants satisfaction question by way of algorithmic technologies. They have proven the statement that ideology consolidated by Internet of Things leads to personal safety crisis.

Keywords: Internet of Things; business model; smart house; smart city; digital technologies; virtual assistants; network; industrial ecology; sensors; gadgets; ideology of governance; personal safety.

В условиях цифровизации современной жизни информационные технологии стали способом переживания повседневности. Лучшим путеводителем в изучении частных сторон жизни можно

назвать документированное этнографическое исследование, проведенное в 2005 г. учеными Университета Кэйо и группой «Люди и практики корпорации Intel» [1; 2; 3]. Многие функции, без которых повседневная

жизнь была немыслима десять лет тому назад, сегодня выполняет единственный предмет — мобильный телефон с функциями компьютера. Несмотря на все технические возможности, он бесполезен без активации управления мобильной инфраструктурой, другими словами, без доступа к прикладным облачным платформенным решениям, осуществляемого поставщиком коммерческих услуг, например, интернет-сервис *iCloud*, созданный компанией *Apple*. Так же как производство электронной техники, выпуск смартфона требует сырья, добываемого из недр земли. Кобальт для литий-ионного аккумулятора добывается вручную на шахтах Конго, причем часто этим занимаются дети. Олово для паяных швов поставляется с индонезийского острова Бангка, где грунтовые воды навсегда отравлены, а 70 % коралловых рифов уничтожено отходами с шахт. На таком опасном производстве в среднем каждую неделю погибает один шахтер [4].

Причинение ущерба добывающей промышленностью распространяется на большую часть территории Земли, обуславливается разрушением человеческих сообществ и экосистем. Следствием являются такие факты, как загрязненные воды, мертворожденные дети и неизлечимые болезни, в частности рак.

Восприятие мира сложнейшим, глубинным образом формируется представлениями, основанными на полученной информации. Заметим, что информация, воспринимаемая нами через мобильное устройство, интерпретируется поставщиком услуг с определенной целью, в зависимости от его интересов. Разные экономические и общественные процессы объединяют интересы, представляемые поставщиками устройств, подключенных к сети Интернета вещей (*Internet of Things, IoT*). Таким образом вокруг каждого пространства, места, предмета образуется клубок сетевых восприятий [5].

Считаем, что Интернет вещей — это не единая технология, а комплекс протоколов, режимов восприятия, соответствующих желаниям и объединенных ради удобства следования стандартам, нормам и правилам.

На самом близком человеку уровне Интернет вещей предстает в виде биометрических датчиков — гаджетов, фиксирующих наше пребывание в социуме и передающих его факты по сети для проверки и анализа (например цифровой шагомер *Apple Watch*).

Современную ориентацию индустрии на технологию «Умный дом» можно назвать сознательной, последовательной попыткой мобилизовать наше индивидуальное пространство на непрерывную организацию технологических обновлений, на обслуживание работы сервисов по подписке и других элементов цифровизации жизни.

Сегодня в центре внимания этой стратегии — «умные колонки», первые продукты *Amazon Echo* и *Google Home* вышли на индустриальный рынок как узлы связи коммуникаций для дома. Это порталы для цифровой платформы, а именно фирменного виртуального помощника [6; 7].

Помощник обеспечивает простой, легкий в использовании интерфейс для множества элементов управления инфраструктурой дома: освещением, системами отопления, вентиляцией, функциями охраны. Интерфейс прикладного программирования API связывает локального виртуального помощника с внешними коммерческими службами.

Виртуальные помощники имеют функцию непрерывной записи звуковой информации, таким образом они собирают данные, которые могут использоваться для настройки адресной рекламы или в иных коммерческих целях, предусмотренных пользовательским соглашением в завуалированном виде.

Интернет вещей — это коммерческое решение. Стоимость защиты от наиболее очевидных угроз для сетевых устройств невелика, но в низкоценовом сегменте рынка, где прибыль минимальна, любое повышение цен недопустимо. Это секрет Полишинеля: в Интернете вещей каждое устройство подключено к тому самому трафику, который несет в себе подавляющую часть коммуникационного (новостного, развлекательного, финансового) контента информационной цивилизации.

Однако концепция Интернета вещей построена для бизнес-модели, основанной на продаже дешевых устройств людям, не знающим о возможности кастомизировать операционную систему цифрового устройства, о необходимости обновления набора программных настроек (прошивки) или о том, как возникает утечка информации. Таким образом, кризис безопасности в Интернете вещей неизбежен и предопределен. С точки зрения идеологии управления в минимальном масштабе это допускает отслеживание действий рядового населения. В максимальном масштабе Интернет вещей способствует развитию специфики речевого поведения в конкретных ситуациях, которое обеспечивает решение социальных задач, характерных для функционирования так называемого *умного города* (см. рисунок), где за идеей инструментализации городской жизни и ее участников стоит желание добиться более эффективного использования пространства, энергии и других ресурсов.

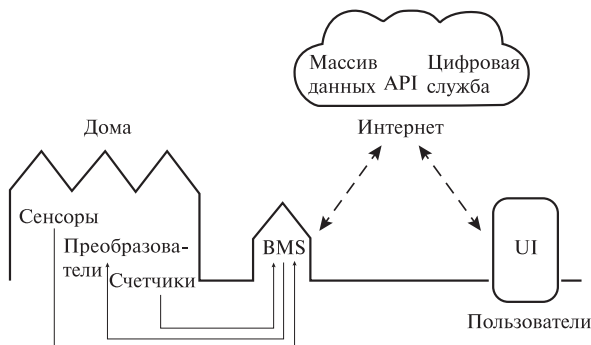

Схема реализации проекта «Умный город»: BMS — система управления зданием; API — интерфейс прикладного программирования; UI — пользовательский интерфейс

В связи с этим, учитывая, какое важное значение в нашей жизни имеет погода, многие городские датчики предназначены для сбора метеорологической информации. Они измеряют температуру окружающей среды, уровень осадков и атмосферное давление, скорость и направление ветра, а также фиксируют многочисленные параметры состояния воздуха, наличие вредных для человека химических элементов и степень их опасности. Все чаще метеорологические

станции оснащаются сенсорами, способными обнаруживать и определять концентрацию химического, биологического, радиационного оружия.

Большое количество таких датчиков используется в работе городской администрации, а именно датчики, измеряющие среднюю скорость транспортного потока и скорость отдельных транспортных средств, датчики влажности и кислотности почвы для лесного хозяйства, более того, системы акустического распознавания выстрелов вызывают на место происшествия полицию.

Так, показания станции измерения загрязнения воздуха, установленной на крыше американского посольства в Пекине, передаются по всему миру через *Twitter*. Это один из немногих источников достоверной информации для граждан, в подачу которой не может вмешаться правительство страны.

Датчики разного типа передают данные по сети и объединяются в единое функциональное целое. Например, система управления дорожным движением в центре Нью-Йорка [8] интегрирует данные: от камер, установленных на уличных фонарях [9], микроволновых датчиков обнаружения трафика, GPS-навигаторов такси, индуктивных петлевых датчиков в полотне дороги и электронной системы сбора платы за проезд *E-ZPass* [10].

Впечатляет откровенная формулировка идеологии управления обществом на основе радикальной технологии умного города, которое дала мультинациональная технологическая корпорация *Siemens*: «Через несколько десятилетий города будут оснащены бесчисленными автономными умными информационными системами, которые будут иметь самое полное знание о привычках пользователей и о потреблении энергии и будут предоставлять оптимальные услуги... Цель такого города — оптимальным образом регулировать и контролировать ресурсы посредством автономных информационных систем» [11].

Представляется, что за созданием цифрового общества стоит четкая философская позиция: содержание познаваемого мира

сводится к исчислимым величинам и их отношениям, которые можно достоверно закодировать в технической системе без искажений и предвзятости [12]. Применительно к городским процессам это означает универсальное решение проблемы удовлетворения любой индивидуальной или коллективной потребности, — алгоритмическое решение посредством работы технической системы обработки данных, которое может быть без искажений переведено в административную политику.

Таким образом нивелируется мыслительная деятельность человека, а следовательно, и познавательная, моделирование мира на основе аксиоматических положений подменяется использованием формул.

Любой измеримый косвенный показатель, подаваемый разработчиком, подменяет собой реальность, просчитать которую сложнее, но выбор, сделанный разработчиками алгоритма, искажает внешние нейтральные результаты. Отметим сходство подобных алгоритмов с формулами, используемыми коммерческими застройщиками для расчета права на ограничение площадей, которые должны быть зарезервированы для автостоянки.

Такого рода примеры должны побудить нас с недоверием относиться к утверждениям, что автономным системам можно доверить регулирование и контроль городских ресурсов, что применение одного универсального алгоритма может привести к оптимальному, по Парето, распределению ресурсов или что сложная экология городов может быть достаточно полно представлена в данных для эффективной работы алгоритма.

Сегодня Интернет вещей представляет собой наиболее осязаемое материальное воплощение желания измерять и контролировать социальную жизнь. Однако он только аппарат для квантификации (количественного представления) на всех уровнях преобразования процессов жизни в цифровые данные в целях использования этих данных для анализа, разработки проективных методик.

Интернет вещей как растущую и сложную область возможностей улучшения условий жизнедеятельности, безусловно, необходимо осваивать самым энергичным и добросовестным образом.

Единственный способ примирить распределенное производство (децентрализованное) с желанием устойчивого развития — сделать так, чтобы координация с помощью информационных технологий стала частью метаболического процесса, того самого, который стратегически мыслящие инженеры Майкл Браунгарт и Уильям Макдонах назвали *регенеративной промышленной экологией* и который сегодня чаще называют *безотходной экономикой*. Другими словами, чтобы максимальное количество отходов производства использовалось в качестве его ресурсов.

Современные, трансгрессивные на первый взгляд представления о технологиях для повседневной жизни беспрестанно сменяются привычным императивом экономического роста (вложение капитала в инвестиции, извлечение прибавочной стоимости), что ставит в основу фундаментальных изменений не прогресс, а инновирование, не улучшение условий жизни за счет умственной и практической деятельности человека, культуры взаимоотношений между обществом и природой, а качественный рост эффективности технологического продукта, процесса.

Литература / References

1. Mainwaring S. D., Anderson K., Chang M. F. Living for the Global City: Mobile Kits, Urban Interfaces and Ubicomp // UbiComp 2005: Ubiquitous Computing / Eds.: M. Beigl et al. Berlin; Heidelberg: Springer, 2005. P. 269—286. (Lecture Notes in Computer Science, vol. 3660). https://doi.org/10.1007/11551201_16
2. Campbel S. W., Ling R. Conclusion: Mobile Communication in Space and Time — Furthering the Theoretical Dialogue // The Reconstruction of Space and Time: Mobile Communication Practices / Eds.: R. Ling, S. W. Campbell. Piscataway, NJ: Transaction Publishers, 2017. P. 251—260.
3. Ito M., Okabe D., Anderson K., Portable Objects in Three Global Cities: The Personalization of Urban Places // The Reconstruction of Space and Time: Mobile Communication Practices / Eds.: R. Ling, S. W. Campbell. Piscataway, NJ: Transaction Publishers, 2017. P. 67—88.

4. **Frankel T. C.** The Cobalt Pipeline // Washington Post: [web] / The Washington Post. 30 Sep. 2016. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/business/batteries/congo-cobalt-mining-for-lithium-ion-battery/> (accessed: 11.06.2019).

5. **Kuniavsky M.** Smart Things: Ubiquitous Computing User Experience Design. Amsterdam et al.: Morgan Kaufmann, 2010. 330 p.

6. Gendering the Machine: Preferred Virtual Assistant Gender and Realism in Self-Service / J. Payne, A. Szymkowiak, P. Robertson, G. Johnson // Intelligent Virtual Agents: Proceedings of the 13th International Conference, IVA 2013 / Eds.: Ruth Aylett et al. Berlin, Heidelberg: Springer, 2013. P. 106—115. Available at: <http://www.cl.cam.ac.uk/~rja14/shb14/jeunese.pdf>

7. **Glover C.** How Google's Virtual Assistant Tackles Gender Inequality // Tech.Co: [web] / MVF. 19 May 2016. URL: <https://tech.co/news/googles-virtual-assistant-tackles-gender-inequality-2016-05> (accessed: 11.06.2019).

8. **Newcomer E. P.** For More of Midtown, Traffic Relief May Be a Mouse Click Away // New York Times: [web] / The New York Times Company. 5 June 2012. URL: <https://cityroom.blogs.nytimes.com/2012/06/05/formore-of-midtown-traffic-relief-may-be-a-mouse-click-away/> (accessed: 11.06.2019).

9. You Are Being Tracked: How License Plate Readers Are Being Used to Record Americans' Movements // ACLU: [web] / American Civil Liberties Union. July 2013. URL: <https://www.aclu.org/issues/privacy-technology/location-tracking/you-are-being-tracked> (accessed: 11.06.2019).

10. **Hill K.** E-ZPasses Get Read All Over New York (Not Just at Toll Booths) // Forbes: [web] / Forbes Media LLC. 12 Sep. 2013. URL: <https://www.forbes.com/sites/kashmirhill/2013/09/12/e-zpasses-get-read-all-over-new-york-not-just-at-toll-booths/> (accessed: 11.06.2019).

11. Sustainable Buildings Networked Technologies: Smart Homes and Cities // Pictures of the Future, Fall 2008. Siemens Corporation, https://www.siemens.com/press/en/presspicture/?press=en/presspicture/2008/corporate_technology/in20080501-01.htm

12. **Greenfield A.** Against the Smart City, Book 1: The City is Here to Use You. New York; Helsinki: Do projects, 2013. 106 p.

Поступила 25.04.2019

Себрякова Елена Александровна — доктор технических наук, профессор, заместитель директора Института перспективных материалов и технологий Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), melaly@mail.ru

Бахтин Александр Александрович — кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой телекоммуникационных систем Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), bah@miee.ru

Submitted 25.04.2019

Sevryukova Elena A., Doctor of Engineering Sciences, Professor, deputy director of Institute "Projected Materials and Technologies", National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), melaly@mail.ru

Bakhtin Alexander A., Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Head of Telecommunication Systems Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), bah@miee.ru

ЗНАК И ЗНАЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПЕРЕВОДА КАК КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКИ: МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА SIGN AND MEANING IN THE SYSTEM OF TRANSLATION AS COMMUNICATION PRACTICE: PROCEEDINGS OF THE ROUND TABLE

Коммуникативное содержание языковой картины мира

Н. В. Даниелян, О. Н. Арефьева

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

vend22@yandex.ru

olga-arefieva@yandex.ru

Communicative Content of the Language Picture of the World

N. V. Danielyan, O. N. Arefieva

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

vend22@yandex.ru

olga-arefieva@yandex.ru

В апреле 2019 г. в Институте лингвистического и педагогического образования МИЭТ прошел круглый стол «Знак и значение в системе перевода как коммуникативной практики» с участием студентов 1 и 2 курса магистратуры. Основное внимание было уделено механизмам перевода, в основе которых лежит положение о семиотической природе языка, представляющего собой особую систему знаков.

Участники круглого стола заключили, что знак можно рассматривать как объект, который связан в сознании человека с определенным содержанием, понятием или представлением о каком-либо классе объектов. Язык, в свою очередь, представляет собой сложную систему знаков, единицы которой обладают следующими свойствами:

— двусторонностью (план выражения и план содержания);

— произвольностью, т. е. относительной независимостью плана содержания от плана выражения — одно и то же содержание в разных языках имеет разную языковую форму;

— конвенциональностью, основанной на общественном договоре о значении языкового знака;

— значимостью, т. е. обобщенным отражением внеязыковой действительности в знаке в виде предметов, их классов, действий, явлений, образов.

Это позволяет говорить об «относительной общности основных понятий у разных народов» [1, с. 134]. Однако различия в значении слов в разных языках также не вызывают сомнения. Они, как правило, касаются таких понятий, как членимость или, напротив, цельность явлений внеязыковой действительности (например, русское

слово *рука* может переводиться как *hand*, *art* на английский язык), а также подходов к именованию явлений, типичных для разных языковых картин мира (например, *дом* в значении *здание* или *династия* передается английским словом *house* в значении *домашний очаг*, тогда как *место жительства* передается словом *home*).

Центр фокуса направленности исследований перемещается сегодня к коммуникативному содержанию языковой картины мира. Язык предстает в новой реальности, обеспечивающей способность осознания «другого», отличающейся способностью к установлению коммуникации, являющейся залогом понимания субъект-субъектных отношений. Как результат, парадигма знания нацелена на межсубъектное взаимодействие, которое обеспечивается «субъектами, обладающими языковой компетентностью и компетентностью действия, договаривающимися о чем-то друг с другом» [2, с. 524].

Особое внимание языку как средству коммуникации уделяется когнитивной лингвистикой. Под ней понимается область науки, объектом исследования которой является язык как общий механизм, используемый для приобретения, применения, хранения, передачи и выработки знаний, полученных в результате познавательной деятельности человека. Согласно Т. Г. Скребцовой, «основной предмет когнитивной лингвистики составляет языковое значение» [3, с. 36], поскольку она «провозглашает» неразрывное единство языка и сознания человека. Жиль Фоконье считает язык «окном» в человеческое сознание [4, с. 96], т. е. соответствие между языковой и когнитивной структурами устанавливается в последовательности от языка к мышлению. Таким образом, можно говорить не просто о получении значения объекта, а прослеживании когнитивного процесса, приводящего к определенной языковой дефиниции. Как результат, внимание исследователей сегодня все более переключается с объекта познания на познающего субъекта с его системой репрезентации знаний и обработки информации, приходящей

из разных источников. «Это наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и представляют основу ментальных, или когнитивных, процессов» [5, с. 34]. Исходя из отмеченных положений, рассмотрим формирование представлений о знаке и значении как основы построения языковой картины мира и основного средства коммуникативной практики человека.

Язык стал предметом размышлений еще в Древней Греции (например, диалог Платона «Кратил», «Метафизика» Аристотеля). Однако до начала XX в. он не являлся одним из основных объектов специализированных исследований. Так, в классической философии имя и процесс именованья были главными объектами изучения, а основным вопросом на протяжении веков оставалась проблема «установления имени» как соотношения имени соответствующему ему предмету. Основное внимание уделялось как знаку, так и значению именуемого объекта. Так, Аристотель в X главе «Метафизики» отмечает: «В самом деле, предположим, что слоги в речи — сущности, а их звуки — элементы сущностей. Тогда необходимо, чтобы слог ба был один, и каждый из слогов также один <...> значит, будет лишь один звук а, и не более, и не будет больше одного ни один из звуков на том же основании, на каком и один и тот же слог не может повторяться» [6, с. 419]. В данном случае предполагается, что звук как знак может иметь только одно значение в обозначаемой им сущности, и его двоякое толкование невозможно.

В Новое время Дж. Локк высказал точку зрения, что язык состоит из слов, которые, в свою очередь, являются «чувственными знаками, необходимыми для общения» [7, с. 460]. Они служат для передачи мысли, при этом идеи функционируют как значения слов. Следовательно, слова обозначают не непосредственно вещи, а идеи вещей. Он указывает

на основополагающую роль языковых сущностей, или 'универсалий'. Речь уже более не идет, в отличие от Аристотеля, об отдельных знаках, но о соответствии знака (слова) значению (идеи вещи). Трансцендентальный характер соотношения знака как инструмента познания и значения как отражения сущности 'именуемого' объекта выходит на первый план, так как язык предстает в качестве необходимого условия любого знания.

Другой великий западноевропейский мыслитель XVII в. Г. Лейбниц также признает тесную связь знаков и передаваемого посредством их системы значения, отмечая, что всякий мыслительный и волевой акт связан со словами. Слова — ближайшее орудие мышления и средство передачи мыслей человека: «Я полагаю, что без желания заставить себя понять мы действительно никогда не создали бы языка» [8, с. 275]. По мнению Лейбница, развитие языка началось с наиболее общих и полезных терминов, поскольку они беднее содержащихся в них идей. Он также разделяет с Локком мысль о соотношении знака и значения как произвольного выбора, данного человеку извне.

В немецкой классической философии данная проблематика также сохраняется в качестве основной. Гегель определяет язык как средство, через которое содержание вещи получает «наличное бытие». Знаки, образующие язык, порождаются внутренним усилием мышления. Они являются средой, абсолютно прозрачной для мысли. Слово представляет собой идеальную реализацию интеллигенции, т. е. мыслительной способности человека: «Человек дает вещам имена, они принимаются интеллигенцией в царство представления, получают там гражданство. Содержание обладает для представляющего некоторым существованием; таков исток, разумность, основание языка» [9, с. 231]. Следовательно, Гегель признает тесную связь мышления с языком, так как именно слово сообщает мыслям их «наличное бытие». Он связывает форму языка с представлением о знаке и передаваемом им значении «при

выражении мысли и мыслительных отношений» [9, с. 232]. Чем более совершенен язык, тем более развита система его 'именований', т. е. он в большей степени способен отражать мысли человека как «представления и выражения духовного». Язык в представлении Гегеля изначально общий, проникающий во всё, что становится для человека внутренним представлением. Можно заключить, что по отношению к сознанию индивида язык рассматривается не как его продукт или орудие, а как объективная данность, т. е. знаки и обозначаемые ими имена вещей не порождаются человеком, а даются ему извне.

Такое отношение к языку в классической философии приводит к мысли, что анализ языка представлялся в качестве некоторой предварительной работы, которая готовила основание для размышлений о процессе познания. Считалось, что несовершенство языка как системы знаков является одним из главных препятствий на пути к истине, так как он не всегда прозрачен для мысли. К нему обращались опосредованно, по необходимости, но не брали в качестве основного предмета для рассуждений и исследований.

В семиотике неклассического периода можно обнаружить 'субъективацию' представлений о языке. Одним из первых такой подход был развит Г. Фреге, который сформулировал идею логицизма, введя понятие истинностного значения, квантора общности (условия, которое верно для всех обозначенных элементов, в отличие от квантора существования, где условие верно только для каких-то отдельных из указанных элементов), различения двух видов значения знака — предметного и смыслового, употребления и упоминания языковых выражений, экстенциональных (смысл предложения зависит только от значений составляющих его выражений) и интенциональных (смысл предложения зависит не только от значений составляющих его выражений, но и от других параметров, например, их смыслов, конкретных особенностей) контекстов, объектного языка

(язык, выражения которого относятся к некоторой области объектов, их свойств и отношений) и метаязыка (с его помощью говорят о терминах и выражениях объектного языка), предмета, свойства и отношения. Эти категории позволили ему исследовать чистые формы мышления без привлечения его содержания. Им были сформулированы основные принципы аналитической философии на основании понятий знаковой системы и передаваемой ей значений объектов. Так, Фреге ввел в науку ставшее классическим различие между смыслом и значением: «Значение собственного имени — это сам предмет, обозначенный этим именем; представление, которое при этом у нас возникает, вполне субъективно; между значением и представлением можно поместить смысл, который, в отличие от представления, хотя и не является субъективным, все же не есть сам предмет» [10, с. 233]. Таким образом, смысл — это ‘идея вещи’, говоря языком Платона, а значение — объект сам по себе, который именуется субъектом.

Из семиотической концепции Ф. де Соссюра следует, что важнейшей особенностью языка является его знаковый характер. Он рассматривал лингвистику как составную часть науки о знаковых системах (семиологии) [11, с. 25—26]. В качестве основных методов изучения языка им были предложены синхрония (за объект берется структура языка и рассматриваются сиюминутные отношения) и диахрония (объект как история языка, при этом внимание сосредоточено на постепенных языковых трансформациях). Полагая синхронию важнее диахронии, де Соссюр приходит к выводу, что система языка приоритетнее по отношению к речи. Последователи де Соссюра добавили третий компонент — интерпретацию знака реципиентом, считая его значение результатом конвенции, т. е. договора.

Однако К. Леви-Строс считал язык не рефлексивным образованием, а устойчивой, основанной на разуме человека системой, которую он не способен постичь до конца. Он отмечал: «Произвольность языкового знака носит лишь временный

характер. После того как знак создается, его назначение уточняется, с одной стороны, в зависимости от особенностей строения мозга, а с другой — в соответствии с его отношением ко всему множеству знаков, то есть ко всему миру языка в целом, стремящемуся, естественно, к системе» [12, с. 101]. Любой знак в любом типе общества играет опосредованную роль для передачи значения познаваемого объекта.

Несколько иное представление о знаке можно обнаружить в феноменологической концепции Э. Гуссерля. Он выделяет два типа знаков: внешние и понятийные. В качестве примера им приводится имя ‘Наполеон’, которое есть внешний знак, поскольку он только обозначает некую личность, но ничего не говорит о ней. К понятийному он относит знак ‘красный автомобиль’, так как, по его мнению, речь идет об «отношении между вещью и окраской в качестве характеристики предмета» [13, с. 342]. Основное внимание переключается с описания внешних проявлений языка на изучение «внутреннего» языка человека, т. е. когнитивных отношений. Так, в современной когнитивной лингвистике как междисциплинарном направлении, связанном с привлечением знаний из языкознания, философии, антропологии, психологии, социологии, физиологии и других дисциплин, полагается, что в будущем «теория значения превратится в изучение языка в его культурном контексте» [14, с. 17].

Примером данного положения может служить семиотическая концепция Ю. М. Лотмана. В книге «Беседы о русской культуре» он пишет: «Всякая структура, обслуживающая сферу социального общения, есть язык. Это означает, что она образует определенную систему знаков, употребляемых в соответствии с известными членам данного коллектива правилами. <...> Область культуры — всегда область символизма» [15, с. 6—7]. Следовательно, прежде чем войти в культуру, любой текст должен объединить составляющие его знаковые элементы в семиотическое целое, устанавливая связь не только с описываемым событием

или явлением, но и самим языком. Как результат, возникает новое значение, которое несет определенный смысл и существует в определенном культурном контексте.

Представитель аналитической философии Ч. Пирс указывает на наличие трех видов знаков: индексов, под которыми понимаются указатели (например, стрелка), икон, т. е. подобий (например, человеческая фигурка), символов в виде метафор (например, сова как символ мудрости) [16]. Схожих представлений придерживается французский философ, представитель постструктурализма Р. Барт. Он отмечает, что имеются знаки первичной системы, которые состоят из означаемого и означающего. Например, фотография африканца в военной форме на обложке французского журнала периода существования колониальной системы этой страны означала на уровне первичной знаковой системы самого изображенного (означаемого), т. е. представителя Африканского континента. Во вторичных или «коннотативных» системах отдельный знак превращается из обычного в означающее нового смысла [17]. Таким образом, африканец с обложки становится символом французской империи, которая в то время объединяла представителей разных рас и континентов.

Можно заключить, что центральной проблемой направлений в науке, связанных с изучением языка, сегодня, как и раньше, выступает соотношение знака и значения как основы коммуникативной практики. Сегодня знак зачастую рассматривается в качестве предмета, представляющего другой предмет, или элемента, применимого для работы с информацией. Под значением обычно понимается смысловое содержание системы знаком в виде слова или выражения.

Что касается сферы профессионального перевода, то передача значения, как было отмечено участниками круглого стола, приобретает все большую актуальность в связи с возрастающими информационными потоками и принятием коммуникацией глобального характера под воздействием

сети Интернет, развития средств мобильной связи, повсеместной компьютеризации и информатизации разных сторон общественной, политической и профессиональной деятельности человека. Эти процессы находят отражение в области формирования и передачи жаргонизмов на примере информационных технологий (Н. Тюрина), многочисленных атрибутивных словосочетаний (Л. Харабадзе), применения и восприятия спортивной метафоры в англоязычном политическом дискурсе (П. Корж), важности экстралингвистических средств при передаче прагматических отношений в тексте (А. Ярмук), переводе терминов-словосочетаний с атрибутивной связью в научно-технической литературе (В. Быкова). Такой разносторонний и многоаспектный анализ подвел участников круглого стола к выводу, что посредством компонентного анализа значений языковых единиц выделяются элементарные смыслы. Хотя практически любой из компонентов значения можно воспроизвести средствами другого языка, все же передать всю информацию, содержащуюся в слове, зачастую оказывается невозможным (например, *сутки* — *day, 24 hours, day and night*). Передавая денотативное (понятийно-логическое) значение, переводчик часто сталкивается с ситуацией, когда разным значениям одного слова в исходном языке соответствуют абсолютно разные языковые единицы в языке перевода (например, английское слово *scholarship* в разных ситуациях общения переводится на русский язык как *ученость, образованность, филологическое образование, гуманитарное образование, стипендия*). Поэтому возникает необходимость привлечения коннотативного (учитывающего ситуативную компоненту) значения слова. Как результат, был сделан вывод, что коннотация становится неотъемлемой составляющей для правильной передачи прагматики текста в процессе коммуникации, установления связи не только между знаком и значением, но, что не менее важно, между значением и человеком, непосредственно влияя на характер восприятия информации реципиентом.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1981. 534 S.
3. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. 392 с.: ил., табл. (Разумное поведение и язык = Language and reasoning).
4. Fauconnier G. Methods and generalizations // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology / Eds. Th. Janssen, G. Redeker. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 95—127.
5. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34—47.
6. Аристотель. Метафизика / Пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого. М.: Эксмо, 2015. 448 с. (Золотая Библиотека Мудрости).
7. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении: кн. 1, 2, 3 / Пер. с англ. А. Н. Савина. М.: Мысль, 1985. 622 с.: ил. (Сочинения: в 3 т.; т. 1).
8. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии / Пер. с фр. П. С. Юшкевича. М.: Мысль, 1983. 686 с. (Сочинения: в 4 т.; т. 2).
9. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии духа. Берлин 1827/1828: в записи Иоганна Эдуарда Эрмана и Фердинанда Вальтера / Пер. с нем. К. Александрова. М.: Дело, 2014. 304 с.
10. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов / Пер. с нем. Б. В. Бирюкова. М.: Аспект-пресс, 2000. 512 с.: ил., портр.
11. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики = Cours de linguistique generale / F. de Saussure; пер. с фр. А. Сухотина. Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, 1999. 426 с.: ил.
12. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с. (Психология без границ).
13. Husserl E. Philosophie der Arithmetik / Hrsg. von L. Eley. Haag: Nijhoff, 1970. 585 S. (Gesammelte Werke — Husserliana. Bd. XII).
14. Малиновский Б. Научная теория культуры / Пер. с англ. И. В. Утехина; сост., вступ. ст. А. К. Байбурина. 2-е изд., испр. М.: ОГИ, 2005. 184 с. (Нация и культура: научное наследие: антропология).
15. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — нач. XIX в.). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 398 с.
16. Пирс Ч. С. Что такое знак? / Пер.: А. А. Аргамакова // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88—95.
17. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против» / Под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Поляковой. М.: Прогресс, 1975. С. 114—163.

Даниелян Наири Владимировна — доктор философских наук, доцент, профессор Института ЛПО и кафедры философии, социологии

и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), vend22@yandex.ru

Арефьева Ольга Николаевна — старший преподаватель Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), olga-arefieva@yandex.ru

References

1. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod (Language and Translation), M., Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975, 240 p.
2. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1. Frankfurt-am-Main, Suhrkamp, 1981, 534 S.
3. Skrebtsova T. G. Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody (Cognitive Linguistics: Classical Theories, New Approaches), M., Izd. dom YaSK, 2018, 392 p., il., tabl., Razumnoe povedenie i yazyk (Language and reasoning).
4. Fauconnier G. "Methods and generalizations". Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology, Eds. Th. Janssen, G. Redeker. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1999, pp. 95—127.
5. Kubryakova E. S. Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika — psikhologiya — kognitivnaya nauka (First Stages of Cognitivism Formation: Linguistics — Psychology — Cognitive Science), Voprosy yazykoznavaniya, 1994, No. 4, pp. 34—47.
6. Aristotel' (Aristotle). Metafizika (Metaphysics), Per. s drevnegrech. A. V. Kubitskogo, M., Eksmo, 2015, 448 p., Zolotaya Biblioteka Mudrosti.
7. Loka Dzh. (Locke J.) Opyt o chelovecheskom razumenii, kn. 1, 2, 3 (Essay Concerning Human Understanding, Books 1, 2, 3), Per. s angl. A. N. Savina, M., Mysl', 1985, 622 p., il., Sochineniya v 3 t., t. 1.
8. Leibnits G. V. (Leibniz G. W.) Novye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoi garmonii (New Essays Concerning Human Understanding, by Author of Pre-Established Harmony System), Per. s fr. P. S. Yushkevicha, M., Mysl', 1983, 686 p., Sochineniya v 4 t., t. 2.
9. Gegel' G. V. F. (Hegel G. W. F.) Leksii po filosofii dukha. Berlin 1827/1828, v zapisi Ioganna Eduarda Erdmana i Ferdinanda Val'tera (Lectures on the Philosophy of Spirit. Berlin 1827-8, Transcribed by Johann Eduard Erdmann and Ferdinand Walter), Per. s nem. K. Aleksandrova, M., Delo, 2014, 304 p.
10. Frege G. Logika i logicheskaya semantika. Sbornik trudov (Logic and Logical Semantics. Collection of Papers), Per. s nem. B. V. Biryukova, M., Aspekt-press, 2000, 512 p., il., portr.
11. Sossyur F. de. (Saussure, F. de) Kurs obshchei lingvistiki (Cours de linguistique generale), Per. s fr. A. Sukhotina, Ekaterinburg, Izd-vo Ural. universiteta, 1999, 426 p., il.
12. Levi-Stros K. (Levi-Strauss C.) Strukturalnaya antropologiya (Structural Anthropology), Per. s fr. Vyach. Vs. Ivanova, M., EKSMO-Press, 2001, 512 p., Psikhologiya bez granits.

13. Husserl E. Philosophie der Arithmetik. Hrsg. von L. Eley, Haag, Nijhoff, 1970, 585 S., Gesammelte Werke — Husserliana. Bd. XII.

14. Malinovskii B. (Malinowski, Bronislaw) Nauchnaya teoriya kul'tury (A Scientific Theory of Culture), Per. s angl. I. V. Utekhina, sost., vstup. st. A. K. Baiburina, 2-e izd., ispr., M., OGI, 2005, 184 p., Natsiya i kul'tura: nauchnoe nasledie: antropologiya.

15. Lotman Yu. M. Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nach. XIX v.) (Conversations about Russian Culture. Life and Traditions of Russian Nobles (18th to Early 19th Century)), SPb., Iskusstvo-SPB, 1994, 398 p.

16. Pirs Ch. S. (Pierce Ch. S.) Chto takoe znak? Per.: A. A. Argamakova (What is Sign? (translated by A. A. Argamakova; edited by E. V. Borisov)), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2009, No. 3 (7), pp. 88—95.

17. Bart R. (Barthes R.) Osnovy semiologii (Elements of Semiology), *Strukturalizm: "za" i "protiv"*, Pod red. E. Ya. Basina, M. Ya. Polyakovoi, M., Progress, 1975, pp. 114—163.

Danielyan Naira V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, professor at Institute of Linguistic and Pedagogical Education and Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), vend22@yandex.ru

Arefieva Olga N., senior lecturer at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), olga-arefieva@yandex.ru

Перевод терминов-словосочетаний с атрибутивной связью в научно-технической литературе

В. Д. Быкова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

bykova2513@yandex.ru

Translation of Term-Phrases with Attribute Relations in Scientific and Technical Literature

V. D. Bykova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

bykova2513@yandex.ru

В области перевода научно-технических текстов большое внимание уделяется исследованию лексики, так как она находится в состоянии постоянного интенсивного развития. Термины составляют наибольшее число лексических единиц в научном тексте. В отличие от общеупотребительных слов, они выражают специальные научные понятия, имеют повышенную смысловую точность (которая закрепляется в словаре определением), обладают свойством семантической

(отражают взаимосвязь понятий, появляющихся в процессе развития науки), пригодны к дальнейшему терминообразованию и употреблению в терминологических словосочетаниях, характеризуются краткостью [1]. Достаточно большой список дефиниций данного понятия дает С. Д. Шелов [2]. В работе С. В. Гринева приводится определение, которому и будем следовать в данной работе: термин — это «номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание)

специального языка, принимаемая для точного наименования специальных понятий» [3, с. 33].

По морфологическому строению все термины подразделяются:

- 1) на простые: *abacus* — координатная сетка, *accelerator* — ускоритель;
- 2) сложные: *leadframe* — выводная рамка;
- 3) термины-словосочетания: *gain adjustment* — регулировка усиления [4].

Наиболее интересными для исследования являются термины-словосочетания, образованные с помощью атрибутивной связи. Применительно к ним наиболее остро встает вопрос о достижении эквивалентности при переводе [5].

Согласно В. Д. Аракину, свободное атрибутивное словосочетание состоит в основном из двух компонентов (реже из трех) — стержневого и зависимого, и они соединяются с помощью синтаксической (атрибутивной) подчинительной связи [6]. Атрибутивные (определительные) отношения возникают между наименованием предмета и его признаком. На сегодняшний день выделяют четыре разновидности атрибутивного словосочетания [7]:

- 1) прилагательное + существительное (Adj + N), например, *dark conduction* — темная проводимость;
- 2) существительное + существительное (N + N), например, *wafer distortion* — деформация пластины;
- 3) существительное в притяжательном + существительное в общем падеже (N's + N), например, *Tamm state* — уровень Тамма;
- 4) существительное + предлог + существительное (N + P + N), например, *tapering of a window* — сглаживание контактного окна [8].

Данные словосочетания включают два компонента: основной и зависимый. Главная сложность состоит в том, чтобы правильно определить отношения между ними. Стержневое слово чаще всего стоит в конце, а зависимое или несколько зависимых слов — слева от него [9]. Например, *acquer layer* — слой фоторезиста, основное

слово — *layer*, зависимое — *acquer*. Однако для правильного перевода необходим либо широкий контекст, либо осведомленность в той области, в которой делается перевод. Например, *rod aberration* — абберация стержня или стержневая абберация [8].

Атрибутивная группа может включать такие части речи, как глаголы и числительные. Элементы таких словосочетаний соединяются посредством дефиса или заключаются в кавычки [10]. Например, *a 3-state output from low level* — переход в состояние «выключено» из состояния низкого уровня, *off-the-shelf software* — стандартное программное обеспечение, *fast-Fourier-transform* — алгоритм быстрого преобразования Фурье, *band-to-band* — межзонное поглощение [8].

При переводе первого типа атрибутивного словосочетания (Adj + N) редко возникают затруднения при подборе эквивалента, так как обычно в русском языке первый компонент переводится прилагательным. Например, *magnetic ordering* — магнитное упорядочение, *abrasive polishing* — механическая полировка, *chromatic aberration* — хроматическая абберация, *gyroscopic accelerometer* — гироскопический акселерометр [8].

Если первый компонент выражен существительным в притяжательном падеже, то при переводе также возникает немного вопросов. В основном, главный способ перевода при работе с такими словосочетаниями — перевод с помощью родительного падежа, например, *Taguchi's method* — метод Тагути [8]. Часто встречаются словосочетания, где фамилия или имя ученого стоит на месте первого компонента не в притяжательном падеже. При переводе таких словосочетаний на русский язык имя или фамилия точно так же ставятся после стержневого существительного в родительном падеже. Например, *Kauffman ion beam* — пучок ионов из источника Кауфмана, *Darlington circuit* — схема на паре Дарлингтона [10].

Самыми распространенными типами словосочетаний в английских технических текстах являются словосочетания типа N + N и N + P + N [7]. Если словосочетание

содержит предлог, то при его переводе чаще всего используется родительный падеж. Например, *circle of confusion* — кружок нерезкости, *depth of modulation* — глубина модуляций, *edge of board* — кромка печатной платы [8].

Самым сложным типом атрибутивных словосочетаний для перевода считается сочетание типа N + N. Первый член такого словосочетания может переводиться на русский язык:

- 1) прилагательным: *aberration ability* — поглощающая способность;
- 2) существительным в родительном падеже: *charge accumulation* — накопление заряда;
- 3) существительным с предлогом: *accuracy range* — точность по дальности;
- 4) с помощью причастного оборота: *face bond* — соединение, полученное методом перевернутого кристалла;
- 5) описанием: *tab bonder* — автоматизированная установка для присоединения кристаллов к выводам носителя [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что атрибутивные словосочетания — одни из самых распространенных лексических единиц в английском техническом языке. Они могут иметь разный состав. Перевод терминов типа Adj + N, N + P + N и N's + N не вызывает затруднений, однако если в составе термина только существительные в общем падеже, то способов перевода может быть несколько. Выделить наиболее частотный способ перевода словосочетаний типа N + N достаточно сложно, так как важную роль в подборе эквивалента играет контекст и особенности языка перевода. Чтобы сделать работу качественно, переводчик должен обращать внимание и на экстралингвистические факторы, а именно разобратся в технической области, из которой взят термин.

Литература

1. Карпетян А. Э. Вопросы упорядочения и лексикографического описания терминологической танцевальной лексики // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2007. № 31. С. 221—228.

2. Шелов С. Д. Еще раз об определении понятия «термин» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4-2. С. 795—799.
3. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
4. Долгая Т. Ф. Специфика терминов научно-технической литературы и технология обучения терминам в неязыковом вузе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 3 (7). С. 50—53.
5. Севостьянова Е. Е. Атрибутивные словосочетания в русском и английском языках // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XXV междунар. студ. науч.-практ. конф. М.: Изд. «МЦНО», 2015. № 6 (24). С. 90—95. Режим доступа: [http://www.nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6\(24\).pdf](http://www.nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6(24).pdf) (дата обращения: 18.04.2019).
6. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Физматлит, 2008. 232 с.: табл.
7. Львова Т. В., Гердо И. А. Перевод субстантивных атрибутивных словосочетаний на примере технических текстов по машиностроению // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 254—258.
8. Англо-русский и русско-английский онлайн-словарь // Словарь «МультиТран»: [Электронный ресурс] / Разраб.: А. Поминов. Режим доступа: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2> (дата обращения: 16.04.2019).
9. Рубцова М. Г. Чтение и перевод английской научно-технической литературы: Лексико-грамматический справочник. М.: Астрель: АСТ, 2002. 384 с.: табл.
10. Талапина Б. М. Специальная теория перевода: [онлайн-курс] // Каталог образовательных ресурсов: [Электронный ресурс] / ФГАОУ ВПО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Режим доступа: <https://media.ls.urfu.ru/560/1523/3567/4118/> (дата обращения: 17.04.2019).

Быкова Влада Дмитриевна — студентка 2 курса магистратуры Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), bykova2513@yandex.ru

References

1. Karapet'yan A. E. Voprosy uporyadocheniya i leksikograficheskogo opisaniya terminologicheskoi tantseval'noi leksiki (Questions of Regulation and Lexicographic Description of Terminological Dancing Vocabulary), *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2007, No. 31, pp. 221—228.
2. Shelov S. D. Eshche raz ob opredelenii ponyatiya "termin" (The Definition of "Term" Revisited), *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2010, No. 4-2, pp. 795—799.
3. Grinev S. V. Vvedenie v terminovedenie (Introduction to Terminology), M., Moskovskii litsei, 1993, 309 p.

4. Dolgaya T. F. Spetsifika terminov nauchno-tehnicheskoi literatury i tekhnologiya obucheniya terminam v neyazykovom vuze (Specification of Terms of Scientific-Technical Literature and Techniques of Teaching Terms in a Non-Linguistic Institute of Higher Education), *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2010, No. 3 (7), pp. 50–53.
5. Sevost'yanova E. E. "Atributivnye slovosochetaniya v russkom i angliiskom yazykakh" (Attributive Word Combinations in Russian and English Languages). *Molodezhnyi nauchnyi forum: Gumanitarnye nauki, elektr. sb. st. po mat. XXV mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf.*, M., Izd. "MTsNO", 2015, No. 6 (24), pp. 90–95. Web. 18 Apr. 2019. <[http://www.nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6\(24\).pdf](http://www.nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6(24).pdf)>.
6. Arakin V. D. Sravnitel'naya tipologiya angliiskogo i russkogo yazykov (Comparative Typology of English and Russian Languages), M., Fizmatlit, 2008, 232 p., tabl.
7. L'vova T. V., Gerdo I. A. Perevod substantivnykh atributivnykh slovosochetanii na primere tekhnicheskikh tekstov po mashinostroeniyu (Translation of Substantive Attributive Word Combinations in Technical Texts on Mechanical Engineering), *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, No. 2, pp. 254–258.
8. "Anglo-russkii i russko-angliiskii onlain-slovar' " (English-Russian and Russian-English Online Dictionary). *Slovar' "Multitran"*. Developer: A. Pominov. Web. 16 Apr. 2019. <<https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2>>.
9. Rubtsova M. G. Chtenie i perevod angliiskoi nauchno-tehnicheskoi literatury. Leksiko-grammaticheskii spravochnik (Reading and Translation of English Scientific and Technical Literature. Lexical and Grammatical Reference Book), M., Astrel', AST, 2002, 384 p., tabl.
10. Talapina B. M. "Spetsial'naya teoriya perevoda. Onlain-kurs" (Special Theory of Translation. Online Course). *Katalog obrazovatel'nykh resursov. FGAOU VPO "UrFU imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsi-na"*. Web. 17 Apr. 2019. <<https://media.ls.urfu.ru/560/1523/3567/4118/>>.

Bykova Vlada D., second-year Master student at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1),
bykova2513@yandex.ru

Спортивная метафора как средство коммуникации в американском политическом дискурсе

П. А. Корж

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

pavelkorzh246@gmail.com

Sports Metaphor as Communication Means in American Political Discourse

P. A. Korzh

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

pavelkorzh246@gmail.com

Современная наука все больше интересуется метафорой как способом познания реальности. Спортивная метафора — это основной прием, с помощью которого люди способны воссоздавать политическую картину мира посредством слов, принадлежащих спортивному дискурсу, представляя ее образно и экспрессивно.

Концепция спорта наиболее знакома людям, поэтому в российском политическом дискурсе за последние годы получило развитие явление метафорического осмысления спортивных реалий за счет влияния зарубежных СМИ. Однако переводчик зачастую встречается с определенными трудностями, вызванными многообразием спортивной

терминологии и ее неодинаковой реакцией на метафорический перенос при переводе. Для достижения желаемого коммуникативного эффекта необходимо следить за непрерывным развитием политической жизни с точки зрения распространения реалий, относящихся к спорту в американском политическом дискурсе, и их проникновения в русский язык.

Немецкий философ Фридрих Ницше писал, что человек пытается «представить существующий мир как что-то яркое, неупорядоченное, непоследовательное, несвязное, привлекательное и вечно новое» [1, с. 37]. Поэтому люди в процессе «языкотворчества» склонны использовать новые значения, затрагивающие самые разные сферы жизни, которые становятся источником метафорического переноса, например, ассоциативно перенося характеристики спортивного мира на мир политический. Адекватный перевод спортивной метафоры требует выверенного комплексного подхода, так как переводчику важно учитывать множество факторов, в том числе свойства метафоры, ее функции и особенности метафорической модели «политика — это спорт», поэтому при переводе требуется преобразование, которое помогает сохранить или видоизменить исходную эмоционально-эстетическую информацию о спортивных реалиях [2, с. 86].

Метафора характеризуется *семантической двуплановостью*. Это означает, что прямое и переносное значения раскрываются таким образом, что вырисовываются их общие семантические черты [3]. Выражение этих значений можно проиллюстрировать на примере слова *race*:

- автомобильная гонка (спортивный дискурс);
- предвыборная президентская гонка (политический дискурс).

Основное и переносное значения в слове *race* объединены представлением о «состязании в скорости достижения финиша». В данной метафоре использованы элементы прямого значения, которые послужили опорными семами — составной частью

слота (одновременный старт, фиксация финиша, событие, интересующее многих) для создания переносного значения «борьба за власть». Кроме того, в данном примере спортивная метафора предстает как явление, имеющее *двойственное содержание*: с одной стороны, как языковая единица с соответствующим, заключенным в ней смыслом (политические события), а с другой стороны, как коммуникативная единица, которая является средством освоения действительности, находящейся вне языка (действительность спорта) [4].

Не менее значим и тот факт, что важную роль в создании метафоры играет наличие контекста вокруг нее. Одним из ведущих показателей употребления слова в образном значении остается факт нахождения его основного значения в обычной речевой среде (например, *front-runner during the competition* — лидер соревнований, *heavyweight* — боксер-тяжеловес) или в необычной (*the Democratic front-runner* — лидер от демократической партии). Следовательно, терминология спорта метафорически переносится в сферу политики [5, с. 204].

Развивая мысль о сущности метафор, можно подчеркнуть следующее: «Метафора не называет, а главным образом “характеризует”. Метафорические значения “экспрессивны”; в них заложены “оценочно-характеристические признаки”. Тем самым читателю внушается определенное отношение к предмету» [2, с. 137].

Если использовать классификацию метафор П. Ньюмарка [6, с. 58], то представляют интерес два следующих типа метафор:

- общая метафора как эффективный способ описания конкретного или абстрактного понятия. Она оказывает эмоциональное воздействие на читателя и может употребляться только представителями какого-то конкретного социального класса. Например: *Iraq War-era Prime Minister Tony Blair has denied planning a shock return to frontline politics to actively oppose Brexit after branding Labour leader Jeremy Corbyn a “nutter” and current Tory PM Theresa May a “lightweight”*¹. — Недавно Тони Блэр,

¹ <https://www.rt.com/uk/367639-tony-blair-political-return/> (дата обращения: 30.04.2019)

занимавший пост премьер-министра Великобритании во время войны в Ираке, окрестил лидера лейбористов Джереми Корбина «чокнутым», а нынешнего лидера партии Тори — «политическим слабаком», заявив при этом, что не строит ошеломляющих планов возврата «на политическую передовую» и активной атаки на Брексит. От переводчика здесь требуется подобрать эквивалентную метафору со схожим образом в языке перевода. Уровень эквивалентности при таком переводе значительно возрастает [6, с. 54];

— оригинальная метафора как авторская, которая используется индивидуально и не распространена в повседневном употреблении. Ньюмарк полагает, что авторскую метафору необходимо максимально приблизить к оригиналу, поскольку она является отражением индивидуального стиля и личности автора [7].

Однако если переводчику кажется, что в метафоре содержится реалия, которая не будет содействовать достижению необходимого коммуникативного эффекта у реципиента текста, то необходимо произвести адаптацию перевода, заменив образ на более близкое для получателя понятие. Например, в изученном материале встретилась метафора: *Their 52-48 majority in the Senate means they can lose two votes and still prevail, since Vice President Mike Pence is the tiebreaker*². Для англоязычного читателя эта реалия может быть вполне узнаваемой, так как в англоязычной действительности теннис — это довольно распространенная игра. Если перевести *tiebreaker* дословно — «тайбрейк» (теннисная специальная укороченная партия, которая позволяет выявить победителя при ничейном счете), то русскоязычному читателю будет непонятно, что имеется в виду. Поэтому переводчик должен обратиться в этом случае к другой сфере спорта, где также присутствует соревновательный элемент, подразумевающий получение преимущества с помощью дополнительного показателя при равенстве очков. В данном случае

правомерно использовать терминологию карточных игр, а именно понятие «козырь». Именно этот элемент привнесет большую ясность в перевод: *Соотношение голосов в Сенате 52-48 в пользу республиканцев означает, что даже если они потеряют 2 голоса, все равно одержат победу, имея на руках козырь в лице вице-президента Майка Пенса*.

Составляющими единицами метафорической модели являются *фрейм*, *слот*, *концепт*, *исходная понятийная сфера* и *новая понятийная сфера* [5, с. 45]. Они связаны между собой следующим образом: *фрейм* — это единица знания, выстраивающая структуру вокруг определенного понятия и содержащая информацию об этом понятии. Неотъемлемым компонентом фрейма является *слот* — элемент ситуации, формирующий часть фрейма. Для характеристики слота используется *концепт* — единица сознания, в которой отражается опыт, полученный в ходе человеческой деятельности и, следовательно, использующийся в процессе мышления. С его помощью осуществляется связь между *исходной и новой понятийными сферами* (исходная понятийная сфера содержит слова в первоначальном значении, а новая понятийная сфера — в переносном) [5, с. 47]. Разберем устройство спортивной метафоры на примере *slamdunk victory: Bernie Sanders has won a slamdunk victory in New Hampshire that he said represented “the start of a political revolution”*³. Данная метафора принадлежит фрейму «*Спорт*». В данном случае элементом ситуации, формирующим часть фрейма, является слот «*Преимущество*». Характеризующей этот слот единицей сознания является концепт «*Гарантия успеха*». С его помощью осуществляется связь между исходной понятийной сферой (вид броска в баскетболе, при котором игрок выпрыгивает вверх и одной или двумя руками бросает мяч сквозь кольцо сверху вниз) и новой понятийной сферой (достигнутый за короткое время беспрецедентный успех политического деятеля, всех заставший врасплох). Таким образом, в результате метафорического

² <https://www.wsj.com/articles/republicans-arent-team-players-1500229048> (дата обращения: 02.05.2019)

³ Там же.

переноса произошла передача накопленного опыта и запаса знаний на ту сферу опыта и знания, о которой известно меньше. Весь этот анализ находит отражение в переводе: *Берни Сандерс одержал убедительную победу в Нью-Гэмпшире, которая, по его словам, ознаменовала «начало политической революции».*

На материале американских политических текстов, а именно газет «The Telegraph», «The New York Times», «The Wall Street Journal», автором статьи было исследовано 36 спортивных метафор и 101 случай их употребления. Особенности их перевода не позволили остаться в рамках одной классификации, предложенной В. Н. Комиссаровым [8; 9] и Я. И. Рецкером [10]. Поэтому автором предлагается использовать обобщенную классификацию, содержащую такие встретившиеся способы перевода, как *синтаксическое уподобление, модуляция или смысловое развитие, экспликация или описательный перевод, генерализация, конкретизация, калькирование, грамматическая замена, целостное преобразование, транскрипция, добавление слов.*

В результате проведенного анализа можно заключить, что перевод метафор может представлять трудности не только для начинающего переводчика, но и для профессионала, поскольку в языке перевода часто отсутствует эквивалент, а сферы жизни, порождающие и принимающие метафоры, могут значительно отличаться в двух культурах, что также приводит к отсутствию лексических эквивалентов в языке перевода. В данной статье для перевода спортивной метафоры в американском политическом дискурсе был применен метод семантического анализа, который позволил выяснить, что спортивная метафора является образным понятием, которое несет в себе важную коммуникативную функцию, выявление и понимание которой требует построения соответствующей метафорической модели.

Литература

1. *Nietzsche Fr.* Über Wahrheit und Lüge im aussermoralischen Sinne // *Der Streit um die Metapher. Poetologische Texte von Nietzsche bis Handtke* / Hrsg.

von K. Müller-Richter, A. Larcati; unter Mitarb. von R. M. Erdbeer, D. Schmeiser. Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1998. S. 31—39.

2. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политическом интердискурсе: монография. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2006. 208 с.: ил., табл.

3. *Бессарабова Н. Д.* Метафора и образность газетно-публицистической речи // *Поэтика публицистики* / Под ред. Г. Я. Солганика. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 21—34.

4. *Бессарабова Н. Д.* Изобразительные и выразительные возможности метафор в газетно-публицистической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 24 с.

5. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): монография. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.: ил.

6. *Newmark P.* A Textbook of Translation. Harlow: Prentice Hall, 1988. 292 p.

7. *Шикалов С. В.* Способы перевода метафор в концепции П. Ньюмарка // *Думать вслух: материалы о переводе: [Электронный ресурс]*. Соп. 2006. URL: <http://www.thinkaloud.ru/science/shik-newmark.pdf> (дата обращения: 20.04.2019).

8. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение: курс лекций. М.: ЭТС, 1999. 187 с. (Язык. Перевод: В помощь переводчику).

9. *Комиссаров В. Н., Коралова А. Л.* Практикум по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1990. 127 с.

10. *Рецкер Я. И.* Пособие по переводу с английского языка на русский язык. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1982. 159 с.

11. Теория метафоры: [Сборник] / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

Корж Павел Алексеевич — студент 1 курса магистратуры Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), pavelkorzh246@gmail.com

References

1. Nietzsche Fr. „Über Wahrheit und Lüge im aussermoralischen Sinne“. *Der Streit um die Metapher. Poetologische Texte von Nietzsche bis Handtke*, Hrsg. von K. Müller-Richter, A. Larcati; unter Mitarb. von R. M. Erdbeer, D. Schmeiser, Darmstadt, Wiss. Buchgesellschaft, 1998, S. 31—39.

2. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskom interdiskurse (Metaphor in Political Interdiscourse), monografiya, Ekaterinburg, Ural'skii gos. ped. un-t, 2006, 208 p., il., tabl.

3. Bessarabova N. D. Metafora i obraznost' gazetno-publitsisticheskoi rechi (Metaphor and Imagery of Newspaper and Publicistic Speech), *Poetika publitsistiki*, Pod red. G. Ya. Solganika, M., Izd-vo MGU, 1990, pp. 21—34.

4. Bessarabova N. D. *Izobrazitel'nye i vyrazitel'nye vozmozhnosti metafor v gazetno-publitsisticheskoi rechi, avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (Figurative and Expressive Powers of Metaphor in Newspaper and Publicistic Speech, Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation), M., 1985, 24 p.

5. Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991—2000)* (Russia in the Metaphoric Mirror: Cognitive Study of Political Metaphor (1991 to 2000)), monografiya, Ekaterinburg, Ural'skii gos. ped. un-t, 2001, 238 p., il.

6. Newmark P. *A Textbook of Translation*. Harlow, Prentice Hall, 1988, 292 p.

7. Shikalov S. V. "Sposoby perevoda metafor v kontseptsii P. N'yumarka" (Ways of Metaphor Translation in P. Newmark's Conception). *Dumat' vslykh: materialy o perevode*. N. p., cop. 2006. Web. 20 Apr. 2019. <<http://www.thinkaloud.ru/science/shik-newmark.pdf>>.

8. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie, kurs lektsii* (Modern Translation Studies, Lecture

Course), M., ETS, 1999, 187 p., Yazyk. Perevod: V pomoshch' perevodchiku.

9. Komissarov V. N., Korolova A. L. *Praktikum po perevodu s angliiskogo yazyka na russkii* (English-Russian Translation Workshop), M., Vysshaya shkola, 1990, 127 p.

10. Retsker Ya. I. *Posobie po perevodu s angliiskogo yazyka na russkii yazyk* (English-Russian Translation Manual), 3-e izd., pererab. i dop., M., Prosveshchenie, 1982, 159 p.

11. *Teoriya metafory, Sbornik* (Theory of Metaphor, A Collection), Per. pod red. N. D. Arutyunovoi, M. A. Zhurinskoi, vstup. st. i sost. N. D. Arutyunovoi, M., Progress, 1990, 512 p.

Korzh Pavel A., first-year Master student at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), pavelkorzh246@gmail.com

Трудности передачи значения артикля при переводе с английского на русский язык

Ю. И. Назмутдинова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

yulia44004@gmail.com

Difficulties in Translating Articles from English into Russian

Yu. I. Nazmutdinova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

yulia44004@gmail.com

Говоря о трудностях перевода текста с английского языка на русский, лингвисты обязательно упоминают артикль, поскольку в русском языке такая часть речи отсутствует. Для того чтобы понять, к каким средствам необходимо прибегнуть для адекватной передачи артикля при переводе, следует рассмотреть понятие артикля и его происхождение, проанализировать теории, раскрывающие значение артикля и его функции в тексте, далее на основе проведенного анализа выявить способы передачи значения артикля при переводе.

Следует отметить, что английский и русский относятся к двум разным типам языков: аналитическому и синтетическому. Как результат, английскому как представителю аналитического языка свойственен строгий порядок слов (субъект-предикат-объект). В то время как русский, будучи синтетическим языком, использует смысловое ударение для построения предложений (от известного к неизвестному). Во-вторых, английский и русский языки выступают примерами «артиклевых»

и «безартиклевого» языков, что является ключевым различием в данном исследовании.

Как известно из истории английского языка, определенный артикль *the* произошел от указательного местоимения *se* (мужской род), *seo* (женский род), *theat* (средний род), а неопределенный артикль *a/an* — от числительного *an* (один), который впоследствии приобрел современную форму написания *one* [1, с. 149].

На протяжении долгого времени лингвисты вели споры относительно того, чем является артикль в тексте: самостоятельной частью речи или одним из разрядов местоимения или прилагательного. Некоторые ученые считали, что он относится к определяющему (*delinive*) прилагательному, другие лингвисты утверждали — к выделяющему (*distinguishing*) прилагательному. Существовала и другая точка зрения, согласно которой артикль относился к классу указательных (*demonstrative*) местоимений [2].

На сегодняшний день современная лингвистика придерживается теории, что артикль — это служебная часть речи. В ходе многочисленных исследований стало очевидно, что приписывать его к разряду других частей речи невозможно, поскольку артикль является самостоятельным словом с собственными значениями и функциями.

Выделяют 3 типа артикля:

- 1) определенный артикль *the*;
- 2) неопределенный артикль *a/an*;
- 3) нулевой артикль (значимое отсутствие артикля) [3, с. 17].

Однако не все выделяют нулевой артикль в отдельный пункт. Существует точка зрения, что нулевого артикля и вовсе не существует. Аргументируют ее следующим образом: поскольку артикль является словом, а нулевых слов, как известно, не существует, то не существует и нулевого артикля.

Согласно грамматике современного английского языка, неопределенный артикль является классифицирующим, поскольку он относит предмет к определенному классу или группе предметов. Определенный артикль служит для выделения и конкретизации

предмета или нескольких предметов из класса, поэтому его называют конкретизирующим артиклем [4, с. 48].

Существуют и другие теории относительно значения артикля и его функций в предложении. Так, А. А. Худяков выделяет артикли в отдельный тип смыслопорождающих операторов. Неопределенный артикль *a/an*, находясь перед существительным, характеризует его как нечто новое, чего читатель еще не знает [5, с. 193—194]. Например: *Artificial neural networks (ANNs) simulating biological neural systems have a powerful learning function.* — Искусственные нейронные сети (ANN), имитирующие биологические нейронные системы, обладают мощной функцией обучения.

Как полагает И. И. Прибыток, артикль — это способ реализации новой и старой информации [6, с. 148—157]. Старая информация (тема) указывается с помощью определенного артикля *the*, новая информация (рема) реализуется через неопределенный артикль *a/an*. Например: *Some scholars put forward reducing the adverse effect of the MEMS gyroscope random drift using a wavelet analysis method...* [7] — Некоторые ученые считают, что использование метода вейвлет-анализа уменьшит отрицательное влияние случайного дрейфа гироскопа MEMS.

По мнению И. С. Рушинской, количественный принцип является основным различием между определенным и неопределенным артиклем. Оба артикля (и определенный, и неопределенный) указывают на единственность предмета. Однако если мы говорим о неопределенном артикле, он выражает единственность предмета на фоне окружающего его множества, в то время как определенный предмет указывает на единственность предмета как такового, без окружающего его множества. Что касается нулевого артикля, Рушинская утверждает, что его используют, когда количественный принцип невозможно применить [2, с. 19].

Таким образом, можно заключить, что артикль является многозначной частью речи. Выделяют следующие функции артикля в тексте:

- 1) лимитирующая;
- 2) выделяющая;
- 3) определяющая;
- 4) обобщающая;
- 5) дистрибутивная;
- 6) идентифицирующая;
- 7) маркирующая расчлененность значения существительного (для неопределенного артикля);
- 8) детерминирующая;
- 9) типического показателя;
- 10) ограничительная (для определенного артикля) [8].

Два способа передачи этих функций в процессе перевода предлагает А. В. Федоров [9]:

1) лексический — принцип добавления слов. Например, неопределенный артикль может переводиться такими словами, как «один», «некоторый» и т. д. (*He had not a chance.* — У него не было ни **единого** шанса) [10];

2) синтаксический — с помощью определенного порядка слов в предложении (*A recent collaboration between academic and government scientists has led to the characterization of a lobby pine lignin that is easier to pulp than normal lignin.* — Было обнаружено, что **лигнин сосны ладанной** легче превратить в волокнистую массу, чем природный лигнин, **благодаря эксперименту**, который проводили правительственные ученые совместно с учеными различных институтов) [10].

Далее рассмотрим варианты передачи артикля при переводе с английского на русский язык и выявим причину возникновения трудностей при осуществлении перевода.

При изучении переводов научных статей можно прийти к выводу, что неопределенный артикль в случаях, когда он указывает на новый предмет в тексте, обычно не переводится (*Similar to GA (genetic algorithms) and evolutionary programming, PSO is also a heuristic searching method, but it does not contain complex mechanisms such as crossover or mutation* [7]. — Подобно **GA** (генетическим алгоритмам) и эволюционному программированию, **PSO** является **эвристическим методом поиска**, но он не содержит сложных механизмов, таких как **кроссовер** или **мутация**).

Однако следует отметить, что часто встречаются случаи, когда при переводе его необходимо передать словами «один», «какой-то», «какой-нибудь», «некоторый» и т. д., иначе смысл предложения в тексте перевода может исказиться (*The four centres lie in a plane.* — Все четыре центра лежат в **одной плоскости**) [10]. Данный способ перевода, согласно А. В. Федорову, считается лексическим [9].

Неопределенный артикль может указывать на рему в предложении, тем самым показывая, какой порядок слов необходим при переводе. Если подлежащее в предложении стоит с неопределенным артиклем (или нулевым, в случае, когда подлежащее употребляется во множественном числе), то в переводе на русский язык его следует начинать со сказуемого или с обстоятельства (*In a related reaction a poor yield of dimethyl chlorophosphate was obtained.* — В реакции того же типа получен **низкий выход диметилхлортиофосфата**) [10; 11]. В данном случае речь идет об актуальном членении предложения, что относится к синтаксическому способу перевода.

Что касается определенного артикля, в предложении он часто играет роль указательного местоимения, что является его первоначальной формой (*The question calls for systematic work.* — **Этот вопрос** требует систематической разработки) [10; 11].

Нулевой артикль используют, когда исчисляемое числительное стоит в предложении во множественном числе (поскольку, согласно правилам, неопределенный артикль употребляется лишь в случаях употребления исчисляемого существительного в единственном числе), а акте в случаях его употребления с более обобщенными или абстрактными предметами (*The results show that with every 10 °C increase in temperature, gyroscopes have approximately 0.8 ~ 1.7 deg/sec of drift.* — Результаты показывают, что при каждом повышении **температуры** на 10 °C гироскопы имеют примерно 0,8 ~ 1,7 град/сек дрейфа) [10; 11].

Таким образом, основной причиной, вызывающей трудности передачи значения

артикли при переводе, является необходимость определить, какую функцию артикли выполняет в тексте.

Несмотря на множество работ по данной теме и разнообразие теорий, посвященных выявлению значения артикли и способов его передачи, данная тема все еще остается мало изученной и вызывает множество вопросов при выполнении перевода текстов с английского языка на русский.

Литература

1. Аракин В. Д. История английского языка. М.: Просвещение, 1985. 256 с.
2. Рушинская И. С. Английские артикли: практикум. М.: Флинта: Наука, 2002. 55 с.
3. Архипов И. К. Грамматика английского языка. Артикли. СПб.: Инъязиздат, 2006. 174 с.: ил., табл. (Специальная литература по иностранным языкам).
4. Верба Л. Г., Верба Г. В. Грамматика современного английского языка = Modern English grammar (Справочник). М.: Славянский дом книги; Киев: Логос, 2001. 365 с. (Вас ждет успех!).
5. Худяков А. А. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Academia, 2005. 254 с.: ил., табл.
6. Прибыток И. И. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Академия, 2008. 382 с.: ил.
7. Modeling and compensation of random drift of MEMS gyroscopes based on least squares support vector machine optimized by chaotic particle swarm optimization / Haifeng Xing, Bo Hou, Zhihui Lin, Meifeng Guo // Sensors. 2017. Vol. 17 (10), p. 2335; <https://doi.org/10.3390/s17102335>
8. Голикова Ж. А. Перевод с английского на русский = Learn to Translate from English into Russian. 4-е изд., стер. М.: Новое знание, 2007. 287 с.
9. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: СПбГУ: Филология Три, 2002. 416 с. (Студенческая б-ка).
10. Гузеева К. А., Зацепина Э. И. Сборник упражнений по переводу. Английский язык. СПб.: Перспектива, 2009. 218 с. (Б-ка переводчика).
11. Крушельницкая К. Г., Попов М. Н. Советы переводчику. 2-е изд., доп. М.: Астрель: АСТ, 2002. 316 с.: табл.
12. Казанцева Я. Н., Немчинова Н. В., Семенова Е. В. Теоретическая грамматика английского языка. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2015. 135 с.
13. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1981. 175 с. (Б-ка филолога).
14. Экономакис Э., Жуковский А. Артикли. СПб.: Каро, 2000. 160 с. (English grammar: английский без ошибок).

Назмутдинова Юлия Игоревна — студентка 2 курса магистратуры Института ЛПО

Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), yulia44004@gmail.com

References

1. Arakin V. D. Istoriya angliiskogo yazyka (History of English Language), M., Prosveshchenie, 1985, 256 p.
2. Rushinskaya I. S. Angliiskie artikli: praktikum (English Articles: a Workshop), M., Flinta, Nauka, 2002, 55 p.
3. Arkhipov I. K. Grammatika angliiskogo yazyka. Artikli (English Language Grammar. Articles), SPb., In"yazizdat, 2006, 174 p., il., tabl., Spetsial'naya literatura po inostrannym yazykam.
4. Verba L. G., Verba G. V. Grammatika sovremennogo angliiskogo yazyka (Spravochnik) (Modern English Grammar (Reference Book)), M., Slavyanskii dom knigi, Kiev, Logos, 2001, 365 p., Vas zhdet uspekhl!
5. Khudyakov A. A. Teoreticheskaya grammatika angliiskogo yazyka (English Theoretical Grammar), M., Academia, 2005, 254 p., il., tabl.
6. Pribytok I. I. Teoreticheskaya grammatika angliiskogo yazyka (English Theoretical Grammar), M., Akademiya, 2008, 382 p., il.
7. Xing H., Hou B., Lin Z., Guo M. "Modeling and compensation of random drift of MEMS gyroscopes based on least squares support vector machine optimized by chaotic particle swarm optimization". *Sensors*, 2017 Oct. 13; 17 (10), 2335; <https://doi.org/10.3390/s17102335>
8. Golikova Zh. A. Perevod s angliiskogo na russkii (Learn to Translate from English into Russian), 4-e izd., ster., M., Novoe znanie, 2007, 287 p.
9. Fedorov A. V. Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) (Basics of General Translation Theory (Linguistic Problems)), SPb., SPbGU, Filologiya Tri, 2002, 416 p., Studencheskaya b-ka.
10. Guzeva K. A., Zatsepina E. I. Sbornik uprazhnenii po perevodu. Angliiskii yazyk (Collection of Translation Exercises. English), SPb., Perspektiva, 2009, 218 p., B-ka perevodchika.
11. Krushel'nitskaya K. G., Popov M. N. Sovety perevodchiku (Advices for Translator), 2-e izd., dop., M., Astrel', AST, 2002, 316 p., tabl.
12. Kazantseva Ya. N., Nemchinova N. V., Semenova E. V. Teoreticheskaya grammatika angliiskogo yazyka (English Theoretical Grammar), Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi un-t, 2015, 135 p.
13. Moskal'skaya O. I. Problemy sistemnogo opisanii sintaksisa (na materiale nemetskogo yazyka) (Problems of Syntax Systemic Description (Evidence from German Language)), Izd. 2-e, pererab. i dop., M., Vysshaya shkola, 1981, 175 p., B-ka filologa.
14. Ekonomakis E., Zhukovskii A. Artikli (Articles), SPb., Karo, 2000, 160 p., English grammar: angliiskii bez oshibok.

Nazmutdinova Yulia I., second-year Master student at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), yulia44004@gmail.com

Передача английских жаргонизмов с английского языка на русский в области информационных технологий

Н. С. Тюрина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

nataliaos273@gmail.com

Translation of English Slang Words from English into Russian in the Field of Information Technologies

N. S. Tyurina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

nataliaos273@gmail.com

Информационные технологии играют большую роль в коммуникации современного человека. Повсеместное внедрение компьютера и возникновение Интернета привело к тому, что в области технической литературы стала активно развиваться информационная сфера. Электронная коммуникация затрагивает разные стороны жизнедеятельности человека. Она оказывает влияние на пользователей, формируя их мировоззрение и восприятие окружающего мира. Это приводит к тому, что люди по-иному расценивают действительность и выражают это в процессе общения.

В каждой стране появляются все новые технологические устройства, функции, программы, которые получают не только терминологическое, но и жаргонное наименование для обеспечения легкости взаимодействия и общения в среде как профессионалов, так и любителей. Постоянное обновление жаргонизмов приводит к тому, что они зачастую не фиксируются в словарях, т. е. остаются на уровне лакун — белых пятен в теории и практике перевода. Более того, жаргонизмы быстро устаревают и сменяются новыми, что

обуславливает актуальность исследования специфики их передачи с английского языка на русский.

Очевидно, что компьютерная революция стала причиной появления новых терминов в информационной сфере. Под термином в современной лингвистике принято понимать «лексическую единицу определенного языка для специальных целей, обозначающую общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [1, с. 31].

Многие термины, употребляемые в речи непрофессионалов, трансформируются в жаргонизмы, отличительной особенностью которых является быстрая адаптация в языковом пространстве разных языков. Жаргон определяется в современной лингвистике как «разновидность национального языка, стоящая за пределами литературного языка и употребляемая относительно устойчивой социальной группой людей (частью общества)» [2, с. 80].

Специфика функционирования английских жаргонизмов в сфере информационных технологий исходит, прежде всего,

от формы реализации жаргона, как правило, в письменной форме электронной коммуникации [3]. Как результат, компьютерный жаргон обслуживает не только профессиональное общение между специалистами в данной области, но и общение обычных пользователей. Например, можно наблюдать применение жаргонизмов этой сферы в современной прессе: *Keeping social media clean: the war against astroturfing*¹. — Поддержание порядка в социальных сетях: война с астротурфингом.

Следует отметить, что в рамках коммуникации термины и жаргонизмы часто выступают в роли синонимов. Например, *bar* — в среде программистов этим жаргонизмом называют строку на экране (например, статусную строку или командную строку), на которой располагаются изменяемые элементы браузера [4]. Для данного жаргонизма существует официальный компьютерный термин — *command line* (командная строка) [5].

Одной из отличительных особенностей функционирования жаргона в сфере информационных технологий является выражение категории экспрессивности, поскольку он имеет особую экспрессивную или оценочную окраску, которая придает новой номинации яркость и новизну. В качестве примера можно привести жаргонизм *toaster* со значением «периферийное устройство» [4]. Данное явление основывается на том факте, что создателями компьютерного жаргона чаще всего являются молодые люди, склонные к самовыражению и эпатажу. В связи с этим многие жаргонизмы из этой области характеризуются наличием юмора, шуток, иронии или насмешки.

Другой специфической чертой является их недолгое существование в языке. Данный факт объясняется быстрым устареванием такого рода жаргона (*ECM* — *Electronic Computing Machine*), а также постоянным появлением новых жаргонизмов как из неизвестных ранее (*crapware*), так и уже знакомых жаргонных лексем (*brogrammer*) [6, с. 80].

Для правильной передачи компьютерного жаргона в процессе перевода с английского на русский язык следует выделить словообразовательные модели, которые участвуют в его создании:

1) суффиксация — добавление суффиксов к основе, которая чаще всего является компьютерным термином. Например, *hackitude* — программистское искусство, образовано от глагола *hack* — «хакнуть» и суффикса *-itude*. В качестве основы для образования нового жаргонизма выступает компьютерный термин, а суффикс позволяет добавить значение абстрактного понятия новому существительному. *Cracker* — данный жаргонизм является неофициальным наименованием хакера в Интернете. Он образуется от основы-жаргонизма *crack* (взломать) посредством добавления суффикса *-er* со значением деятеля. Данный жаргонизм выступает как нелитературный синоним термина *hacker* [4];

2) аббревиация — инициальное сокращение. Например, *loljk* — смеюсь, от аббревиатуры *lol* (*laughing out loud*) — высмеять и *jk* (*joke*) — шутить [4];

3) контаминация, или слияние сокращенных основ. Например, *brogrammer* — специалист технической сферы, который сосредоточен на карьере и делает большие деньги за счет использования непонятных никому компьютерных программ, за которые ему платят; образуется посредством слияния слов *bro* (*brother* — брат, приятель) и *programmer* — программист [4];

4) словосложение, при котором часто возникает метафорическая номинация. Например, *fat-finger* — ошибка ввода (*fat* — толстый + *finger* — палец), *firewall* — сетевое устройство защиты (*fire* — огонь + *wall* — стена), *bruteforce* — брутфорс (*brute* — грубый + *force* — сила), *egosurf* — эгосерфить (*ego* — эго, само + *surf* — просматривать веб-страницы), *googlebombing* — гуглбомбинг (*google* — поисковая система + *bombing* — бомбардировка) [4];

5) фразеолообразование, в рамках которого выделяют три группы жаргонных фразеологизмов [7]:

¹ The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2013/oct/14/keeping-social-media-clean-the-war-against-astroturfing> (дата обращения: 05.05.2019)

— общеупотребительные слова литературного языка, получающие новое значение: *shopping cart* — этим словом изначально называли корзины для покупок, широко используемые в супермаркетах по сей день. В сфере информационных технологий данный термин стал использоваться для обозначения особого интерфейса в интернет-магазинах, куда пользователь может добавлять товары, которые он собирается купить;

— заимствования из других профессиональных дискурсов: *astroturfing* — спортивный термин для обозначения искусственной травы для спортивных площадок (*astroturf*). В сфере информационных технологий этот термин обозначает создание искусственного общественного мнения за счет написания заказных статей, комментариев в блогах от «купленных» пользователей. Основой метафорического переноса в данном случае является искусственность явления (соотношение искусственной травы и искусственного комментария);

— фразеологизмы, состоящие из жаргонизмов этой же сферы: *flame war* — спор ради спора в интернет-общении, а именно обмен сообщениями в местах многопользовательского сетевого общения (например, в чатах), представляющий собой словесную войну, нередко уже не имеющую отношения к первоначальной причине спора. Сообщения могут содержать личные оскорбления и зачастую направлены на дальнейшее разжигание конфликта [4].

Как видно из приведенных примеров, словообразовательные модели часто используются для получения жаргонизмов от метафорических основ. Это связано с тем, что метафора изначально направлена на создание концептуальных моделей, формируя тем самым картину мира носителей данного типа сленга.

Далее рассмотрим передачу английского компьютерного жаргона в соответствии с используемыми метафорическими концептосферами:

1) метафорический перенос человеческих качеств, областей жизнедеятельности, чувств и др.: *annoyware* (чувство

досады) — надоедливая условно-бесплатная программа, *eyeballs* (глаза) — подписчики услуг Интернет, *guiltware* (чувство вины) — ПО, порождающее чувство вины, *look-and-feel* (возможности организма видеть, чувствовать) — принципы построения и особенности пользовательского интерфейса, *sneakernet* (крэпсовки, «ноги») — метод переноса данных с машины на машину вручную;

2) сравнение с представителями мира фауны: *rathole* (крысиная нора) — образование канала в массе материала, *code monkey* (обезьяна) — человек, не знающий основных алгоритмов, *snail mail* (улитка) — улиточная почта, т. е. не электронная;

3) какие-либо сооружения, построенные человеком: *firewall* (стена) — сетевое устройство защиты, *lurk* (укрытие) — следить за кем-то в Интернете, находясь в невидимом режиме, *bar* (брусек) — горизонтальное меню, *gateway* (ворота) — машина-шлюз;

4) сходство с определенным звуком: *cracker* — кракер (взломщик), *glitch* — глитч (внезапный отказ), *bounce* — срыв изображения, *ping* — перебрасывать информацию;

5) сходство компьютерных действий и военных объектов и явлений: *whiz-bang technologies* (оружие) — высокие технологии, *flame war* — война слов [4].

Другие метафорические концепты также присутствуют в жаргоне сферы информационных технологий, однако они не так частотны.

Таким образом, профессиональные жаргонизмы представляют собой синонимы терминам, употребляющимся в неофициальной сфере коммуникации. Жаргон в сфере информационных технологий часто устаревает и обновляется, отличается большой экспрессией, а также многочисленными новообразованиями, которые происходят за счет построения словообразовательных моделей, фразеобразования и метафоры.

Литература

1. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Либроком, 2012. 261 с.: ил.

2. **Самотик Л. Г.** Лексика современного русского языка. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. 510 с.
3. **Полозова С. В.** Лингвосоциокультурный аспект компьютерного жаргона // Записки Горного института. 2008. Т. 175. С. 37—38.
4. Англо-русский и русско-английский онлайн-словарь // Словарь «Мультитран»: [Электронный ресурс] / Разраб.: А. Поминов. Режим доступа: <https://www.multitrans.com/m.exe?l1=1&l2=2> (дата обращения: 25.04.2019).
5. **Травин А.** Толковый словарь «Термины и жаргон Интернета» // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова: [Электронный ресурс] / М. Мошков. Last-modified: Sat., 27 Jun 1998. Режим доступа: <http://lib.ru/INTERMET/termwww.txt> (дата обращения: 20.04.2019).
6. **Глазырина А. И.** Компьютерный подъязык: термины, жаргонизмы, профессионализмы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). С. 77—80.
7. **Ерёмина Н. К.** Фразеобразование в английском компьютерном дискурсе // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 136—139.

Тюрина Наталья Сергеевна — студентка 1 курса магистратуры Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), nataliaos273@gmail.com

References

1. Leichik V. M. Terminovedenie: predmet, metody,

struktura (Terminology: Subject, Methods, Structure), Izd. 5-e, ispr. i dop., M., Librokom, 2012, 261 p., il.

2. Samotik L. G. Leksika sovremennogo russkogo yazyka (Vocabulary of Contemporary Russian Language), 2-e izd., ster., M., Flinta, 2012, 510 p.

3. Polozova S. V. Lingvosotsiokul'turnyi aspekt komp'yuternogo zhargona (Linguistic and Socio-Cultural Aspect of Computer Slang), *Zapiski Gornogo instituta*, 2008, T. 175, pp. 37—38.

4. "Anglo-russkii i russko-angliiskii onlain-slovar'" (English-Russian and Russian-English Online Dictionary). *Slovar'* "Mul'titran". Developer: A. Pominov. Web. 24 Apr. 2019. <<https://www.multitrans.com/m.exe?l1=1&l2=2>>.

5. Travin A. "Tolkovyi slovar'" "Terminy i zharгон Interneta". *Lib.Ru: Biblioteka Maksima Moshkova*. M. Moshkov, last-modified: Sat., 27 Jun 1998. Web. 20 Apr. 2019. <<http://lib.ru/INTERMET/termwww.txt>>.

6. Glazyrina A. I. Komp'yuternyi pod'yazyk: terminy, zhargonizmy, professionalizmy (Computer Sublanguage: Terms, Jargon Words and Professionalisms), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, No. 24 (315), pp. 77—80.

7. Eremina N. K. Frazeeobrazovanie v angliiskom komp'yuternom diskurse (Phrase-Formation in English Computer Discourse), *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 2011, No. 23, pp. 136—139.

Tyurina Natalia S., first-year Master student at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), nataliaos273@gmail.com

Особенности передачи значений многочленных атрибутивных словосочетаний с английского языка на русский

Л. Д. Харабадзе

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

lia_khar@mail.ru

Difficulties in Translating Polynomial Attribute Word Combinations from English into Russian

L. D. Kharabadze

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

lia_khar@mail.ru

Многочленные атрибутивные словосочетания — нередкое явление в англоязычных газетно-информационных текстах, художественных произведениях, научных статьях. Они «представляют собой словосочетания, состоящие из трех и более знаменательных слов, которые соединены атрибутивной подчинительной связью» [1, с. 154].

Переводчик может столкнуться с трудностью передачи значения таких словосочетаний по ряду причин: количество компонентов в словосочетании, связи между компонентами словосочетания, множество значений слов, входящих в состав словосочетания и т. д. Поэтому важно проследить, каким образом можно передать значение данных словосочетаний и какие критерии являются определяющими.

В качестве материала исследования были использованы британские газетно-информационные тексты, а именно газета *The Guardian* и журнал *The Economist*. Исследованы 155 многочленных атрибутивных словосочетаний, из которых 139 — трехчленные словосочетания и 16 — четырехчленные.

При передаче значений многочленных атрибутивных словосочетаний с английского языка на русский могут происходить трансформации в структуре словосочетаний, поэтому данные преобразовательные процессы можно описать с помощью приемов перевода языковых единиц. При переводе словосочетаний использовались следующие приемы перевода: *описательный перевод, добавление, опущение, модуляция, грамматическая замена (в том числе замена части речи), контекстуальная замена, приближенный перевод, целостное преобразование, перестановка, перевод с использованием родительного падежа, перевод с использованием предлога*.

При передаче значений многочленных атрибутивных словосочетаний не всегда могут возникнуть трудности, в основном это касается словосочетаний со свободными связями между компонентами, зависящие компоненты которых выражены прилагательными. Однако интерес вызывают

именно те словосочетания, которые нужно проанализировать, прежде чем осуществить перевод.

Рассмотрим, например, словосочетание *otherwise empty strap-on box* [2]. Перевод слова *strap-on* не дается в словарях. Поэтому здесь важен не только контекст, но и дополнительная информация, взятая из разных источников. В тексте говорится о шлемах виртуальной реальности, сравнивается продукция разных компаний. Некоторые VR-шлемы крепятся на голове ремешками, которые можно отрегулировать под себя. Соответственно, в предложении *...bargain-basement headsets such as Samsung's Galaxy Gear VR or Google's Cardboard and Daydream — which require a smartphone to be inserted in an otherwise empty strap-on box, to serve as screen and processor* [2] говорится о «пустой коробке с регулируемыми ремешками», и при передаче значения используется описательный прием перевода. Поэтому наличие реалии в составе словосочетания требует не только анализа контекста, но и поиска дополнительной информации для понимания и максимально точной передачи явления, которое отсутствует в языке перевода.

В газетно-информационных текстах также могут встретиться такие словосочетания, при передаче значения которых невозможно сохранить структуру и, соответственно, каждый компонент сочетания. Например, словосочетание *dangerous sheer drops* [3]. В данном случае необходимо опустить прилагательное *dangerous*, поскольку словосочетание *sheer drop* в некоторых словарях так и переводится: «крутой обрыв», «опасный обрыв». И хотя само прилагательное *sheer* не имеет значения «крутой, опасный», его можно вывести исходя из других его определений: «вертикальный, перпендикулярный, отвесный». То есть, говоря о «крутом» обрыве, мы подразумеваем, что он еще и опасный, поэтому данное прилагательное можно опустить, тем самым устранив речевую избыточность.

Трудность передачи значения таких словосочетаний заключается в том, что два зависимых прилагательных в их составе могут

иметь схожую семантику, что при переводе на русский необходимо учесть и устранить возможное повторение слов. Для этого следует всегда проверять значения слов по словарю.

Во многих случаях передача значения словосочетаний не ограничивается лишь одним приемом перевода. Рассмотрим следующий пример: *violent militant organisations* [4]. При переводе этого словосочетания использовались сразу два приема: *модуляция* и *опущение*.

В одном из абзацев статьи, взятой из газеты *The Guardian*, говорится о том, что Египет может стать «несостоявшимся государством» из-за радикальной политики президента ас-Сиси. Далее речь заходит о террористах, которые наносят удар по гражданам страны. Следовательно, можно сделать вывод, что под *violent militant organisations* подразумеваются «*террористические организации*». Если перевести это словосочетание дословно «*насильственные боевые организации*», то смысл будет искажен. Поэтому основное значение прилагательного *violent* («*насильственный*», «*яростный*») было заменено и переведено по принципу причинно-следственных отношений, а именно с помощью модуляции, словом «*террористический*», т. е. «запугивающий, с угрозой расправы или убийства (т. е. с применением насилия)». Соответственно, прилагательное *militant* со значением «боевой, воинственный» нужно опустить, поскольку при переводе оно будет лишним.

При модуляции значение прилагательного преобразуется, и значение нового слова может не только более точно описать явление, но и охватить значение второго компонента многочленного атрибутивного словосочетания. Это может потребовать использования дополнительных приемов перевода.

Стоит отметить, что среди многообразия вышеперечисленных приемов перевода **перестановка слов в словосочетании, перевод с использованием предлога и перевод с использованием родительного падежа** употреблялись чаще всего. Как уже было упомянуто, перевод может и не ограничиваться одним

преобразованием: в ходе исследования была установлена закономерность, что если словосочетание переводится *с использованием родительного падежа*, то неизбежно происходит *перестановка слов* (например, *ardent gaming fans* [2] — ярые фанаты игр, *troubled health insurance markets* [5] — беспокойные рынки медицинского страхования).

Однако перестановка слов в словосочетании может происходить независимо от использования родительного падежа при переводе: *critical open question* [6] — открытый острый вопрос, *logical next step* [3] — следующий логичный шаг, *own cherry-red Tesla Roadster sports car* [7] — собственный вишнево-красный спортивный автомобиль Tesla Roadster и т. д.

Было установлено, что самым частотным приемом перевода является перестановка слов в словосочетании — 24 % от всех использованных приемов. Это можно объяснить различием языковых структур английского и русского языков: в английском языке типом связи между зависимым и главным словами в атрибутивных словосочетаниях является, как правило, примыкание, в то время как в русском языке такие сочетания могут переводиться с использованием управления или согласования.

В ходе исследования были установлены некоторые закономерности при передаче значений многочленных атрибутивных словосочетаний:

1. Свободные атрибутивные словосочетания, в состав которых входят два зависимых прилагательных или наречие и прилагательное, чаще всего переводятся без каких-либо изменений в структуре — в данном случае действует прием синтаксического уподобления. Например, *former military chief* [4] — бывший военный руководитель, *previously formidable barrier* [3] — ранее значительное препятствие и т. д. Словосочетания с такими же структурами могут переводиться также с грамматической заменой, перестановкой и многими другими приемами.

2. Свободные трехчленные словосочетания, зависимыми компонентами которых являются прилагательное

и существительное, причем прилагательное относится к главному слову, чаще всего переводятся с использованием перестановки, грамматической замены и родительного падежа. Например, *accurate point cloud* [3] — точное облако точек, *extra security forces* [8] — дополнительные силы безопасности. Исходя из этого можно сделать вывод, что если в состав зависимых компонентов английского словосочетания входит существительное, являющееся атрибутом, то оно на русский язык чаще всего переводится либо тем же существительным с перестановкой слов и подчинительной связью в русской структуре словосочетания, либо прилагательным, вследствие чего происходит замена части речи (например, *manual surveying (N) equipment* — ручное геодезическое (А) снаряжение). Надо отметить, что такие словосочетания не могут быть с одинаковой синтаксической структурой, поэтому прием «синтаксического уподобления» совсем не применяется при их переводе.

3. Если в состав словосочетания входит аббревиатура, то в определенных случаях она не переводится, а заимствуется в русский язык, сохраняя свое написание латинскими буквами. Такие словосочетания часто переводятся с использованием перестановки, добавления, а также могут синтаксически уподобляться и переводиться с помощью предлога и родительного падежа. Например, *location-based AR game* [2] — геолокационная AR-игра, *high-resolution OLED screen* [2] — OLED-дисплей с высоким разрешением.

В остальном сложно провести какую-то связь между структурой словосочетаний и приемами их перевода, в частности такими приемами, как описательный перевод, модуляция, контекстуальная замена, опущение и т. д. Во многом сложность вызывает большое разнообразие структур.

Таким образом, *многочленное атрибутивное словосочетание* — это явление в английском языке, которое требует к себе необычного подхода. Мы пришли к выводу, что чаще всего для перевода многочленных атрибутивных словосочетаний используются такие приемы, как перестановка,

синтаксическое уподобление, грамматическая замена, перевод с использованием родительного падежа, перевод с использованием предлога и добавление. При передаче значений словосочетаний очевидно применение того или иного приема перевода только в том случае, если словосочетание свободное и два зависимых компонента выражены либо двумя прилагательными, либо прилагательным и существительным. В остальных случаях сложно наверняка сказать, какой именно прием перевода будет применяться с определенной структурой и с определенными связями. В остальном, выбор приема перевода, кроме структуры и синтаксических связей между компонентами словосочетаний, зависит от контекста, значения слов, эквивалентности и связей внутри словосочетания.

Литература

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. 4-е изд. М.: Физматлит, 2005. 232 с.
2. Game over for virtual reality? // The Economist: [web] / The Economist Newspaper Ltd. 01.12.2017. URL: <https://www.economist.com/science-and-technology/2017/12/01/game-over-for-virtual-reality> (accessed: 27.05.2019).
3. Drones — what are they good for? // The Economist: [web] / The Economist Newspaper Ltd. 08.06.2017. URL: <https://www.economist.com/technology-quarterly/2017/06/08/drones-what-are-they-good-for> (accessed: 27.05.2019).
4. The Guardian view on Egyptian democracy: it would be a good idea: Editorial // The Guardian: [web] / Guardian News and Media Ltd. 15.01.2018. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jan/15/the-guardian-view-on-egyptian-democracy-it-would-be-a-good-idea> (accessed: 27.05.2019).
5. The Senate passes a tax bill // The Economist: [web] / The Economist Newspaper Ltd. 02.12.2017. URL: <https://www.economist.com/democracy-in-america/2017/12/02/the-senate-passes-a-tax-bill> (accessed: 27.05.2019).
6. Sample I. Creative thought has a pattern of its own, brain activity scans reveal // The Guardian: [web] / Guardian News and Media Ltd. 15.01.2018. URL: <https://www.theguardian.com/science/2018/jan/15/creative-thought-has-a-pattern-of-its-own-brain-activity-scans-reveal> (accessed: 27.05.2019).
7. The biggest rocket in the world prepares for its maiden voyage // The Economist: [web] / The Economist Newspaper Ltd. 18.01.2018. URL: <https://www.economist.com/science-and-technology/2018/01/18/the-biggest-rocket-in-the-world-prepares-for-its-maiden-voyage> (accessed: 27.05.2019).

8. **Beaumont P.** Israel braced for clashes following Trump's recognition of Jerusalem as capital // *The Guardian*: [web] / Guardian News and Media Ltd. 08.12.2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/07/jerusalem-un-security-council-us-recognition-jerusalem-donald-trump-israel-capital> (accessed: 27.05.2019).

Харабадзе Лия Давидовна — студентка 1 курса магистратуры Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), lia_khar@mail.ru

References

1. Arakin V. D. *Sravnitel'naya tipologiya angliiskogo i russkogo yazykov* (Comparative Typology of English and Russian Languages), 4-e izd., M., Fizmatlit, 2005, 232 p.
2. "Game over for Virtual Reality?" *The Economist*, 1 Dec. 2017, www.economist.com/science-and-technology/2017/12/01/game-over-for-virtual-reality.
3. "Drones — What Are They Good for?" *The Economist*, 8 June 2017, www.economist.com/technology-quarterly/2017/06/08/drones-what-are-they-good-for.
4. "The Guardian View on Egyptian Democracy: It Would Be a Good Idea: Editorial." *The Guardian*, 15 Jan.

2018, www.theguardian.com/commentisfree/2018/jan/15/the-guardian-view-on-egyptian-democracy-it-would-be-a-good-idea.

5. "The Senate Passes a Tax Bill." *The Economist*, 2 Dec. 2017, www.economist.com/democracy-in-america/2017/12/02/the-senate-passes-a-tax-bill.

6. Sample, Ian. "Creative Thought Has a Pattern of Its Own, Brain Activity Scans Reveal." *The Guardian*, 15 Jan. 2018, www.theguardian.com/science/2018/jan/15/creative-thought-has-a-pattern-of-its-own-brain-activity-scans-reveal.

7. "The Biggest Rocket in the World Prepares for Its Maiden Voyage." *The Economist*, 18 Jan. 2018, www.economist.com/science-and-technology/2018/01/18/the-biggest-rocket-in-the-world-prepares-for-its-maiden-voyage.

8. Beaumont, Peter. "Israel Braced for Clashes Following Trump's Recognition of Jerusalem as Capital." *The Guardian*, 8 Dec. 2017, www.theguardian.com/world/2017/dec/07/jerusalem-un-security-council-us-recognition-jerusalem-donald-trump-israel-capital.

Kharabadze Lia D., first-year Master student at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), lia_khar@mail.ru

Прагматические отношения при переводе научно-технического текста

А. А. Ярмек

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

murrr_meaow@mail.ru

Pragmatic Relations in Translation of Scientific and Technical Texts

A. A. Yarmak

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

murrr_meaow@mail.ru

Как известно, при работе с текстом из любой сферы, в том числе и области нанотехнологий, переводчик имеет дело как с лингвистическими, так и экстралингвистическими средствами. Лингвистические средства до этого неоднократно становились предметом изучения многих

ученых-лингвистов, но тем не менее без учета их особенностей нельзя составить полноценную картину перевода текста в сфере нанотехнологий.

Экстралингвистические средства, в свою очередь, представляют собой более новую область исследования, поскольку

к данным факторам обращаются значительно реже, хотя в процессе перевода они играют не менее важную роль. При этом подобные средства зависят от лингвистических и основываются на них, в частности, к первым относятся намерения автора выразить ту или иную мысль, воздействовать на слушателя в целях изменения внутреннего и (или) внешнего поведения. Стоит заметить, что именно в этом случае можно проследить взаимосвязь экстралингвистических средств в целом и лингвистических в частности на примере прагматических отношений [1, с. 153].

Прежде всего, необходимо уточнить, что означает прагматика текста и какую роль играет она в коммуникации. Важно помнить, что с позиции системы семиотических отношений единицы текста, а именно языковые знаки, можно характеризовать при помощи трех компонентов. Первый — это семантика, т. е. отношение к объектам, обозначаемым языковыми знаками. Второй — синтактика, т. е. отношение к другим знакам. Третий компонент и есть **прагматика** — отношение знаков к людям, которые используют данные знаки. Можно утверждать, что именно прагматические отношения способствуют тому, что язык выполняет свою основную функцию — функцию коммуникации [2, с. 139].

Исходя из цели коммуникации, говорящий выбирает определенные языковые единицы и упорядочивает их в своей речи необходимым для установления соответствующих смысловых цепочек образом. Вследствие этого сгенерированный текст получает прагматический потенциал — способность производить определенный коммуникативный эффект на реципиента, т. е. слушателя или читателя. Возможность текста создавать коммуникативный эффект, а именно воздействовать на реципиента и вызывать у него конкретное отношение к передаваемой информации, представляет собой прагматический аспект или прагматический потенциал (прагматику) текста [3, с. 304].

Рассуждая о коммуникации, нельзя обойти стороной прагматические отношения при переводе. Как известно, обычный

текст включает в себя сообщение, которое выступающий передает читателю или слушателю, и различную информацию, которую реципиент должен извлечь из данного сообщения, чтобы понять его. Принимая и осмысливая данную информацию, реципиент вступает в такие личностные отношения к тексту, которые известны как **прагматические** [4, с. 191].

Подобные отношения обычно не имеют единообразной формы и разнятся в зависимости от специфики ситуации. Обычно информативный характер прагматических отношений проявляется в тех случаях, когда текст представляет для реципиента всего лишь источник данных о каких-либо фактах и событиях, которые не затрагивают его самого. При этом воспринятая информация способна оказать на читателя или слушателя более сильное воздействие, например, задеть его чувства, вызвать некоторую реакцию или же побудить к каким-либо действиям.

По мнению В. Н. Комиссарова, прагматический потенциал текста основывается на следующих факторах:

- 1) содержании высказываний;
- 2) характере знаков, которые составляют высказывание;
- 3) реципиенте, который воспринимает высказывание [2, с. 137].

Стоит заметить, что на реакцию реципиента, помимо указанного, влияет также и характер языковых знаков, которые составляют высказывание. К примеру, даже обычную просьбу говорящий может выразить разными способами, каждый из которых будет нести свой собственный потенциал воздействия и, следовательно, вызывать определенную реакцию.

После того как были достаточно подробно освещены ключевые особенности и значение прагматических отношений, можно рассмотреть, какие особенности прагматики проявляются при переводе научно-технической литературы, в том числе и в области нанотехнологий.

По мнению В. Н. Комиссарова, отличительная черта переводческой деятельности в современном мире — это значительное

количество материалов научно-технической направленности, и их перевод подразумевает основательные и богатые познания в конкретной сфере, соответствующей предмету, к которому относится текст. Среди видов научно-технической литературы можно назвать следующие: всевозможные технические документы, монографии, статьи из технических журналов, технические описания, патенты, технические справочники и различные каталоги. Как правило, подобные тексты в изобилии содержат специальную терминологию [5, с. 85].

Если обратиться к классификации А. Нойберта, которую подробно объясняет И. С. Алексеева, становится очевидным, что научно-техническая литература в целом имеет одинаковый прагматический интерес для реципиентов как оригинала, так и перевода, поскольку в прагматическом смысле достигается наибольшая переводимость. В первую очередь это становится возможным за счет того, что главным компонентом содержания данной литературы является именно когнитивная информация. Важно помнить, что ее важным отличием является оценивание с позиции полезности, разумности, согласованности с действительностью [6, с. 248].

Не стоит забывать о цели перевода текста из сферы нанотехнологий, которой является предоставление реципиенту определенной информации, включающей специфичные явления и понятия, наиболее обобщенным образом, т. е. универсально, объективно и вне времени. При переводе подобных текстов особую роль играет специализированная лексика, которая содержит термины, предназначенные специально для передачи именно когнитивной информации [7, с. 108]. В качестве примера можно привести следующие термины¹: *antibody* — антитело, *cell* — клетка, *grain* — зерно, *laser* — лазер, *micron* — микрон, *microscopy* — микроскопия, *nano-* — нано- и *virus* — вирус.

Как и в любой другой области перевода, в литературе, затрагивающей сферу нанотехнологий, имеются определенные

проблемы в сфере прагматики. Подобные проблемы процесса перевода зависят от следующих типов отношений:

- 1) отношения автора к тексту оригинала;
- 2) отношения реципиента к переведенному тексту;
- 3) отношения переводчика к обоим указанным текстам.

Переводчик в процессе своей деятельности должен не только учитывать данные трудности, но и уметь их преодолевать [8, с. 130].

Так, А. Васишта, автор статьи «Устройства и датчики нового поколения на основе наноструктурированных материалов», высоко оценивает углеродные нанотрубки (CNTs — *carbon nanotubes*), называя их *ideal candidates* — буквально «идеальными кандидатами», что служит примером его положительного отношения к тексту оригинала: *The high conductivity and the small radius of curvature at the tips makes them ideal candidates for low voltage field emitters, as cold-cathodes for x-ray generation* [9, с. 2]. Как известно, в русском языке кандидатами являются субъекты (т. е. одушевленные лица), что подразумевает и наличие достижений — но никак не объекты. Поэтому значение «объекты, идеально соответствующие определенной цели» было передано при переводе как «идеально подходят»: *Благодаря высокой проводимости и малому радиусу кривизны острия они идеально подходят для низковольтных полевых излучателей, как холодные катоды подходят для генерирования рентгеновских лучей.*

Рассуждая об отношении реципиента к переведенному тексту, важно помнить, что в русскоязычной научно-технической литературе автору свойственно абстрагироваться от работы и свое мнение представлять отстраненно и объективно. Принято считать, что это способствует непредвзятой репрезентации точки зрения автора, поэтому конструкция с местоимением *us*, а именно *encouraged us to suggest their use*, которая встречается в тексте работы А. Васишты

¹ <http://www.thesaurus.rusnano.com>
<http://nanopartikel.info/en/glossary>

«Устройства и датчики нового поколения на основе наноструктурированных материалов», при переводе была заменена на другую, *привел к возникновению идеи использовать их*, где личное местоимение отсутствует: *An extensive review of nanostructured material properties has encouraged us to suggest their use in electrical, photonic, and potential nanotechnology based device designs and chem-bio sensor platforms* [9, с. 3]. — *Подробный анализ свойств наноструктурированных материалов привел к возникновению идеи использовать их в электрических, фотонных и перспективных конструкциях устройств на основе нанотехнологий, а также в платформах биохимических датчиков.*

Что касается отношения переводчика к обоим указанным текстам, то здесь также нельзя забывать об объективном изложении материала при переводе научно-технического текста. Так, это проявляется при выборе вариантов перевода, когда в переведенном тексте необходимо избегать стилистически окрашенной лексики (поскольку она является атрибутом художественного стиля) и использовать нейтральную. Например, эпитет *desired structure* («желаемой структуры») был переведен как *заданной структуры*, а *paramount importance* («высшее значение») — как *важнейшее значение*.

Прагматика способна определять границы того, насколько семантическая информация, содержащаяся в оригинальном тексте, представлена в тексте перевода. В зависимости от осведомленности реципиента об объекте, отмеченном в оригинальном тексте — понятии, предмете или явлении, — переводчик по необходимости может добавить, сократить или адаптировать некоторую часть информации [2, с. 210].

Например, принятая в англоязычной литературе пунктуация и нумерация (*i, ii, iii, iv, v* и т. д.) при переводе статьи «Устройства и датчики нового поколения на основе наноструктурированных материалов» под авторством А. Васишты была заменена на более привычную русскоязычному читателю (1, 2, 3, 4, 5): *Our own studies are focussed towards the following objectives, i) develop novel protocols for*

the surface modification and patterning of silicon structures with varying porosity, ii) functionalize the surface with suitable chemistry to monitor binding events related to antigens and antibodies of pathogens and toxins [9, с. 7]. — *Настоящее исследование сосредоточено на следующих целях: 1) разработать новый порядок действий для модификации поверхности и структурирования кремниевых структур с неоднородной пористостью; 2) функционализировать поверхность при помощи подходящих химических веществ с целью мониторинга событий привязки, связанных с антигенами и антителами болезнетворных микроорганизмов и токсинов.*

Важно отметить, что из данного аспекта прагматики можно вывести взаимосвязь прагматических отношений как частного случая лингвистических средств и знание предмета перевода как вида экстралингвистических средств. В свою очередь, знание конкретного предмета, в данной ситуации — нанотехнологий, имеет ключевое значение, поскольку для полноценного перевода текста из данной области требуется предварительная профессиональная подготовка. Как известно, учет социальной направленности и детерминированности процесса перевода как деятельности не теряет своей актуальности, поскольку знание адресата перевода научно-технического текста и целей перевода как коммуникации влияет на результат работы переводчика.

Таким образом, можно сделать вывод, что прагматические отношения как лингвистическое средство играют достаточно важную роль в процессе перевода научно-технического текста, поскольку являются связующим звеном между лингвистическими и экстралингвистическими средствами в целом. Любые особенности научно-технической литературы оказывают непосредственное влияние на ее коммуникативный характер, который необходимо воспроизвести при переводе. Если подобная специфика не принимается переводчиком во внимание, то трудности в понимании результата перевода значительно возрастают в силу как лингвистических, так и экстралингвистических причин.

Литература

1. Петрова Н. Э., Рубцова Е. В. Лингвистические и экстралингвистические аспекты речи в парадигме современных научных исследований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-2 (61). С. 153—155.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.: портр.
3. Дубровская Е. В., Ольшевская Н. В. Прагматические аспекты перевода // Вопросы филологии и переводоведения: сб. науч. ст. по мат-лам XII Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы языковой динамики, филологии и лингводидактики», посвящ. 85-летию Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (23 окт. 2015) / Отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2015. С. 303—307.
4. Велединская С. Б. Курс общей теории перевода. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2010. 229 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
6. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М.: ИЦ Академия; СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 352 с.
7. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. 3-е изд. М.: Изд-во УРАО, 2002. 208 с.
8. Морозова О. Н., Кажанова З. Н. Лингвистические и экстралингвистические аспекты перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3-3 (45). С. 129—131.
9. Vaseashta A. Nanostructured materials based next generation devices and sensors // Nanostructured and Advanced Materials for Applications in Sensor, Optoelectronic and Photovoltaic Technology. Dordrecht: Springer, 2004. P. 1—30. (NATO Science Series II: Mathematics, Physics and Chemistry. Book 204). https://doi.org/10.1007/1-4020-3562-4_1

Ярмак Анастасия Александровна — студентка 2 курса магистратуры Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), murrr_meaow@mail.ru

References

1. Petrova N. E., Rubtsova E. V. Lingvistichekieskie i ekstralingvistichekieskie aspekty rechi v paradigme sovremennykh nauchnykh issledovaniy (Linguistic and Extralinguistic Aspects of Speech in Contemporary Paradigm of Scientific Studies), *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, No. 7-2 (61), pp. 153—155.
2. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie (Contemporary Translation Studies), M., ETS, 2002, 424 p., portr.
3. Dubrovskaya E. V., Ol'shevskaya N. V. Pragmaticheskie aspekty perevoda (Pragmatic Aspects of Translation), *Voprosy filologii i perevodovedeniya, sb. nauch. st. po mat-lam XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Aktual'nye voprosy yazykovoï dinamiki, filologii i lingvodidaktiki", posvyashch. 85-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva (23 okt. 2015)*, Otв. red. N. V. Kormilina, N. Yu. Shugaeva, Cheboksary, Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2015, pp. 303—307.
4. Veledinskaya S. B. Kurs obshchei teorii perevoda (A Course of General Theory of Translation), Tomsk, Izd-vo Tom. politekhn. un-ta, 2010, 229 p.
5. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvistichekieskie aspekty) (Theory of Translation (Linguistic Aspects)), M., Vysshaya shkola, 1990, 253 p.
6. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie (Introduction to Translation Studies), M., ITs Akademiya, SPb., Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2004, 352 p.
7. Breus E. V. Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na angliiskii (Basics of Russian-English Translation Theory and Practice), 3-e izd., M., Izd-vo URAO, 2002, 208 p.
8. Morozova O. N., Kazhanova Z. N. Lingvistichekieskie i ekstralingvistichekieskie aspekty perevoda (Linguistic and Extralinguistic Aspects of Translation), *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, No. 3-3 (45), pp. 129—131.
9. Vaseashta, A. "Nanostructured materials based next generation devices and sensors". Springer, *Nanostructured and Advanced Materials for Applications in Sensor, Optoelectronic and Photovoltaic Technology*, 2004, pp. 1—30. *NATO Science Series II: Mathematics, Physics and Chemistry. Book 204*. https://doi.org/10.1007/1-4020-3562-4_1

Yarmak Anastasia A., second-year Master student at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), murrr_meaow@mail.ru

**ИННОВАЦИОННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ:
МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
INNOVATIVE PEDAGOGIC TECHNOLOGIES IN TEACHING
FOREIGN LANGUAGES AT TECHNICAL UNIVERSITY:
PROCEEDINGS OF THE ROUND TABLE**

**Инновационная технология обучения в малых группах как средство развития
умений социального взаимодействия студентов технического вуза**

Е. С. Давиденко, Н. Л. Байдикова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

des_kr@mail.ru

**Innovative Technology of Teaching Practice in Small Groups as a Means
of Developing Social Communication Skills of Technical University Students**

E. S. Davidenko, N. L. Baidikova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

des_kr@mail.ru

Современному выпускнику вуза недостаточно обладать знаниями, навыками и умениями только в профессиональной сфере. Быстро развивающийся мир требует от молодых специалистов способности адаптироваться к меняющимся условиям, готовности к самосовершенствованию и самообразованию, умения взаимодействовать и работать в команде. То есть перед вузом стоит важная задача формировать у выпускников не только профессиональные, но и универсальные компетенции. Только в этом случае они смогут стать конкурентоспособными на рынке труда.

Одной из универсальных компетенций (УК), прописанных в Федеральных государственных образовательных стандартах

последнего поколения (ФГОС ВО 3++) всех технических направлений подготовки бакалавров, является УК-3 «Командная работа и лидерство» (Способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде) [1]. Для формирования этой универсальной компетенции наиболее оптимальным средством представляется технология обучения в малых группах.

Групповая форма работы сама по себе не является новшеством в дидактике. Однако традиционно она воспринимается как организационная форма наряду с такими формами организации учебной деятельности, как фронтальная и индивидуальная. Для того, чтобы работа в малых группах

служила дидактическим основанием формирования отдельной универсальной компетенции, ей следует придать новый, более весомый статус.

Цель данной статьи — выявить существенные характеристики обучения в малых группах как самостоятельной инновационной технологии.

Прежде всего, следует определить понятие «педагогическая технология».

Понятие технологии пришло в педагогику из сфер промышленности и экономики. С одной стороны, этот термин сближает обучение с производственно-технологическим процессом, уподобляет поступательное движение к образовательным результатам производственной цепочке от ресурса до готового изделия. С другой стороны, технологии, заняв прочное место в образовательном пространстве, обогатились новыми характеристиками, отражающими специфику учебно-воспитательного процесса.

Необходимость технологизации педагогического процесса вызвана современными тенденциями развития общества, такими как информатизация, цифровизация, глобализация. Ускорение темпов развития всех социально-экономических сфер ставит перед педагогической наукой задачу разрабатывать такие системы обучения, которые с высокой степенью прогнозируемости и эффективности могут готовить молодых людей к жизни и труду в современных условиях. Таким требованиям и отвечают педагогические технологии.

В научной литературе можно встретить различные трактовки термина «педагогическая технология».

Профессор В. П. Беспалько определяет это понятие как проект определенной педагогической системы, реализуемый на практике и включающий три компонента: организационную форму, дидактический процесс и квалификацию учителя (или ТСО в его функции). По мнению В. П. Беспалько, педагогическая система — более широкое понятие, чем технология, так как помимо указанных компонентов педагогической технологии содержит еще три

составляющих: учащиеся, цели обучения и воспитания, содержание обучения и воспитания [2, с. 6—7].

Известный психолог и педагог Б. Т. Лихачев трактует педагогическую технологию как организационно-методический инструмент педагогического процесса: «Педагогическая технология представляет собой совокупность психолого-педагогических установок, определяющих специальный подбор и компоновку форм, методов, способов, приемов, воспитательных средств (схем, чертежей, диаграмм, карт). Технологическими образованиями обеспечивается возможность достижения эффективного результата в усвоении учащимися знаний, умений и навыков, развития их личностных свойств и нравственных качеств в одной или нескольких смежных областях учебно-воспитательной работы» [3, с. 135]. Как видно из определения, автор подчеркивает эффективность педагогической технологии в решении как практических, так и воспитательных и развивающих задач обучения.

Так как педагогические технологии нацелены на решение комплексной задачи формирования как предметных, так и универсальных компетенций, они предъявляют особые требования к личности педагога. Роль педагога в структуре педагогической технологии подчеркивается В. А. Сластениным: «Педагогическая технология — это строго научное проектирование и точное воспроизведение гарантирующих успех педагогических действий. Поскольку педагогический процесс строится на определенной системе принципов, то педагогическая технология может рассматриваться как совокупность внешних и внутренних действий, направленных на последовательное осуществление этих принципов в их объективной взаимосвязи, где всецело проявляется личность педагога» [4, с. 495].

На основании представленных определений понятия «педагогическая технология» можно выделить ее основные характеристики:

1) нацеленность на решение комплексной задачи формирования как предметных, так и универсальных компетенций;

2) алгоритмичность педагогических действий;

3) наличие системы взаимосвязанных принципов;

4) особая роль педагога в реализации технологии.

Рассмотрим, каким образом групповая работа может использоваться не просто как форма организации процесса обучения, а в качестве педагогической технологии.

Во-первых, обучение в малых группах обладает **мощным воспитательно-развивающим потенциалом**. Как уже было отмечено, групповая работа содействует развитию универсальной компетенции социального взаимодействия. Проведенные за последние несколько десятилетий исследования доказывают эффективность обучения в сотрудничестве (*cooperative learning*) в целом и обучения иностранным языкам в малых группах в частности [5; 6].

Вторая характеристика технологии обучения в малых группах касается **алгоритмичности педагогических действий**, что с высокой степенью вероятности обеспечивает эффективность в достижении запланированного результата.

При организации обучения в малых группах педагогу необходимо выстраивать педагогический процесс в несколько этапов. Так, Г. К. Селевко выделяет три основных элемента технологического процесса групповой работы [7, с. 253]:

1) подготовка к выполнению группового задания;

2) непосредственно групповая работа;

3) заключительная часть (рефлексия).

Третьей характеристикой технологии обучения в малых группах является наличие **системы взаимосвязанных дидактических принципов**. Поэтапная организация групповой работы студентов осуществляется педагогом в соответствии с этими принципами, что наряду с алгоритмичностью обеспечивает успешность технологии в достижении целей. Необходимыми принципами технологии обучения в малых группах для развития умений социального взаимодействия считаем следующие:

— принцип разнообразия критериев при комплектовании групп;

— принцип однородности / разнородности состава групп;

— принцип ролевой организации групповой работы;

— принцип ротации ролей в группе.

Рассмотрим **принцип разнообразия критериев при комплектовании групп**.

На этапе подготовки к выполнению задания в малых группах преподавателю необходимо разделить студентов на команды. Комплектовать группы можно с учетом следующих критериев:

— уровень владения иностранным языком (так называемые слабые студенты и сильные студенты);

— общий уровень академической успеваемости (отлично-хорошо успевающие по всем предметам студенты и удовлетворительно-слабо успевающие студенты);

— тип личности (активные и пассивные студенты; экстраверты и интроверты);

— вид межличностных отношений (студенты, состоящие в дружеских отношениях, и студенты, проявляющие друг к другу безразличие или неприязнь);

— пол (молодые люди и девушки).

Принцип разнообразия критериев формирования малых групп требует, чтобы преподаватель использовал как можно большее разнообразие критериев. На практике при организации групповой работы преподаватель обычно объединяет в группы соседей по парте, т. е. применяет критерий межличностных отношений, ведь студенты выбирают себе место в аудитории рядом со своими товарищами. Деление на группы по разнообразным критериям приводит к разному составу групп в каждом отдельном случае, что дает возможность студентам общаться с новыми партнерами при выполнении различных заданий.

Очевидно, что способ комплектования малых групп определяется, в первую очередь, задачами, которые предстоит решать на занятии. Но наш опыт показывает, что поочередное использование всего репертуара критериев способствует достижению

максимального обучающего, воспитывающего и развивающего эффекта от применения данной технологии, так как ставит студентов перед необходимостью адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям взаимодействия, требует мобилизации личностного потенциала.

Принцип разнообразия критериев при комплектовании групп тесно связан с *принципом однородности / разнородности состава групп*.

При использовании любого из вышеперечисленных критериев можно сформировать два типа групп:

- с однородным составом (например, отдельно «сильные» обучающиеся и отдельно «слабые»);
- с разнородным составом (каждую из групп составляют «сильные» и «слабые» студенты в определенных пропорциях).

Ранее нами установлено: «Несомненно, однородные типологические группы точно соответствуют принципу индивидуализации обучения: обучающийся погружен в комфортную психологическую среду, в которой можно более полно раскрыть свою личность. Но постоянное приспособление условий и средств обучения к особенностям обучающихся противоречит реалиям, с которыми они сталкиваются в жизни. Многочисленные ситуации общения требуют умения применять различные стратегии взаимодействия, при этом в подавляющем большинстве случаев мы не можем выбирать партнеров по общению. С точки зрения личностного развития более эффективными оказываются разнородные типологические группы: студенты разных психологических типов учатся взаимодействовать друг с другом, формируя те качества личности, которые проявляются недостаточно» [8, с. 160].

Регулярное переключение студентов с работы в однородных группах на работу в группах с разнородным составом также представляется эффективным для достижения пластичности в их социальном взаимодействии.

Теперь обратимся к *принципу ролевой организации групповой работы*. Для того, чтобы развитие умений социального

взаимодействия проходило эффективнее, методисты рекомендуют назначить каждому члену команды свою роль. Имеются в виду не роли-карточки, предписывающие, что и как нужно делать, которые обычно раздаются участникам ролевой игры, а роли-функции, распределяющие обязанности студентов в команде при выполнении любого задания. Номенклатура ролей зависит от числа студентов в группе и характера решаемой задачи. Наиболее распространенными ролями являются «лидер», «генератор идей», «критик», «докладчик» и «секретарь».

Представляется важным создать такие условия, чтобы каждый член команды мог попробовать себя в каждой из вышеперечисленных ролей. Хотя известно, что индивидуальный профиль студента (совокупность его физиологических, психологических, интеллектуальных и личностных черт) делает его предрасположенным к исполнению определенных функций в команде, ротация обязанностей обогащает опыт межличностного взаимодействия, дает возможность обнаружить скрытый потенциал каждого обучающегося. Таким образом, *принцип ротации ролей в группе* (как и остальные, взаимосвязанные с ним принципы, описанные выше) способствует наиболее эффективному формированию у каждого субъекта учебного процесса умений социального взаимодействия.

Проблема распределения ролей-функций связана с вопросом о наиболее оптимальном количестве студентов в малой группе.

Единого мнения на этот счет не существует. Так, Джон Краган и Дэвид Райт считают группу из пяти-семи человек наиболее эффективной [9]. Другого мнения придерживается Томас Дж. Соха [10]. Он указывает, что в малой группе должно быть от трех до пятнадцати человек. При этом многие исследователи разделяют мнение Сары Эдмундс и Джорджа Брауна, которые считают, что расширение малой группы ведет к двойным последствиям: по мере увеличения размера группы потенциальные ресурсы знаний увеличиваются, а возможности для взаимодействия уменьшаются [11].

Так как целью педагогической технологии малых групп является развитие универсальной компетенции социального взаимодействия, считаем, что наполняемость группы должна составлять 4-5 человек.

Последней, четвертой характеристикой любой педагогической технологии является **особая роль педагога** в реализации всех упомянутых характеристик: в достижении цели, организации этапов и осуществлении принципов технологии. Педагог, несомненно, является центральной фигурой с точки зрения планирования и организации групповой работы. Однако с точки зрения взаимодействия со студентами он может выполнять разные функции. Во время выполнения студентами групповой работы педагог может занимать следующие позиции:

- позиция наблюдателя (педагог не вмешивается в работу малых групп, внимательно наблюдая за ходом работы со стороны);

- позиция участника одной из малых групп (педагог берет на себя любую из описанных ролей, причем не обязательно роль лидера, но и такую, как, например, роль секретаря).

Являясь наблюдателем, педагог создает условия для развития у каждого студента таких качеств личности, как активность, самостоятельность, ответственность за результат, рефлексивность, желание быть субъектом своей собственной учебной деятельности.

Активно участвуя в совместном образовательном диалоге в качестве одного из равноправных членов группы, педагог учит студентов на собственном примере проявлять эмоциональную устойчивость, способность к эффективным действиям в команде, гибкость в общении. Занимая такую позицию, педагог не только расширяет репертуар стратегий межличностного взаимодействия членов группы, но и обогащает свой собственный.

Таким образом, обучение студентов в малых группах может приобрести статус педагогической технологии при выполнении определенных условий. Основными

характеристиками обучения в малых группах как педагогической технологии являются следующие:

- 1) педагогическая технология обучения в малых группах нацелена на решение комплексной задачи формирования не только предметных компетенций, но и универсальной компетенции социального взаимодействия;

- 2) алгоритмичность педагогических действий представляет собой последовательное выполнение этапов по подготовке к групповой работе, ее осуществлению и рефлексии;

- 3) систему взаимосвязанных принципов педагогической технологии малых групп составляют четыре принципа:

- принцип разнообразия критериев при комплектовании групп,

- принцип однородности / разнородности состава групп,

- принцип ролевой организации групповой работы,

- принцип ротации ролей в группе;

- 4) особая роль педагога в реализации технологии обучения в малых группах состоит в том, что он может становиться как наблюдателем, так и равноправным участником группы и брать на себя различные роли-функции.

Не только групповая работа может приобрести статус педагогической технологии в теории и практике обучения. Отдельные методы, системы или даже приемы обучения можно сделать технологичными за счет придания им вышеуказанных характеристик педагогической технологии.

К инновационным педагогическим технологиям, получившим распространение в высшей школе в последнее время, относят:

- дистанционное (электронное, онлайн-) обучение;

- личностно ориентированное обучение;

- профессионально ориентированное обучение;

- проектное обучение;

- кейс-технологии;

- игровое моделирование;

- проблемное обучение и др.

Важную роль в современной педагогике играет информационная среда, которая в той или иной степени влияет на все характеристики педагогической технологии, начиная от постановки целей и задач и заканчивая функциями педагога. При этом инновационные теоретические исследования и их практическая реализация часто не совпадают по времени, точности исполнения и условиям применения. И наоборот, применение инновационных инструментов преподавателями-практиками может зачастую опираться на интуитивные «находки», а не на прочную научную методологию.

Задача дидактики сегодняшнего дня — соединить инновационные научные идеи и практическую педагогическую деятельность в единый эффективный механизм обучения и воспитания подрастающего поколения.

Литература

1. Проекты ФГОС ВО по направлениям бакалавриата // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования: [электронный ресурс] / ФГОС ВО. Соп. 2019. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/142/141/16> (дата обращения 16.04.2019).
2. **Беспалько В. П.** Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. 192 с.
3. **Лихачев Б. Т.** Педагогика: Курс лекций. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Юрайт, 2001. 607 с.
4. **Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н.** Педагогика. М.: Academia, 2002. 566 с. (Высшее образование).
5. **Jaques D.** Learning in Groups: A Handbook for Improving Group Work. 3rd ed. London: Kogan Page, 2000. 310 p.
6. **Slavin R. E.** Cooperative Learning: Theory, Research, and Practice. 2nd ed. Boston: Allyn and Bacon, 1995. XXI, 173 p.
7. **Селевко Г. К.** Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. Т. 1. М.: НИИ школьных технологий, 2006. 816 с.
8. **Байдикова Н. Л., Давиденко Е. С.** Типологические особенности личности (экстраверсия / интроверсия) в контексте личностно ориентированного обучения студентов неязыковых вузов иностранному языку // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. 2018. № 796. С. 155—163.
9. **Cragan J. F., Wright D. W.** Communication in Small Group Discussions: An Integrated Approach. 3rd ed. St. Paul, MN: West Publishing, 1991. 313 p.
10. **Socha T. J.** Group communication across the life span // Managing group life: Communicating in decision-making groups / Eds.: L. R. Frey, J. K. Barge. Boston: Houghton Mifflin, 1997. P. 3—28.
11. **Edmunds S., Brown G.** Effective small group learning. AMEE Guide No. 48 // Medical Teacher. 2010. Vol. 32. P. 715—726. <https://doi.org/10.3109/0142159X.2010.505454>

Давиденко Елена Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), des_kr@mail.ru

Байдикова Наталья Леонидовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), nataleon22@list.ru

References

1. “Proekty FGOS VO po napravleniyam bakalavriata” (Federal State Educational Standard of Higher Education Projects for Bachelor’s Degree). *Portal Federal’nykh gosudarstvennykh obrazovatel’nykh standartov vysshego obrazovaniya*. FGOS VO, sop. 2019. Web. 16 Apr. 2019. <<http://fgosvo.ru/fgosvo/142/141/16>>.
2. **Bespalko V. P.** Sлагаемые pedagogicheskoi tekhnologii (Summons of Pedagogical Technology), M., Pedagogika, 1989, 192 p.
3. **Likhachev B. T.** Pedagogika, Kurs lektsii (Pedagogy, Lecture Course), Izd. 4-e, pererab. i dop., M., Yurait, 2001, 607 p.
4. **Slastenin V. A., Isaev I. F., Shiyonov E. N.** Pedagogika (Pedagogy), M., Academia, 2002, 566 p., Vysshee obrazovanie.
5. **Jaques D.** *Learning in Groups: A Handbook for Improving Group Work*. 3rd ed., London, Kogan Page, 2000, 310 p.
6. **Slavin R. E.** *Cooperative Learning: Theory, Research, and Practice*. 2nd ed., Boston, Allyn and Bacon, 1995, xxi, 173 p.
7. **Selevko G. K.** Entsiklopediya obrazovatel’nykh tekhnologii, v 2 t. (Encyclopedia of Educational Technology, in 2 Vols.), T. 1, M., NII shkol’nykh tekhnologii, 2006, 816 p.
8. **Baidikova N. L. (Baidikova N. L.), Davidenko E. S.** Tipologicheskie osobennosti lichnosti (ekstraversiya / introversiya) v kontekste lichnostno orientirovannogo obucheniya studentov neyazykovykh vuzov inostrannomu yazyku (Personality Types in Teaching a Foreign Language to Extravert and Introvert Non-Linguists Students in the Learner-Centred Context), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, Seriya Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*, 2018, No. 796, pp. 155—163.
9. **Cragan J. F., Wright D. W.** *Communication in Small Group Discussions: An Integrated Approach*. 3rd ed., St. Paul, MN, West Publishing, 1991, 313 p.
10. **Socha T. J.** “Group Communication Across the Life Span”. *Managing group life: Communicating in Decision-Making Groups*, Eds.: L. R. Frey, J. K. Barge, Boston, Houghton Mifflin, 1997, pp. 3—28.
11. **Edmunds S., Brown G.** “Effective small group learning. AMEE Guide No. 48”. *Medical Teacher*, 2010, vol. 32, pp. 715—726, <https://doi.org/10.3109/0142159X.2010.505454>

Davidenko Elena S., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, associate professor at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), des_kr@mail.ru

Baidikova Natalia L., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, associate professor at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), nataleon22@list.ru

Онлайн-сервис *Google Forms* как электронное средство обучения аудированию студентов технических направлений подготовки

Т. А. Архарова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

tanya_soln@mail.ru

Google Forms as On-line Means to Teach Listening to Technical Students

Т. А. Arkharova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

tanya_soln@mail.ru

Использование средств современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) уже достаточно давно стало нормой в практической деятельности педагогов иностранных языков в вузах в связи с созданием интерактивного образовательного пространства.

Методисты отмечают, что потенциал ИКТ-средств в повышении мотивации и познавательной активности очень велик. С помощью ИКТ преподаватель может помочь студенту преодолеть психологический барьер в использовании иностранного языка для коммуникативных целей. ИКТ-средства позволяют интенсифицировать и индивидуализировать процесс обучения даже в условиях сокращения количества аудиторных часов, помогают преодолеть субъективность в оценивании обучающихся.

ИКТ-средства могут видоизменять некоторые традиционные формы организации процесса обучения в вузе. Например, помимо лекций могут быть использованы

видеолекции, практические и семинарские занятия можно проводить в форме «семинаров-чатов», консультации преподаватель может проводить с помощью электронной почты, скайпа или мессенджеров, а самостоятельные, контрольные работы, зачеты и экзамены могут проводиться с использованием сетевого тестирования, например, с помощью сервиса *Google Forms*.

Однако дидактический потенциал отдельных ИКТ-средств исследован недостаточно. В связи с этим представляется актуальным изучение перспектив применения онлайн-сервиса *Google Forms* в обучении иностранному языку студентов технического вуза. Цель статьи — выявить дидактические возможности использования онлайн-сервиса *Google Forms* при обучении аудированию студентов технических направлений подготовки.

1. Краткое описание онлайн-сервиса *Google Forms*

Все средства ИКТ можно разделить на аппаратные и программные.

К аппаратным средствам относится, например, компьютер, проектор, принтер, внутриклассная и внутриуниверситетская сети и др. К программным средствам — электронные средства обучения (ЭСО), с их помощью обеспечиваются условия для осуществления различных видов учебной деятельности. Наиболее полным нам кажется определение, данное И. А. Позановой: «Электронное средство обучения — это интерактивное образовательное электронное учебное пособие, содержащее систематизированный материал по соответствующей научно-практической области знаний, обеспечивающее творческое и активное овладение учащимися знаниями, умениями и навыками в этой области и отличающееся от традиционных средств обучения возможностью применения мультимедийных технологий для представления материала, высоким уровнем исполнения, полнотой информации, высоким качеством методического инструментария» [1, с. 15].

В нашей работе особенное внимание будет уделено такому ЭСО, как онлайн-сервис *Google Forms*. Данный онлайн-сервис можно использовать для создания форм обратной связи, онлайн-тестирований и опросов. Каждая новая форма представляет собой веб-страницу, на которой размещена анкета или тестирование. Для работы с формами студенту нужно иметь только аккаунт в *Google*. Положительными аспектами в использовании *Google Forms* являются:

- простота использования — интерфейс является удобным и понятным как для педагога, так и для студентов, для преподавателя и студента создается статистика результатов и их автоматический анализ;
- доступность — формы хранятся в облаке и всегда доступны по ссылке, их можно отправить по почте или опубликовать в социальных сетях;
- мобильность — *Google Forms* адаптированы под мобильные устройства, создавать, просматривать, редактировать и пересылать формы можно с телефона и планшета;
- бесплатность сервиса.

2. Цели использования онлайн-сервиса *Google Forms* и формируемые компетенции

Согласно ФГОС ВО 3++, у студентов бакалавриата неязыкового вуза должна быть сформирована компетенция УК-4: студент должен быть способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной форме на иностранном языке [2]. Для поддержания коммуникации необходимо не только уметь выражать свои мысли посредством иностранного языка, но и хорошо понимать собеседника. Таким образом, у учащегося должно быть хорошо развито умение аудирования.

Онлайн-сервис *Google Forms* может использоваться преподавателем иностранного языка для организации эффективной работы над аудированием. Сервис удобен для организации аудиторной и самостоятельной работы над текстом, позволяет оптимизировать работу в группах с большой наполняемостью, что очень актуально для современного вузовского образования [3].

Кроме того, *Google Forms* приемлем для осуществления самостоятельной работы студентами и развития у них общеучебных умений. Как отмечает Н. Л. Байдикова, «важнейшая задача педагога — не столько обучить учащихся своему предмету, но прежде всего — научить их учиться, овладеть основными способами познания для самостоятельного приобретения нужных знаний» [4, с. 105].

Что касается организации работы с текстом, онлайн-сервис *Google Forms* может применяться на всех этапах обучения аудированию: для снятия фонетических, грамматических, лексических и психологических трудностей, при прослушивании текста, для контроля понимания, а также на послетекстовом этапе обучения говорению и письму на основе материала текста.

3. Методика применения онлайн-сервиса *Google Forms* для обучения аудированию

Традиционно упражнения при работе с аудиотекстом подразделяются на следующие группы [5]:

- предтекстовые;
- упражнения, которые выполняются во время прослушивания;
- послетекстовые упражнения.

Предтекстовые упражнения выполняются перед прослушиванием и помогают облегчить последующее прослушивание. Такими упражнениями могут быть: предсказание темы будущего прослушивания по картинкам, диаграммам, названию текста. Данные упражнения активизируют словарный запас и социокультурные знания учащихся по теме. С психологической точки зрения, такие упражнения снимают напряжение перед прослушиванием и лексические и языковые трудности.

На этапе прослушивания обычно выполняются упражнения на извлечение конкретной информации. Это помогает учащимся понять структуру текста, научиться в нем ориентироваться и легко находить нужную информацию. Такими упражнениями могут быть: заполнение таблицы, пропусков в тексте.

После прослушивания выполняются упражнения, нацеленные на контроль понимания информации текста и на выражение точки зрения говорящего по проблематике текста. Такими упражнениями могут быть: ответы на вопросы, *true / false / not stated* (правдивое утверждение / ложное / в тексте не встречалось) и др. Данные упражнения проверяют, насколько подробно и детально студент понял информацию, содержащуюся в тексте. Понимание речи на слух тесно связано с говорением — выражением мыслей средствами изучаемого языка, по этой причине можно также предложить студенту выразить его личную позицию по вопросу.

4. Применение онлайн-сервиса *Google Forms* для обучения аудированию студентов технических направлений подготовки НИУ МИЭТ

Данная технология может быть использована при обучении иностранному языку студентов 1 и 2 курсов неязыкового вуза.

В рамках темы «Защита окружающей среды» нами предлагается организация поэтапной самостоятельной работы над аудиофрагментом с помощью онлайн-сервиса *Google Forms*. Объем текста — 266 слов, время прослушивания — 2 минуты. Все задания и ссылка на аудиофайл размещаются преподавателем на этом ресурсе.

Подготовительный этап. Для снятия лексических трудностей студентам предлагается сопоставить трудные слова из текста с их переводом. Для активизации механизма языковой догадки и повторения некоторых устойчивых выражений необходимо выполнить перевод некоторых фраз из текста. Для снятия грамматических трудностей предлагается упражнение на активизацию грамматики, которая встретится в тексте.

Первое прослушивание. На данном этапе студенты стараются понять общий смысл прослушанного фрагмента, основную мысль текста.

Второе прослушивание. На данном этапе студентам предлагаются текстовые упражнения: необходимо перефразировать предложения из текста. Это упражнение помогает активизировать умения студента использовать определенные грамматические конструкции и верно подбирать синонимичные лексические единицы.

Послетекстовый этап. На данном этапе студентам предлагается ряд вопросов, направленных как на проверку понимания текста, так на развитие умений говорения и письма. Студенты выражают свою точку зрения относительно материала прослушанного текста, а также пишут небольшое эссе по теме «Как мы можем помочь планете, используя новые технологии».

5. Средства контроля и оценивания

Так как задания будут выполняться дистанционно, то все ответы на дотекстовые, текстовые и послетекстовые упражнения отправляются преподавателю в *Google Classroom*. Существует три варианта проверки верности выполненных упражнений.

1. Проверка упражнений преподавателем с комментариями и советами по исправлению ошибок. В случае работы с большой группой процесс будет достаточно трудоемким, и проверка домашнего задания может занять большое количество времени.

2. Проверка упражнения самим студентом. В данном случае преподаватель не дает комментарии по ошибкам и не выделяет их, а лишь указывает их количество студенту или классифицирует их (например:

«В работе присутствует 5 грамматических, 2 лексических и 1 речевая ошибка»), предлагая студенту самому найти и исправить свои ошибки.

3. Проверка упражнений с помощью других студентов. В данном случае педагог может создать единый файл с присланными ему упражнениями в *Google Docs* и открыть к нему доступ всем студентам. Студенты в свою очередь должны будут поправить ошибки двух своих одноклассников (имена которых укажет педагог) и по возможности пояснить свою позицию, так как верный ответ может быть исправлен проверяющим на неверный. Таким образом, работа каждого студента будет проверена дважды.

Google Classroom предусматривает выставление оценки по итогам выполнения задания, следовательно, студент может узнать, как преподаватель оценил его работу. Предлагаемые упражнения оцениваются максимум в десять баллов: пять баллов за подготовительный и текстовый этапы и пять баллов за послетекстовый этап.

Критерием оценки является степень безошибочности выполнения упражнений подготовительного и текстового этапов, т. е. насколько слова верно соотнесены с их переводом, выражения верно переведены, предложения грамматически и лексически верно перефразированы. При оценивании послетекстового этапа учитывается, насколько грамматически, лексически и логически верны ответы студентов на вопросы по тексту.

Выводы

Онлайн-сервис *Google Forms* целесообразно использовать для обучения аудированию на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе, так как данный ресурс обладает следующими дидактическими возможностями:

- 1) удобен для организации как аудиторной работы под руководством преподавателя, так и внеаудиторной самостоятельной работы над развитием умений аудирования;
- 2) подходит для применения на всех этапах обучения аудированию;
- 3) способствует развитию у студентов общеучебных умений и ИКТ-компетенции

наряду с предметными умениями аудирования;

4) позволяет оптимизировать проверку выполненного задания в группах с большой наполняемостью;

5) устраняет психологические трудности и повышает мотивацию студентов к изучению иностранного языка.

Литература

1. Позанова И. А. Использование электронных средств обучения на занятиях по дисциплине «криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий из них» // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 3 (62). С. 14–18.
2. Проекты ФГОС ВО по направлениям бакалавриата // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования: [электронный ресурс] / ФГОС ВО. Соп. 2019. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/142/141/16> (дата обращения 18.04.2019).
3. Давиденко Е. С. К вопросу об оптимизации обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов в группах с большой наполняемостью // Личность как объект психологического и педагогического воздействия: Сб. статей междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / Отв. ред. А. А. Сукиасян. Ч. 2. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 65–70.
4. Байдинова Н. Л. Формирование учебной компетенции у студентов языковых факультетов вузов в процессе обучения теоретическим дисциплинам // Актуальные проблемы международного сотрудничества в области науки и образования: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (Тамбов, 25 марта 2011 г.). Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. С. 101–105.
5. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций. 2-е изд. М.: Просвещение, 2003. 239 с.: табл.

Архарова Татьяна Андреевна — студентка 1 курса магистратуры Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), tanya_soln@mail.ru

References

1. Pozanova I. A. Ispol'zovanie elektronnykh sredstv obucheniya na zanyatiyakh po distsipline "kriminalisticheskoe issledovanie veshchestv, materialov i izdelii iz nikh" (e-Learning Modalities Use in Course of "Forensic Processing of Substances, Matters and Objects Manufactured of Them"), *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2012, No. 3 (62), pp. 14–18.
2. "Proekty FGOS VO po napravleniyam bakalavriata" (Federal State Educational Standard of Higher Education Projects for Bachelor's Degree). *Portal Federal'nykh*

gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov vysshego obrazovaniya. FGOS VO, cop. 2019. Web. 18 Apr. 2019. <<http://fgosvo.ru/fgosvo/142/141/16>>.

3. Davidenko E. S. K voprosu ob optimizatsii obucheniya inostrannomu yazyku studentov neyazykovykh vuzov v gruppakh s bol'shoi napolnyaemost'yu (Towards Optimization of Foreign Language Teaching to Non-Linguistic University Students in Large Training Groups), *Lichnost' kak ob"ekt psikhologicheskogo i pedagogicheskogo vozdeistviya*, Sb. statei mezhdunar. nauch.-prakt. konf., v 2 ch., Otv. red. A. A. Sukiasyan, Ch. 2, Ufa, Aeterna, 2016, pp. 65–70.

4. Baidikova N. L. Formirovanie uchebnoi kompetentsii u studentov yazykovykh fakul'tetov vuzov v protsesse obucheniya teoreticheskimi distsiplinami (Learning Skills Set Development in Students of Linguistic Departments

in Course of Theoretic Studies), *Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti nauki i obrazovaniya, mat-ly III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Tambov, 25 marta 2011 g.)*, Tambov, TGU im. G. R. Derzhavina, 2011, pp. 101–105.

5. Solovova E. N. Metodika obucheniya inostrannym yazykam: Bazovyi kurs lektsii (Foreign Language Teaching Methods: Basic Lectures Course), 2-e izd., M., Prosveshchenie, 2003, 239 p., tabl.

Arkharova Tatiana A., first-year Master student at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), tanya_soln@mail.ru

Игровое моделирование при обучении иноязычному диалогическому говорению студентов неязыковых вузов

И. Д. Деева

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

ira79042519@yandex.ru

Game Modelling in Teaching Dialogue Skills in Foreign Language to Non-Linguistic University Students

I. D. Deeva

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

ira79042519@yandex.ru

Информационное общество требует от современной системы высшего образования выработать новые пути повышения качества теоретической подготовки специалистов. В связи с этим такие активные виды деятельности, как игра, стали широко использоваться в дидактике высшей школы в последнее время.

С помощью игр дети познавали мир еще с древних времен, имитируя реальные профессиональные ситуации. На занятиях по иностранному языку под игрой подразумевается «форма деятельности в условных ситуациях, специально создаваемых с целью

закрепления и активизации учебного материала в различных ситуациях общения» [1, с. 74].

Обращаясь к обучению иностранному языку в высших учебных заведениях, нельзя не отметить, что главным видом речевой деятельности при использовании коммуникативного подхода является говорение. При этом основным способом обучения является игровое моделирование ситуаций общения, стимулирующих речемыслительную активность. В данной статье под игровым моделированием мы подразумеваем учебную деятельность, при которой студенты берут

на себя определенные профессиональные роли и воспроизводят реальную профессиональную деятельность людей в условных ситуациях.

Цель статьи — исследовать технологию игрового моделирования как средство обучения студентов технических направлений подготовки иноязычному диалогическому говорению.

1. Краткое описание технологии игрового моделирования

Для уточнения сущности данной технологии рассмотрим шесть основополагающих признаков игрового моделирования, которые сформулированы А. П. Панфиловой [2, с. 30—32]:

1. Принцип эффекта. Создание творческой комфортной обстановки и программирование на успех позволяет студентам быстрее адаптироваться в группе.

2. Принцип целеполагания. Преподаватель должен выдвигать как перед группой, так и перед отдельными студентами реальные и понятные цели.

3. Принцип обучающей направленности. В процессе игры студенты осваивают новые навыки и умения.

4. Принцип личного проживания. Учащийся приобретает новые навыки и умения, переживая трудности, получая при этом личный опыт.

5. Принцип группового взаимодействия. Для того чтобы коммуникация прошла успешно, студенту необходимо доверять своим партнерам, осознавать свою роль и задачу в коллективе.

6. Принцип диагностики. Преподаватель осуществляет постоянный мониторинг как группы в целом, так и отдельных ее участников, что позволяет производить последующую коррекцию.

Совокупность перечисленных выше принципов обеспечивает действенность и результативность педагогической технологии игрового моделирования.

2. Цели использования технологии игрового моделирования при обучении говорению в диалогической форме на занятиях по иностранному языку

Как известно, в процессе говорения человек решает разные коммуникативные задачи: расспросить, сообщить новую информацию, побудить к действию. При овладении коммуникативными умениями диалогической речи на занятиях по иностранному языку обучающиеся нередко сталкиваются с трудностями [3], для успешного преодоления которых предлагается использовать технологию игрового моделирования.

Технология может применяться для преодоления психологического барьера. В соответствии с принципом эффекта, при игровом моделировании создается доброжелательная и комфортная атмосфера партнерства для успешного осуществления коммуникации. В соответствии с принципом личного переживания, студенты эффективнее осваивают материал, переживая трудности и получая личный опыт.

Иногда проблемой может стать нехватка информации и, как следствие, невозможность коммуникации. Технология игрового моделирования позволяет преодолеть и эту трудность. Согласно принципам целеполагания и группового взаимодействия, перед учащимися ставятся конкретные и понятные цели, в разработке которых они принимают непосредственное участие. Кроме того, восполнить недостающую информацию помогает коллективная взаимопомощь при решении поставленных задач.

И наконец, технология игрового моделирования дает возможность справиться с проблемой недостатка языковых и речевых средств для осуществления эффективной коммуникации. Так как (согласно принципу обучающей направленности) целью игрового моделирования является освоение новых языковых навыков и речевых умений, перед игрой преподаватель отрабатывает со студентами необходимый материал, а в процессе ее проведения проводит постоянный мониторинг (согласно принципу диагностики), выявляя проблемы, требующие коррекции.

Таким образом, игровое моделирование является эффективным средством решения проблем, связанных с развитием

диалогического умения говорения при обучении иностранному языку.

3. Методика применения технологии игрового моделирования при обучении говорению в диалогической форме на занятиях по иностранному языку

Рассуждая о применении технологии игрового моделирования на занятии по иностранному языку, Дж. Кроуфер-Элвин (John Crowther-Alwyn) выделяет четыре этапа [4, с. 2].

1. Вводная часть (*introduction*). Обычно на данном этапе проводится обсуждение вопросов, связанных с дальнейшей игрой. Данный этап является опциональным, решение о его проведении принимает преподаватель.

2. Подготовительная часть (*preparation*). Подготовка к проведению игры.

3. Проведение игры (*simulation itself*). На данном этапе преподаватель должен постараться как можно меньше вмешиваться в ход игры, фиксируя неточности и ошибки. Учащиеся должны придерживаться заданных правил, но конечный результат все равно зависит от конкретной группы студентов (уровня владения языком, эрудиции, готовности к коммуникативному взаимодействию).

4. Рефлексивный этап (*follow-up*). Рефлексивный этап, на котором происходит групповой анализ и корректировка совершённых ошибок, внесение предложений по совершенствованию игры.

Поэтапное проведение игры нередко требует деления студенческой группы на команды. Кроме того, Н. Л. Байдикова и Е. С. Давиденко рекомендуют учитывать тип личности студента (экстраверсия, интроверсия) для организации интерактивной работы в малых группах: «При дискуссии на иностранном языке, организованной с учетом типологических характеристик личности студентов, каждый студент получает возможность выразить свое мнение, экстраверты перестают доминировать и высказываться избыточно в ущерб высказываниям интровертов. Интроверты же, в свою очередь, получив достаточно времени на подготовку и возможность записать

некоторые тезисы и формулировки, а позже использовать составленную опору, обретают уверенность в своих силах и просто вынуждены говорить более развернуто и подробно. Их общительность и коммуникативные способности развиваются» [5, с. 162].

Рассмотрим пример ролевой игры для студентов экономических направлений подготовки, разработанный в соответствии с указанными выше методическими рекомендациями и рассчитанный на одно практическое занятие (90 минут).

4. Пример ролевой игры

Согласно сценарию ролевой игры, студентам предлагается организовать встречу представителей двух компаний, *MeStar* и *Fox Space*, для обсуждения сдачи офиса в аренду. Им следует обсудить заданные пункты и прийти к соглашению по каждому из них: цена аренды, первоначальный срок сдачи в аренду, проведение ремонтных работ, наличие парковочных мест для сотрудников офиса, доступ к Интернету, охрана офиса, условия прекращения действия договора.

Для проведения игры студенты делятся на две команды. В одну команду входят представители компании-арендатора *MeStar* (генеральный директор, юрист, бухгалтер, менеджер по персоналу, технический директор), а в другую — представители компании-арендодателя *Fox Space* (генеральный директор, юрист, финансовый директор, начальник IT-отдела, начальник охраны).

Если преподаватель считает, что студентов следует подготовить к данной игре, то он может провести вводную часть, выделив на нее 15 минут. Рассмотрим материал, который можно проанализировать со студентами на данном этапе:

— конструкции, с помощью которых студенты могут выразить согласие при обсуждении проблемы: *I absolutely agree with you / I couldn't agree more / Exactly / You are absolutely right / So do I / Neither do I* и т. п.;

— конструкции, с помощью которых студенты могут выразить несогласие с оппонентом: *I totally disagree / I'm afraid I can't agree with you / On the contrary / That's different / That's not entirely true* и т. п.;

— речевые клише, которые учащиеся могут использовать для перехода на другую тему: *Ok, I think we've finished that item / Can we move on to the next point now? / The next aspect I'd like to consider is* и т. п.;

— экономическая терминология, необходимая для проведения данной ролевой игры: *to lease an office / rental value / terms of lease / termination of the contract / Director General / repair work / technical facilities / security service / Internet availability* и т. п.

Далее переходят к подготовительной части, которая занимает 25 минут.

Студенты знакомятся с заданием, анализируют все поставленные перед ними цели совместно с преподавателем, задают вопросы. На данном этапе происходит распределение ролей с учетом типологических особенностей личности студентов. Студентам раздаются карточки с ролями, где подробно описаны функции каждого участника. Обучающиеся узнают, кто еще является представителем их компании, рассаживаются соответствующим образом. На подготовительном этапе преподаватель может предоставить студентам время на самостоятельную подготовку к игре, предложив им продумать свою речь, сформулировать конкретные требования, подобрать аргументы, стараясь предвосхитить доводы оппонентов.

После должной подготовки можно переходить непосредственно к проведению игры. На этот этап выделяется 30 минут. Участники действуют в соответствии со своими профессиональными ролями. Так, финансовый директор и главный бухгалтер решают вопрос о стоимости аренды, юристы обсуждают условия договора, менеджер по персоналу занимается обеспечением достойных условий работы для сотрудников, технический директор и начальник IT-отдела ведут переговоры об условиях доступа к Интернету, начальник службы охраны поднимает вопрос об обеспечении круглосуточной охраны офиса. Выслушав аргументы обеих сторон, генеральные директора выносят решение. В конце игры участники должны прийти к соглашению по каждому пункту.

Обязательным завершающим этапом (на который выделяется 20 минут) является рефлексия. Студенты и преподаватель проводят анализ состоявшейся ролевой игры, выявляют причины совершённых ошибок, отмечают удачные моменты. Целесообразным представляется проведение такого анализа в режиме «мозгового штурма», где все участники получают возможность высказаться, предложить идеи по улучшению качества и эффективности игры.

Также на данном этапе преподаватель оценивает работу каждого студента и выставляет отметки.

5. Средства контроля и оценивания

При выставлении отметок предлагается руководствоваться следующими критериями: насколько адекватно студент реагировал на реплики собеседников; проявлял ли речевую инициативу; действовал ли в соответствии с заданной профессиональной ролью; насколько адекватно и разнообразно употреблял лексические средства и грамматические конструкции; не допускал ли грубых фонетических ошибок.

Существует множество классификаций видов ошибок. В данной статье хотелось бы обратить внимание на следующие виды, которые принято различать в англоязычной методической литературе [6, с. 17]:

— ошибки (*errors*), которые демонстрируют пробелы в знаниях обучающегося;

— оговорки (*mistakes*), возникающие не по незнанию, а вследствие спонтанности речи, волнения, напряжения, усталости, невнимательности и т. п.

Целесообразно исправлять ошибки, причиной которых является незнание (*errors*). В то время как незначительные оговорки (*mistakes*) можно либо проигнорировать (если они не препятствуют совершению коммуникации), либо предоставить говорящему возможность исправиться самому.

Рассмотрим виды исправлений, которые могут быть использованы преподавателем при проведении на занятии по иностранному языку ролевой игры [7].

1. Самостоятельное исправление ошибок (*self-correction*). Данный способ, при котором студенту дается возможность самому

исправиться, считается наиболее эффективным, так как правильный вариант лучше запоминается. Также стоит заметить, что к этому способу следует прибегать при ошибках (*mistakes*).

2. Исправление ошибок другими членами группы (*peer correction*). Если студент не может сам исправить свою ошибку, преподаватель может привлечь остальных участников игры. Данный способ также является выигрышным, если в процессе игры преподаватель обнаруживает данную ошибку у нескольких учащихся.

3. Исправления ошибок преподавателем (*teacher correction*). Данный способ подходит в случае совершения студентом неслучайной ошибки (*error*). Преподаватель может указать на ошибку, объяснить, в чем она состоит, дать правильный вариант с использованием специальной терминологии (*Article / Present Perfect Tense*) или без нее.

Выводы

Таким образом, технология игрового моделирования предлагается к использованию в образовательном процессе в качестве средства развития умений диалогической речи.

Преимуществом технологии является то, что она не только позволяет формировать у студентов иноязычную коммуникативную компетенцию и преодолевать трудности, возникающие при обучении иноязычной диалогической речи, но и способствует формированию общепрофессиональных компетенций студентов, так как имитирует ситуации будущей профессиональной деятельности.

Для достижения максимального дидактического эффекта от технологии игрового моделирования ролевую игру следует проводить поэтапно, начиная с тщательной подготовки к игре и заканчивая рефлексией. При организации работы в малых группах представляется необходимым учитывать тип личности студента.

При оценивании студентов рекомендуется опираться на определенные критерии: наличие коммуникативных навыков, умение действовать в соответствии с заданной профессиональной ролью, адекватное

и разнообразное использование языковых единиц и речевых оборотов. В ходе проведения игры представляется целесообразным фиксировать ошибки обучающихся, а затем, на рефлексивном этапе, действовать в соответствии с видом ошибки: предложить студенту самому исправить ошибку, привлечь остальных участников или поправить обучающегося самостоятельно.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2010. 448 с.
2. Панфилова А. П. Игровое моделирование в деятельности педагога / Под общ. ред. В. А. Сластенина, И. А. Колесниковой. 3-е изд., испр. М.: Академия, 2008. 362 с.: табл. (Профессионализм педагога).
3. Полесюк Р. С. Об эффективности использования игры при обучении иностранному языку // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-4 (52). С. 275—278.
4. Crowther-Alwyn J. Business Roles 1: 12 Simulations for Business English. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 104 p. (Cambridge Copy Collection).
5. Байдинова Н. Л., Давиденко Е. С. Типологические особенности личности (экстраверсия / интроверсия) в контексте личностно ориентированного обучения студентов неязыковых вузов иностранному языку // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. 2018. № 796. С. 155—163.
6. Ellis R. Second Language Acquisition. Oxford; New York; Auckland et al.: Oxford University Press, 1997. X, 148 p. (Oxford Introductions to Language Study).
7. Amara N. Errors Correction in Foreign Language Teaching // The Online Journal of New Horizons in Education. 2015. Vol. 5, Issue 3 (16). P. 58—68. URL: <http://tojn.net/journals/tojn/articles/v05i03/v05i03-07.pdf> (accessed: 28.05.2019).

Деева Ирина Дмитриевна — студентка 1 курса магистратуры Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), ira79042519@yandex.ru

References

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam) (New Dictionary of Instructional Terms and Notions (Theory and Practice of Language Teaching)), M., IKAR, 2010, 448 p.
2. Panfilova A. P. Igrovoe modelirovanie v deyatel'nosti pedagoga (Game Modelling in Pedagogical Activity), Pod obshch. red. V. A. Slastenina, I. A. Kolesnikovoi, 3-e izd., ispr., M., Akademiya, 2008, 362 p., tabl., Professionalizm pedagoga.

3. Polesyuk R. S. Ob effektivnosti ispol'zovaniya igry pri obuchenii inostrannomu yazyku (On the Effectiveness of Using Games in Teaching a Foreign Language), *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, No. 4-4 (52), pp. 275—278.
4. Crowther-Alwyn J. *Business Roles 1: 12 Simulations for Business English*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997, 104 p., Cambridge Copy Collection.
5. Baidikova N. L. (Baydikova N. L.), Davidenko E. S. Tipologicheskie osobennosti lichnosti (ekstraversiya / introversiya) v kontekste lichnostno orientirovannogo obucheniya studentov neyazykovykh vuzov inostrannomu yazyku (Personality Types in Teaching a Foreign Language to Extravert and Introvert Non-Linguists Students in the Learner-Centred Context), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, Seriya Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*, 2018, No. 796, pp. 155—163.
6. Ellis R. *Second Language Acquisition*. Oxford, New York, Auckland et al., Oxford University Press, 1997, x, 148 p., Oxford Introductions to Language Study.
7. Amara, Naimi. "Errors Correction in Foreign Language Teaching". *The Online Journal of New Horizons in Education*, vol. 5, no. 3 (16), July 2015, pp. 58—68, tojn.net/journals/tojn/articles/v05i03/v05i03-07.pdf

Deeva Irina D., first-year Master student at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), ira79042519@yandex.ru

Использование онлайн-сервисов для обучения деловой переписке на иностранном языке студентов неязыковых вузов

Н. Личковаха

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

nina199494@gmail.com

Applying On-line Services in Teaching Business Correspondence in Foreign Language to Non-Linguistic University Students

N. Lichkovakha

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

nina199494@gmail.com

Основной целью обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов является формирование коммуникативной компетенции на иностранном языке, позволяющей им свободно ориентироваться в деловой иноязычной среде. Иноязычная коммуникативная компетенция включает в себя владение языком в устной и письменной формах. Письменное профессиональное общение предполагает, прежде всего, деловую переписку с партнерами по электронной почте. Умение корректно вести деловую переписку на иностранном языке

является необходимым условием успешного профессионального общения на международном уровне, однако письменная речь представляет собой один из самых сложных видов речевой деятельности при освоении студентами иностранного языка.

Среди причин, препятствующих эффективному обучению деловой переписке студентов неязыковых вузов, — ограниченное количество аудиторных часов, разный исходный языковой уровень студентов и недостаточный объем тренировки в этом виде речевой деятельности. В качестве

© Личковаха Н.

возможного средства разрешения данной проблемы можно предложить использование онлайн-сервисов. Их применение не только позволит значительно сэкономить время при корректировке и оценивании готовых писем, но и будет способствовать повышению мотивации студентов за счет создания реального процесса письменного общения. Студенты смогут попробовать себя в роли сотрудника компании, ведущего переписку с иностранными партнерами.

Цель данной статьи — определить дидактические возможности онлайн-сервисов на примере онлайн-сервиса *Google Classroom* при обучении деловой переписке на иностранном языке студентов неязыковых вузов.

1. Онлайн-сервис как средство обучения деловой переписке на иностранном языке студентов неязыковых вузов

На сегодняшний день существует множество Интернет-сервисов, которыми может воспользоваться преподаватель иностранного языка для оптимизации процесса обучения. Преимущество использования онлайн-сервисов для обучения переписке состоит в том, они моделируют процесс письменного общения в электронной среде. При традиционном обучении письменной речи студенты пишут письма обезличенному адресату. Переписываясь с реальными партнерами по общению в онлайн-среде, студенты получают возможность обучаться в условиях, приближенных к реальной коммуникации.

Удобным онлайн-сервисом для обучения деловой переписке представляется бесплатный сервис *Google Classroom*. Будучи удобным и простым в использовании, он предоставляет доступ к общему банку информации, а также позволяет членам группы обмениваться сообщениями (письмами) в режиме онлайн.

2. Методика применения онлайн-сервиса *Google Classroom* для обучения деловой переписке на иностранном языке

При обучении деловой переписке на иностранном языке студентов неязыковых вузов представляется оптимальным

использование письменных тестов разных типов в качестве образцов. Исследование Е. Е. Бабушис показало, что применение текстов-образцов наряду с другими опорами «позволяет оформить речь эффективным, с точки зрения письменной коммуникации, образцом» [1, с. 7].

Процесс обучения деловой письменной речи с опорой на текст-образец следует разделить на несколько этапов, каждый из которых будет выполнять свою задачу. Логика следования этапов представляет собой движение от аналитической к синтетической мыслительной деятельности: «Типичная схема работы при обучении связной продуктивной письменной речи такова: от анализа текста-образца (с постепенным уменьшением опоры на образец) к созданию самостоятельного письменного сообщения» [2, с. 149].

Традиционно при обучении иноязычной речи с использованием текста-образца выделяют три этапа: подготовительный, основной и заключительный.

Рассмотрим особенности этапов при обучении деловой переписке на иностранном языке студентов неязыковых вузов с использованием онлайн-сервисов.

1. Подготовительный этап проходит в аудитории. Задача данного этапа — изучение и анализ текста-образца в социокультурном, структурном и содержательно-стилистическом аспектах.

Представляется важным начать с выявления социокультурных отличий между англоязычными и русскоязычными деловыми письмами, а также между британской и американской деловой перепиской. Как показала Л. П. Тарнаева, при обучении письменной речи принцип диалога культур должен являться ведущим [3].

Изучение структуры делового письма осуществляется с помощью таких упражнений, как разделение текста на логические части, выстраивание абзацев в правильном порядке, совмещение текстовых отрывков с их условными названиями и т. д. Кроме того, работа над структурой делового письма связана с усвоением студентами

клишированных фраз, необходимых для организации разных структурных компонентов письма и связи между ними, а также формул письменного речевого этикета.

Содержательно-стилистический анализ письма предполагает выявление отличий делового официального письма от неформального дружеского.

2. *Основной этап* обучения деловой переписке на иностранном языке проводится внеаудиторно с использованием онлайн-сервиса *Google Classroom*. Задача этого этапа — актуализация знаний и умений, приобретенных на подготовительном этапе, в процессе осуществления онлайн-переписки.

Для этого студенты делятся на пары и распределяют роли. Один из них выступает в роли иницилирующего переписку, а другой реагирует на полученное письмо. Например, первый студент в паре пишет письмо-запрос, а его партнер по переписке — письмо-ответ на этот запрос.

Преподаватель создает задание в *Google Classroom* с указанием ролей каждого студента и прикрепляет файл с фразами-клише, которые могут понадобиться участникам. Кроме того, он устанавливает конкретные даты, в рамках которых каждый студент в паре должен выполнить свое задание и разместить письмо в сервисе *Google Docs*, с которым интегрирован онлайн-сервис *Google Classroom*. Преподаватель создает документ, и все студенты группы получают доступ к его редактированию по ссылке. Каждый студент может в любое удобное для него время выполнять задание в общем онлайн-пространстве. Можно работать над файлом одновременно с партнерами и видеть, что делают коллеги прямо сейчас.

Следует отметить, что такой вид работы, как размещение своего речевого продукта онлайн, где он доступен для просматривания всеми членами группы, может вызвать определенные переживания у студентов, особенно у тех, кто обладает высокой чувствительностью к критике в свой адрес и болезненно воспринимает свои ошибки. Однако создание лишь «тепличных» учебных ситуаций не сможет подготовить студентов

к реальной коммуникации, так как «постоянное приспособление условий и средств обучения к особенностям обучающихся противоречит реалиям, с которыми они сталкиваются в жизни» [4, с. 160].

3. *Заключительный этап* проводится как в онлайн-сервисе *Google Classroom*, так и в аудитории. Его задача — рефлексия, корректировка и оценивание полученных результатов.

После выполнения задания каждый студент должен написать в комментариях, было ли письмо одноклассника понятным, лаконичным, соответствовало ли деловому стилю общения.

Преподаватель по ходу размещения студентами своих писем в сервисе *Google Classroom* проверяет и оценивает работы. Студенты видят исправленные ошибки и полученные оценки в режиме онлайн. После проверки всех работ преподаватель в аудитории обобщает результаты. Студенты также подводят итоги своей работы, анализируя причины трудностей, с которыми они встретились в ходе выполнения задания.

Выводы

Онлайн-сервис *Google Classroom* предоставляет следующие дидактические возможности при обучении деловой переписке на иностранном языке студентов неязыковых вузов:

1) сервис моделирует процесс деловой переписки посредством обмена электронными сообщениями, а значит, является оптимальным средством подготовки студентов к реальному иноязычному письменному общению;

2) переписка с конкретным, а не абстрактным адресатом мотивирует студентов на написание содержательных писем, заставляет относиться к заданию более ответственно;

3) онлайн-сервис позволяет в режиме реального времени видеть все работы, размещенные в сервисе, что удобно как для преподавателя, так и для студентов.

Представленная технология обучения деловой переписке на иностранном языке студентов неязыковых вузов не является

идеальной и требует дальнейшего усовершенствования. Чтобы сделать процесс обучения максимально приближенным к реальности, партнером по переписке может быть, например, англоговорящий студент или даже специалист в данной сфере профессиональной деятельности. Требуется более тщательная разработка методического обеспечения данной технологии. Подготовительный и заключительный этапы обучения письму могут быть также полностью перенесены в интернет-пространство при наличии учебно-методических материалов, необходимых для осуществления студентами самостоятельной работы по овладению разными типами деловых писем.

Литература

1. **Бабушис Е. Е.** Обучение письменной речи как творческой деятельности в форме описания, повествования и аргументации: На старшем этапе в школах с углубленным изучением английского языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2000. 18 с.
2. **Балыхина Т. М.** Методика преподавания русского языка как неродного (нового): [Электронный ресурс]. М.: Изд-во РУДН, 2007. 187 с. Режим хранения ЦК ПГПИ — Языкознание (копия Интернет).
3. **Тарнаева Л. П.** Обучение студентов 5-го курса языкового педагогического вуза письменной речи в контексте диалога культур: Английский язык как вторая специальность: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. 16 с.
4. **Байдикова Н. Л., Давиденко Е. С.** Типологические особенности личности (экстраверсия / интроверсия) в контексте личностно ориентированного обучения студентов неязыковых вузов иностранному языку // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. 2018. № 796. С. 155—163.

Личковаха Нина — студентка 2 курса магистратуры Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), nina199494@gmail.com

References

1. Babushis E. E. Obuchenie pis'mennoi rechi kak tvorcheskoi deyatelnosti v forme opisaniya, povestvovaniya i argumentatsii: Na starshem etape v shkolakh s uglublennym izucheniem angliiskogo yazyka, avtoref. dis. ... kand. ped. nauk (Teaching Written Language as Creative Activity in Form of Description, Narration and Argumentation: at Senior Stage in Schools with Advanced English Learning, Extended Abstract of Cand. Sci. (Education) Dissertation), Tambov, 2000, 18 p.
2. Balykhina T. M. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo (novogo) (Methods of Teaching Russian Language as Foreign (New)): Web. M., Izd-vo RUDN, 2007, 187 p. Storage Mode: TsK PGPI — Yazykoznanie (Internet Copy).
3. Tarnaeva L. P. Obuchenie studentov 5-go kursa yazykovogo pedagogicheskogo vuza pis'mennoi rechi v kontekste dialoga kul'tur: Angliiskii yazyk kak vtoraya spetsial'nost', avtoref. dis. ... kand. ped. nauk (Teaching Written Language to Five-Year Students of Linguistic Pedagogical Higher School in the Scope of Dialog of Cultures: English as Second Profession, Extended Abstract of Cand. Sci. (Education) Dissertation), SPb., 2000, 16 p.
4. Baidikova N. L. (Baydikova N. L.), Davidenko E. S. Tipologicheskie osobennosti lichnosti (ekstraversiya / introversiya) v kontekste lichnostno orientirovannogo obucheniya studentov neyazykovykh vuzov inostrannomu yazyku (Personality Types in Teaching a Foreign Language to Extravert and Introvert Non-Linguists Students in the Learner-Centred Context), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, Seriya Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*, 2018, No. 796, pp. 155—163.

Lichkovakha Nina, second-year Master student at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), nina199494@gmail.com

Использование онлайн-сервиса *Quizlet* в самостоятельной работе студентов по овладению иноязычной лексикой

И. А. Судаков

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

sudakovivan@gmail.com

On-line Service Quizlet in Unsupervised Work of Students to Master Foreign Language Vocabulary

I. A. Sudakov

Сегодня в дидактике происходит смещение приоритетов от того, как обучать, к тому, как научить учащихся и студентов учиться, т. е. в центре внимания педагогической науки находятся такие понятия, как самостоятельность, автономность, субъектность.

С появлением новых электронных технологий и средств обучения подходы к организации самостоятельной работы студентов претерпевают значительные изменения, так как электронные средства позволяют расширить методический инструментарий преподавателя. Исследователи обращаются к таким вопросам, как:

- программа *Google Classroom* как инструмент формирования автономности студента [1];

- методика использования внешних электронных ресурсов в вузовском обучении [2];

- применение электронных карт памяти для подготовки студентов к иноязычному профессиональному общению [3].

Несмотря на то, что проблеме применения электронных технологий и средств обучения посвящено немало теоретических исследований, не все практические вопросы полностью разрешены. Например, перед преподавателем иностранного языка в вузе стоит такая важная задача, как поиск эффективных путей самостоятельного овладения студентами иноязычной лексикой.

Данная статья посвящена выявлению дидактических возможностей образовательного сервиса *Quizlet* для организации самостоятельной работы студентов по овладению иноязычной лексикой.

1. Краткое описание онлайн-сервиса *Quizlet*

Quizlet — бесплатный онлайн-сервис, позволяющий студентам изучать новые термины (при обучении иностранному языку — новую лексику) с помощью

специальных инструментов и обучающих игр, представленных на данном ресурсе. У преподавателя есть возможность создавать и применять в обучении так называемые флеш-карточки. Флеш-карточка — термин / слово с определением / переводом, озвучкой и иллюстрацией — является базисным компонентом учебного модуля. Учебный модуль состоит из наборов (сетов) карточек по разным темам. На ресурсе представлены миллионы готовых модулей. Преподаватель может подобрать нужный модуль с помощью поиска и бесплатно использовать контент, созданный другими пользователями. Чтобы создавать свои собственные модули, необходимо зарегистрироваться и создать учетную запись.

Новые слова могут изучаться в пяти различных учебных режимах и с помощью двух игр. В режиме заучивания происходит семантизация и запоминание лексики. В режиме карточек — первичная отработка лексических единиц. Режимы письма и правописания нацелены на формирование орфографического навыка. Тестовый режим проверяет усвоение лексики с помощью тестовых вопросов разного типа. При игре в подбор обучающийся должен подбирать правильные термины к определениям как можно быстрее, а при игре в гравитацию — как можно быстрее вводить слова с клавиатуры. Игра так называется, потому что, согласно ее сценарию, к планете приближаются астероиды, а быстрый ввод лексики предотвращает столкновение.

Данная образовательная технология подходит как для обучения иностранному языку, так и для преподавания технических, экономических, филологических дисциплин; теоретического материала в целом, когда требуется усвоение студентами большого количества новых слов, научных терминов.

2. Цели использования онлайн-сервиса Quizlet

Использование современных электронных технологий (в частности, сервиса *Quizlet*) целесообразно при проведении занятий по иностранному языку в неязыковых вузах, так как усвоение новой информации происходит в игровой форме, что повышает мотивацию обучающихся и разрешает проблему излишней утомляемости от однообразных заданий.

Преимущество онлайн-сервиса *Quizlet* состоит в том, что он может быть использован как инструмент для организации самостоятельной работы студентов по иностранному языку (ИЯ). Однако невозможно отследить, было ли в действительности выполнено студентами домашнее задание в *Quizlet*. Задания в данном сервисе будут добросовестно выполняться лишь теми, кто обладает достаточной мотивацией к изучению ИЯ. Таким образом, онлайн-сервис *Quizlet* может являться лишь дополнением к основному домашнему заданию, и использование данного ресурса в большой степени будет зависеть от личного желания студента. Для продуктивной самостоятельной деятельности необходимы, по мнению Н. Л. Байдиковой, такие условия, как «1) автономия обучающегося (готовность и способность овладевать способами действий на пути самореализации и саморазвития); 2) субъектность позиции обучающегося (активное и сознательное совершение выбора и принятие на себя ответственности за этот выбор)» [4, с. 88].

Прежде чем задать выполнение домашних упражнений онлайн, преподавателю следует ознакомить студентов с ресурсом во время аудиторных занятий и научить пользоваться им. При этом возникают определенные ограничения. Полноценное обучение всех студентов можно осуществить, если занятие проходит в компьютерной аудитории, где каждый обучающийся может сесть за отдельный компьютер. Однако для проведения занятий по иностранному языку для студентов технических направлений подготовки НИУ МИЭТ такие аудитории

предоставляются крайне редко из-за их дефицита. В этом заключается трудность использования электронных средств обучения на аудиторных занятиях.

Таким образом, преподаватели вынуждены использовать подобные онлайн-сервисы преимущественно для организации самостоятельной работы студентов.

3. Методика применения онлайн-сервиса Quizlet при обучении лексике

Усвоение новой иноязычной лексики происходит поэтапно. Обычно в методической литературе выделяют три этапа — ознакомительный, тренировочный и практический.

Во время ознакомительного этапа происходит первичное введение лексики. Цель проводимых упражнений на данном этапе — осуществить ознакомление обучающихся с графическим и звуковым образом, семантическими особенностями новой лексической единицы. Важным моментом является создание долгосрочной связи между значением слова и его зрительным и фонетическим образом.

Тренировочный этап усвоения лексики происходит посредством условно-коммуникативных упражнений. Например, студентам можно предложить составить диалоги с использованием новых слов, дать собственное толкование лексических единиц, употребить лексику в различных ситуациях общения. Исследования, проводимые психологами, говорят о том, что усвоение новой лексики происходит только после 6—8 повторений в различных упражнениях.

Цель практического этапа работы по приобретению лексического навыка — усвоение студентами языкового материала посредством ролевых игр, коммуникативных упражнений, викторин и т. д. На этом этапе упражнения требуют от обучающихся активной творческой деятельности, что способствует произвольному запоминанию лексики.

Онлайн-сервис *Quizlet* подходит для использования на ознакомительном этапе работы с новой лексикой.

Как утверждает Е. Н. Соловова, существует два возможных пути ознакомления с новой лексикой — беспереводная семантизация слов и семантизация лексических единиц с помощью перевода [5, с. 89—93]. Первый способ предполагает использование наглядности (изобразительной, контекстуальной, с помощью действий). Преимущества данного способа — его быстрота, возможность легко запоминать слова, возникновение разнообразных ассоциаций у обучающегося. Также введение лексики может осуществляться с помощью известных студенту синонимов и антонимов, языковой догадки и т. д. К негативным аспектам можно отнести неточность в интерпретации значения слова: значение может быть сужено, расширено, изменено исходное значение лексической единицы.

Второй способ предполагает наличие перевода нового слова, использование двуязычных бумажных или электронных словарей. Преимущества данного способа — точность понимания значения, быстрота, учебная автономия при работе со словарем. Недостатки — обучающийся не приобретает навык работы с иноязычной словарной статьей, игнорирует чтение транскрипции, не обращает внимания на коллокации и коннотативные особенности лексической единицы.

Онлайн-сервис *Quizlet* предоставляет возможность выбрать из этих двух способов семантизации лексических единиц наиболее оптимальный. Ресурс позволяет семантизировать слово с помощью картинки, синонимов или антонимов, дефиниций и перевода. Кроме того, есть возможность прослушать, как звучит лексическая единица.

4. Примеры использования онлайн-сервиса *Quizlet*

Ресурс может использоваться для организации предтекстовой работы при обучении чтению и аудированию. Например, преподаватель может задать на дом выучить новую лексику из текста, над которым предстоит работа на следующем занятии, с помощью сервиса *Quizlet*. Подобное задание возможно перед просмотром видеоролика

на иностранном языке. Таким образом, на аудиторном занятии экономится время за счет предварительного выполнения упражнений ознакомительного этапа в самостоятельном режиме.

И наоборот, на занятии студенты под руководством преподавателя работают с новым текстом, выполняют все упражнения предтекстового, текстового, послетекстового этапов, разбирают все незнакомые слова. Затем преподаватель дает задание одному из студентов / группе студентов: создать сет с новой лексикой в *Quizlet* для всей группы. Преподаватель устанавливает срок выполнения задания в 1-2 дня и контролирует результат. Когда преподаватель убедится, что всё сделано правильно, все остальные студенты должны выучить новую лексику, используя созданный сет. Такое задание может быть регулярным, создавать новые учебные модули могут все студенты группы по очереди.

В конце учебного периода для подготовки к итоговому контрольному мероприятию преподаватель может дать задание обучающимся повторить всю пройденную лексику. Важным представляется то, что студенты имеют созданные ими модули в постоянном доступе, могут открывать их на компьютере, планшете или телефоне и не тратить время на сбор и систематизацию изученной лексики.

5. Средства контроля и оценивания

Как известно, самостоятельная работа студента представляет собой особую форму опосредованно управляемой учебной деятельности. Внеаудиторная работа студентов над освоением лексики с помощью онлайн-сервиса *Quizlet* рассчитана в первую очередь на самоконтроль. Ресурс показывает время, за которое обучающиеся выполняют упражнения в разных учебных режимах, поэтому студенты могут самостоятельно контролировать собственные результаты.

Проверку усвоения нового лексического материала преподаватель может провести в традиционной форме: диктант, тест, контрольная работа, решение кроссворда и др.

Уровень сформированности лексической компетенции также контролируется преподавателем опосредованно во время аудиторных занятий с помощью организации использования изученной лексики в устной и письменной речи.

Выводы

Дидактические возможности образовательного сервиса *Quizlet* для организации самостоятельной работы студентов по овладению иноязычной лексикой состоят в следующем:

1) с позиции формирования иноязычной коммуникативной компетенции, сервис *Quizlet* может использоваться при введении и семантизации новых слов, а также для первичной автоматизации лексического навыка;

2) сервис *Quizlet* является средством развития навыков самостоятельной работы студентов в электронной среде;

3) обучение с помощью этого ресурса является комфортным для студентов, помогает обучающимся преодолеть психологический барьер, который может препятствовать усвоению материала. Если студент не испытывает уверенности в своих силах, когда работа над лексикой проводится в аудитории, то использование данного ресурса для организации самостоятельной работы дома может снизить уровень стресса и положительно сказаться на результатах обучения.

Литература

1. Евдокимова М. Г., Сапожникова О. С. Программа Google Classroom как инструмент формирования автономности студента в процессе личностно-деятельностного обучения иностранным языкам // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. 2018. № 796. С. 183—191.
2. Даниелян Н. В. Методика использования внешнего электронного ресурса по дисциплине «Социология» для магистратуры, направление 09.04.03 «Прикладная информатика», профиль «Системы корпоративного управления для инновационных отраслей» // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 4 (20). С. 169—174.
3. Давиденко Е. С. Электронные информационные карты для подготовки студентов к иноязычному профессиональному общению // Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации:

Сб. статей. Вып. 6. М.: Центр дистанц. образования: Факультет иностр. яз. и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова; Изд-во «Университетская книга», 2014. С. 283—288.

4. Байдикова Н. Л. Характеристики продуктивной учебной деятельности студентов вузов // Наука и школа. 2017. № 6. С. 85—89.

5. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. 3-е изд. М.: Просвещение, 2005. 239 с.: табл.

Судаков Иван Александрович — студент 1 курса магистратуры Института ЛПО Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), sudakovivan@gmail.com

References

1. Evdokimova M. G., Sapozhnikova O. S. Programma Google Classroom kak instrument formirovaniya avtonomnosti studenta v protsesse lichnostno-deyatelnostnogo obucheniya inostrannym yazykam (Google Classroom as a Tool for Developing Students' Autonomy in the Process of Learner- and Action-Oriented Teaching and Learning Foreign Languages), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, Seriya Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*, 2018, No. 796, pp. 183—191.
2. Danielyan N. V. Metodika ispol'zovaniya vneshnego elektronnoogo resursa po distsipline "Sotsiologiya" dlya magistratury, napravlenie 09.04.03 "Prikladnaya informatika", profil' "Sistemy korporativnogo upravleniya dlya innovatsionnykh otraslei" (Methods of External Electronic Media Use in Sociology Course, Master's Degree, Course Direction 09.04.03 "Applied Information Science", Specialization "Corporate Management Systems for Pioneering Industries"), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2018, No. 4 (20), pp. 169—174.
3. Davidenko E. S. Elektronnye informatsionnye karty dlya podgotovki studentov k inoyazychnomu professional'nomu obshcheniyu (e-Maps Use to Prepare the Graduates for Professional Communication in Foreign Language), *Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v lingvistike, lingvodidaktike i mezhkul'turnoi kommunikatsii*, Sb. statei, Vyp. 6, M., Tsentr distants. obrazovaniya, Fakul'tet inostr. yaz. i regionovedeniya MGU imeni M. V. Lomonosova, Izd-vo "Universitetskaya kniga", 2014, pp. 283—288.
4. Baidikova N. L. (Baydikova N. L.) Kharakteristiki produktivnoi uchebnoi deyatel'nosti studentov vuzov (Properties of Constructive Learning Activity of University Students), *Nauka i shkola*, 2017, No. 6, pp. 85—89.
5. Solovova E. N. Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyi kurs lektsii (Foreign Language Teaching Methods: Basic Lectures Course), 3-e izd., M., Prosveshchenie, 2005, 239 p., tabl.

Sudakov Ivan A., first-year Master student at Institute of Linguistic and Pedagogical Education, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), sudakovivan@gmail.com

Эдуард Владимирович Гирусов (1932—2019)

In Memoriam: Eduard Vladimirovich Girusov (1932—2019)

26 мая ушел из жизни доктор философских наук профессор Эдуард Владимирович Гирусов, видный философ и эколог, родоначальник новой научной дисциплины — социальной экологии, основатель и первый президент Экологического фонда, один из создателей Российской экологической академии и многие годы вице-президент, член президиума и председатель секции «Социальная экология» Росэко-академии, член президиума Философского общества СССР, исполняющий обязанности председателя Ревизионной комиссии Российского философского общества.

Окончив философский факультет Московского государственного университета (1955) и аспирантуру Института философии АН СССР (1961), он посвятил себя служению философии, развитию и пропаганде идей философского анализа взаимодействия общества и природы. Его новаторские работы: «Основные исторические этапы взаимодействия общества

и природы» (Наука, 1968) и «Система «общество — природа»» (МГУ, 1976) были фактически первыми теоретическими работами самого высокого уровня в области философии природы и общества и стали основополагающими источниками для целого поколения ученых на этапе зарождения и формирования социальной экологии. Начиная с 1960-х гг. практически все научные конференции всесоюзного и российского уровня по проблемам взаимодействия природы и общества проходили при его самом непосредственном и активном организационном и научном участии.

Почти четверть века Эдуард Владимирович возглавлял кафедру философии Академии наук (ныне РАН), готовя и приобщая к философии и экологии молодых ученых АН, вел курсы на факультете глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. Его лекции неизменно пользовались успехом, собирая большие аудитории и пополняя ряды аспирантов и последователей этого неординарного ученого. Борьба за сохранение окружающей природной среды и общественное благополучие была делом всей его жизни.

Светлая память об Эдуарде Владимировиче Гирусове навсегда сохранится в сердцах всех, кто его знал.

**VI Декартовские чтения — Международная научно-практическая конференция
«Декарт и современные формы трансляции научного знания»**

**6th Readings from Descartes — International Research and Practice Conference
“Descartes and Contemporary Forms of Scientific Knowledge Transmission”**

Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»

Институт философии РАН

Философское общество «Диалектика и культура»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

Белорусский национальный технический университет

Университет Калабрии (Италия)

Информационное письмо

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие в **VI Декартовских чтениях — Международной научно-практической конференции «Декарт и современные формы трансляции научного знания»**, которая состоится в Национальном исследовательском университете «Московский институт электронной техники»

29—30 ноября 2019 г.

Участие в конференции возможно в очном и заочном форматах, а также онлайн.

Проблематика докладов и выступлений

1. Актуальные проблемы современного образования в свете картезианской эпистемологии.
2. Декартовское сомнение и проблема разума и веры в технотронную эпоху.
3. Эпистемология экспериментальной науки в XXI в.
4. Философия высшего образования: взгляд в будущее.
5. Концепция «общества знания» и новые технологии образования.
6. Декартовское *cogito* и новые языки цифровой эпистемологии.
7. Рационализм и экономика знаний.
8. Проблема самообразования в высшей школе.
9. Электронные и дистанционные образовательные технологии: настоящее и будущее.
10. Современная социокультурная проекция математического и естественно-научного образования.

Планируется издание сборника статей к началу работы конференции. Сборник войдет в систему РИНЦ. Заявки вместе со статьями принимаются **строго до 12 октября 2019 г.**

Организационный взнос — 1,5 тыс. руб. **К участию в конференции приглашаются студенты.** Для них размер организационного взноса — 600 руб.

Банковские реквизиты

Получатель: МИЭТ

ИНН: 7735041133 КПП 773501001

Р /сч. 40503810738154006392 в ПАО СБЕРБАНК г. Москвы

БИК 044525225 ОКПО 02066552

К/с 30101810400000000225

(поле 104) КБК 0706000000000000130

(поле 105) ОКТМО 45927000

Оргвзнос за участие в международной конференции «Декарт и современные формы трансляции научного знания»

Все материалы направлять по электронной почте: **esgi.miet@yandex.ru** с пометкой «Фамилия И.О. — Декартовские чтения».

Адрес: 124498, г. Москва, Зеленоград, площадь Шокина, д. 1, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники».

Требования к оформлению статей

— Объем — 5...20 тыс. знаков (0,2—0,5 п. л.), представить в редакторе **Microsoft Office Word 2003, 2007**.

— УДК.

— Название статьи (на русском и английском языках).

— ФИО полностью (на русском и английском языках).

— Ученая степень, должность, кафедра, вуз (или другое место работы / учебы) (на русском и английском языках).

— Контактный e-mail.

— Адрес и индекс вуза / организации (на русском и английском языках).

— Аннотация (50—100 слов) и ключевые слова (5—7 терминов) на русском и английском языках.

Текст: Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5. Выравнивание по ширине. Отступ 1,25. Поля по 2 см со всех сторон, сноски с указанием номера из списка литературы и страниц (листов) делаются в квадратных скобках внутри текста.

Список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Образец оформления статьи

УДК ...

**НОВЫЙ ТИП НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ТЕХНОГЕННАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ**

Иванов Иван Иванович

Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России, государства и права Национального
исследовательского университета «Московский институт электронной
техники»

ivanov@mail.ru

площадь Шокина, д. 1, 124498, г. Москва, Зеленоград, Российская Федерация

Аннотация. 50—100 слов на русском языке.

Ключевые слова: 5—7 терминов на русском языке.

A NEW TYPE OF SCIENTIFIC RATIONALITY AND TECHNOGENIC CIVILIZATION

Ivanov Ivan Ivanovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Professor of the Department of History of Russia, State and Law, National Research
University of Electronic Technology

ivanov@mail.ru

Shokin Square, 1, 124498, Moscow, Zelenograd, Russian Federation

Abstract. 50—100 слов на английском языке.

Keywords: 5—7 терминов на английском языке.

Список литературы

В заявке обязательно указываются:

- Ф. И. О. полностью;
- ученая степень и звание;
- должность;
- название организации или учебного заведения (полное и сокращенное);
- название доклада с краткой аннотацией (50—100 слов);
- необходимость оборудования для презентации доклада;
- необходимость бронирования гостиницы;
- формат участия (очное, заочное, онлайн);
- контактные адрес, телефон, e-mail.

Образец оформления заявки

Заявка на участие в работе VI Декартовских чтений — Международной научно-практической конференции «Декарт и современные формы трансляции научного знания»

(Москва, Зеленоград, 29—30 ноября 2019 г.)

Ф. И. О.	Ученая степень и звание	Должность	Название организации или учебного заведения (полное и со- кращенное)	Название доклада	Обору- дование	Участие очное, заочное, online	Контактные адрес, телефон, e-mail

Название статьи (доклада)

Аннотация (50—100 слов)

Файлы со статьей и заявкой должны называться по фамилии с инициалами автора (авторов) (например, Иванов А.А.-заявка.doc, Иванов А.А.-статья.doc). Статьи, оформленные не по требованиям и не по тематике, к печати не допускаются. После 12 октября 2019 г. заявки и статьи не принимаются.

Книжные новинки

New Books

Books on philosophy, applied linguistics, political and economic sciences edited recently by four largest publishers in Moscow.

Борzych С. В. Критерии истины / Станислав Борzych. — М.: Инфра-М, 2019. — 194 с. — (Научная мысль). — ISBN 978-5-16-014512-9.

Книга посвящена фундаментальной проблеме: пониманию мира. Оно невозможно без опоры на определенные критерии, которые позволяют оценить, насколько наше понимание близко к истине. С учетом этого текст разбит на три главы. Первая посвящена вопросу восприятия мира человеком, показывает глубинные, имманентные недостатки и физиологического строения нашего организма, и нашего разума, которые препятствуют восприятию реальности в ее настоящем виде. Во второй рассматривается наш интеллект как нечто конечное и ограниченное, также способное лишь на искажения и полуправду. Наконец, в третьей главе показано, что всякий интеллект (любого разумного существа, оказавшегося на нашем этапе развития) априори и по самой своей сути поставлен в жесткие рамки реализуемого. Первой главе предпослано вступительное слово, а завершает изложение кода, которые носят рамочный характер и призваны дать общее представление о книге.

Монография будет полезна студентам, преподавателям и всем интересующимся философией познания.

Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: колл. монография / Под ред. Е. Г. Борисовой, Л. Г. Викуловой. — М.: Флинта, 2019. — 164 с. — ISBN 978-5-9765-3987-7.

Издание представляет собой первое последовательное изложение основных идей и методов прикладного языковедческого направления, посвященного изучению рекламных и других продвигающих текстов, а также иных вербальных компонентов маркетинговой коммуникации. В числе авторов — известные специалисты по языку рекламных коммуникаций, семиотике рекламы, прагматике и лексикологии.

Работа предназначена исследователям-лингвистам и специалистам по маркетинговым коммуникациям: копирайтерам, бренд-менеджерам, специалистам по неймингу и пиару.

Методологические подходы формирования и прогнозирования новых секторов экономики сырьевых регионов:

монография / З. А. Васильева, П. М. Вчерашний, И. В. Филимоненко [и др.]; Сиб. фед. ун-т. — М.: ИНФРА-М, 2019. — 116 с. — (Научная мысль). — www.dx.doi.org/10.12737/monography_5be572c81d0349.00236517. — ISBN 978-5-16-014716-1 (print), 978-5-16-107226-4 (online).

В монографии разработаны: концептуальная модель мультисекторного развития экономики сырьевого региона; методика оценки потенциала технологического развития региона для «вытягивания» производственных цепочек передовых технологий; методика разработки сценарных вариантов развития новых секторов экономики; квазидинамическая модель прогнозирования параметров источников новых знаний; методика оценки интегральных эффектов технологического развития; диагностика перспективных технологий для формирования новых секторов экономики Красноярского края и прогноз до 2030 г.

Для научных работников, специалистов, занимающихся проблемами развития секторной экономики, а также преподавателей, аспирантов и магистрантов экономических специальностей.

Современная модель государственной власти в Российской Федерации. Вопросы совершенствования и перспективы развития: монография / Под ред. А. Т. Карасева. — М.: Проспект, 2019. — 190 с. — ISBN 978-5-392-29207-3.

Книга посвящена актуальным проблемам осуществления государственной власти в Российской Федерации. Рассматриваются теоретические основы конституционализма, соотношение различных видов конституционной легитимации государственной власти и возможности формирования парламентской ответственности руководителей регионов в контексте обеспечения верховенства федеральной Конституции и конституций (уставов) субъектов РФ, а также проблемы деятельности органов государственной власти, обращения граждан и многое другое. Монография адресуется работникам органов государственной власти и местного самоуправления, аспирантам, магистрантам и студентам юридических вузов, а также всем, кто интересуется вопросами организации публичной власти и федерализма в Российской Федерации.

Федерации. Законодательство приведено по состоянию на ноябрь 2018 г. Монография публикуется в авторской редакции.

Фрэнк Р. Успех и удача. Фактор везения и миф меритократии / Роберт Фрэнк; пер. с англ. под науч. ред. А. Смирнова. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. — 224 с. — (Экономическая теория). — ISBN 978-5-7598-1785-7. — doi: 10.17323/978-5-7598-1785-7

Один из наиболее известных современных специалистов по поведенческой экономике Роберт Фрэнк дает ответ на вопрос о важности удачи для

экономического успеха, объясняет, почему состоятельные люди недооценивают роль удачи в успехе и почему это вредно для всех, включая самих богатых. Он описывает, как в мире, где всё больше доминируют рынки, на которых победитель получает всё, шансы (использованные и упущенные) и различия, несущественные на старте, в дальнейшем нередко оборачиваются значительным разрывом в доходах; как ложные представления об удаче сохраняются, несмотря на убедительные свидетельства против них; наконец, как мифы об успехе и удаче становятся причиной пагубных личных и политических решений.

Книга адресована социологам, экономистам, социальным психологам и специалистам по поведенческой экономике.

Памятные и знаменательные даты в апреле — июне 2019 г.

Memorable and Remarkable Dates, April to June 2019

2 апреля — День единения народов.

18 апреля — День воинской славы России. 777 лет со дня победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями в битве на Чудском озере (Ледовое побоище, 1242 г.).

21 апреля — День местного самоуправления.

22 апреля — 295 лет со дня рождения Иммануила Канта (1724—1804), немецкого философа, родоначальника немецкой классической философии.

23 апреля — Всемирный день книги и защиты авторского права.

1 мая — День весны и труда.

2 мая — 500 лет со дня смерти Леонардо да Винчи (1452—1519), итальянского живописца, скульптора, архитектора, инженера и философа, «универсального человека» эпохи Возрождения.

3 мая — Всемирный день свободы печати.

8 мая — 275 лет со дня рождения Н. И. Новикова (1744—1818), русского просветителя, книгоиздателя и публициста.

9 мая — День воинской славы России. День Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

21 мая — Всемирный день культурного разнообразия во имя диалога и развития.

24 мая — День славянской письменности и культуры.

1 июня — Международный день защиты детей.

6 июня — Пушкинский день России. 220 лет со дня рождения русского поэта и писателя А. С. Пушкина (1799—1837).

7 июня — 225 лет со дня рождения П. Я. Чаадаева (1794—1856), русского философа и публициста.

12 июня — День России.

28 июня — 100 лет Версальскому мирному договору (1919 г.).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 экземпляра номера, в котором будет опубликована его статья.

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ! Статьи принимаются в редакцию только при наличии договора о передаче авторского права.

Научный журнал «**Экономические и социально-гуманитарные исследования**» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Верстка журнала осуществляется в издательской системе, функционирующей в сети IBM-совместимых компьютеров. Журнал имеет формат А4 и изготавливается по технологии цифровой печати.

В редакцию предоставляются:

1) текст статьи, включая аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список, список авторов и сведения о них, подготовленный на компьютере и распечатанный на лазерном принтере на белой бумаге формата А4 с четким и ясным шрифтом;

2) электронный вариант статьи на лазерном диске или USB-флеш-накопителе, подготовленный на IBM PC в формате MS Word for Windows (для иногородних авторов допускается передача электронного варианта статьи по e-mail);

3) экспертное заключение, рекомендации кафедры, сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций);

4) лицензионный договор о передаче авторского права в 2 экземплярах.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Оrientировочный объем публикаций: для статьи — не менее 10 страниц текста и 5 рисунков, для краткого сообщения — до 6 страниц текста и 2 рисунка.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; краткая (но не менее 500 знаков, считая пробелы) аннотация на русском языке; ключевые слова. Далее следует текст статьи.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Внимание! Редакция должна быть уверена, что ни представленная работа, ни ее части не были ранее опубликованы и не находятся на рассмотрении в других изданиях. Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат».

Аннотация (предоставляется на русском и английском языках) должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др.

Ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках) отделяются друг от друга точкой с запятой.

Текст печатается через полтора интервала с размером шрифта не менее стандартного машинописного (Times New Roman, кегль 13). Абзацы отделяются друг от друга одним маркером конца абзаца (применение этого символа в других целях не допускается), ширина отступа (1,25 см) устанавливается в меню Word **Формат** → **Абзац**; набор текста начинается с левого края; по правому краю текст не выравнивается; текст набирается без переносов. Все слова внутри абзаца разделяются только пробелом. Перед знаками препинания пробелы не ставятся, после них — один пробел. Не допускается применение разрядки, псевдографики, а также стилей.

В рукописи должна быть **сквозная нумерация** страниц, рисунков и таблиц.

Рисунки (максимальный размер 13 × 21 см, размер шрифта не менее 9) должны быть черно-белыми, контрастными, читабельными. Каждый рисунок должен иметь подпись. На все рисунки должны быть ссылки по тексту.

Векторные рисунки предоставляются в форматах EPS или CDR (версии не выше Adobe Illustrator CS5, CorelDRAW X3). Текст и линии на рисунке должны быть редактируемыми (текст не «в кривых»).

Полутоновые рисунки (фотографии) принимаются только в градациях серого, могут быть предоставлены в формате TIFF (без компрессии) или в виде оттиска на матовой бумаге (предпочтительный формат 9 × 12). Использование MS Word не допускается.

Бумажные оттиски рисунков должны быть пронумерованы и подписаны (на обороте каждого рисунка разборчиво написать порядковый номер, фамилию и инициалы автора). На иллюстрациях, по внешнему виду которых трудно или невозможно определить их расположение, следует сделать пометки «верх» и «низ».

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера, на каждую из них в тексте должна быть ссылка.

Для **форматирования текста** не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—).

Для математических и химических **формул** следует выбирать шрифт 11 кегля. Пронумерованные формулы (нумеруются только те, на которые есть ссылки в тексте) выносятся отдельной строкой и располагаются по центру. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов, математические функции $\lim$, $\lg$, $\ln$, $\arg$, const , $\min$, $\max$ и т. д., а также названия химических элементов — прямым шрифтом. Подстрочные и надстрочные индексы должны стоять строго на своих местах и быть размечены (подстрочные помечаются дугой сверху, надстрочные — снизу). Символ не должен сливаться с надсимвольным элементом.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо давать их расшифровку.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы оформляется в порядке ссылок на нее по тексту. Рекомендуются использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

— для **книг**: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;

— для **периодических изданий**: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;

— для **материалов конференций, школ, семинаров**: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;

— для **электронных ресурсов**: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

— информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;

— e-mail для публикации в Интернете.

Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно по каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» в любом отделении Почты России

Этические нормы публикационного процесса

Редакционный совет и главный редактор научного журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» (ЭСГИ) придерживаются принятых международным сообществом принципов публикационной этики, отраженных, в частности, в рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (*Committee on Publication Ethics, COPE*), Совета по этике Ассоциации научных редакторов и издателей, а также учитывают ценный опыт авторитетных международных журналов и издательств.

Во избежание недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиат, изложение недостоверных сведений и др.), в целях обеспечения высокого качества научных публикаций, признания общественностью полученных автором научных результатов, каждый член редакционного совета, автор, рецензент, издатель, а также учреждения, участвующие в издательском процессе, обязаны соблюдать этические стандарты, нормы и правила и принимать все разумные меры для предотвращения их нарушений. Соблюдение правил этики научных публикаций всеми участниками этого процесса способствует обеспечению прав авторов на интеллектуальную собственность, повышению качества издания и исключению возможности неправомерного использования авторских материалов в интересах отдельных лиц.

Редакция оставляет за собой право отклонить публикацию статьи в случае нарушения указанных ниже правил.

Принципы, которыми должен руководствоваться автор научных публикаций

Автор (или коллектив авторов) осознает, что несет первоначальную ответственность за новизну и достоверность результатов научного исследования, что предполагает соблюдение следующих принципов:

- авторы статьи должны предоставлять достоверные результаты проведенных исследований; заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы;
- авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в предоставленной рукописи, полностью оригинальны, при этом заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника, а чрезмерные заимствования, так же как плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы;

— необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования — в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования;

— авторы не должны предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале;

— качестве соавторов статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования, при этом среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании;

— если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Нарушения публикационной этики

При возникновении ситуации, связанной с нарушением публикационной этики со стороны редактора, автора или рецензента, требуется обязательное расследование. Это распространяется как на опубликованные, так и неопубликованные материалы. Редакционный совет обязан потребовать разъяснения без привлечения лиц, которые могут иметь конфликт интересов с одной из сторон.

Редакция журнала ЭСГИ защищает репутацию авторов и внимательно относится ко всем случаям обнаружения плагиата в статьях. В целях обеспечения объективности редакция тщательно исследует каждый случай и рассматривает аргументы всех заинтересованных сторон.

Прежде чем предпринимать дальнейшие действия, редакционный совет стремится получить максимально точную информацию у авторов спорной публикации или владельцев авторских прав и изучает ее. Решение редакции беспристрастно, объективно и не зависит от третьих лиц.

Редакция журнала ЭСГИ оставляет за собой право не реагировать на обвинения в плагиате, если обвинитель предоставляет недостоверную персональную информацию либо действует в неэтичной или угрожающей форме. Редакция не обязана выносить на обсуждение случаи предполагаемого плагиата с лицами, не имеющими к нему прямого отношения.

Ethical Norms of Publishing

Editorial Board and Editor-in-Chief of the journal *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* (ESGI) are committed to publication ethics principles adopted by international community, notably presented in Guidelines of Committee on Publication Ethics, COPE and of Russian Association of Science Editors and Publishers' Ethics Board; they also take advantage of valuable experience of respected international journals and publishing houses.

In order to avoid unfair practice in publication activities (plagiarism, statement of unreliable information etc.) and to ensure high quality of scientific publications and recognition of authors' scientific results by the public, each member of Editorial Board, author, reviewer, editor, and each of organizations participating in publishing process must observe ethical standards, norms and rules and take all reasonable measures to prevent their violation. The observance of scientific publication's ethical rules by all participants of this process contributes to assurance of authors' intellectual property right, to improvement of publications' quality and eliminates the possibility of author's materials unlawful use for the convenience of particular persons.

Editorial team reserves the right to decide against publication of a paper in the event that below-specified rules are violated.

Principles to which the science publication author should comply

Author (or group of authors) is / are aware of his / her / their primary responsibility for novel nature and reliability of scholarly results, which is premised on the observance of following principles:

- the authors of a paper must provide reliable results of undertaken study; demonstrably wrong or fabricated statements are unacceptable;
- the authors must guarantee full originality of research results stated in the manuscript they provide, it being understood that borrowed fragments or statements must be presented as citations, with obligatory reference to primary author(s) and source, while excess borrowing, as well as any form of plagiarism, including text copying without source attribution, text recycling or misappropriation of other's research results, are unethical and unacceptable;

- the contributorship of all persons who influenced in some way or other the study progress, must be acknowledged; notably, the paper must contain references to works relevant to the pursuance of research;

- the authors must not provide to the journal a manuscript sent to another journal and being under consideration there nor a paper already published in another journal;

- all persons who contributed considerably to the pursuance of research must be listed as paper's co-authors, with that it is unacceptable to list among co-authors the persons who did not participate in the research;

- if the author detects significant errors or inaccuracies in the paper on the stage of its consideration or after its publication, he / she must notify the editorial team of that as soon as possible.

Publication ethics violations

Should there be situation related to publication ethics violation on the part of editor, author or reviewer, mandatory investigation is required. This is applicable to published as well as unpublished materials. Editorial Board must require explanation with no involvement of persons who might have conflict of interest with either party.

The ESGI journal editorial team protects authors' reputation and is attentive to all cases of plagiarism detection in the papers. For the sake of objectivity the editorial team investigates thoroughly each case and considers the reasons of all parties involved.

Before taking any future action the Editorial Board endeavors to obtain the most accurate information possible from the authors of publication at issue or from copyright holder and studies it. Editorial team's judgment is impartial, objective and not influenced by third parties.

The ESGI journal editorial team reserves the right to be without responding to plagiarism claims if the accuser provides unreliable personal information or acts in unethical or threatening way. Editorial team has no obligation to submit for discussion the cases of supposed plagiarism with persons not having a direct relationship to it.